
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**LINGUISTICS & POLYGLOT
STUDIES**
VOLUME 10, No.2 (2024)

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО**
ТОМ 10, №2 (2024)

Издательство
«МГИМО-Университет»
2024

LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

The journal *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* is an international peer-reviewed journal publishing research in linguistics, polyglottery and related fields.

The aims of the journal are:

- promoting international scholarly communication and discussion of ideas and findings in the field of linguistics, cross-cultural communication, translation studies, literature studies, methodology of foreign language teaching and related disciplines;
- developing an international platform for publication of research papers and conference proceedings in the field of polyglottery;
- publishing results of original interdisciplinary research.

The *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* focuses primarily on the following themes: linguistics, cross-cultural communication, sociolinguistics, cognitive linguistics, translation studies, pragmatics, discourse analysis, literature and culture studies, polyglottery and innovative methods of foreign language learning/teaching. It also publishes book and thesis reviews, literature overviews and conference reports.

Indexed / abstracted in RSCI, RSL, CrossRef, EBSCO Academic Research, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Library of Congress, WorldCat, Lens.org., Mendeley.

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Japanese, Arabic and Hindi.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Address: 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

MGIMO University

Tel.: +7 495 225-3857

Email: philnauki@inno.mgimo.ru

Web site: philnauki.mgimo.ru

Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО, Volume 10, No. 2. (Editor-in-chief V. Iovenko). – Moscow: MGIMO-University, 2024. – 181 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО / LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

Журнал *Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies* является международным журналом с двойным слепым рецензированием, публикующим научные статьи в области лингвистики, полиглотики и связанных с ними дисциплин.

Основные цели журнала:

- освещение результатов исследований и обмен опытом, идеями и научными открытиями в области лингвистики, литературоведения и межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, методики обучения иностранным языкам и смежных с ними дисциплин;
- создание международной платформы для публикации научных исследований и материалов конференций в области изучения теории полиглотики и практики ее применения;
- публикация результатов оригинальных исследований междисциплинарного характера.

Основные рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация, социолингвистика и когнитивная лингвистика, переводоведение, прагматика и дискурсивный анализ, литературоведение и лингвокультурология, полиглотия, инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков, рецензии и научные обзоры.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ:

группы специальностей:

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования;
- 5.9.2. Литературы народов мира.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), elibrary, РГБ, CrossRef, EBSCO Academic Search; Ulrich's Periodicals Directory (Cambridge Information Group); Google Scholar, Library of Congress, World Cat, Lens.org, Соционет, Mendeley.

Периодичность: четыре номера в год.

Языки: русский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, китайский, японский, арабский и хинди.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

Публикация статей в журнале осуществляется бесплатно.

Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, МГИМО МИД России

Тел.: +7 (495) 225-38-57

E-mail: philnauki@inno.mgimo.ru

Интернет-сайт: philnauki.mgimo.ru

Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies: Журнал. Том 10. №2. / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2024. – 181 с.

Научное издание

Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies. Том 10. №2.

Корректурa: Т.А. Ивушкина, Г.А. Казаков

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 18.06.2024 г. Формат 60x84¹/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 22,62. Тираж 500 экз. Заказ № 767.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России: 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Valery A. Iovenko, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Spanish Language Department, MGIMO University, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergei V. Evteev, Candidate of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO-University, Russia

ACADEMIC EDITOR

Tatiana A. Ivushkina, Doctor of Philology, Professor, Chair of English Department №3, MGIMO University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Grigory A. Kazakov, Candidate of Philology, PhD, Associate Professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

Alexey N. Aleksakhin, Doctor of Philology, Professor at Department of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai, MGIMO University, Russia

Pavel V. Balditsin, Doctor of Philology, Head of the Department of Medialinguistics, Moscow State University, Russia

Olga S. Chesnokova, Doctor of Philology, professor at Foreign Languages Department, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia, Russia

Elena L. Gladkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Indo-Iranian and African languages, MGIMO University, Russia

Ekaterina E. Golubkova, Doctor of Philology, Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University, Russia

Tatiana M. Gurevich, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philology, Professor at the Department of Japanese, Korean and Indonesian Languages, MGIMO University, Russia

Nikolai V. Ivanov, Doctor of Philology, Professor, Head of Romance Languages, MGIMO University, Russia

Kitabayashi Hikaru, PhD, Professor Emeritus of Daito Bunka University, Japan

Marina P. Kizima, Doctor of Philology, Professor at Department of World Literature and Culture, MGIMO University, Russia

Lidiya P. Kostikova, Doctor of Pedagogy, Ryazan State University, Russia

Natalia V. Loseva, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor at Department of French, MGIMO University, Russia

Natalia N. Nizhneva, Doctor of Pedagogy, Belarusian State University, Belarus

Evgenia V. Ponomarenko, Doctor of Philology, Professor, Professor at English Department №5, MGIMO University, Russia

Elena M. Pozdniakova, Doctor of Philology, Professor, Professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

Maria M. Repenkova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of Asia and Africa, Moscow State University, Russia

Nabati Shahram, Doctor of Philology, Head of the Russian Language Department at Gilan University, Islamic Republic of Iran

Andrei V. Shtanov, Candidate of Philology, Head of Near and Middle East Languages Department, MGIMO University, Russia

Elvira L. Shubina, Doctor of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO University, Russia

Lyudmila Smirnova, PhD, Professor of Education, Mount Saint Mary College in Newburgh, USA

Svetlana Grigoryevna Ter-Minasova, Doctor of Philology, President of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University, Russia

Elena Y. Varlamova, Doctor of Pedagogy, Moscow Aviation Institute, Russia

Elena V. Voevoda, Doctor of Pedagogy, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Elena B. Yastrebova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, professor at English Department №1, MGIMO University, Russia

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Иовенко Валерий Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Евтеев Сергей Валентинович – к.филол. н., доцент, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ивушкина Татьяна Александровна – д.филол. н., проф., заведующий кафедрой английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Казаков Григорий Александрович – к.филол.н., PhD, доцент кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Алексахин Алексей Николаевич – д.филол.н., профессор, проф. кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Балдицын Павел Вячеславович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Варламова Елена Юрьевна – д.пед.н., доцент, проф. кафедры И-12 «Лингвистика и переводоведение» МАИ, (Россия, Москва)

Воевода Елена Владимировна – д.пед. н., профессор, профессор кафедры педагогической культуры и управления в образовании, профессор кафедры английского языка №2 МГИМО МИД России, (Россия, Москва)

Гладкова Елена Львовна – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Гуревич Татьяна Михайловна – д.культурологии, к.филол.н., доцент, проф. кафедры японского, корейского и индонезийского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Иванов Николай Викторович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Кизима Марина Прокофьевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Китабаяси Хикару – PhD, заслуженный профессор Университета Дайто-Бунка, Япония, Токио;

Костикова Лидия Петровна – д.пед.н., профессор кафедры иностранных языков института истории, философии и политических наук РГУ им. С.А. Есенина, (Россия, Рязань)

Лосева Наталья Владимировна – к.филол.наук, доцент, проф. кафедры французского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Набати Шахрам – д.филол.н., заведующий кафедрой русского языка Гилянского университета (ИРИ, Решт)

Нижнева Наталья Николаевна – академик Международной академии наук педагогического образования, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, д.пед.н., профессор кафедры английского языкознания БГУ (Белоруссия, Минск)

Позднякова Елена Михайловна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Пономаренко Евгения Витальевна – д. филол. н., профессор, профессор кафедры английского языка №5 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Репенкова Мария Михайловна – д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Смирнова Людмила – PhD, профессор педагогики, колледж Маунт-Сент-Мэри (США, Нью-Йорк)

Тер-Минасова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова

Чеснокова Ольга Станиславовна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва)

Штанов Андрей Владимирович – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Шубина Эльвира Леонидовна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Ястребова Елена Борисовна – к.пед.н., доцент, проф. кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Distribution of rhythmic groups in the paradigm of gender and type of speech activity.....	8
<i>Andrey S. Bankov</i>	
The syntactic position of the “people” in the political discourse of left and right populism (NLP-Based syntactic analysis experience).....	23
<i>Alexander E. Galochkin</i>	
The church lexicon as a lexical category	38
<i>Nikita S. Makarov</i>	
On language development in the times of screen addiction (based on English neologisms)	50
<i>Elena M. Nikolaenko, Irina A. Shevelyova</i>	
The communicative and pragmatic potential of German traditional and modified phraseological units.....	65
<i>Tatyana A. Pugacheva</i>	
Tendencies in the development of terminology: green economy and sustainable financing (based on English and Russian)	78
<i>Tatiana A. Sinehnikova, Nataliya A. Lavrova</i>	
Ideologeme “REVOLUCIÓN” in the political discourse of Spanish Carlism.....	99
<i>Andrei A. Tereshchuk, Nadezhda I. Grigorchenkova</i>	

TRANSLATION STUDIES

Ontological and philosophical basis of casual status of ethnopsychological idiosyncrasy in translation/interpretation	112
<i>Valery A. Iovenko</i>	

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENCE APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Getting a handle on Hansard with Python and NLTK, or how to tame the linguistic picture of British politics with NLP	125
<i>Sergey N. Gagarin</i>	
Innovative methodology for teaching English using the online-platform Youghish and the Alias format (based on interdisciplinary neologisms in the field of digital healthcare).....	141
<i>Kristina V. Rakova</i>	

LITERATURE AND CULTURE STUDIES

English as a ‘local’ language in Russia: the practice of meaning-making in in-group communication	154
<i>Elena S. Gritsenko, Alexandra O. Laletina</i>	
Emotional and psychological aspect of cross-cultural communication with the Japanese	166
<i>Natalya V. Razdorskaya</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Дистрибуция ритмических групп в парадигме гендера и вида речевой деятельности	8
<i>Банков А.С.</i>	
Синтаксическая позиция «народа» в политическом дискурсе левого и правого популизма (опыт синтаксического анализа на основе NLP)	23
<i>Галочкин А.Е.</i>	
Церковная лексика как лексическая категория	38
<i>Макаров Н.С.</i>	
О развитии языка в эпоху экранной зависимости (на материале английских неологизмов)	50
<i>Николаенко Е.М., Шевелева И.А.</i>	
Коммуникативно-прагматический потенциал немецких традиционных и модифицированных фразеологизмов	65
<i>Пугачева Т.А.</i>	
Тенденции развития терминологии в области зелёной экономики и устойчивого финансирования (на материале английского и русского языков)	78
<i>Синельникова Т.А., Лаврова Н.А.</i>	
Идеологема «REVOLUCIÓN» в политическом дискурсе испанского карлизма.	99
<i>Терещук А.А., Григорченкова Н.И.</i>	

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Bases ontológicas y filosóficas del estatus causal de la idiosincrasia étnica y psicológica en la traducción/interpretación	112
<i>Valery A. Iovenko</i>	

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Базовые методики анализа языковых картин политики с помощью языка программирования Python и библиотеки NLTK (на материалах корпусов британского парламентского дискурса)	125
<i>Гагарин С.Н.</i>	
Инновационная методика преподавания английского языка с использованием онлайн-платформы Youglish и формата игры «Скажи иначе» (на примере междисциплинарных неологизмов в сфере цифрового здравоохранения)	141
<i>Ракова К.В.</i>	

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Английский язык как элемент локальных речевых практик внутригруппового общения в России.	154
<i>Гриценко Е.С., Лалетина А.О.</i>	
Эмоционально-психологический аспект кросс-культурной коммуникации с японцами	166
<i>Раздорская Н.В.</i>	

DISTRIBUTION OF RHYTHMIC GROUPS IN THE PARADIGM OF GENDER AND TYPE OF SPEECH ACTIVITY

Andrey S. Bankov

MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. This article describes the major results of exploring the contemporary American English particulars of rhythmical groups' structural types quantity distribution as observed in the course of impromptu speaking and compared with extemporaneous reading, subject to the speaker's gender. A number of specific features relating both to gender and oral speech production form are discussed. It was found that when switching to impromptu speaking both gender groups show an increase in the number of rhythmical groups of all structural types, however, the specificities of such an increase are different in either group. Women showcase an approximately twofold total gain in the number of rhythmical groups than men. Against the background of the general increase in the number of rhythmical groups of all structural types in a phrase, the Stress Rhythmical Group's percentage share dynamics in the total gain turned out negative being the only negative indicator for men. With women the negative percentage share dynamics in the total gain is observed in rhythmical groups of two structural types: the Stress and the Proclitico-Enclitic ones. It is noteworthy that both gender groups attest to the same value of the aggregated negative percentage share dynamics in the total gain in the number of rhythmical groups which is equal to -0.8%. The major driving force of the gain in the total number of rhythmical groups is the Enclitic type. However, women evince an approximately 1.5 times greater percentage share dynamics in the gain of the Enclitic rhythmical group than men. Men compensate the reduced Enclitic rhythmical group gain percentage share dynamics by an increase of the indicator in such types as Proclitic and Proclitico-Enclitic. The most rigid structural type of rhythmical groups for women is the Proclitic one, it is also the least numerous for both genders. However, with men, the Proclitic rhythmical group is as agile as the Proclitico-Enclitic one provided, when the latter can be observed almost four times more often than the former. The author makes a number of assumptions and develops several hypotheses about the reasons for these observations, as well as draws possible perspectives for further studies.

Keywords: syllable rhythm, prosody, rhythmical group, gender, extemporaneous reading out loud, impromptu speaking, American English, speech production

For citation: Bankov A.S. (2024). Syntagmatics of rhythmic groups in the paradigm of gender and type of speech activity. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(2), pp. 8–22. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-8-22>

ДИСТРИБУЦИЯ РИТМИЧЕСКИХ ГРУПП В ПАРАДИГМЕ ГЕНДЕРА И ВИДА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.С. Банков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье описаны основные результаты исследования особенностей количественного распределения структурных типов ритмических групп у мужчин и женщин при спонтанном говорении в сравнении с неподготовленным чтением вслух в современном американском варианте английского языка. Установлен ряд особенностей, относящихся как к гендеру, так и к виду речевой деятельности. Обнаружено, что в обеих группах при переходе к спонтанному говорению наблюдается прирост количества ритмических групп всех типов, однако характер этого прироста в каждой группе имеет ряд особенностей. У женщин почти в два раза больший суммарный прирост числа ритмических групп, чем у мужчин. У мужчин на фоне общего роста числа всех типов ритмических групп во фразе динамика доли ударных ритмических групп в структуре общего роста оказалась отрицательной, став единственным отрицательным показателем в данной группе респондентов. У женщин отрицательная динамика процентной доли в структуре роста всего массива ритмических групп при переходе к спонтанному говорению наблюдается в двух типах ритмических групп: ударной и проклитико-энклитической. Примечательно, что в каждой гендерной группе суммарная отрицательная динамика в структуре роста общего количества ритмических групп составила одинаковую величину: -0,8%. Главной движущей силой роста массива ритмических групп является энклитическая ритмическая группа. Однако у женщин динамика доли прироста ритмической группы данного типа почти в 1,5 раза выше, чем у мужчин. Сниженная по сравнению с женщинами динамика роста энклитических групп у мужчин компенсируется повышенной динамикой проклитических и проклитико-энклитических групп. Наименее подвижной ритмической группой у женщин является проклитическая, она же и наименее многочисленная в обеих гендерных группах. Однако у мужчин проклитическая ритмическая группа оказалась такой же подвижной, как и проклитико-энклитическая, при том, что последняя встречается почти в четыре раза чаще. Выдвинуто несколько предположений и гипотез о причинах наблюдаемых явлений и высказаны соображения о перспективах исследования.

Ключевые слова: слоговый ритм, просодия, ритмическая группа, гендер, неподготовленное чтение вслух, спонтанное говорение

Для цитирования: Банков А.С. (2024). Синтагматика ритмических групп в парадигме гендера и вида речевой деятельности. *Филологические науки в МГИМО*. 10(2), С. 8–22. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-8-22>

Введение / Introduction

Известно, что ритм как элемент просодии может выполнять социолингвистические функции: иногда самостоятельно, но чаще в совокупности и взаимодействии с другими компонентами просодии (такими как паузация, темп, мелодика, тембр), быть маркером социальных и индивидуальных характеристик [1], [6], [7], [9], [10], [12], [13], [14], [17], [18], [19], [21], [24]. При применении акустических методов исследования ритм обычно рассматривают как нарушенную или ненарушенную изохронность возникновения ударных слогов среди безударных в речевом потоке. При анализе ритма через призму аудитивных методов зачастую рассматривают ритмические группы в их парадигматическом и синтагматическом аспектах [3], [4], [6], [7], [9], [11], [14], [15], [16], [19], [20], [22], [23]. При этом ритмической группой (далее РГ) принято считать скопление слогов, в составе которого есть один ударный слог и, как правило, один или несколько безударных, которые примыкают к нему слева или справа [5], [6], [7], [9], [12], [13], [14], [15], [21], [22]. Правила выделения РГ построены на понимании слога как аудитивно-функциональной единицы и не привязываются строго к акустическим параметрам. Описываемое исследование является третьим этапом изучения воздействия гендерного фактора говорящего на слоговой ритм произносимой фразы. Предыдущие два этапа – парадигматический и синтагматический аспекты при неподготовленном чтении вслух описаны в более ранних публикациях автора [3], [4]. В ходе предыдущих двух этапов, сконцентрированных на неподготовленном чтении вслух, было установлено, что воздействие гендера на ритмическую организацию фразы незначительно, так как сам рассматривавшийся вид речевой деятельности, являясь преимущественно прескрептивным по своей сути, не позволял участникам фонетического эксперимента значительно изменять свой слоговой ритм по сравнению с нормативным произнесением представленного текста. Тем не менее, были обнаружены некоторые неочевидные, но устойчивые различия между мужской и женской реализацией такого «статичного» вида речевой деятельности, как неподготовленное чтение вслух. Основной гипотезой настоящего этапа является предположение о том, что при спонтанном говорении различия проявятся ярче, чем при неподготовленном чтении вслух, так как в спонтанной речи говорящий мало ограничен в средствах выражения, в том числе и просодических [5]. Кроме того, сравнивая результаты, полученные на двух видах речевой деятельности, можно сделать выводы (и построить гипотезы) о самих этих видах речевой деятельности.

Список сокращений, используемых далее в тексте:

- РГ – ритмическая группа;
- УРГ – ударная ритмическая группа;
- ПРГ – проклитическая ритмическая группа;
- ПЭРГ – проклитико-энклитическая ритмическая группа;
- ЭРГ – энклитическая ритмическая группа;
- ВРД – вид речевой деятельности;
- НЧВ – неподготовленное чтение вслух;
- СГ – спонтанное говорение;
- μ – среднее арифметическое значение.

Материалы и методология / Materials & Methodology

Подробное описание критериев выделения ритмических групп (РГ) в потоке речи на основе понимания слога как аудитивно-функциональной единицы, а также критериев для классификации РГ в соответствии с их парадигматическими свойствами по четырём критериям – 1) структурный тип, 2) количество безударных, 3) тип ударения группообразующего слога, 4) позиция РГ во фразе и синтагме – представлено автором в статье «Аудитивное исследование гендерного фактора во фразовом ритме при неподготовленном чтении вслух (парадигматический аспект)» [3].

Для целей настоящей статьи приводим лишь краткое содержание первого критерия (из ранее обозначенных четырёх) – структурный тип РГ, который зависит от позиции безударных слогов относительно ударного. Предлагаем выделять четыре таких типа: 1) ударная ритмическая группа (далее УРГ) – состоит лишь из одного ударного слога; 2) проклитическая ритмическая группа (далее ПРГ) – состоит из ударного слога и одного или нескольких безударных слогов, примыкающих к нему слева, то есть предшествующих ему (проклитиков); 3) энклитическая ритмическая группа (далее ЭРГ) – состоит из ударного слога и одного или нескольких безударных слогов, примыкающих к нему справа, то есть следующих за ним (энклитиков); 4) проклитико-энклитическая ритмическая группа (далее ПЭРГ) – состоит из ударного слога и безударных слогов, которые примыкают к нему как слева, так и справа, то есть как предшествуют ему, так и следуют за ним. ПЭРГ встречаются в начальной позиции фраз и синтагм, а также в тех случаях, когда такая РГ совпадает с целой синтагмой или фразой. Применив данную классификацию к репрезентативной выборке, получаем множества РГ, распределённых по группам информантов и видам речевой деятельности.

Из статистического аппарата для обработки полученных данных применялись меры центральной тенденции (среднее арифметическое), меры вариативности (отклонения от среднего, дисперсия) и теория вероятности.

Экспериментальным материалом послужили аудиозаписи речевых произведений семи женщин и семи мужчин со следующими социальными параметрами:

- а) являются носителями американского варианта английского языка;
- б) не имеют диалектных особенностей в произношении;
- в) имеют высшее образование и относятся к категории верхнего среднего класса, следовательно, потенциально высокий уровень речевой культуры;

г) относятся к возрастной группе старшего среднего возраста по геронтологической классификации Гримма [8, с. 137], до сих пор широко применяемой в отечественной психологической науке и медицине, то есть мужчины в возрасте 36-60 лет, женщины – 36-55 лет. Данная возрастная группа белокожих жителей США составляла 29,4% населения по данным переписи населения, проведённой Федеральным бюро переписи населения США в 2000 году, – на момент проведения основного этапа исследования самые актуальные официальные сведения из опубликованных в открытом доступе.

Исследовательская задача была замаскирована под интервью на острую социальную проблему. Сначала информанты отвечали на заданные вопросы, потом без предварительной подготовки читали вслух предложенный текст (неподготовленное чтение вслух), после чего снова отвечали на вопросы, выражая своё мнение о прочитанном (спонтанное говорение). Для краткости вид речевой деятельности будем обозначать сокращением ВРД, неподготовленное чтение вслух – НЧВ, спонтанное говорение – СГ. Читаемый текст принадлежал публицистическому стилю, был нацелен на максимально широкий круг читателей и в целом по своим характеристикам (синтаксис, лексика и пр.) был приближен к устной речи, хотя и имел ряд особенностей, обусловленных задачами эксперимента (подробности см. ниже). Суммарная длительность аудиоматериала, вошедшего в репрезентативную выборку, составила около 250 минут.

Вопросы, заданные информантам перед прочтением текста:

1. How do you evaluate the work of authorities aimed at investigating and preventing crimes? / Do they do the right things or are they driven sidetracks at times?/
2. Does the justice system work all right? Are there any flaws?
3. Why do you think some people commit crimes?

Примеры ответов на некоторые из этих вопросов (особенности устной спонтанной речи сохранены):

Аллен (мужчина): «... The American justice system? Many flaws, many flaws. Like Susan said, if you have the money then the system works, if you don't have the money, you more likely end up paying for your crime. It's not corrupt. In America I think that's the way the system's set up that the way it works. Yeah, no corruption».

Арнетт (женщина): «Boy, it's a very general question. No doubts, I mean, everybody's got different reasons of, like, you know, crime of passion, some people are just born-in criminals. So, you know, I think there's a lot of reasons why people commit crimes».

Текст, предложенный для неподготовленного чтения вслух, содержал широкое разнообразие синтаксических структур для максимального охвата всевозможных вариантов их интонационного оформления. Полный объём текста составил 342 слова (1918 знаков с пробелами). Ниже представляем фрагмент этого текста:

«It is certainly true that crime is a problem that we should try to reduce as much as possible. The usual answer is to hire more cops and lawyers, and make jails more unpleasant. But will this be effective enough? We traditionally see the purpose of the justice system in punishing and preventing crime. Go sit in any courtroom for a day and see what cases are typically tried. The most common will be traffic and overdue library books cases! What do the police spend their time on? <...> Given this state of affairs, it's no wonder that lots of people with nothing else going for them are opting for crime as a career path. Thus, an effective way to fight crime would be providing more legal opportunities to those who are likely to resort to crime».

Вопросы, заданные после прочтения текста:

1. Has your opinion changed after reading this passage?
2. Do you agree with any of the statements you've just read? Why?
3. Can you think of any crime prevention measures other than stated in the article?

Примеры ответов на некоторые из этих вопросов:

Аллен (мужчина): «Yes, 'cause that's... In America, that's pretty much the way it is. The jails and everything do provide food... free shell... shelter and care. So, that's pretty much true».

Арнетт (женщина): «I'm sure some of them are true. You know, I don't think they hold truth for everything, but some of them are true, yeah. Well, I think people do cheat us, you know, they have nothing to loose, they don't have a..., you know, they... They commit crime and they're gonna be taken care of for the rest of the life depending on the crime».

Результаты / Results

При СГ как мужской, так и женский варианты употребления структурных типов РГ часто повторяют тенденции, описанные при НЧВ, но имеются и различия. Все наблюдаемые особенности распределения РГ по структурным типам в обоих ВРД приведены в таблице 1 ниже:

Таблица 1

Среднее количество РГ различных структурных типов в пересчёте на одну фразу и их процентное выражение, при НЧВ и СГ, а также изменения, произошедшие при переходе от НЧВ к СГ.

Тип РГ	фактические данные								сравнительная часть							
	неподготовленное чтение вслух (μНЧВ)				спонтанное говорение (μСГ)				изменение значений показателей при переходе от НЧВ к СГ (μСГ-μНЧВ)							
	мужчины		женщины		мужчины		женщины		мужчины				женщины			
	μ в 1 фразе	% от общ. к-ва РГ	μ в 1 фразе	% от общ. к-ва РГ	μ в 1 фразе	% от общ. к-ва РГ	μ в 1 фразе	% от общ. к-ва РГ	на μ в 1 фразе	на % от НЧВ	% от суммы изм. кол-ва РГ	динамика % доли общ. к-ва РГ	на μ в 1 фразе	на % от НЧВ	% от суммы изм. кол-ва РГ	динамика % доли общ. к-ва РГ
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
УРГ	1,79	24,12	2,17	27,86	1,84	23,32	2,39	27,50	0,05	2,79	10,64	-0,80	0,22	10,14	24,44	-0,35
ПРГ	0,33	4,45	0,42	5,39	0,36	4,56	0,47	5,41	0,03	9,09	6,38	0,11	0,05	11,90	5,56	0,02
ЭРГ	3,86	52,02	3,74	48,01	4,15	52,60	4,24	48,79	0,29	7,51	61,70	0,58	0,5	13,37	55,56	0,78
ПЭРГ	1,44	19,41	1,46	18,74	1,54	19,52	1,59	18,30	0,1	6,94	21,28	0,11	0,13	8,90	14,44	-0,45
Сумма	7,42	100	7,79	100	7,89	100	8,69	100	0,47	6,33	100	0,00	0,9	11,55	100	0,00

Где μ – среднее количество единиц.

В таблице 1 в столбцах с первого по восьмой отражены особенности распределения структурных типов РГ, выраженные как в абсолютных (количественных), так и относительных (процентных) значениях. Например, в столбцах 1, 3, 5 и 7 показано среднее количество РГ данного типа в одной фразе, встреченное как при НЧВ (столбцы 1 и 3), так и при СГ (столбцы 5 и 7). В строке «Сумма» указано суммарное количество РГ всех типов, встречаемое в одной фразе при реализации соответствующего ВРД. В столбцах 2, 4, 6, и 8 показано, сколько процентов от суммарного среднего количества РГ в одной фразе приходится на каждый тип РГ в каждом из рассматриваемых ВРД. Таким образом, столбцы с первого по восьмой содержат сведения о *наблюдаемых* явлениях, зарегистрированных в ходе обработки материалов фонетического эксперимента. Условно назовём эту часть таблицы (столбцы с 1 по 8) «фактической частью» или «фактическими данными».

Оставшаяся часть таблицы – столбцы с 9 по 16 – содержит *результаты сравнения* фактических данных по ВРД, то есть расчётные сведения, позволяющие обнаружить не столь очевидные особенности, которые могут быть недоступны непосредственному наблюдению при изолированном рассмотрении двух половин фактической части таблицы. Назовём эту часть таблицы (столбцы с 9 по 16) «расчётной частью» или «расчётными данными». В столбцах с 9 по 13 приведены результаты вычислений в мужской группе, соответственно, в столбцах с 14 по 16 – в женской.

В столбцах 9 и 13 приведены разности средних значений количества РГ на одну фразу при реализации СГ по сравнению с НЧВ, то есть результат разности, где $\mu_{СГ}$ – уменьшаемое, а $\mu_{НЧВ}$ – вычитаемое. Иными словами, в столбцах 9 и 13 в *абсолютном выражении* показано, на сколько единиц изменилось среднее количество РГ данного типа в одной фразе при реализации СГ по сравнению с НЧВ. Если величины в столбцах 9 и 13 положительные, то среднее количество РГ данного типа выросло, если отрицательные – уменьшилось; если нулевые, то изменений не произошло.

В столбцах 10 и 14 показаны изменения, отражённые в столбцах 9 и 13, но в относительном выражении, то есть в процентах. Числа в столбцах 10 и 14 показывают, на сколько процентов от среднего количества РГ данного типа, наблюдаемых при реализации НЧВ, изменилось среднее значение, отмечаемое при реализации СГ. При этом за 100% принимается среднее количество РГ данного типа, зарегистрированное при реализации НЧВ. Приведём пример: в ячейке, расположенной в 10 столбце строки «УРГ», приведено значение 2,79%, это означает, что рост среднего числа УРГ в одной фразе на 0,05 ед., наблюдаемый у мужчин при реализации СГ по сравнению с НЧВ (см. столбец 9), составляет 2,79% от величины, наблюдаемой при НЧВ (см. столбец 1), так как 1,84 УРГ на фразу, наблюдаемые при СГ (см. столбец 5), составляют 102,79% от количества УРГ при НЧВ (которые составляют 100% и равны 1,79 УРГ на фразу – см. столбец 1). Значение СГ минус значение НЧВ есть 102,79% минус 100%, что равно 2,79%. Увеличение среднего количества УРГ на одну фразу у мужчин на 0,05 ед., наблюдаемое при СГ по сравнению с НЧВ, соответствует росту на 2,79%. К слову, можно было бы поменять местами уменьшаемое и вычитаемое, тогда большинство значений таблицы оказались бы отрицательными и не столь удобными для восприятия.

В столбцах 11 и 15 показано, какую процентную долю в изменении количества РГ при переходе от НЧВ к СГ занимает каждый тип РГ. За 100% принимается суммарное значение прироста РГ всех типов, указанное в столбцах 9 и 13 строки «Сумма». Иными словами, в столбцах 11 и 15 показано, сколько процентов приходится на данный тип РГ в общей сумме изменений, происходящих при переходе от НЧВ к СГ в данной гендерной группе информантов, соответственно. Такое представление позволяет увидеть «структуру роста» и ответить на вопрос, какова степень участия РГ каждого типа в динамике значений при смене ВРД. Следует оговориться, что в данном контексте слово «рост» использовано исключительно для удобства восприятия, подразумевая, что он может быть и отрицательным.

В столбцах 12 и 16 отражено, в какую сторону (увеличение или уменьшение) и на какую конкретную величину изменилась процентная доля РГ данного типа в массиве РГ всех типов при реализации СГ (см. значения в столбцах 6 и 8) по сравнению со значениями, наблюдаемыми во время реализации НЧВ (см. значения в столбцах 2 и 4). Если значения в столбцах 12 и 16

положительные, то наблюдается рост процентной доли данного типа РГ в общем массиве РГ, если отрицательные – уменьшение. В рассматриваемых столбцах 12 и 16 значения в строке «Сумма» равны нулю в каждой группе респондентов. Такой результат ожидаем и указывает на то, что все расчётные данные таблицы корректны.

Анализ данных таблицы 1 по строкам позволит проследить, как меняются количественные характеристики каждого структурного типа РГ во фразе в зависимости от двух переменных: гендера и ВРД. Анализ данных по столбцам даст возможность получить представление о гендерно маркированных «профилях» структурных типов РГ во фразе как изолированно при реализации НЧВ и СГ, так и в сравнении с учётом обеих переменных (гендера и ВРД). В силу ограничений, налагаемых на повествование форматом научной статьи, в настоящей работе сфокусируемся на построчном анализе таблицы 1. Анализ по столбцам будет проведен в последующих публикациях.

Первым шагом рассмотрим суммарные показатели (строка «Сумма»). У мужчин суммарное количество РГ всех типов при смене ВРД увеличилось на 6,33%, что в абсолютных цифрах составляет 0,47 РГ в пересчёте на одну фразу. У женщин данный показатель оказался почти в два раза выше как в абсолютном, так и относительном выражении: 11,68% и 0,91 РГ на одну фразу. Диаграммы 1 и 2 ниже являются визуализациями значений в строке «Сумма» столбцы 9, 13 и 10, 14.

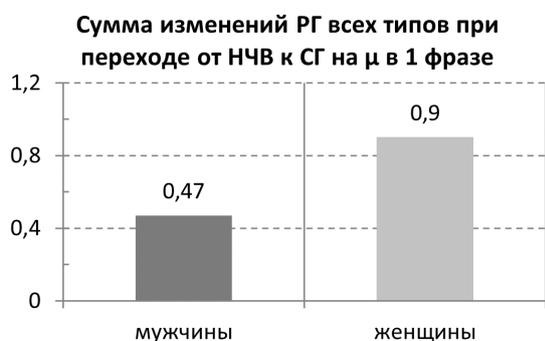

Диаграмма 1

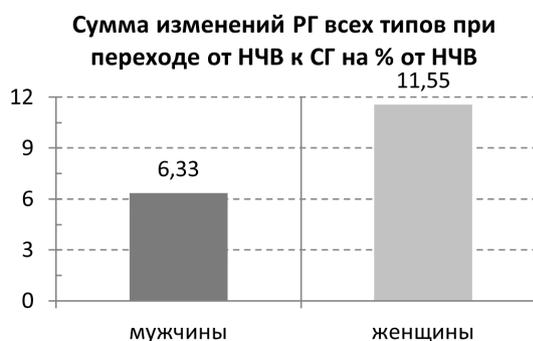

Диаграмма 2

Тем не менее, утверждать, что мужчины при СГ оказались *почти в два раза* более лаконичными по сравнению с женщинами в отрыве от результатов акустического анализа, данных об изменении темпа и подсчёта количества слов неоправданно, так как наблюдаемые изменения могут быть связаны как с ростом средней длительности одной фразы у женщин, возникающей в результате большей многословности при реализации СГ, так и с более дробным подходом к ритмизации речевого потока без увеличения количества слов. Таким образом, данная особенность требует дополнительных исследований и проверок.

Примечательно, что при сравнении значений столбцов фактической части таблицы как по суммарным показателям, так и по каждому структурному типу РГ не наблюдается снижений ни в абсолютном, ни, тем более, в относительном выражении. То есть информанты, независимо от своего гендера, при реализации СГ производят большее количество РГ, чем при НЧВ – это можно считать характерной особенностью СГ как ВРД. Вероятнее всего, это связано с особенностями спонтанного речемыслительного процесса: фальстарты, самоперебивы, повторы, hesitation, слова-паразиты и т.п. Интересно также, что все эти явления, влекущие увеличение количества слов и РГ, не компенсировались другими тенденциями устной спонтанной речи, сопряжёнными с уменьшением количества передаваемой вербальной информации: недосказанностью, умолчанием, жестикulyацией и мимикой и др.

Теперь рассмотрим особенности распределения структурных типов РГ. Начнём с УРГ (см. строку «УРГ» в таблице 1 выше). Диаграммы 3 и 4 являются визуализациями значений фактической части таблицы: диаграмма 3 отражает значения в столбцах 1, 3, 5 и 7; диаграмма 4 отражает значения в столбцах 2, 4, 6 и 8.

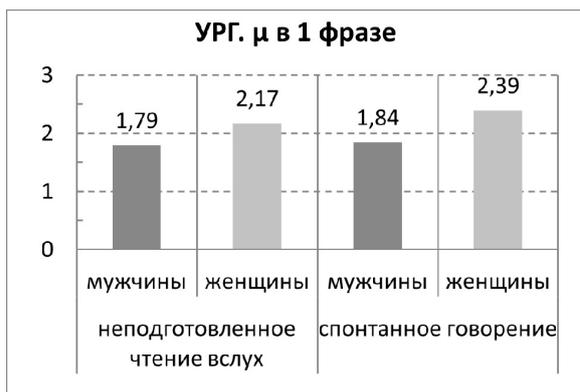

Диаграмма 3

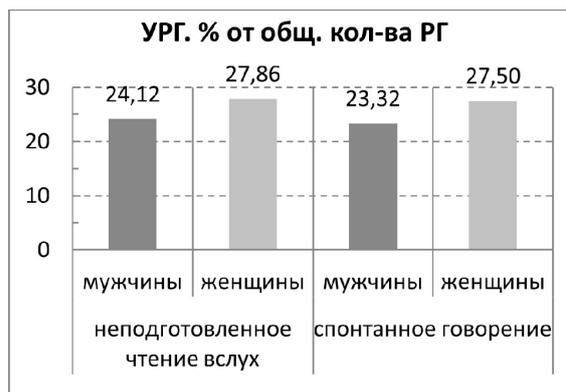

Диаграмма 4

В мужской реализации среднее количество УРГ на одну фразу при СГ выросло на 2,79% относительно значения, наблюдаемого при НЧВ. В абсолютном выражении это составляет прирост на 0,05 РГ на одну фразу. Тем не менее, представленность УРГ в массиве всех РГ при реализации СГ у мужчин снизилась на 0,8% и составила 23,3% против 24,1% при НЧВ. Таким образом, вместе с общим увеличением числа всех типов РГ при переходе от НЧВ к СГ, частотность употребления УРГ у мужчин снизилась. При этом УРГ – единственный тип РГ у мужчин, где наблюдается отрицательная динамика доли в общем массиве РГ. В остальных структурных типах при переходе от НЧВ к СГ динамика положительная. К слову, у женщин отрицательная динамика доли наблюдается в УРГ и ПЭРГ. Кроме того, у мужчин на УРГ приходится 10,64% в структуре роста количества РГ при переходе от НЧВ к СГ, что является третьим (предпоследним) по величине показателем (из четырёх) в данной группе информантов. Всё это намекает на то, что мужчины не часто используют УРГ (хотя ПРГ используют ещё реже) по сравнению с другими типами, то есть односложным знаменательным словам предпочитают двух и многосложные, особенно в спонтанной речи.

В женской реализации СГ среднее количество УРГ на одну фразу выросло на 10,14% по сравнению с НЧВ, что в абсолютном выражении составило прирост на 0,22 РГ на одну фразу. При СГ (аналогично мужчинам) у женщин наблюдается снижение представленности УРГ в общем массиве РГ: 27,47% при СГ против 27,86% при НЧВ. У женщин снижение почти в два раза менее значительное, чем у мужчин: -0,35% против -0,8%, соответственно. При этом, как сказано выше, у женщин снижение показателя наблюдается не только в УРГ, но и в ПЭРГ, причём суммарное снижение равно тем же -0,8% (-0,35% - 0,45% = -0,8%), наблюдаемым у мужчин в УРГ. Данное интересное наблюдение, а именно снижение доли каких-либо РГ суммарно на 0,8% в общем массиве всех типов РГ при СГ по сравнению с НЧВ, можно было бы считать характерным признаком СГ, отличающим его от НЧВ, однако данная гипотеза требует дальнейшей проверки на более широком фактическом материале, что представляет собой одну из перспектив дальнейших исследований.

В целом, на фоне роста общего количества РГ при переходе от НЧВ к СГ и даже общего увеличения числа УРГ в обеих группах респондентов наблюдается снижение доли УРГ в массиве РГ всех типов, что указывает на то, что «скорость» увеличения числа УРГ ниже, чем «скорость» увеличения количества РГ других типов. Таким образом, можно предположить, что при спонтанном говорении ударная ритмическая группа является менее многочисленной в принципе. Эта гипотеза также требует проверки на более широком фактическом материале. Кроме того, у женщин доля УРГ в структуре роста количества РГ при переходе от НЧВ к СГ составляет 24,44% и является вторым по величине показателем в группе, в отличие от мужчин, у которых она на третьем, предпоследнем, месте.

Далее рассмотрим ПРГ (см. строку «ПРГ» в таблице 1 выше). Диаграммы 5 и 6 являются визуализациями значений фактической части таблицы в строке «ПРГ»: диаграмма 5 отражает значения в столбцах 1, 3, 5 и 7; диаграмма 6 – значения в столбцах 2, 4, 6 и 8.

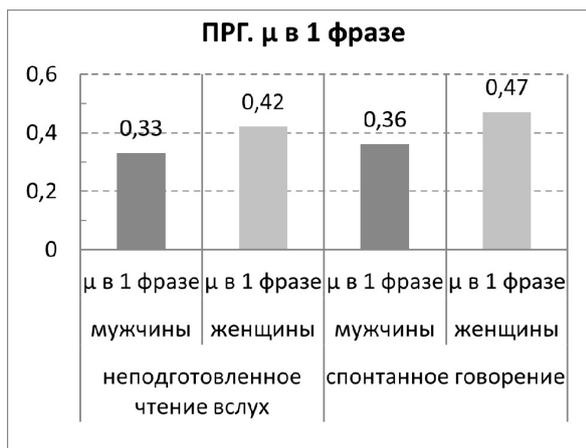

Диаграмма 5

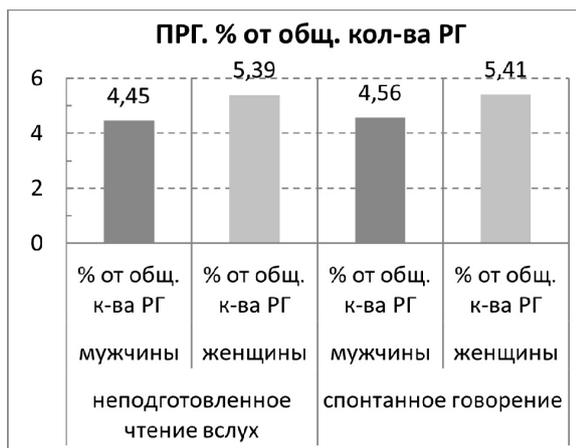

Диаграмма 6

У мужчин при СГ ПРГ не превышает значения в 4,56% или 0,36 РГ на фразу и 4,45% или 0,33 РГ на фразу при НЧВ. Иными словами, ПРГ у мужчин встречается примерно один раз в трёх фразах – самый низкий показатель в обоих ВРД. У женщин ситуация похожая с тем отличием, что в этой группе респондентов ПРГ встречается немного чаще: 0,42 раза в одной фразе при НЧВ и 0,47 раза при СГ, что составляет по 5,39% и 5,41%, соответственно. То есть одна ПРГ примерно на две-три фразы. При переходе от НЧВ к СГ среднее количество ПРГ у мужчин в пересчёте на одну фразу увеличилось на 0,03 – очень малая величина. Однако в процентном соотношении изменение составило 9,09%, что является максимальным показателем в данной категории у мужчин. Аналогичные показатели у женщин составили 0,05 и 11,9%, соответственно. Наблюдаем схожую тенденцию: крайне малая величина в абсолютном выражении и более впечатляющая в относительном, причём относительная величина занимает у женщин второе по величине место, уступая лишь ЭРГ.

Весьма интересно то, что процентная доля ПРГ в структуре роста количества РГ при переходе к СГ от НЧВ у мужчин составила 6,38%, а у женщин 5,56% – самые низкие величины среди РГ всех типов по данному показателю. Это говорит о том, что хотя при переходе от НЧВ к СГ количество РГ всех типов в обеих гендерных группах хоть и увеличивается, но рост происходит далеко не за счёт ПРГ. Учитывая, что тенденция обнаружена в обеих группах информантов, можно предположить, что она, скорее, характерна СГ как ВРД в целом.

Динамика доли ПРГ в массиве РГ всех типов у мужчин при переходе от НЧВ к СГ оказалась положительной и составила 0,11% (хотя и минимальный показатель, но такой же, как и у ПЭРГ), а у женщин 0,02% – значительно меньше (в пять раз), чем у мужчин и минимальный положительный показатель в своей группе. Это ещё раз доказывает, что изменения в представленности структурных типов РГ при переходе от НЧВ к СГ в обеих группах происходят, главным образом, не за счёт ПРГ.

Такие результаты наталкивают на гипотезу о том, что ПРГ – не только наименее частотная в английском языке в целом, но и (возможно в силу своей редкости) наиболее устойчивая РГ: если с ростом количества РГ всех типов во фразе число ПРГ остаётся примерно тем же, то есть не зависит ни от фактора смены ВРД, ни от такого фактора как гендер, значит, возможно, употребление ПРГ обуславливается, скорее языком, а не речью. Это предположение необходимо проверить на более обширном и разнообразном фактическом материале.

Перейдём к рассмотрению ЭРГ (см. строку «ЭРГ» в таблице 1 выше). Диаграммы 7 и 8 являются визуализациями значений фактической части таблицы в строке «ЭРГ»: диаграмма 7 отражает значения в столбцах 1, 3, 5 и 7; диаграмма 8 отражает значения в столбцах 2, 4, 6 и 8.

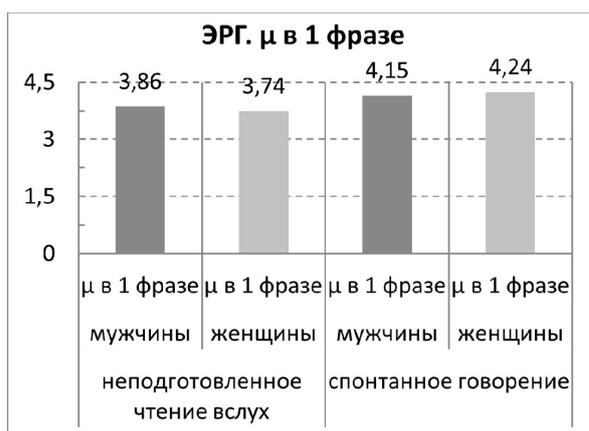

Диаграмма 7

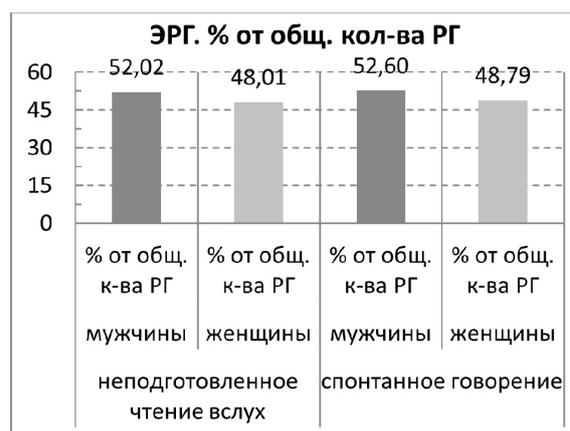

Диаграмма 8

У мужчин среднее количество ЭРГ на одну фразу является максимальным по сравнению с другими типами РГ – 3,86 при НЧВ и 4,15 при СГ. При смене ВРД рост составил 0,29 РГ – также максимальный показатель среди всех типов, что в процентном выражении, однако, составило рост на 7,51% – второй по величине показатель, уступающий ПРГ. Процентная доля ЭРГ в структуре роста количества РГ всех типов (столбец 11) составила 61,70% – максимальный показатель не только в мужской группе информантов, но и в исследовании в целом. Динамика роста доли ЭРГ в массиве РГ всех типов у мужчин оказалась положительной и составила 0,58% о – тоже максимальный показатель в группе. Всё это говорит о том, что, во-первых, ЭРГ для мужчин самая предпочтительная ритмическая группа, а во-вторых, ЭРГ – это главный драйвер роста значений при смене ВРД: именно на ЭРГ приходится более половины всего роста (61,7%).

В женской группе респондентов ЭРГ также является самой многочисленной РГ как при НЧВ, так и при СГ: 3,74 ед. (48,01%) и 4,24 (48,79%), соответственно. Среднее количество ЭРГ при смене ВРД выросло на 0,5 ед., что эквивалентно 13,37% в относительном выражении – также максимальные показатели в группе. Это почти в два раза больше аналогичных показателей у мужчин. Примечательно, что в женской группе значение процентной доли ЭРГ в структуре количественного роста РГ при смене ВРД также оказалось максимальным (чуть больше половины) в группе, составив 55,56%, что, тем не менее, несколько ниже, чем у мужчин. Динамика процентной доли роста оказалась положительной и составила 0,78% – максимальное значение не только в группе, но и в исследовании в целом. Отсюда следует, что женщины продемонстрировали схожую с мужчинами тенденцию: прирост количества РГ при переходе от НЧВ к СГ происходит главным образом (более 50%) за счёт ЭРГ, что может свидетельствовать о том, что ЭРГ, предположительно, является самым главным ритмическим «строительным камнем» фразы в СГ. Данное предположение следует проверить на более широком фактическом материале, что представляет собой одну из дальнейших перспектив для исследований.

Обратимся к проклитико-энклитическим ритмическим группам (см. строку «ПЭРГ» в таблице 1 выше). Диаграммы 9 и 10 являются визуализациями значений фактической части таблицы в строке «ПЭРГ»: диаграмма 9 отражает значения в столбцах 1, 3, 5 и 7; диаграмма 10 отражает значения в столбцах 2, 4, 6 и 8.

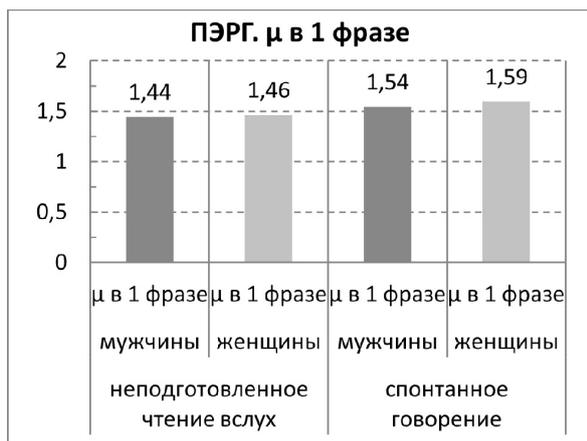

Диаграмма 9

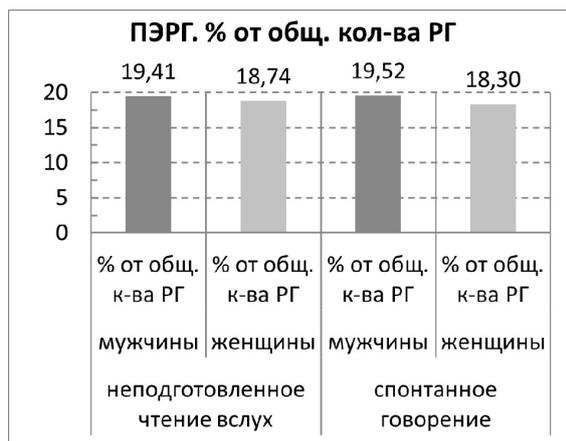

Диаграмма 10

ПЭРГ в обеих группах информантов и в обоих ВРД является третьей (предпоследней) по частоте встречаемости. При этом у мужчин в обоих ВРД ПЭРГ встречается почти в 4 раза чаще, чем ПРГ (последняя по частотности группа). У женщин это соотношение чуть ниже: примерно в 3,5 раза. Таким образом, ПРГ – наименее распространённая РГ в английском языке.

В мужской группе среднее число ПЭРГ на фразу при смене ВРД возросло лишь на 0,1 ед. . В процентном отношении рост составил 6,94% от значения при НЧВ. В женской группе аналогичные показатели составили 0,13 ед. и 8,9%, соответственно. То есть, по сравнению с мужчинами женщины при СГ несколько чаще используют ПЭРГ, но не настолько, чтобы это имело дистинктивное значение.

В мужской группе доля ПЭРГ в общем росте количества РГ при переходе от НЧВ к СГ (процент от суммы изменений – столбцы 11 и 15) в мужской группе составил 21,28% и стал вторым по значимости после ЭРГ (61,7%). При этом по сравнению с максимальным значением, принадлежащим ЭРГ, он оказался почти в три раза меньше. Это можно интерпретировать так: при СГ мужчины наиболее часто используют ЭРГ, следующий по частотности тип – ПЭРГ, но его частотность почти в три раза ниже, а следующий по частотности тип – УРГ – употребляется мужчинами ещё примерно в два раза реже по сравнению с ПЭРГ и примерно в шесть раз реже, чем ЭРГ.

В женской группе аналогичный показатель веса ПЭРГ составил 14,44%, сделав эту группу третьей по частотности (а не второй, как у мужчин) после ЭРГ (55,56%) и УРГ (24,44%). При этом, если вес УРГ у женщин почти в два раза ниже максимального показателя (ЭРГ), то вес ПЭРГ почти в 1,5 раза ниже, чем УРГ и более чем в три раза ниже по сравнению с максимальным значением. Для наглядности визуализируем вышесказанное (см. столбцы 11 и 15 таблицы 1) в диаграммах 11 и 12:

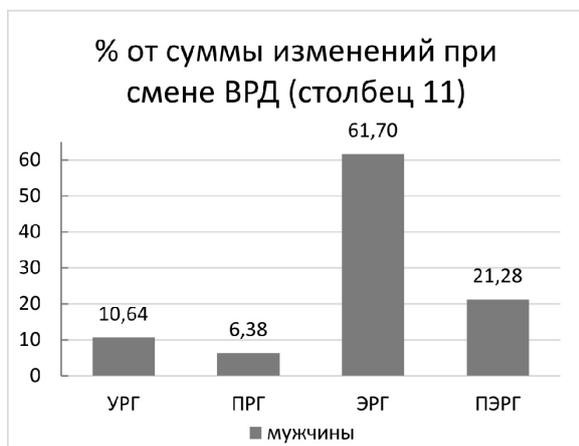

Диаграмма 11

Диаграмма 12

Если рассматривать динамику процентной доли ПЭРГ в общей ритмической структуре при переходе от НЧВ к СГ (столбцы 12 и 16), то здесь также наблюдаются значительные различия: в мужской группе динамика положительная (то есть доля ПЭРГ выросла) и составила 0,11 (кстати, на ту же величину, что и ПРГ); в женской группе показатель оказался не только отрицательным, но и максимальным со знаком «минус»: $-0,45$. Для наглядности визуализируем эти данные в диаграммах 13 и 14.

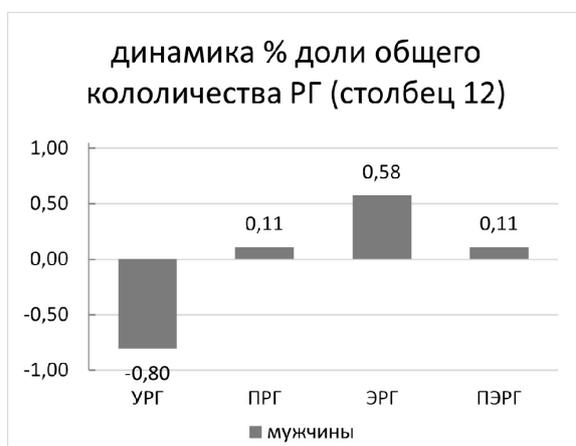

Диаграмма 13

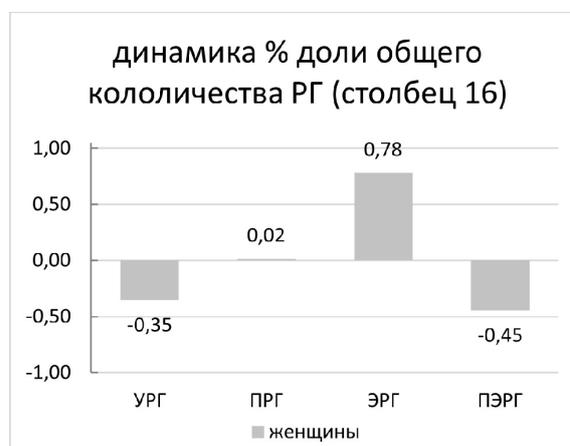

Диаграмма 14

Обсуждение / Discussion

Изменения, наблюдаемые при смене ВРД у мужчин, происходят за счёт резкого снижения представленности УРГ на фоне общего роста количества РГ всех типов и, прежде всего, ЭРГ. А у женщин – за счёт снижения представленности, прежде всего ПЭРГ и, в чуть меньшей степени, УРГ на фоне значительного роста (почти в 1,5 раза более интенсивного, чем у мужчин) представленности ЭРГ при крайне малой подвижности ПРГ.

При смене ВРД ЭРГ остались наиболее частотными в обеих группах информантов, что намекает на высокую частотность и стабильность данного типа РГ в английском языке. ПРГ оказалась самой редкой в обеих группах.

В представленной части исследования каждый критерий парадигматической классификации РГ рассмотрен достаточно подробно, но изолировано. Это хоть и даёт сведения о происходящих процессах, но до конца не раскрывает их особенностей. Необходим некий сводный статистический анализ, который бы одновременно учитывал все четыре критерия классификации РГ. Иными словами, такой анализ необходим, чтобы понять, за счёт каких именно видов и разновидностей, скажем, ЭРГ у мужчин при спонтанном говорении увеличилось на 7,5%, и произошли ли какие-либо изменения в частотности употребления конкретных видов и разновидностей ЭРГ при смене вида речевой деятельности.

В числе перспектив для дальнейших изысканий в области фразового ритма английского языка (американский вариант), рассматриваемого в качестве элемента фразовой просодии, назовём следующие:

1. Сопоставить результаты, наблюдаемые в строке «Сумма» таблицы 1 с результатами акустического анализа ритма и подсчитать количество слов на соответствующих отрезках высказываний в обеих группах респондентов. Это позволит ответить на вопрос, какой фактор является причиной почти двукратного роста количества РГ у женщин по сравнению с мужчинами при переходе от НЧВ к СГ – рост количества слов или более дробное членение потока на ритмические группы при примерно том же количестве слов, или сочетание обоих факторов. Если при СГ

средняя продолжительность фразы во времени достоверно увеличится и среднее количество слов тоже возрастёт, то сработала многословность. Если нет – то повышенная дробность при формировании РГ, особенно если среднее количество слов изменится на недостоверную величину.

2. Проверить гипотезу о том, что при переходе от НЧВ к СГ снижается представленность какого-либо одного или нескольких структурных типов РГ на 0,8%, в том числе и суммарно. Также требует проверки предположение о том, что это изменение не зависит от такой переменной, как гендер или какой-либо ещё другой, кроме ВРД.

3. На более широком фактическом материале проверить гипотезу о том, что при переходе от НЧВ к СГ доля УРГ в массиве РГ всех типов будет снижаться, указывая на её меньшую распространённость в СГ.

4. На обширном и разнообразном фактическом материале проверить гипотезу о том, что ПРГ является самой редкой РГ в английском языке. Установление причин данного явления может представлять научный интерес.

5. Гипотезу о том, что при переходе от НЧВ к СГ ЭРГ является наиболее частотным типом РГ, который чаще остальных используется для формирования фразы, необходимо проверить на обширном и разнообразном фактическом материале.

Кроме того, наблюдения и размышления, представленные в настоящей статье, подтолкнули автора к поиску ряда перспектив более общих научных исследований в области фразовой просодии (в том числе и английского языка). А именно:

1. Разработка форм и методов сводно-обобщающего анализа РГ с одновременным учётом всех четырёх классификационных критериев (а не по каждому критерию в отдельности) представляет перспективу для дальнейшей работы над применением аудитивных методов анализа ритма, основанных на понимании слога как аудитивно-функциональной единицы [2], а ритмической группы как единицы, способной дать инструментарий к описанию и анализу фразового ритма.

2. В области исследований ритма перспективными представляются теоретические и практические исследования так называемого «ритмического спектра», формируемого аналогично звуковому спектру за счёт наложения различных видов ритма (слоговой, ядерный, фразовый, сверхфразовый, текстовый, паузальный, темповый и т.д.) друг на друга в общей системе временных, мелодических и силовых координат. Каждый элемент просодии в масштабе текста модуляциями своих характеристик может формировать свой ритм. Сочетаясь в едином знаково-семантическом пространстве – тексте, эти ритмы и формируют ритмический спектр текста. Изучение как самих этих спектров, так и связей их характеристик с лингвистическими и прагматическими особенностями текстов, которые они оформляют, представляет собой колоссальное поле для исследований, причём не только фонетических.

3. Обширную и глубокую научную проблему также представляет собой разработка методики и инструментария (особенно цифрового, включающего технологии искусственного интеллекта) для проведения комплексного, максимально автоматизированного аудитивно-акустического анализа просодии и интонации. С развитием компьютерной техники и ростом вычислительных мощностей возможности таких исследований с применением технологий машинного обучения и больших данных становятся всё более реальными.

© Банков А.С., 2024

Список литературы

1. Алдошина И.А. Основы психоакустики / И. А. Алдошина. Москва: Оборонгиз, 2000. 154 с.
2. Андросова С.В. Акустические и перцептивные корреляты цельнооформленности слога (экспериментально-фонетическое исследование на материале американской спонтанной речи): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2013. 41 с.
3. Банков А.С. Аудитивное исследование гендерного фактора во фразовом ритме при неподготовленном чтении вслух (парадигматический аспект) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. №02. С. 140-144. DOI 10.37882/2223-2982.2021.02.05.

4. Банков А.С. Гендерно обусловленные синтагматические особенности фразового ритма при неподготовленном чтении вслух (американский вариант английского языка). *Филологические науки в МГИМО*. 8(2), С. 8–17. DOI 10.24833/2410-2423-2022-2-31-8-17.
5. Банков А.С. Гендерный фактор в просодическом оформлении речи коммуникантов (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка). Автореферат дис. ... канд. филол. наук / Нижегород. гос. ун-т им. Н.А. Добролюбова. Нижний Новгород, 2008. с. 20.
6. Барышникова К.К. О просодических единицах речи / К. К. Барышникова // *Экспериментальная фонетика*: Сб. науч. тр. Минск, 1972. С. 3–17.
7. Блохина Л. П. Просодические характеристики речи: Методическое пособие по подбору материала, предназначенного для проведения экспериментально-фонетических исследований / Л. П. Блохина, Р. К. Потапова. М.: Изд-во МГПИИЯ, 1970. 71 с.
8. Гримм Г. Основы конституциональной биологии и антропологии / Г. Гримм. М.: Медицина, 1967. С. 137.
9. Давыдов М.В. Просодические образы в английской речи: Монография / М. В. Давыдов / Под общ. ред. Александровой О. В., Бассета Д.; МГУ им. М. В. Ломоносова. Каф. англ. яз. М.: Диалог-МГУ, 1999. 247 с.
10. Давыдов М.В. Типы голосов в английской речи: Монография / М. В. Давыдов. М.: «Макс Пресс», 2001. 186 с.
11. Дечева С.В. Слоговое деление в английской речи (когнитивная силлабика): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1995. 45 с.
12. Докуто Б.Б. Просодические корреляты социального статуса коммуниканта: Экспериментальное исследование: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Б. Б. Докуто. Пятигорск, 1999. 199 с.
13. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика / В. А. Звегинцев. М.: Просвещение, 1967. 338 с.
14. Златоустова Л.В. Интонация и просодия в организации текста // *Звучащий текст*. М., 1983. С 11–21.
15. Златоустова Л. В. Общая и прикладная фонетика: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / Л. В. Златоустова, Р. К. Потапова, В. Н. Трунин-Донской. М.: Изд-во МГУ, 1997. 416 с.
16. Иванова-Лукьянова Г.Н. Культура устной речи: Интонация, паузирование, логич. ударение, темп, ритм: Учеб. пособие / Г. Н. Иванова-Лукьянова. М.: Флинта наука, 1998. 197 с.
17. Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук 10.02.19 / А. В. Кирилина. М., 2000. 40 с.
18. Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц / Л. П. Крысин // *Вопросы языкознания*. 2000, №4. С. 26–42.
19. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева, М.: Сов. энциклопедия, 1990.
20. Пономарева М.А. Слоговое своеобразие фонетики аффектов в американском диалекте английского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2013. 33 с.
21. Потапов В.В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация / В. В. Потапов // *Известия АН, серия литературы и языка*, т. 56, №3, М., 1997. С. 52–62.
22. Потапов В.В. Контрастивное исследование речевого ритма в диахронии и синхронии: Дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / В. В. Потапов. М., 1998. 463 с.
23. Потапова Р.К. Слоговая фонетика германских языков: Учеб. пособие для студентов ин-тов и фак. иностр. яз / Р.К. Потапова. М.: Высш. шк., 1986. 144 с.
24. Сокорева Т.В. Возрастная вариативность ритма как выделенности ударных слогов (на материале американского варианта английского языка) / Т. В. Сокорева // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2013. № 1(661). С. 126–137.

References

1. *Aldoshina, I. A. Osnovy psikhoakustiki* [Basics of Psychoacoustics] / I.A. Aldoshina. Moskva: Oborongiz, 2000. 154 p.
2. Androsova, S.V. *Akusticheskie i pertseptivnye korreliaty tselnooformlennosti sloga (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskoi spontannoi rechi)*: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Acoustic and perceptual correlates of syllable continuity (an experimental phonetic study based on American English spontaneous speech): an extended author's abstract the PhD dissertation]. Sankt-Peterburg, 2013. 41 p.
3. Bankov, A.S. *Auditivnoe issledovanie gendernogo faktora vo frazovom ritme pri nepodgotovlennom chtenii vslukh (paradigmaticeskii aspekt)* [An Auditory Analysis of the Gender-Based Agent in Phrasal Rhythm In the Course of Extemporaneous Reading Aloud (the Paradigmatic Aspect)] // *Sovremennaiia nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki* [Contemporary Science: Topical Problems of Theory and Praxis]. Serii: *Gumanitarnye nauki* [Series: Humanitarian sciences]. 2021. №02. P. 140-144 DOI 10.37882/2223-2982.2021.02.05.
4. Bankov, A.S. *Genderno obuslovlennnye sintagmaticeskiiie osobennosti frazovogo ritma pri nepodgotovlennom chtenii vslukh (amerikanskii variant angliiskogo iazyka)* [Gender Specific Syntagmatic Peculiarities of Phrasal Rhythm in the Course of Extemporaneous Reading Aloud (American English)] // *Filologicheskiiie nauki v MGIMO* [Linguistics & Polyglot Studies], 8(2), pp. 8–17. DOI 10.24833/2410-2423-2022-2-31-8-17.
5. Bankov, A.S. *Gendernyi faktor v prosodicheskom oformlenii rechi kommunikantov (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskogo varianta angliiskogo iazyka)* [The Gender Factor in Prosodic Formation of Interlocutors' Speech (a Phonetic and Experimental Study as Exemplified by American English)]. Avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk [author's abstract of candidate degree thesis] / Nizhegor. gos. un-t im. N.A. Dobroliubova [Nizhny Novgorod N.A. Dobroliubov Memorial State University]. Nizhny Novgorod, 2008. p. 20.
6. Baryshnikova, K.K. *O prosodicheskikh edenitsakh rechi* [On prosodic units of speech] / K.K. Baryshnikova // *Eksperimental'naia fonetika* [Experimental Phonetics]: Sб. nauch. tr. [A Collection of Research Works]. Minsk, 1972. P. 3-17.
7. Blokhina, L.P., Potapova R.K. *Prosodicheskie kharakteristiki rechi: Metodicheskoe posobie po podboru materiala, prednaznachennogo dlia provedeniia eksperimental'no-foneticheskikh issledovaniy* [Prosodic Features of Speech: Guidelines on the Selection of Material Intended for Experimental Phonetic Research] / L.P. Blokhina, R.K. Potapova. M. Izd-vo MGPIIYa, 1970. 71 p.

8. Grimm, G. *Osnovi konstitutsional'noi biologii i antropologii* [The Basics of Constitutional Biology and Anthropology]. М.: Meditsina, 1967. P. 137.
9. Davydov, M.V. *Prosodicheskie obrazy v angliyskoy rechi: Monografiia* [Prosodic Images in English Speech: A Monograph] / M.V. Davydov / Pod obsch. red. Aleksandrovoy O.V., Basseta D [endorsed by Aleksandrova O.V., Basset D.]; MGU im. M.V. Lomonosova. Kaf. angl.yaz. – М.: Dialog-MGU, 1999. 247 p.
10. Davydov, M.V. *Tipy golosov v angliyskoy rechi: Monografiia* [Types of voices in English Speech: A Monograph] / M.V. Davydov. М. "Maks-Press", 2001. 186 p.
11. Decheva, S.V. *Slogodelenie v angliiskoi rechi (kognitivnaia sillabika): Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk.* [Syllable division in English speech (cognitive syllabics): an extended author's abstract the PhD dissertation]. Moskva, 1995. 45 p.
12. Dokuto, B.B. *Prosodicheskie korreliaty sotsial'nogo statusa kommunikanta Eksperimental'noe issledovanie: Diss. ... kand. filol. nauk 10.02.19* [Prosodic Correlates of Social Status: a Candidate of Philology Degree Thesis 10.02.19] / B.B. Dokuto. Pyatigorsk. 1999. 199 p.
13. Zvegintsev, V.A. *Teoreticheskaia i prikladnaia lingvistika* [Theoretical and Practical Linguistics] / V.A. Zvegintsev. М.: Prosveschenie, 1967. 338 p.
14. Zlatoustova, L.V. *Intonatsiia i prosodiia v organizatsii teksta* [Intonation and Prosody in Text Arrangement] // *Zvuchaschiy tekst* [Vocal Text]. М., 1983. P. 11–21.
15. Zlatoustova, L.V., Potapova, R.K., Potapov, V.V., et al. *Obshchaia i prikladnaia fonetika: Ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. i dop.* [General and Applied Phonetics: a Study Guide, 2nd edition, updated and revised] / L.V. Zlatoustova, R.K. Potapova, V.V. Potapov, V.N. Trunin-Donskoy, М.: Izd-vo MGU, 1997. 416 p.
16. Ivanova-Lukianova, G.N. *Kul'tura ustnoi rechi: Intonatsiia, pauzirovanie, logicheskoe udarenie, temp, ritm: Ucheb. posobie* [The Culture of Spoken Speech: Intonation, pausation, logical stress, tempo, rhythm: a Tutorial]. М.: Flintnauka, 1998. 197 p.
17. Kirilina, A.V. *Gendernye aspekty iazyka i kommunikatsii: Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk 10.02.19* [Gender Aspects of Language and Communication: Author's Abstract of Doctor of Philology Degree Thesis 10.02.19] / A.V. Kirilina. М., 2000. 40 p.
18. Krysin, L.P. *Sotsial'naiia markirovannost' iazykovykh edenits* [Social Markedness of Language Units] / L.P. Krysin // *Voprosy iazykoznaniiia* [Matters of Language Studies]. 2000, No.4. P. 26-42.
19. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / Head Editor V.N. Iartseva, М.: Sov. Encyclopedia, 1990.
20. Ponomareva, M.A. *Slogovoe svoeobrazie fonetiki affektov v amerikanskom diatopicheskom variante angliiskogo iazyka: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk.* [Syllable Idiosyncrasy of Phonetic Composition of Affect Uses in American Diatopical Variant of the English Language: an Extended Author's Abstract of the PhD Dissertation]. Moskva, 2013. 33 s.
21. Potapov, V.V. *Iazyk zhenshchin i muzhchin: foneticheskaia differentsiatsiia* [Language of Women and Men: Phonetic Differentiation] / Potapov V.V. // *Izvestiia AN, seriia literatury i iazyka* [Academy of Sciences Bulletin, Literature and Language Series], vol. 56, No.3. М., 1997. P. 52–62.
22. Potapov, V.V. *Kotrastivnoe issledovanie rechevogo ritma v diakhronii i sinkhronii: Diss. ... dokt. filol. nauk: 10.02.19* [A Contrastive Study of Speech Rhythm in Diachrony and Synchrony: Doctor of Philology Degree Thesis 10.02.19] / V.V. Potapov. М., 1998. 463 p.
23. Potapova, R.K. *Slogovaia fonetika germanskikh iazykov: Ucheb. posobiye dlya studentov in-tov i fak. inostr. yaz.* [Syllable Phonetics of Germanic Languages: a Study Guide for Students of Institutes and Departments of Foreign Languages] / R.K. Potapova. М.: Vyssh. shk., 1986. 144 p.
24. Sokoreva, T.V. *Vozrastnaia variativnost' ritma kak vydelenosti udarnykh slogov (na materiale amerikanskogo varianta angliiskogo iazyka)* [Age-related variation of rhythm as prominence of stressed syllables (a study based on American English)] / T. V. Sokoreva // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Moscow State Linguistics University Bulletin]. 2013. № 1(661). P. 126–137.

Сведения об авторе:

Банков Андрей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №3 Факультета международной журналистики МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: теоретическая и экспериментальная фонетика, просодия и интонация, методика и практика преподавания иностранных языков, теория и практика перевода. E-mail: a.s.bankov@my.mgimo.ru. ORCID ID: 0000-0001-9866-5278. РИНЦ AuthorID: 518279.

About the author:

Andrey S. Bankov, PhD in Philology, is Assistant Professor at Department of the English Language No.3 at the School of International Journalism of MGIMO University (Moscow, Russia). Realm of research and professional interests: theoretical and experimental phonetics, prosody and intonation, methods and praxis of foreign languages teaching, theory and praxis of translation and interpretation. E-mail: a.s.bankov@my.mgimo.ru ORCID ID: 0000-0001-9866-5278. RSCI AuthorID: 518279.

* * *

THE SYNTACTIC POSITION OF THE “PEOPLE” IN THE POLITICAL DISCOURSE OF LEFT AND RIGHT POPULISM (NLP-BASED SYNTACTIC ANALYSIS EXPERIENCE)

Alexander E. Galochkin

*The Linguistics University of Nizhny Novgorod,
603155, Russia, Nizhny Novgorod, Minin Street, 31 a
The National Research University Higher School of Economics,
603155, Russia, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pecherskaya 25/12*

Abstract. This paper attempts to measure populism in English-language speeches of politicians using computational linguistics methods. The relevance of this study is related not only to the rise of populism in the world and the importance of understanding the mechanisms of political discourse, but also to the lack of linguistic research in the context of corpus studies. Most of the methods proposed to date require significant resources or suffer from structural limitations, especially when they rely heavily on the human annotation process to analyze extensive corpus data. The material for the study was public speeches and interviews of right-wing populist politician and 45th President of the United States Donald Trump and political rhetoric of left-wing populist politician Senator Bernie Sanders. The corpus analysis was based on transcripts downloaded from The American Presidency Project and Miller Center websites. The syntactic position of key lexical units is determined using a comprehensive method based on dependency grammar combined with natural language processing (NLP) and van Leeuwen’s linguistic theory. The application of natural language processing methods confirms the assumption that the frequency of politicians’ reference to the people is not the only relevant indicator for measuring people-centrism in (populist) political discourse, as usually proposed in the political science literature. The results of the study indicate that there is no predominant role of the people in the discourse of Trump and Sanders. In most cases, the people appear in a complementary or adjunct position, indicating their secondary importance in their rhetoric. Given that populism implies proximity to the people and is positioned as “*vox populi*” – “the voice of the people”, it can be assumed that for both Trump and Sanders, addressing the people is only a way to achieve their political goals.

Keywords: corpus linguistics, left-wing populism, right-wing populism, political discourse, syntax, natural language processing, dependency grammar, syntactic parsing

For citation: Galochkin A.E. (2024). The syntactic position of the “people” in the political discourse of left and right populism (NLP-based syntactic analysis experience). *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(2), pp. 23–37. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-23-37>

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ «НАРОДА» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЛЕВОГО И ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА (ОПЫТ СИНТАКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА ОСНОВЕ NLP)

А.Е. Галочкин

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова,
603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, 31 а*

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д.25/12*

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка измерить популизм в англоязычных выступлениях политиков с использованием методов компьютерной лингвистики. Актуальность данного исследования связана не только с ростом популизма в мире и важностью понимания механизмов политического дискурса, но и недостатком лингвистических исследований в контексте корпусных исследований. Большинство предложенных на сегодняшний день методов требуют значительных ресурсов или страдают от структурных ограничений, особенно когда они в значительной степени зависят от процесса аннотирования человеком для анализа обширных корпусных данных. Материалом для исследования послужили публичные выступления и интервью правого политика-популиста и 45-ого президента США Дональда Трампа и политическая риторика политика-популиста левого толка – сенатора Берни Сандерса. Корпусный анализ проводился на основе транскриптов, загруженных с сайтов The American Presidency Project и Miller Center. Синтаксическая позиция ключевых лексических единиц определяется при помощи комплексного метода, основанного на грамматике зависимостей, в сочетании с методами обработки естественного языка (NLP) и лингвистической теории ван Левена. Применение методов обработки естественного языка подтверждает предположение, что частота обращения политиков к народу не является единственным значимым показателем для измерения народоцентризма в (популистском) политическом дискурсе, как обычно предлагается в политологической литературе. Результаты исследования указывают на отсутствие превалирующей роли народа в дискурсе Трампа и Сандерса. В большинстве случаев народ выступает в роли комплемента или адьюнкта, что свидетельствует о его второстепенном значении в их риторике. С учётом того, что популизм подразумевает близость к народу и позиционируется как “*vox populi*” – «голос народа», можно предположить, что как для Трампа, так и для Сандерса обращение к теме народа – это лишь способ достижения своих политических целей.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, левый популизм, правый популизм, политический дискурс, синтаксис, обработка естественного языка, грамматика зависимостей, синтаксический парсинг

Для цитирования: Галочкин А.Е. (2024). Синтаксическая позиция «народа» в политическом дискурсе левого и правого популизма (Опыт синтаксического анализа на основе NLP). *Филологические науки в МГИМО*. 10(2), С. 23–37. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-23-37>

Введение

С усилением в современном мире тенденций популистской политики, успеха популистских лидеров и партий изучение сущности современного популизма приобретает возрастающее научное значение.

За последние несколько десятилетий популистские партии добились значительных успехов, как в западных, так и в некоторых восточных странах [43]. Если в 80-х и 90-х годах эти успехи поначалу были неравномерными (Франция и Австрия) [8], то с 2010 года популистские партии и политики, имеющие места в парламенте, стали обычным явлением в западной политической картине мира [30], [33]. Совсем недавно голосование по Brexit в Великобритании и избрание президентом Дональда Трампа в США продемонстрировали силу популистских призывов. Кроме того, популистские партии стали частью правящих коалиций в Австрии, Италии, Польше, Венгрии и Бразилии.

В результате развития управляемых демократий, популизм приобрёл значительное политическое влияние, став эффективным механизмом для организации и мобилизации масс. В этом контексте, подобно историческим различиям между правыми и левыми политическими идеологиями, прослеживается дифференциация между концепциями правого и левого популизма [11], [16], [26], [29].

Левый популизм характеризуется своей ориентацией на устранение социального и экономического неравенства, защиту прав трудящихся и вызовом устоявшимся элитам. Опирается на поддержку маргинальных групп, акцентируя внимание на таких вопросах, как неравенство доходов, социальная справедливость и перераспределение богатства. Левые популисты активно критикуют власть корпораций и выступают за укрепление политики социального обеспечения.

Большая часть литературы о левом популизме сосредоточена на Латинской Америке [15], [18], [19], [27], [34], [31], но подъём левопопулистских партий в Европе после экономического кризиса 2008 года привёл к появлению новых исследований [2]. Среди них испанская Podemos [1], [35], греческая Syriza [28], [10], французская Insoumise [9] и кампания Берни Сандерса в Соединённых Штатах [36].

Правый популизм, в свою очередь, характеризуется своей ориентацией на националистические настроения, поддержку культурной идентичности, укрепление закона и порядка. Придаёт особое значение традиционным ценностям и культурной однородности, выступая против мультикультурализма. Как отмечает Гривен [24], правые популисты опираются на концепцию народа как культурно однородной сущности. Согласно их убеждениям, народ подвергается угрозам не только со стороны политических элит, но и из-за присутствия “других” в обществе, таких как иммигранты, которые не разделяют ценностей и интересов народа [11].

В работах, посвящённых правому популизму, были изучены идеология, риторика и успехи этих партий на выборах. Были проведены комплексные анализы правых популистских движений в Европе [43]. В них выявлялись и анализировались дискурсивные стратегии [5], [23], тактики мобилизации и идеологические основы данных движений. Также были проведены сравнительные анализы партий в восточной и западной Европе [6]. Кроме того, проводились исследования, фокусирующиеся на экономических аспектах правого популизма [38].

Представленные исследования являются свидетельством того, что в последние годы тема популизма в партийно-политическом поле европейских стран и США получила достаточно широкое освещение в мировой и отечественной науке. Однако большинство исследований сосредоточены в первую очередь на изучении популистских партий и политиков-популистов в рамках экономических [25], [41], культурологических [3] и политических теорий [20], [22], [39]. Вопрос об эмпирическом исследовании популизма с точки зрения языка, лишь недавно привлёк внимание учёных [42]. Одной из ключевых проблем в данной области является вопрос о том, как можно эмпирически измерить популизм.

Подходы, основанные на использовании автоматизированных инструментов, позволили учёным провести ряд успешных исследований [4], [12], [13], [17]. Типичными являются коллокативный и кластерный анализ, где изучаются наиболее часто встречающиеся слова, совместная сочетаемость слов, связанных с партийными лидерами, и пар слов или фраз, которые появляются вместе в определённых кластерах. Однако большинство предложенных на сегодняшний день методов требуют значительных ресурсов или страдают от структурных ограничений, особенно когда они в значительной степени зависят от процесса аннотирования человеком для анализа обширных корпусных данных.

В этой связи стремительное развитие в области разработки программного обеспечения для задач обработки естественного языка (Natural Language Processing NLP, Language Engineering LE) открыло путь для дальнейших исследований в этом направлении, позволяя быстрее обрабатывать данные и делать более точные прогнозы.

Отправной точкой для такого рода исследования популизма является предположение, что систематический анализ дискурсивных характеристик может эмпирически выявить, в какой степени политики или политические партии могут быть охарактеризованы как «популистские». Одной из характеристик дискурса, наиболее часто используемых для эмпирического измерения популизма, является характеристика «Народоцентризм» [38], [21], то есть в какой степени «народ» находится в центре внимания в дискурсе политика. Систематически ставя «народ» в центр внимания, популисты утверждают, что они в большей степени, чем другие политики, отстаивают интересы и волю «простого человека» [32].

Для измерения «народоцентризма» в политическом дискурсе, как правило, фиксируют количество упоминаний и обращений к народу [40]. Другими словами, частота, с которой встречаются такие упоминания, используется политологами для измерения центральной роли «народа» в дискурсе определённого политика.

Однако, как утверждает ван Левен [42], частота, с которой политики ссылаются на «народ», не является единственным релевантным показателем для оценки «народоцентризма» в (популистском) политическом дискурсе. При измерении «народоцентризма» следует учитывать синтаксическую позицию, в которой представлен «народ»: в качестве субъекта, комплемента или адьюнкта (subject, complement or adjunct position). Учитывая функционально-синтаксическое различие между комплементом и адьюнктом, политик, который обращается к «народу» в комплементарной позиции, представляет «народ» скорее как «то, о чём он говорит», то есть «более акцентировано», чем в адьюнктивной позиции.

В настоящей работе предпринята попытка измерить популизм в англоязычных выступлениях политиков и ответить на вопрос, существуют ли различия между демократами (левый популизм) и республиканцами (правый популизм) в использовании стратегии «апелляция к народу» в публичных выступлениях с использованием методов компьютерной лингвистики.

Материал и методы исследования

Для проведения исследования были выбраны выступления политиков Д. Трампа и Б. Сандерса. Несмотря на то, что данные кандидаты представляют противоположные политические взгляды, их речевые стратегии обладают и сходствами, которые стали предметом анализа. В частности, исследователи и эксперты в области избирательных технологий отнесли обоих названных политиков к «анти-истеблишменту», поскольку Д. Трамп и Б. Сандерс не вписывались в рамки установленной политической системы [7], [14], [37].

Корпусный анализ проводился на основе транскриптов, загруженных с сайтов The American Presidency Project и Miller Center.

Анализ предвыборных обещаний и использование слова «народ» в конкретном контексте может показать, являются ли кандидаты популистами или нет. Часто американские политики со всех сторон политического спектра говорят о том, что они представляют «народ» и подчёркива-

ют первостепенное значение “воли народа”. В этой связи для проведения анализа были выбраны ключевые слова “people”, “citizen*”, “Americans”.

Для анализа частотности и семантического положения ключевых слов был использован метод, основанный на грамматике зависимостей и обработке естественного языка (NLP) для измерения популизма, а также лингвистический подход ван Левена (2019).

Для обработки данных использовался язык программирования и среда для статистических вычислений и графического анализа R (консоль Rstudio), а также высокоуровневый язык программирования Python на базе сервиса облачных вычислений Google Colab.

Анализ собранного материала

В рамках настоящего исследования было отобрано 135 транскриптов: 67 выступлений и интервью Д. Трампа и 68 Б. Сандерса соответственно. Общий объем исследованных материалов составил 408603 слов.

На первом этапе исследования необходимо было подготовить скачанные тексты для корпусного анализа. Сначала файлы были объединены в один текстовый файл при помощи функции `cat(readLines(file))`. Во избежание «шума» в данных мы оставили только те предложения, которые содержат ключевые слова. Была применена функция `sentences_by_word`.

Далее при помощи функции `count_keywords` было выявлено количество использований ключевых слов.

Различие в частотности использования ключевых языковых единиц уже может указывать на степень популизма того или иного политического деятеля. Из представленной таблицы видно, что Дональд Трамп употребляет слово “people” почти в полтора раза чаще, чем Берни Сандерс. Ключевое слово “Americans”, наоборот, встречаются чаще в высказываниях Сандерса, однако разница в частотности не является значительной. Примечательным является то, что Трамп часто обращается к “citizen*”, в то время как Сандерс практически избегает использования данного слова.

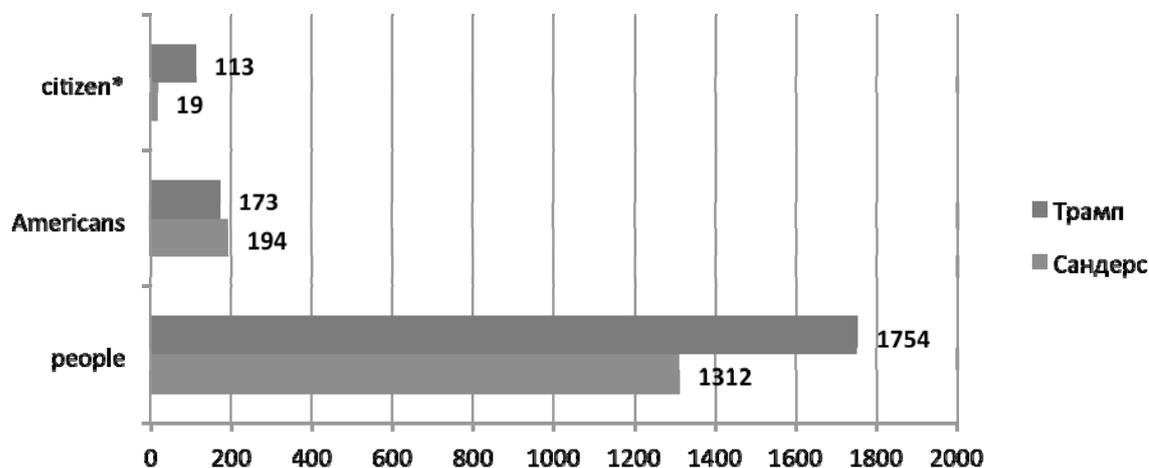

Рис.1 Количество упоминания ключевых лексически единиц

Однако при анализе ключевого слова “people” следует учитывать, что политические деятели не всегда представляют интересы народа или обращаются к нему в своих высказываниях. В ряде случаев, при использовании лексической единицы “people”, они концентрируют внимание на своих оппонентах, представителях коррумпированной элиты или чужих в лице этнических меньшинств (мигрантов), что приводит к формированию оппозиции и разделению на “своих” и “чужих”.

Так, например, Дональд Трамп активно обвиняет политиков, в особенности тех, кто выступает против него и является представителем противоположной партии (демократы). “*The economic policies of Bill and Hillary Clinton have bled Michigan dry... they’re bad people and they’re dishonest people*”;

*"It came out loud and clear. They were after Trump. I'll tell you what, we got to get back to Congress and go after these people. These people are **sick**..."; "When you're in Congress, you should be more honest. What a **sleazebag** (об Адаме Шуффе) he is, right? What a **sleazebag** he is. What a **jerk**. What a **jerk**. We got to deal with people like that. I'll tell ya. I'll tell ya. How do you come together with people like that, they're totally **dishonest**, because I want the country to come together."; The Democrats would say "Yes, if you'd like we could cancel the election because we have no chance." They're a **bunch of bad, bad people** who got caught. And I think they'll have to pay a very substantial price."; "This country is run by "losers"... We have losers. We have people that don't have it. We have people that are **morally corrupt**. We have people that are **selling this country down the drain**"; "We're tired of being led by **stupid people**."*

Трамп обвиняет некоторые восточные этнические меньшинства в контексте радикального исламского терроризма: *"Radical Islamic terrorism, big, big problem, not only for us. And we're not going to allow people to come into our country **who we have no idea who they are**, we have no idea where they come from, they have no paperwork..."; "We need to tell the truth also about how radical Islam is coming to our shores. And it's coming... With these people, folks, it's coming"; But Muslim communities must cooperate with law enforcement and turn in **the people** who they know **are bad** and they do know where they are."*

В своём дискурсе Трамп также выражает недовольство по отношению к некоторым средствам массовой информации: *"These people, **the world's most dishonest** people, the media, they are not happy", "But the crooked media, those people back there, **the most dishonest** people."*

Интересным аспектом анализируемых выступлений является то, что Дональд Трамп не выражает прямого негативного отношения к мигрантам, а упоминает их косвенно через политиков, которые поддерживают открытую миграционную политику: *"Why does Hillary Clinton want **to bring people** here in vast numbers who **reject our values**?; Hillary Clinton wants to empty out the Treasury **to bring people** into the country that include **individuals who preach hate against** our own citizens"; "We have our **incompetent government people** letting them in by the thousands and who knows, who knows."*

Трамп использует лексическую единицу "people" не только критикуя представителей коррумпированной элиты или определённых этнических меньшинств, но также обобщённо говоря о некоторых гражданах США: *"...but we have **people** that are **stupid**. We have **people** that **aren't smart**. And we have **people** that are **controlled by special interests**"; "We have **people** that have **no incentive to work**."*

Таким образом, из 1754 упоминаний "people" 116 случаев связаны либо с политиками, в основном принадлежащими правящей элите, либо этническими меньшинствами в контексте незаконной миграции или террористической угрозы.

Что касается Берни Сандерса, исследование показывает, что он реже использует лексическую единицу "people" в контексте критики или обращения к своим оппонентам, коррумпированной элите или не разделяющим его позицию простым людям.

Сандерс чаще выступает с критикой коррумпированной элиты, обращая внимание на существующие проблемы экономического неравенства и несправедливого распределения богатства. Он подчёркивает неприемлемость того, что три человека владеют большей частью богатства, чем половина населения страны: *"When three **people** own more wealth than the bottom half of this country; three **people**; that is not acceptable."; "My friends, we must tell the billionaire class and the 1% that they cannot have it all at a time of massive wealth and income inequality, **the wealthiest people** and largest corporations in this country will start their paying their fair share of taxes."; "It is not fair when the 20 **wealthiest people** in this country now own more wealth than the bottom half of the American people."*

Кроме того, Сандерс критикует медиа за предвзятость и распространение дезинформации, но в отличие от Трампа он призывает социальные медиа-компании принять меры для предотвращения распространения дезинформации: *"social media companies must finally get their act together and stop **people** from using their tools **to spread disinformation** and to threaten and harass election officials."*

Он также выражает сомнения относительно намерений некоторых политиков, иногда переходя на личности: *"Whether or not he wants to bring down their government, I don't know? I think **people** like **John Bolton** may very well want to do that."; "You're going to hear a lot of lies and misinformation about Medicare For All because the **people** who control the health care system, they think the system is great."; "And if there are a few **people** who make ugly remarks, who attack trade union leaders, I **disown those people**."*

Вышеприведённые примеры демонстрируют, что Сандерс сконцентрирован больше на критике коррумпированной элиты, экономического неравенства и системных проблем, призывая к изменениям и действиям в интересах обычных людей.

Из 1312 упоминаний “people” 49 не были адресованы электорату.

Несмотря на то, что лексическая единица “people” как Трампом, так и Сандерсом не всегда употреблялась в контексте «простого народа», статистические данные свидетельствуют о том, что это не имело существенного влияния для целей данного исследования.

Для определения синтаксической функции слов был использован парсер Udpipes(v2). UDPipe использует предобученные модели для лемматизации и тэггинга или модели, обученные на трибанах исследователя. Для нашего исследования было достаточно готовой модели.

Udpipes проходит через несколько этапов обработки текста на естественном языке. Токенизация, где текст разбивается на отдельные токены (то есть текст разделяется на предложения, а предложения – на слова и т.д.). UDPipe делает это сразу с помощью совместного модуля – нейронной сети. Морфологический анализ, при котором каждому токену присваиваются морфологические теги, такие как часть речи, падеж, род, число и т.д. Синтаксический анализ выполняется на основе морфологического анализа, определяются связи между токенами и строится граф зависимостей. В этом графе каждый токен является узлом, а связи между ними представляют собой рёбра, показывающие синтаксические отношения (например, подлежащее-сказуемое). Лемматизация, при которой каждый токен приводится к своей базовой форме (лемме). UDPipe основан на transition-based архитектуре: она работает быстро, за линейное время проходя по всем токенам один раз.

Ниже приведён пример работы парсера. Например, у нас есть фраза «We will honor the American people with the truth, and nothing else», и мы определяем и визуализируем связи в ней:

```

                                sentence token_id
1 we will honor the American people with the truth, and nothing else.      1
2 we will honor the American people with the truth, and nothing else.      2
3 we will honor the American people with the truth, and nothing else.      3
4 we will honor the American people with the truth, and nothing else.      4
5 we will honor the American people with the truth, and nothing else.      5
6 we will honor the American people with the truth, and nothing else.      6
  token  lemma upos xpos                                feats
1   we     we  PRON  PRP Case=Nom|Number=Plur|Person=1|PronType=Prs
2  will   will AUX   MD                               VerbForm=Fin
3 honor  honor VERB  VB                               VerbForm=Inf
4   the   the  DET   DT                               Definite=Def|PronType=Art
5 American american ADJ  JJ                               Degree=Pos
6  people people NOUN  NNS                               Number=Plur
  head_token_id dep_rel deps misc
1              3  nsubj <NA> <NA>
2              3   aux  <NA> <NA>
3              0  root  <NA> <NA>
4              6   det  <NA> <NA>
5              6  amod  <NA> <NA>
6              3   obj  <NA> <NA>

```

Рис.2 Пример результата работы синтаксического парсера

tokenisation, parts of speech tagging & dependency relations

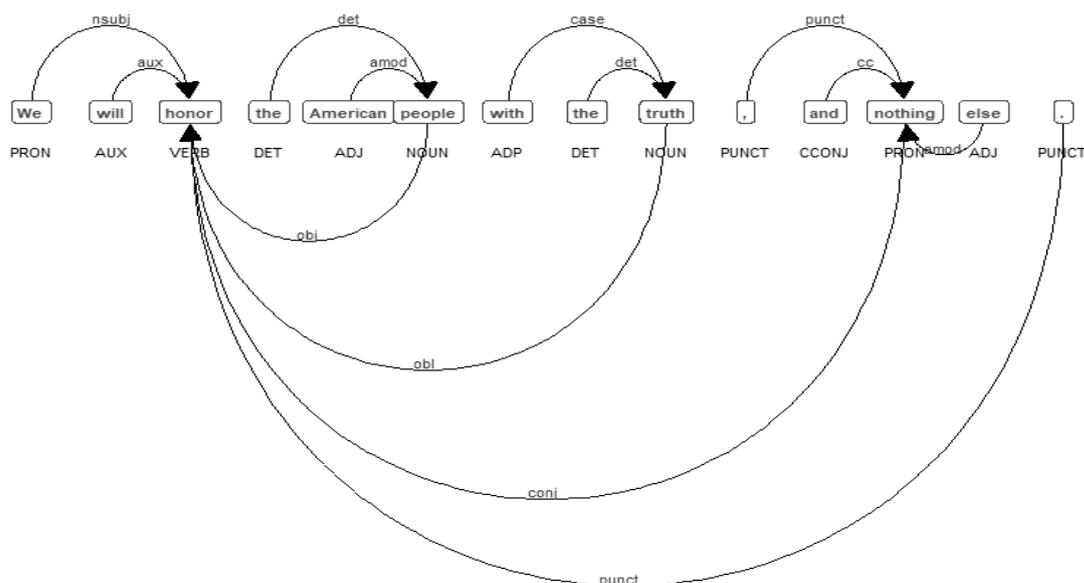

Рис.3 Визуализация синтаксического парсера

После обработки корпуса и преобразования данных в текстовый файл формата CoNLL-U необходимо было выявить, какую синтаксическую позицию занимает каждое ключевое слово. Поскольку теперь каждая лексическая единица была наделена конкретным тегом, стало возможно благодаря модифицированной таблице проекта Universal Stanford Dependencies (USD) определить, представлен ли «народ» в качестве субъекта, комплемента или адьюнкта (*subject, complement or adjunct position*).

Позиция субъекта обладает наиболее высокой значимостью, поскольку субъект обычно выполняет основную тематическую и агентивную роль в предложении. В данном примере народ представлен в функции подлежащего (высокий уровень внимания), то есть позиция субъекта: **People** will get tax reductions. В комплементарной позиции «народ» представлен не как дополнительная информация к абстрактным вопросам политики, а как часть центрального фокуса внимания: *The cabinet will give **people** tax reductions*. Адьюнктивная позиция – это дополнительная и структурно необязательная часть предложения (основное внимание уделяется не столько «людям», которых представляет политик, сколько абстрактным вопросам политики): *There will be tax reductions for **people***. Учитывая функционально-синтаксическое различие между комплементом и адьюнктом¹, политик, который обращается к «народу» в комплементарной позиции, представляет «народ» скорее как «то, о чём он говорит», то есть «более акцентировано», чем в адьюнктивной позиции.

Наиболее типичным для субъекта является тег nsubj (nominal subject), для комплементарной позиции obj (object), для адьюнктивной соответственно obl (oblique nominal).

Нас интересовало выявить не только различия в отношении количества упоминаний «народа», но также и той степени, в которой «народу» было уделено внимание в дискурсе.

Сравнив графики каждого ключевого слова, можно выделить некоторые особенности. Например, Дональд Трамп чаще использует лексическую единицу “people” в комплементарной позиции: “... we let the American people decide our future. And they want to scare the American people out of voting for the better future.”, “I will use this power to protect the American people.”, “We will honor the American

¹ В Универсальных зависимостях (UD) термин «адьюнкт» используется для обозначения конкретной грамматической зависимости между словами в синтаксическом древовидном банке. В UD адьюнкт – это зависимое слово, которое предоставляет дополнительную информацию (*a non-core (oblique) adjunct*) о главном слове в предложении (не являются обязательными). Тег obl появился в UD ver.2.

people with the truth, and nothing else.” (**Trump**); “*Stop ripping off the American people.*”, “*We’re going to bring people together by fighting for equal pay for equal work.*”, “*We’re going to bring people together by rebuilding our crumbling infrastructure, creating millions of good paying jobs.*” (**Sanders**), а Берни Сандерс в адьюнктоной: “*What we’re talking about is a humane, sensible policy supported by the American people.*”, “*What we need to do is to end, and I will end this on day one, the ICE raids that have been so harmful to so many people.*” (**Sanders**); “*We’re joined today by some very special people.*”, “*Together with the incredible people of North Carolina, we have made America powerful again, our military.*”. “*We are going to have an immigration system that works, but one that works for the American people.*” (**Trump**), что может говорить о меньшей роли «народа» в дискурсе Сандерса. Число употреблений данного слова в позиции субъекта практически одинаково для обоих политических деятелей: “*...the American people are tired of seeing stupid decisions.*”, “*The American people would rise above it and vote for the future they deserve. People were dying because they couldn’t afford insulin.*”, “*People want to see our country great again and they want to see a lot of positive things happening.*”, “*The people of New Hampshire are hard-working people and they love the country. Young people are destroyed before they even start.*” (**Trump**); “*What I believe is that the American people deserve freedom – true freedom.*”, “*But my inclination is that the American people do believe that this president is in violation of the law.*”, “*To your original point, the American people understand that the political system we have today is corrupt.*”, “*The American people understand that if you work 40 hours a week, you should not live in poverty, and that we’ve got a raised up minimum wage to at least 15 bucks an hour.*” (**Sanders**).

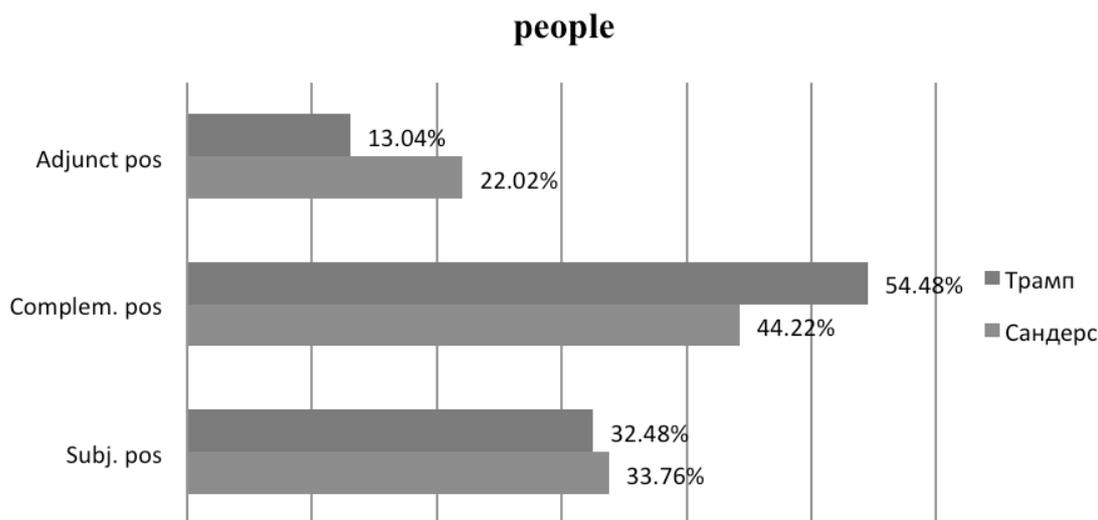

Рис. 4 Синтаксическая позиция ключевой лексической единицы *people* по количеству употребления политиками

При анализе использования ключевого слова “*citizen*” было выявлено, что в функции субъекта оно не употреблялось Сандерсом в отличие от Трампа: “*Our citizens deserve this, and so much more – so why not join forces to finally get it done?*”, “*Every single citizen in our land has a right to live in safety.*” (**Trump**). Вместе с тем адьюнктная позиция встречается в два раза чаще, чем у Трампа: “*These are valid concerns expressed by decent and patriotic citizens from all backgrounds, all over...*” (**Trump**); “*...or whether we support undemocratic, repressive regimes, which torture, jail and deny basic rights to their citizens.*” (**Sanders**), что свидетельствует о ещё менее выраженной роли «народа» в дискурсе. Как Трамп, так и Сандерс в процентном соотношении одинаково использовали лексему “*citizen*” в качестве дополнения в своих выступлениях: “*I want to protect our citizens, all of our citizens.*”, “*They’re threatening our cities, they are threatening our citizens...*” (**Trump**); “*What we have got to do is have a nation in which we not only overturn Citizens United, we move to public funding of election.*” (**Sanders**).

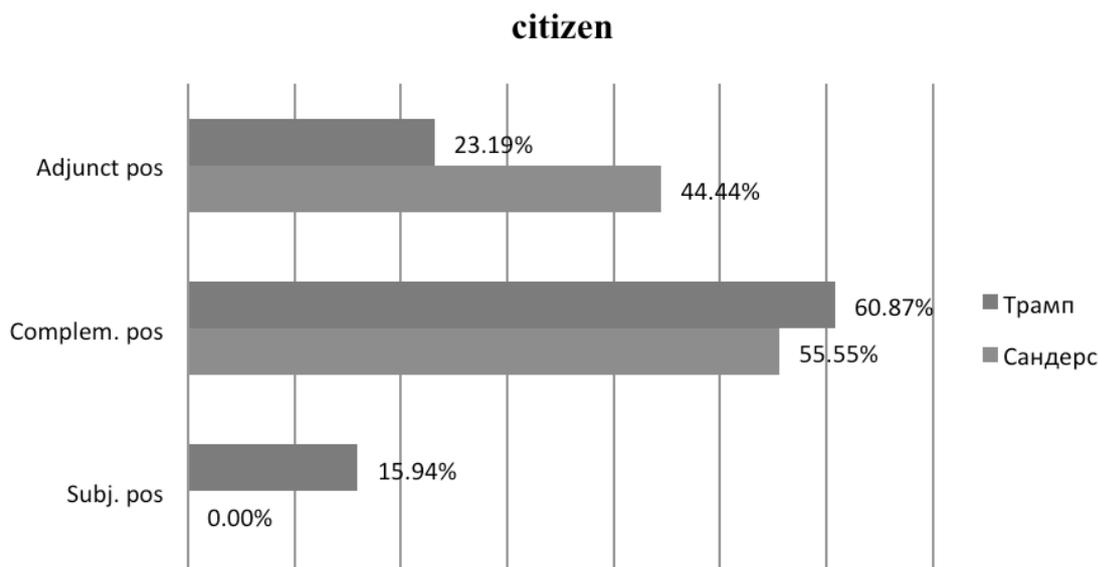

Рис. 5 Синтаксическая позиция ключевой лексической единицы *citizen* по количеству употребления политиками

Интересным является употребление слова “Americans”, поскольку здесь мы видим обратную тенденцию. Сандерс в субъектной и комплементарной позиции использует его на 10% чаще, чем Трамп. В адъюнктивной Трамп употребляет это ключевое слово более чем в два раза чаще.

Позиция субъекта (**Trump**): “*Americans* want relief from uncontrolled immigration.”, “And more than 5 million *Americans* have been lifted off of food stamps.”, “*Americans* build the future, we don’t tear down the past!”;

Позиция субъекта (**Sanders**): “Yes, but *Americans* don’t want to pay twice as much as other countries.”, “...87 million *Americans* have no health insurance or are underinsured...”, “29 million *Americans* do not have enough food to eat...”.

Комплементарная позиция (**Trump**): “We want all *Americans* to succeed – but that can’t happen in an environment of lawless chaos.”, “...I pledge to protect and defend all *Americans* who live inside our borders.”, “Finally, the time has come to give *Americans* the freedom to purchase health insurance across State lines...”.

Комплементарная позиция (**Sanders**): “...we have got to guarantee all *Americans* fundamental economic rights: the right to a job that pays you a living wage, the right to health care, the right to education.”, “We also need to give *Americans* affordable banking options.”, “...they want to throw 32 million *Americans* off of the health insurance...”.

Адъюнктивная позиция (**Trump**): “This is how we are going to make America great again for all *Americans*, for all *Americans*.”, “And we are fighting to bring us all together as *Americans*.”, “If we want to protect the quality of life for all *Americans* ... then we need to tell the truth about Radical Islam.”, “Now is the time for all of us as one country, Democrat, Republican, liberal, conservative to band together to deliver justice, and safety, and security for all *Americans*.”.

Адъюнктивная позиция (**Sanders**): “If we are going to create a financial system that works for all *Americans*, we have got to stop financial institutions from ripping off the American people...”, “Our goal must be to create a financial system and an economy that works for all *Americans*, not just a handful of billionaires.”

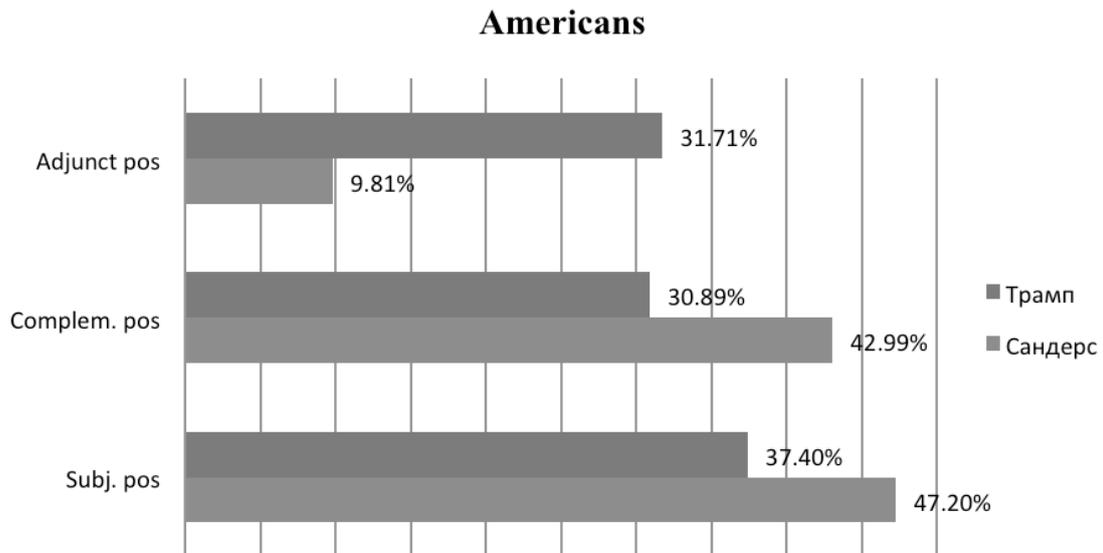

Рис. 6 Синтаксическая позиция ключевой лексической единицы *Americans* по количеству употребления политиками

В то же время, если мы объединим все три переменные, представляющие народ, можно увидеть, что Сандерс несколько чаще использует адъюнктивную позицию, а Трамп комплементарную. Функция субъекта применяется практически одинаково, с небольшим отличием в пользу Сандерса, который употребляет её немного чаще.

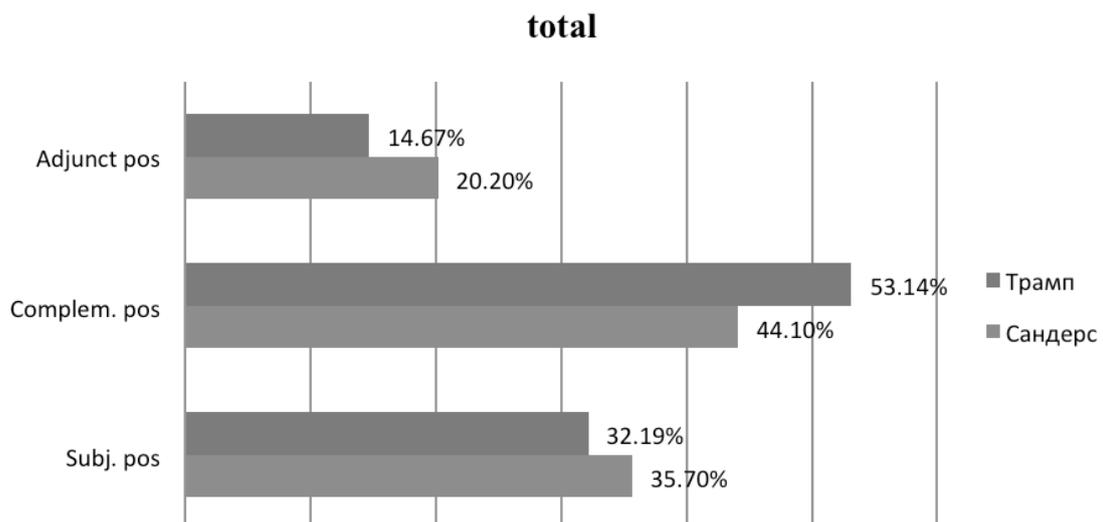

Рис. 7 Синтаксическая позиция всех анализируемых ключевых лексических единиц по количеству употребления политиками

Выводы

Таким образом, частота обращения политиков к «народу» не является единственным значимым показателем для измерения народоцентризма в (популистском) политическом дискурсе, как обычно предлагается в политологической литературе. В данном исследовании, учитывая практически одинаковое количество отобранного материала выступлений политиков, Трамп упоминал «народ» на 22% чаще.

При анализе предполагаемой близости к народу, особенно выраженной в представлении политиками своих идей как точки зрения народа через позицию субъекта (с синтаксической позиции по ван Левену), результаты исследования указывают на отсутствие преобладающей роли народа в дискурсе Трампа и Сандерса. В большинстве случаев народ выступает в роли дополнения или адъюнкта.

Из этого можно сделать вывод, что в контексте популизма, который подразумевает приближение к народу и представление себя как «голос народа», как Трамп, так и Сандерс подчёркивают роль и важность народа в своём дискурсе лишь для достижения своих политических целей. Однако для окончательного вывода о наличии или отсутствии данных элементов в их дискурсе требуется дополнительное исследование, включая анализ других аспектов речевого поведения политиков.

© Галочкин А.Е., 2024

Список литературы

1. Астахов Е.М. Истоки и перспективы левого движения в Испании / Е.М. Астахов, Н. А. Ростов // Современная Европа. 2020. №1. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-i-perspektivy-levogo-dvizheniya-v-ispanii> (Дата обращения: 10.01.2024).
2. Шмелев Д.В. Левый популизм в странах Запада. Феномен Ж.-Л. Меланшона // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. №3. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/levyy-populizm-v-stranah-zapada-fenomen-zh-l-melanshona> (Дата обращения: 11.01.2024).
3. Akkerman A. How populist are the people? Measuring populist attitudes in voters / A. Akkerman, C. Mudde, A. Zaslove // Comparative political studies. 2014. vol. 47. №. 9. [Электронный ресурс] – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1461444812450685> (Дата обращения: 11.01.2024).
4. Aragrande G. Interpreting web-based populism in Italy: a corpus-based analysis of selected Keywords in Beppe Grillo's blog The 9th International Corpus Linguistics Conference, University of Birmingham, 2017.
5. Artigas J. M. Las tensiones del populismo en el poder. Pueblo e instituciones en la teoría de Ernesto Laclau // Inguruak, 2017. Vol. 62. p. 19–38.
6. Bardi L. Responsive and responsible? The role of parties in twenty-first century politics / L. Bardi, S. Bartolini, A. H. Trechsel // The Role of Parties in Twenty-First Century Politics. Routledge, 2017. 1–20 p.
7. Bender M. C. Donald Trump Heads Into the Heart of the Republican Establishment / M. C. Bender, T. Jones // Bloomberg [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.bloomberg.com/politics/articles/2016-03-28/donald-trump-heads-into-the-heart-of-the-republican-establishment> (Accessed: 12.12.2023).
8. Betz H. G. Radical right-wing populism in Western Europe. Springer, 1994.
9. Birnbaum, Pierre. 2017. Les «gens» contre «l'oligarchie». Le discours de La France Insoumise. Cités, 2017. Vol.72. №4. 163–173p.
10. Borreca R. Political Crisis in Greece and Italy: a comparative analysis of SYRIZA and 5 Stars Movement // PSA 64th Conference, 2014. p. 14–16.
11. Bowler S. Right-wing populist party supporters: Dissatisfied but not direct democrats / S. Bowler, D. Denemark, T. Donovan et al // European Journal of Political Research. 2016. Vol. 56. №1. P.70–91.
12. Breeze R. Angry tweets: A corpus-assisted study of anger in populist political discourse // Journal of Language Aggression and Conflict. 2020. Vol. 8, №1. P. 118–145.
13. Brown K. Populism, the media, and the mainstreaming of the far right: The Guardian's coverage of populism as a case study/ K. Brown, A. Mondon // Politics. 2021. Vol. 41, №3. P. 279–295. [Электронный ресурс] – URL: <https://doi.org/10.1177/0263395720955036> (Accessed: 30.01.2023)
14. Brinker L. Anti-Establishment Bernie Sanders Is Learning to Play the Establishment's Game [Электронный ресурс]. – URL: <https://mic.com/articles/133635/antiestablishment-bernie-sanders-is-learning-to-play-theestablishment-s-game#.zbbZ6WX> (Accessed: 12.02.2023).
15. Castaño P. Left-wing populism and feminist politics. The Case of Evo Morales' Bolivia (2006-2018). Universitat Autònoma de Barcelona. 2020.

16. Ceccarini L. Towards the 5 star party/ L. Ceccarini, F. Bordignon // *Contemporary Italian Politics*. 2018. Vol. 10. №. 4. P. 346–362.
17. Cohen M. I. Education populism? A corpus-driven analysis of Betsy DeVos's education policy discourse // *Education Policy Analysis Archives*. 2021. Vol. 16. [Электронный ресурс] – URL: <https://doi.org/10.14507/epaa.29.5868> (Accessed: 14.02.2023)
18. De la Torre C. The Resurgence of Radical Populism in Latin America // *Constellations*. 2007. Vol.14 №3. P. 384–97.
19. De la Torre C. *Populism in Latin America*. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 195–213.
20. Erohov I.A. Gramsci's Theory of Hegemony from the Perspective of Modern Social and Political Criticism // *Politiko-filosofskij ezhegodnik [Annual of Political Philosophy]*. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ. 2008. iss.1. P. 71–87.
21. Elchardus M. Populism, persistent republicanism and declinism: An empirical analysis of populism as a thin ideology / M. Elchardus, B. Spruyt // *Government and Opposition*. 2016. Vol. 51. №. 1. P. 111–133.
22. Errejón Í. Constructing a new politics / Í. Errejón, C. Mouffe // *Soundings*. 2016. P. 62. №. 62. P. 43–55.
23. Forchtner B. Mediatization, right-wing populism and political campaigning: The case of the Austrian Freedom Party / B. Forchtner, M. Krzyzanowski, R. Wodak // *Media talk and political elections in Europe and America*. London: Palgrave Macmillan UK. 2013. P. 205–228.
24. Greven T. The rise of right-wing populism in Europe and the United States // *A Comparative Perspective*. Friedrich Ebert Foundation, Washington DC Office. 2016. P. 1–8.
25. Huber R. A. *European populism in the shadow of the Great Recession*. Studies in European political Science. Colchester: ECPR Press, 2016. P. 394.
26. Jacobs K., A populist paradise? Examining populists' Twitter adoption and use/ K. Jacobs, N. Spierings // *Information, Communication & Society*. 2019. Vol. 22. №. 12. P. 1681–1696.
27. Panizza F. *Populism, Social democracy and the Tale of the "Two Lefts" in Latin America*. Conceptualising Comparative Politics, London: Routledge, 2015. P. 192–214.
28. Kioupkiolis A. Radical left populism from the margins to the mainstream: A comparison of Syriza and Podemos / A. Kioupkiolis, G. Katsambekis // *Podemos and the New Political Cycle: Left-Wing Populism and Anti-Establishment Politics*. 2018. P. 201–226.
29. Kriesi H. The populist challenge // *The Role of Parties in Twenty-First Century Politics*. Routledge, 2017. P. 131–148.
30. Kyle J. High tide? Populism in power, 1990-2020. / J. Kyle, B. Meyer // *Tony Blair Institute for Global Change*. 2020. [Электронный ресурс]. – URL: <https://institute.global/sites/default/files/202002/High%20Tide%20Populism%20in%20Power%201990-2020.pdf> (Accessed: 05.02.2023)
31. Misoczky M. C. Populism/people/popular: Reflections from a Latin American perspective // *Organization*. 2020. Vol. 27. №. 3. P. 385–393.
32. Moffitt B. The Performative Turn in the Comparative Study of Populism // *Political Studies*. 2016. Vol. 41. №. 1. P. 3–23.
33. Mudde C. *Populist radical right parties in Europe*. 2007.
34. Peruzzotti E. Populism as democratization's nemesis: The politics of regime hybridization // *Chinese Political Science Review*. 2017. Vol. 2. P. 314–327.
35. Rendueles C. The rise of Podemos: Promises, constraints, and dilemmas / C. Rendueles, J. Sola // *Podemos and the new political cycle: Left-wing populism and anti-establishment politics*. 2018. P. 25–47.
36. Rehmann J. Bernie Sanders and the hegemonic crisis of neoliberal capitalism: What next? // *Socialism and Democracy*. 2016. Vol. 30. №. 3. P. 1–11.
37. Roberts D. Sanders and Trump rallies showcase election's anti-establishment spirit / D. Roberts, B. Jacobs, // *The Guardian*. 2016. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/usnews/2016/feb/07/bernie-sanders-donald-trump-rallies-newhampshire> (Accessed: 14.01.2023)
38. Rodrik D. Populism and the economics of globalization // *Journal of international business policy*. 2018. Vol. 1. P. 12–33.
39. Rooduijn M., Measuring populism: Comparing two methods of content analysis / M. Rooduijn, T.Pauwels // *West European Politics*. 2011. Vol. 34, №.6. P. 1272–1283.
40. Stockemer D. The 'new' discourse of the Front National under Marine Le Pen: A slight change with a big impact / D. Stockemer, M. Barisione // *European Journal of Communication*. 2017. Vol. 32. №. 2. P. 100–115.
41. Van Kessel S. *Populist parties in Europe: Agents of discontent?* Springer. 2015.
42. Van Leeuwen M. Measuring people-centrism in populist political discourse. *Imagining the Peoples of Europe*. 2019. P. 315.
43. Wodak R. Right-wing populism in Europe: Politics and discourse / R. Wodak, M. KhosraviNik, B. Mral // *Bloomsbury Academic*. 2013. P. 368.
44. Wolinetz S. *Absorbing the Blow Populist Parties and Their Impact on Parties and Party Systems* / S. Wolinetz, A.S. Zaslove // Colchester, UK: ECPR Press/Rowman & Littlefield. 2018.

References

1. Astakhov, E.M., Rostov, N. A. Istoki i perspektivy` levogo dvizheniia v Ispanii [The origins and prospects of the left-wing movement in Spain.] // *Sovremennaiia Evropa*. 2020. №1, <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-i-perspektivy-levogo-dvizheniya-v-ispanii> (accessed: 10.01.2024).
2. Shmelev, D.V. Levyy populizm v stranakh Zapada. Fenomen Zh.-L. Melanshona [Left populism in Western countries. The phenomenon of J.-L. Melanchon.] // *Kontury` global`nykh transformacij: politika, e`konomika, pravo*. 2018. №3, <https://cyberleninka.ru/article/n/levyy-populizm-v-stranah-zapada-fenomen-zh-l-melanshona> (Accessed: 11.01.2024).
3. Akkerman, A., Mudde, C., Zaslove, A. How populist are the people? Measuring populist attitudes in voters // *Comparative political studies*. 2014. vol. 47. №. 9, <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1461444812450685> (Accessed: 11.01.2024).

4. Aragrande, G. Interpreting web-based populism in Italy: a corpus-based analysis of selected Keywords in Beppe Grillo's blog // *The 9th International Corpus Linguistics Conference, University of Birmingham*. 2017.
5. Artigas, J.M. Las tensiones del populismo en el poder. Pueblo e instituciones en la teoría de Ernesto Laclau // *Inguruak*, 2017. Vol. 62. p. 19–38.
6. Bardi, L., Bartolini, S., Trechsel, A. H. *Responsive and responsible? The role of parties in twenty-first century politics*. The Role of Parties in Twenty-First Century Politics. Routledge, 2017. 1–20 p.
7. Bender, M.C., Jones, T. Donald Trump Heads Into the Heart of the Republican Establishment. *Bloomberg*, <http://www.bloomberg.com/politics/articles/2016-03-28/donald-trump-heads-into-the-heart-of-the-republican-establishment> (Accessed: 12.12.2023).
8. Betz, H. G. *Radical right-wing populism in Western Europe*. Springer, 1994.
9. Birnbaum, Pierre. 2017. Les «gens» contre «l'oligarchie». Le discours de La France Insoumise. *Cités*, 2017. Vol.72. №4. 163–173p.
10. Borreca, R. Political Crisis in Greece and Italy: a comparative analysis of SYRIZA and 5 Stars Movement // *PSA 64th Conference*, 2014. p. 14–16.
11. Bowler, S., Denmark D., Donovan T. et al. Right-wing populist party supporters: Dissatisfied but not direct democrats // *European Journal of Political Research*. 2016.
12. Breeze, R. Angry tweets: A corpus-assisted study of anger in populist political discourse // *Journal of Language Aggression and Conflict*. 2020. Vol. 8, №1. P. 118–145.
13. Brown, K., Mondon, A. Populism, the media, and the mainstreaming of the far right: The Guardian's coverage of populism as a case study // *Politics*. 2021. Vol. 41, №3. P. 279–295, <https://doi.org/10.1177/0263395720955036> (Accessed: 30.01.2023)
14. Brinker, L. Anti-Establishment Bernie Sanders Is Learning to Play the Establishment's Game. *Mic*, <https://mic.com/articles/133635/antiestablishment-bernie-sanders-is-learning-to-play-the-establishment-s-game#.zbbZ6WX> (Accessed: 12.02.2023).
15. Castaño, P. Left-wing populism and feminist politics. The Case of Evo Morales' Bolivia (2006–2018). *Universitat Autònoma de Barcelona*. 2020.
16. Ceccarini, L. Bordignon F. Towards the 5 star party // *Contemporary Italian Politics*. 2018. Vol. 10. №. 4. P. 346–362.
17. Cohen, M. I. Education populism? A corpus-driven analysis of Betsy DeVos's education policy discourse // *Education Policy Analysis Archives*. 2021. Vol. 16, doi.org/10.14507/epaa.29.5868 (Accessed: 14.02.2023)
18. De la Torre, C. The Resurgence of Radical Populism in Latin America // *Constellations*. 2007. Vol.14 №3. P. 384–97.
19. De la Torre, C. *Populism in Latin America*. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 195–213.
20. Erohov, I. A. Gramsci's Theory of Hegemony from the Perspective of Modern Social and Political Criticism // *Politiko-filosofskij ezhegodnik* [Annual of Political Philosophy]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ. 2008. iss.1. pp. 71–87.
21. Elchardus, M., Spruyt, B. Populism, persistent republicanism and declinism: An empirical analysis of populism as a thin ideology // *Government and Opposition*. 2016. Vol. 51. №. 1. P. 111–133.
22. Errejón, Í., Mouffe, C. Constructing a new politics // *Soundings*. 2016. P. 62. №. 62. P. 43–55.
23. Forchtner, B., Krzyżanowski, M., Wodak, R. Mediatization, right-wing populism and political campaigning: The case of the Austrian Freedom Party. // *Media talk and political elections in Europe and America*. London: Palgrave Macmillan UK. 2013. P. 205–228.
24. Greven, T. The rise of right-wing populism in Europe and the United States // *A Comparative Perspective. Friedrich Ebert Foundation, Washington DC Office*. 2016. P. 1–8.
25. Huber, R. A. *European populism in the shadow of the Great Recession. Studies in European political Science*. Colchester: ECPR Press, 2016. P. 394.
26. Jacobs, K., Spierings, N. A populist paradise? Examining populists' Twitter adoption and use // *Information, Communication & Society*. 2019. Vol. 22. №. 12. P. 1681–1696.
27. Panizza, F. Populism, Socialdemocracy and the Tale of the “Two Lefts” in Latin America. // *Conceptualising Comparative Politics*, London: Routledge, 2015. P. 192–214.
28. Kioupiolis, A., Katsambekis G. Radical left populism from the margins to the mainstream: A comparison of Syriza and Podemos // *Podemos and the New Political Cycle: Left-Wing Populism and Anti-Establishment Politics*. 2018. P. 201–226.
29. Kriesi, H. The populist challenge // *The Role of Parties in Twenty-First Century Politics*. Routledge, 2017. P. 131–148.
30. Kyle, J., Meyer, B. High tide? Populism in power, 1990–2020. *Tony Blair Institute for Global Change*, 2020, <https://institute.global/sites/default/files/202002/High%20Tide%20Populism%20in%20Power%201990-2020.pdf> (Accessed: 05.02.2023)
31. Misoczky, M.C. Populism/people/popular: Reflections from a Latin American perspective // *Organization*. 2020. Vol. 27. №. 3. P. 385–393.
32. Moffitt, B. The Performative Turn in the Comparative Study of Populism // *Political Studies*. 2016. Vol. 41. №. 1. P. 3–23.
33. Mudde, C. *Populist radical right parties in Europe*. 2007.
34. Peruzzotti, E. Populism as democratization's nemesis: The politics of regime hybridization // *Chinese Political Science Review*. 2017. Vol. 2. P. 314–327.
35. Rendueles, C., Sola J. *The rise of Podemos: Promises, constraints, and dilemmas*. Podemos and the new political cycle: Left-wing populism and anti-establishment politics. 2018. P. 25–47.
36. Rehmman, J. Bernie Sanders and the hegemonic crisis of neoliberal capitalism: What next? // *Socialism and Democracy*. 2016. Vol. 30. №. 3. P. 1–11.
37. Roberts, D., & Jacobs, B. Sanders and Trump rallies showcase election's anti-establishment spirit, *The Guardian*. 2016, <https://www.theguardian.com/usnews/2016/feb/07/bernie-sanders-donald-trump-rallies-newhampshire> (Accessed: 14.01.2023)
38. Rodrik, D. Populism and the economics of globalization // *Journal of international business policy*. 2018. Vol. 1. P. 12–33.
39. Rooduijn, M., Pauwels, T. Measuring populism: Comparing two methods of content analysis // *West European Politics*. 2011. Vol. 34, №.6. P. 1272–1283.

-
40. Stockemer, D., Barisione, M. The 'new' discourse of the Front National under Marine Le Pen: A slight change with a big impact // *European Journal of Communication*. 2017. Vol. 32. №. 2. P. 100–115.
 41. Van Kessel, S. *Populist parties in Europe: Agents of discontent?* Springer. 2015.
 42. Van Leeuwen, M. *Measuring people-centrism in populist political discourse*. Imagining the Peoples of Europe. 2019. P. 315.
 43. Wodak, R., KhosraviNik, M., Mral, B. *Right-wing populism in Europe: Politics and discourse*. Bloomsbury Academic, 2013. P. 368.
 44. Wolinetz, S., Zaslove, A. S. *Absorbing the Blow Populist Parties and Their Impact on Parties and Party Systems*. Colchester, UK: ECPR Press/Rowman & Littlefield, 2018.

Сведения об авторе:

Галочкин Александр Евгеньевич – ассистент кафедры иностранных языков ВШСН НГЛУ; Приглашённый преподаватель НИУ ВШЭ Факультета гуманитарных наук (Россия, Нижний Новгород). Сфера научных и профессиональных интересов: социолингвистика, корпусная лингвистика, лингвокультурология, критический дискурс анализ. E-mail: aegalochkin@lunn.ru
ORCID ID: 0000-0002-5402-0862

About the author:

Alexander E. Galochkin is Assistant Lecturer at the Department of Foreign Languages of the Higher School of Social Sciences, LUNN; Visiting lecturer at the Higher School of Economics, Faculty of Humanities (Nizhny Novgorod, Russia). Spheres of research and professional interest: sociolinguistics, corpus linguistics, cultural linguistics, critical discourse analysis. E-mail: aegalochkin@lunn.ru
ORCID ID: 0000-0002-5402-0862

* * *

THE CHURCH LEXICON AS A LEXICAL CATEGORY

Nikita S. Makarov

MGIMO UNIVERSITY

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article focuses on the study of church lexicon as a lexical category. The aim of this article is to analyze and compare different linguistic points of view on the key stages of church lexicon development in the Russian and English languages, to determine a working definition of the category “church lexicon”, as well as its most important elements.

In order to achieve this goal, the methods of analyzing sources, their subsequent comparison and contrast, identification of analogies and similarities were used, as well as synthesis of information extracted from these sources.

The material includes dissertations, scientific articles and other works of modern Russian scholars considering the concepts “church lexicon” and “religious lexicon”, comparing and juxtaposing them, as well as singling out constituent elements of the categories “church lexicon”, “religious lexicon”, “sacral lexicon”, and “liturgical lexicon”. In this article are used the works of such scholars as A.A. Azarov, I.V. Bugaeva, S.V. Bulavina, N.S. Valgina, R.I. Goryushina, E.V. Kakorina, I.A. Koroleva, T.I. Kosheleva and others.

The results of the research show that the interest in the church lexicon as a lexical category among Russian linguists has increased since the late twentieth and early twenty-first centuries due to the revival of the Christian Church of various denominations, as well as other religious organizations. The long period of persecution of the Christian Church in Russia has affected church vocabulary, marginalizing it and relegating it to the periphery of the language. In the UK, USA and other English-speaking linguistic communities, the activities of the Christian Church have never been banned or persecuted, and the history of church vocabulary in the English language as such has never faced marginalization similar to that in Russia.

It has also been established that church vocabulary is part of the broader category of “religious vocabulary” and includes basic concepts from the sphere of the life of the Christian Church. Although scholars argue about the constituents of the category “church lexicon”, many agree that it includes the names of sacraments and rites, elements of the church calendar, names of church buildings and their elements, items of decoration, elements of vestments, as well as names of persons in relation to the Christian faith and the Christian Church.

This article may be of interest to philologists, linguists, and teachers of the Russian and English languages.

Keywords: lexical category, church vocabulary, religious vocabulary, liturgical vocabulary, vocabulary composition, terminology

For citation: Makarov N.S. (2024). The Church lexicon as a lexical category. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(2), pp. 38–49. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-38-49>

ЦЕРКОВНАЯ ЛЕКСИКА КАК ЛЕКСИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Н.С. Макаров

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена изучению церковной лексики как лексической категории. Целью настоящей статьи является анализ и сопоставление различных лингвистических точек зрения о ключевых этапах развития церковной лексики в рамках русского и английского языка, выявление единого определения категории «церковная лексика», а также установление наиболее важных составных элементов этой категории.

Для достижения поставленной цели в рамках настоящей статьи используется метод анализа источников, их последующего сравнения и сопоставления, выявление аналогий и схожих черт, а также синтез почерпнутой из данных источников информации.

В качестве материала исследования выступают диссертации, научные статьи и работы современных отечественных учёных, в которых анализируются и сопоставляются понятия «церковная лексика» и «религиозная лексика», выявляются составные элементы «церковной лексики», «религиозной лексики», «сакральной лексики» и «богослужебной лексики». В статье используются работы таких учёных как А.А. Азаров, И.В. Бугаева, С.В. Булавина, Н.С. Валгина, Р.И. Горюшина, Е.В. Какорина, И.А. Королева, Т.И. Кошелева и др.

В результате исследования было установлено, что интерес к церковной лексике как к лексической категории в среде русских учёных-лингвистов возрос с конца XX – начала XXI вв. в связи с возрождением христианской Церкви различных деноминаций, а также других религиозных организаций и проповедников христианского толка. Длительный период гонений на христианскую Церковь в России сказался на церковной лексике, маргинализировав и выдвинув её на периферию языка. В Великобритании, США и других англоговорящих лингвосообществах деятельность христианских Церквей никогда не подвергалась ни запрету, ни преследованиям, в этой связи история церковной лексики в рамках английского языка не сталкивалась с периодами маргинализированности.

Также было установлено, что церковная лексика является частью более широкой категории «религиозная лексика» и включает в себя основные понятия из сферы жизни христианской Церкви. И хотя учёные спорят относительно конкретного состава категории «церковная лексика», многие сходятся в том, что в него входят названия таинств и обрядов, элементы церковного календаря, наименования церковных сооружений и их элементов, предметов убранства, элементов облачений, а также наименования лиц по отношению к христианской вере и христианской Церкви.

Настоящая статья может представлять интерес для филологов, лингвистов, а также преподавателей русского и английского языка.

Ключевые слова: церковная лексика, религиозная лексика, богослужебная лексика, словарный состав, терминология

Для цитирования: Макаров Н.С. (2024). Церковная лексика как лексическая категория. *Филологические науки в МГИМО*. 10(2), С. 38–49. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-38-49>

1. Вступление

Настоящее исследование посвящено исследованию истории церковной лексики как лексической категории в рамках словарного состава русского и английского языков, рассмотрению самого понятия «церковная лексика», взаимоотношению церковной лексики с более широкими понятиями, такими как «религиозная» и «сакральная лексика», а также установлению ключевых компонентов, входящих в состав данной лексической категории.

Церковная лексика как часть более обширной категории «религиозная лексика» попала в область интереса отечественных учёных-лингвистов совсем недавно. Возникший интерес к проблематике церковной и религиозной лексики представляется возможным объяснить её появлением в сфере повседневного употребления, а также последствиями долгого отсутствия церковной лексики в поле лингвистического исследования.

В современной отечественной лингвистике церковная лексика как часть более широкой категории «религиозная лексика» рассматривалась такими учёными как П.А. Якимов [21], Т.И. Кошелева [8], И.В. Бугаева [2], С.В. Булавина [3], Р.И. Горюшина [5], И.А. Королева [7], М.В. Рабжаева, В.Е. Семенов [14], С.А. Смирнова [17], [18], Ю.В. Новикова [12], И.А. Крылова [9], М.В. Слаутина [16], Н.Б. Мечковская [10], А.М. Четырина [20] и другими. М.В. Рабжаева и В.Е. Семенов рассматривали исторические тренды, оказавшие влияние на развитие и функционирование церковной лексики в рамках словарного состава русского языка, К.А. Тимофеев предложил одну из наиболее полных классификаций религиозной лексики как лексической категории, а И.А. Королева представила собственное видение и определение сакрально-богослужебной лексики. С.В. Булавина рассматривала категорию религиозно-церковной лексики, а Р.И. Горюшева предложила наиболее детальный тематический состав данной категории.

В целом гипотеза настоящего исследования заключается в том, что церковная лексика является составной частью более широкой и развёрнутой категории «религиозная лексика». Относительно самого понятия «церковная лексика», представляется возможным предположить, что церковная лексика является лексической категорией, включающей в себя единицы, называющие или описывающие материальные стороны церковной жизни, такие как предметы религиозного культа, элементы убранства, архитектурные элементы, наименования праздников, ритуалов, а также духовных и светских лиц, относящихся к деятельности христианской Церкви.

Для подтверждения данной гипотезы был проанализирован обширный перечень статей и научных работ, посвящённых теме церковной лексики, её определения, взаимоотношению данной лексической категории с более широкой – «религиозной лексикой», были изучены и сопоставлены точки зрения различных учёных, а также предложено наше видение состава и определения церковной лексики.

2. История развития церковной лексики в России, Великобритании и США

Долгое время в Советском союзе господствовала атеистическая идеология, не позволявшая гражданам СССР открыто заявлять о своей принадлежности к какой-либо религиозной организации, а также свободно актуализировать своё вероисповедание путём участия в религиозных практиках, отправлении ритуалов и пр. На протяжении десятилетий любая религиозная деятельность осуществлялась под контролем государства и исключительно с его разрешения. Лишь в конце XX века вместе с утверждением свободы вероисповедания на территории России резко возрос интерес к религии, различным духовным практикам, религиозным организациям. Усилению интереса к религии способствовала не только деятельность возрождённой Православной Церкви, но и постепенное возрождение структур прочих христианских церквей, в частности, Католической Церкви, а также активная деятельность различных протестантских проповедников и организаций, занимавшихся распространением Нового Завета (к примеру, ассоциация «Гедены братья») и популяризацией христианского вероучения.

Вместе с возрождением религиозной жизни в язык стали постепенно возвращаться слова, относящиеся к религиозной и церковной лексике. Отечественные филологи отмечали, что начиная с 1985 года в русский язык, используемый в повседневном общении, стали возвращаться лексические единицы, относящиеся к религиозной лексике [6, с. 67–68]. Ю.Н. Михайлова утверждала, что лишь в начале XXI века религиозная жизнь в России стала возрождаться [11, с. 4].

В целом же, многовековая история существования Церкви и прочих религиозных организаций в России оставила след на своеобразии церковной лексики в русском языке. Прежде чем перейти к непосредственному анализу понятия «церковной лексики» и различных элементов, относящихся к данной лексической категории, целесообразным представляется анализ исторических трендов и явлений, определявших роль церковной лексики в русском языке, предложенных М.В. Рабжаевой и В.Е. Семенковым.

Статья М.В. Рабжаевой и В.Е. Семенкова «Современная церковная лексика: проблема нормативного произношения и её социальные последствия» [14] посвящена анализу истории развития церковной лексики в рамках словарного состава русского языка, а также рассмотрению факторов, повлекших за собой наиболее значительные изменения в функционировании церковной лексики в русскоязычном лингвосообществе.

К **первому тренду**, определившему изменения церковной лексики, авторы относят гонения на церковь в XX веке. На рубеже XIX – XX веков церковная лексика являлась неотъемлемой частью повседневного языка, активно использовалась в повседневной жизни, так как церковная жизнь, важнейшие богословские понятия, базовая терминология, названия икон, праздников, элементов устройства храма были тесно связаны с посещением православного храма и участием в богослужениях. Во времена революционных преобразований в России церковная жизнь была запрещена, а церковная лексика была удалена на периферию языка и языкового сознания.

Е.В. Какорина говорит о том, что значительная часть церковного словаря пережила ряд трансформаций и преобразований, став секулярной и утратив сакральную часть собственного значения. Весь объём семантических значений данных лексических единиц сузился лишь к одному смысловому варианту [6]: «мирскому» значению, утратив прямую связь с сакральной сферой употребления.

Вторым трендом М.В. Рабжаева и В.Е. Семенков называют изменения в отношении к церковной лексике, связанные с секуляризацией культуры в советской России. Религиозная система мировоззрений и взглядов постепенно утрачивала свою значимость, уступая место светской, атеистической культуре, для которой использование церковной лексики совершенно не характерно. Авторы отмечают, что для данного тренда характерно также разделение русской культуры, объединявшей в себе светский и религиозный компонент, на две части: исключительно светскую и исключительно религиозную культуру. Светская культура доминировала, а религиозная стояла особняком. Следовательно, светский язык стал преобладать над религиозным, отодвигая его на периферию языка.

Третий тренд, по мнению авторов статьи, включает в себя кардинальные общеязыковые изменения. М.В. Рабжаева и В.Е. Семенков уточняют, что начиная с 90-х годов XX века практики функционирования речевого поведения сильно перестроились – главенствующей стала спонтанная форма речи, заранее не заготовленная. В категорию устной речи филологи того времени включали преимущественно заученные и фиксированные формы речи, которые воспроизводились в каждой конкретной ситуации, к примеру, речь актёров во время театрального выступления, лекции, проповеди, подготовленные публичные выступления и пр. Темп устной речи значительно повысился, появились новые сферы бытования устной речи, к примеру, митинги и выступления на них, демонстрации, неподготовленные выступления политиков и общественных деятелей.

Демократические преобразования 1990-х годов нашли своё отражение и в демократизации языка, «демократизация общества неимоверно расширила круг публично выступающих» [4, с. 4]. Спонтанная речь начинала активно распространяться и использоваться в различных видах дискурса – прямые эфиры на радио и телевидении, дебаты, обсуждения в парламенте и пр. подразумевали именно неподготовленную, спонтанную речь. Свобода вероисповедания, пришедшая

практически одновременно с демократическим преобразованием, привела к возвращению церковной лексики в поле повседневного употребления: она перестала быть маргинализованной, вернулась с периферии языка в активную сферу употребления. Однако, как отмечают авторы статьи, была утрачена норма корректного произношения, а именно – ударения в словах, относящихся к категории церковной лексики.

Говоря об истории церковной лексики в странах-носителях англоязычной культуры, в частности, Великобритании и Соединённых Штатах, необходимо отметить, что ни в Соединённом Королевстве, ни в США не было периодов запрета религиозной деятельности и гонений на христианскую Церковь. Этим объясняется то, что церковная лексика никогда не была маргинализована и не находилась на периферии языка.

В 595 году святой Григорий Великий, Папа Римский, отправил святого Августина, монаха из Ордена Бенедиктинцев, в Британию. Его главной задачей была проповедь христианства в среде язычников-англосаксов и обращение короля Кента Этельберта в христианскую веру. К концу VII века в Англии стало главенствовать христианство, языческие религиозные культы были запрещены. Именно с тех пор, благодаря усилиям св. Августина и многих других монахов и проповедников, христианство постепенно распространялось и укреплялось в Англии. Вплоть до XVI века, до периода реформации, Англия находилась под властью Католической Церкви, господствовавшей в странах Европы. В 1534 году король Генрих VIII провозгласил себя главой английской Церкви, тем самым положив начало протестантскому периоду в английской истории. До настоящего времени одной из главенствующих христианских Церквей в Великобритании остаётся Англиканская Церковь, а монарх продолжает исполнять функцию формального главы церкви.

Церковная лексика, как было обозначено ранее, никогда не была запрещена в Великобритании, а в связи со сходством протестантской и католической церковной терминологии она не утратила своей значимости и до сих пор используется в повседневной устной и письменной речи. Хотя, безусловно, тенденции секуляризации общества, отхода от религиозной системы мировоззрения и некоторого уменьшения роли церкви в обществе, находят своё отражение в языке – единицы церковной лексики не так активно употребляются в повседневной речи как в начале и середине XX века, реже встречаются в произведениях массовой культуры, но, тем не менее, не утратили своей значимости в словарном составе английского языка.

В Соединённых Штатах также не было периодов запрета религиозной деятельности, христианство, в частности его протестантское ответвление, легло в основу американского взгляда на общественную жизнь и государственное устройство. В период с XV по начало XIX века европейские колонизаторы Североамериканского континента приносили с собой христианство – испанцы и французы принесли католичество, в то время как британцы, немцы, датчане и голландцы принесли с собой протестантизм, в частности – англиканство, лютеранство, пресвитерианство, пуританизм, методизм, квакерство и т.п. Позднее иммигранты из стран Центральной и Восточной Европы, в том числе и иммигранты из Российской Империи, принесли с собой православие.

Религиозное разнообразие и доминирование христианских Церквей на территории США (по данным на 2021 год, 63% населения США называют себя христианами¹), а также религиозная свобода, гарантированная первой поправкой к Конституции США, обеспечивает свободное употребление церковной лексики в повседневной жизни, однако, как и в Великобритании, тенденция секуляризации и отхода от религиозного мировоззрения, сказывается на частоте употребления единиц церковной лексики.

Кратко рассмотрев историю церковной лексики в рамках русскоязычного и англоязычного общества, необходимо перейти к определению значения термина «церковная лексика» и установлению его соотношения с более обширным понятием «религиозная лексика».

¹ Pew Research Center - About Three-in-Ten U.S. Adults Are Now Religiously Unaffiliated [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2021/12/14/about-three-in-ten-u-s-adults-are-now-religiously-unaffiliated/> (дата обращения 04.03.2024)

3. Церковная лексика: подходы к её определению

Церковная лексика, по мнению целого ряда учёных, является составной частью более широкой категории «религиозная лексика», которая включает в себя слова, обозначающие религиозные понятия, которые «находятся в системных соотношениях друг с другом, и вместе взятые образуют то, что можно назвать религиозным мировоззрением» [19]. Учёные дают различные определения данной категории, однако, синтезировав различные подходы к определению данного термина, представляется возможным определить *церковную лексику как совокупность лексических средств, используемых для описания материальной стороны религиозной деятельности христианских Церквей различных деноминаций.*

Наиболее актуальным и спорным вопросом, обсуждаемым в рамках данной темы, является не само определение, а более детальная категоризация элементов, входящих в состав категории «церковная лексика», а также взаимоотношение данной категории с более широкими, такими как, к примеру, «религиозная лексика». Далее представляется необходимым рассмотреть точки зрения различных учёных относительно определения, а также состава данной лексической категории.

Среди учёных, занимавшихся разработкой вопроса категоризации религиозной лексики, является К.А. Тимофеев, который относит к *религиозной лексике* три подгруппы:

1. Термины и понятия, употребляемые в контексте всех монотеистических религий (*Бог, Творец, Создатель, душа, грех* и т.п.);
2. Термины и понятия, относящиеся исключительно к христианскому вероучению (*Святой Дух, Спаситель, Бог-Отец, Святая Троица, Богородица, Искупитель, архангел, святой, правдник* и т.п.);
3. Термины и понятия, характерные для отдельных христианских деноминаций и ответвлений (*литургия, месса, адорация, ксёндз, пастор, декан, поп, батюшка, потир, аспергий, звездица, катапетасма, иконостас* и т.п.).

Также к религиозной лексике К.А. Тимофеев относит и слова «добро, зло, брак, прощение, спасение, культ, материя» [19].

По мнению К.А. Тимофеева, «религиозная лексика» является весьма обширной категорией. Она включает ряд элементов, не специфичных для какой-либо религиозной традиции, а являющихся понятиями универсального характера, описывающих реалии различных монотеистических религиозных школ и находящих своё отражение в языке. Действительно, в соответствии с классификацией К.А. Тимофеева, религиозная лексика представляется в виде обширной лексической категории, включающей в свой состав терминологические единицы и понятия, характерные не только для христианской религии, но и для прочих монотеистических традиций, к примеру, исламу и иудаизму. При этом стоит отметить, что, исходя из представленной классификации учёного, лексика, характерная для политеистических религий (таких как, к примеру, индуизм), не относится к категории «религиозная лексика», что представляет определённую трудность для её дальнейшей классификации. На наш взгляд, также как и по мнению других учёных-специалистов, терминология и понятия, используемые в контексте политеистических религий, тоже относятся к категории «религиозная лексика», так как они касаются вопросов религиозной жизни, отправления культа и почитания божеств.

Похожего подхода к определению религиозной лексики придерживался также и А.А. Азаров, относивший к религиозной лексике слова, возникшие на базе мировых религий и используемые для отправления ритуалов, обрядов, описания архитектурных сооружений, художественных произведений, активно используемые в религиозоведческих и богословских исследованиях. Кроме того, он относит к этой категории имена святых, религиозных деятелей, названия религиозных праздников, именованья элементов религиозной атрибутики и пр. [1, с. 89]. В данном случае сходство точек зрения К.А. Тимофеева и А.А. Азарова состоит в том, что оба учёных относят к «религиозной лексике» преимущественно терминологию мировых религий, к которым традиционно относятся две основные монотеистические авраамические религии – христианство и ислам,

а также одну из основных религий Востока – буддизм. Однако затруднение в данной классификации представляет неоднозначность самого понятия «мировая религия», так как по информации, содержащейся в ряде источников, к примеру, в Encyclopedia Britannica, к мировым религиям в настоящее время относятся также и иудаизм, синтоизм, конфуцианство, даосизм и индуизм. Таким образом, исходя из традиционной и более современной интерпретации понятия «мировая религия», А.А. Азаров включает в понятие «религиозной лексики» лексику, относящуюся не только к монотеистическим, но и политеистическим религиям, что является ключевым отличием в позициях Азарова и Тимофеева.

Другим термином, используемым для описания данной лексической категории, является термин *сакрально-богослужебная лексика*, предложенный И.А. Королевой. Под ним она понимает языковые единицы, связанные с отправлением религиозных ритуалов и обрядов, религиозного культа в целом, которые имеют сакральный характер для носителей языка в рамках определённого лингвокультурного сообщества [7]. Узкая функциональная специфика данных языковых единиц определила их стилистическую маркированность в языках и объясняет их принадлежность к возвышенной, торжественной лексике, оказывающей сильное эмоциональное и эстетическое воздействие на реципиента.

С точки зрения И.А. Королевой, данная лексическая категория сочетает в себе две категории – *сакральную и богослужебную* лексику. К сакральной лексике автор относит слова, базирующиеся на понятии «вера» и отражающие степень обладания святостью и сверхъестественной силой, к примеру, такие понятия, как: «Вседержитель», «Саваоф», «Искупитель», «Мессия», «Богородица», «серафим», «херувим», «архангел», «ангел», «бес», «дьявол», «нечистый». Автор разделяет данную категорию на три лексико-семантические группы: «Бог-дьявол», «Высшие существа» и «Последователи-противники Бога» [там же]. Таким образом, категория сакральной лексики имеет определённое сходство с первой и второй категориями, предложенными К.А. Тимофеевым, к которым относятся термины и понятия, характерные для основных монотеистических религий, а также специфические христианские понятия. В данном случае, разделение «религиозной» или «сакрально-богослужебной» лексики (данные термины представляется возможным использовать в качестве синонимов) представляется предельно целесообразным, так как метафизический аспект религии, её элементы, относящиеся к трансцендентному познанию, используя терминологию Иммануила Канта, выходят за рамки материального мира и находят своё символическое отражение в другой лексической категории, которую И.А. Королева определяет как «богослужебную лексику».

К богослужебной лексике И.А. Королева относит лексические единицы, связанные с понятиями «религия» и «церковь», то есть единицы, обозначающие материальные предметы и сооружения, используемые для совершения ритуалов и обрядов, а также лиц, участвующих в отправлении религиозного культа. К категории предметов и сооружений относятся наименования архитектурных сооружений и архитектурных элементов, элементов богослужебной утвари, наименований предметов церковного облачения и пр. Богослужебную лексику автор подразделяет на три лексико-семантические подгруппы: «Люди», «Место, строение» и «Атрибутика» [там же]. Категория «Люди» включает в себя наименования духовных лиц, участвующих в отправлении культа (например, *епископ, священник, дьякон, алтарник, певчий* и т.п.). Категория «Место, строение» включает в себя наименования архитектурных элементов и сооружений (например, *собор, церковь, часовня, апсида, алтарь, придел, альков, крипта, баптистерий, ризница* и т.п.). Категория «Атрибутика» включает в себя наименования предметов и атрибутов, используемых для отправления религиозного культа, а также предметов почитания (например, *престол, дарохранительница, жертвенник, иконостас, катапетасма, звездица, аналой, копие, потир, монстранция, курительница, кадилница* и т.п.).

Особый интерес в рамках настоящего исследования представляет точка зрения С.В. Булавиной, определившей данный пласт лексики как *религиозно-церковную лексику* [3]. К религиозной лексике она относит единицы, называющие основополагающие понятия, существующие в рамках христианского вероучения и содержащиеся в Библии. При этом, исходя из точки зрения автора, к данной категории не относится лексика, касающаяся иных религиозных традиций. С.В. Булавина

под «религиозной лексикой» понимает, в первую очередь, лексику, связанную с христианским вероучением, что в некоторой степени противоречит точке зрения К.А. Тимофеева, который включал в данную категорию лексику, относящуюся к различным монотеистическим религиозным традициям. К церковной лексике С.В. Булавина относит единицы, называющие материальную сторону жизни Церкви, элементы храмового убранства и предметы, необходимые для отправления культа, различные ритуалы и обряды. Представляется возможным провести знак равенства между категорией «церковной» лексики, предложенной С.В. Булавиной, и категорией «богослужебной» лексики, о которой писала И.А. Королева. Обе категории включают в себя наименования материальных предметов и лиц, относящихся к отпавлению христианского религиозного культа.

По мнению учёного, категория «религиозная лексика» подразделяется на несколько подкатегорий, а именно:

1. Наименования Бога и приближённых к Богу существ – *Господь, Христос, Владыка, Спаситель, Спас, Богородица, ангел, мученик* и др.
2. Наименования существ, связанных с противостоящей Богу силой – *антихрист, сатана, дьявол, бес, демон, чёрт* и др.
3. Наименование мест и состояний, касающихся загробной жизни – *ад, чистилище, рай, геенна, тьма* и др.
4. Наименования понятий, касающихся системы религиозных представлений о человеке, о его добродетелях и пороках – *душа, грех, вера, грехопадение, искупление* и др. [17, с. 88–89].

Особый интерес в рамках рассмотрения данной проблематики вызывает вопрос наименования представленных выше категорий. С.В. Булавина считает, что термин «религиозная лексика» связан с понятием «религия», а И.А. Королева считает, что термин «сакральная лексика» связан с понятием «вера» [там же]. При этом оба данных термина имеют схожую семантику, а именно – убеждённость в существовании высших божественных сил, свойственную представителям человеческого сообщества. Стоит отметить, что сам термин «религия» подразумевает организованность и некоторую структурированность процесса актуализации собственной веры или, иными словами, религиозных убеждений. В этой связи представляется возможным рассматривать понятия «религиозная» и «сакральная» лексика как схожие, сопоставимые и имеющие аналогичные лексические значения.

К категории «церковная лексика» С.В. Булавина также относит 4 категории:

1. Наименования предметов, используемых для отправления культа, например, – *икона, распятие, кадило, кропило* и т.п.
2. Наименования церковных таинств, ритуалов и обычаев, например, – *крещение, миропомазание, елеопомазание, проповедь, исповедь* и т.п.
3. Наименования архитектурных элементов и частей внутреннего и внешнего церковного устройства, например, – *апсида, неф, клирос, колокольня, купол* и т.п.
4. Наименования единиц церковного административного устройства, например, – *епархия, экзархат, патриархат, приход, монастырь, аббатство* и т.п. [17, с. 89].

Схожего подхода к определению церковной лексики придерживается и М.Е. Петухова [13, с. 9], которая включает в данную категорию следующие 3 лексико-семантические группы:

1. Названия церковных помещений, сооружений, поселений (*собор, церковь, часовня, курия, монастырь, аббатство, епархия, келия, ризница, алтарь* и т.п.);
2. Обозначения предметов церковной утвари, облачения, культовых атрибутов (*дарохранильница, престол, паникадило, катапетасма, завеса, звезда, потир, копие, чаши, дискос, епитрахиль, альба, митра, икона, распятие* и т.п.);
3. Наименования лиц по их связи с христианской верой, чинов, сословий, верующих и неверующих людей и иноверцев, монахов и мирян (*епископ, митрополит, папа, патриарх, архимандрит, алтарник, министр, церемониарий, аббат, настоятель, декан* и т.п.).

Автором наиболее широкого и развёрнутого описания тематического состава церковной лексики, включающего в себя пять категорий, является Р.И. Горюшина [5], которая относит к данной лексической группе следующие подкатегории:

1. Наименования христианских таинств, обрядов и ритуалов, а также предметов религиозного поклонения (*богослужение, месса, литургия, крещение, венчание, крест, распятие, икона* и пр.).
2. Наименования представителей церковной иерархии (*папа, кардинал, епископ, патриарх, митрополит, монах, архимандрит* и пр.).
3. Наименования предметов, используемых для совершения религиозных обрядов и церемоний, церковной утвари (*дискос, потир, чаши, копие, облатка, просфора* и т.п.).
4. Наименования религиозных торжеств, праздников и прочие особые даты церковного календаря (*Крещение Господне, Вербное воскресенье, Рождество Иоанна Предтечи, Страстная пятница* и т.п.).
5. Наименования христианских духовных текстов и богослужебных книг (*Библия, Евангелие, Псалтирь, требник, житие, миссал, breviарий* и т.п.).

4. Результаты исследования

По результатам проанализированных выше подходов к определению категорий «церковная лексика» (С.В. Булавиной, М.Е. Петуховой и Р.И. Горюшиной) и «богослужебная лексика» (И.А. Королевой), представляется возможным в виду их сходства рассматривать данные категории как синонимы.

Кроме того, после рассмотрения подходов к определению состава лексической категории «церковная лексика» представляется возможным предложить свой подход к классификации данной лексической категории, на наш взгляд, наиболее полно отражающий её состав:

1. Наименования церковных поселений, сооружений и помещений (*монастырь, собор, аббатство, церковь, часовня, храм, баптистерий* и т.п.).
2. Наименования предметов поклонения, святынь и реликвий (*Пресвятыне Дары, распятие, крест, икона, мощи, реликвия* и т.п.).
3. Наименования предметов церковной утвари, облачения (*монстранция, дарохранительница, престол, жертвенник, потир, звезда, воздух, епитрахиль, риза, mitra, клобук, орарь, альба* и т.п.).
4. Наименования христианских духовных текстов и богослужебных книг (*Библия, Евангелие, Псалтирь, требник, миссал, breviарий, молитвенник* и т.п.).
5. Наименования религиозных праздников, торжеств и особенных дней (*Пасха, Рождество, Семидесятница, Страстная Пятница* и т.п.).
6. Наименования христианских богослужений, таинств, обрядов и ритуалов (*литургия, месса, исповедь, священство, рукоположение, освящение, благословение* и т.п.).
7. Наименования лиц по их отношению к христианской вере и церковной иерархии (*папа, патриарх, митрополит, епископ, священник, монах, аббат, декан* и т.п.).
8. Наименования архитектурных элементов и деталей, которые в определённом контексте выступают в качестве неотъемлемых деталей храмового устройства (*апсида, неф, трансепт, клирос, альков, колокольня, купол, шпиль, витраж* и т.п.).
9. Наименования предметов и субстанций, которые не имеют исключительной связи с церковным употреблением, но в определённом контексте выступают в качестве наименований неотъемлемых элементов христианской богослужебной практики и храмовой обстановки (*лампада, свеча, подсвечник, покрывало, скамья, орган, кафедра, курильница, благовоние, масло* и т.п.).

Отличительной чертой предложенной нами классификации являются два последних пункта, называющих архитектурные элементы, предметы и субстанции, не имеющие исключительной связи с христианством или христианской церковью, однако в определённом контексте выступающие в качестве наименования предметов или явлений, являющихся неотъемлемой частью церковного обихода. Выделение данных подпунктов в качестве отдельных составных частей категории «церковная лексика» продиктовано тем, что не все предметы, используемые в рамках христианского богослужения, могут быть отнесены исключительно к церковной сфере употребления, однако в контексте, связанном с описанием храмового устройства или убранства, ритуалов и обрядов, церемоний и событий, связанных с отправлением христианского религиозного культа, данные наименования начинают выполнять роль единицы церковной лексики.

Для обоснования данной точки зрения можно обратиться к «Словарю православной церковной культуры», в котором Г.Н. Скляревская [15, с. 7] предлагает собственную детализированную классификацию церковно-религиозной лексики, состоящую из 7 категорий: названий таинств, элементов церковного календаря, церковных праздников, форм и элементов богослужения, храма и его частей, предметов богослужения, священнических облачений и их частей, наименований церковной иерархии. При этом к категории «храм и его части» отнесены такие термины, как «амвон», «придел» и другие, являющиеся также и архитектурными терминами.

Необходимо также обозначить, что категория «церковная лексика» не ограничена какой-либо конкретной христианской деноминацией и в этой связи в настоящей работе под Церковью понимается совокупность христианских церквей различных деноминаций, разделяющих основополагающие постулаты христианского вероучения и, соответственно, церковная лексика в настоящем исследовании не ограничена какой-либо конкретной традицией, а понимается как совокупность лексических единиц, используемых для описания религиозной жизни и материальной, обрядовой составляющей и пр. различных христианских церквей.

5. Выводы

Таким образом, церковная лексика является частью более широкой категории «религиозная лексика» и используется для описания явлений и событий, касающихся материального бытования Церкви. Хотя у лингвистов нет единой позиции относительно конкретной структуры церковной лексики как лексической категории, представляется возможным обозначить следующие элементы, предложенные вышеперечисленными учёными: названия таинств и обрядов, элементы церковного календаря, наименования торжеств и праздников, наименования церковных сооружений и их элементов, предметов убранства, элементов облачений, а также наименования лиц, связанных с христианской религиозной традицией и христианской Церковью.

В качестве составных элементов данной лексической категории представляется возможным определить: наименования церковных поселений, сооружений и помещений; наименования предметов поклонения, святынь и реликвий; наименования предметов церковной утвари, облачения; наименования христианских духовных текстов и богослужебных книг; наименования религиозных праздников, торжеств и особенных дней; наименования христианских богослужений, таинств, обрядов и ритуалов; наименования лиц по их отношению к христианской вере и церковной иерархии; наименования архитектурных элементов и деталей, которые в определённом контексте выступают в качестве неотъемлемых деталей храмового устройства; наименования предметов и субстанций, которые не имеют исключительной связи с церковным употреблением, но в определённом контексте выступают в качестве наименований неотъемлемых элементов христианской богослужебной практики и храмовой обстановки.

Список литературы

1. Азаров А.А. Русско-английский словарь религиозной лексики / А. А. Азаров. Москва : РУССО, 2002.
2. Бугаева И.В. Православная лексика в русском и финском языках/ Бугаева И.В.// *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*, Хельсинки, 2010 [Электронный ресурс] URL: <https://blogs.helsinki.fi/slavica-helsingiensia/files/2019/11/27-sh40.pdf> (дата обращения: 22.01.2024).
3. Булавина С.В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику : автореф. дис. канд. филол. наук / С.В. Булавина [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/russkie-ustoichivye-slovosochetaniya-soderzhashchie-tserkovno-religioznuyu-leksiku> (дата обращения: 22.01.2024).
4. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке/ Н.С. Валгина. Москва: Логос, 2001.
5. Горюшина Р.И. Лексика христианства в русском языке (системное отношение прямых конфессиональных и производных светских слов) : автореф. дис.... канд. филол. наук / Р.И. Горюшина [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/leksika-khristianstva-v-russkom-yazyke-sistemnye-otnosheniya-pryamykh-konfessionalnykh-i-pro> (дата обращения 22.01.2024).
6. Какорина Е.В. Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) / Е.В. Какорина // *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)* / отв. ред. Е. А. Земская. Москва: Языки русской культуры, 2000.
7. Королева И.А. Православная сакрально-богослужебная лексика в художественном тексте: автореф. дис. ...канд. филол. наук/ И.А. Королева [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/pravoslavnaya-sakralno-bogosluzhebnaia-leksika-v-sovremennom-russkom-yazyke-i-v-khudozhestve> (дата обращения: 22.01.2024).
8. Кошелева Т.И. Лексика православия в речи журналистов. / Т.И. Кошелева// *Учёные записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого* [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksika-pravoslaviya-v-rechi-svetkskh-zhurnalistov/viewer> (дата обращения 24. 01. 04).
9. Крылова И.А. Современная православная проповедь в функционально-стилистическом аспекте: дис. .. канд. филол. наук / И. А. Крылова. Санкт-Петербург, 2005.
10. Мечковская Н.Б. Язык и религия (лекции по филологии и истории религий) / Н. Б. Мечковская. Москва: ФАИР, 1998.
11. Михайлова Ю.Н. Религиозная православная лексика и её судьба (по данным толковых словарей русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук/ Ю.Н. Митина. Екатеринбург, 2004. с. 4.
12. Новикова Ю.В. Роль церковно-религиозной лексики в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» /Ю.В. Новикова// *Балтийский гуманитарный журнал*, т. 7 №4(25), 2018.
13. Петухова М.Е. Функциональные особенности церковной лексики с предметным значением в русском языке: автореф. дис.... канд. филол. наук / М. Е. Петухова. Казань, 2003.
14. Рабжаева М.В. Современная церковная лексика: проблема нормативного произношения и её социальные последствия/ М.В. Рабжаева, В.Е. Семенов// *Вестник СПбГУКИ* №4 (13) Декабрь 2012 с.181–186.
15. Складневская Г.Н. Словарь православной церковной культуры / Г. Н. Складневская. Санкт-Петербург: Наука, 2007.
16. Слаутина М.В. Особенности репрезентации христианской картины мира в лексике русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Слаутина. Екатеринбург, 2006.
17. Смирнова С.А. О понятии «церковная лексика» / С.А. Смирнова // *Научный диалог*. 2014. № 12 (36): Филология.
18. Смирнова С.А. Святость как феномен русской культуры (семантическое и лингвокультурологическое описание): дис. ... канд. филол. наук / С. А. Смирнова. Архангельск, 2005.
19. Тимофеев К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения: монография / К.А. Тимофеев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/timofeev-01.htm> (дата обращения: 22.01.2024).
20. Четырина А.М. К вопросу о разграничении церковной и религиозной лексики в толковых словарях русского языка/ А.М. Четырина// *Актуальные вопросы изучения духовной культуры*. Ярославль: Ремдер, 2010.
21. Якимов П.А. Религиозная лексика – церковная лексика – библейская лексика: к вопросу о соотношении понятий/ П.А. Якимов // *Вестник ОГУ* №9 (158) Сентябрь 2013.

References

1. Azarov, A.A. *Russko-angliiskii slovar' religioznoi leksiki* [Russian-English Dictionary of Religious Vocabulary]/ A.A. Azarov. Moscow: RUSO, 2002.
2. Bugaeva, I.V. *Pravoslavnaia leksika v russkom i finskom iazykakh* [Orthodox vocabulary in Russian and Finnish languages]/ I.V. Bugaeva // *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*, Helsinki, 2010.
3. Bulavina, S.V. *Russkie ustoichivye slovosochetaniia, sodержashchie tserkovno-religioznuiu leksiku*. Autoref. dis. kand. filol. nauk [Russian stable word combinations containing church-religious vocabulary]/ S.V. Bulavina, <https://www.dissercat.com/content/russkie-ustoichivye-slovosochetaniya-soderzhashchie-tserkovno-religioznuyu-leksiku> (Accessed 22 January 2024).
4. Valgina, N.S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom iazyke* [Active processes in the modern Russian language] / N.S. Valgina. Moscow: Logos, 2001.
5. Goriushina, R.I. *Leksika khristianstva v russkom iazyke (sistemnoe otnoshenie priamykh konfessional'nykh i proizvodnykh svet-skikh slov)*: Autoref. Dis.... kand. filol. nauk [The lexicon of Christianity in the Russian language (systemic relation of direct confessional and derived secular words)] / R.I. Goriushina, <https://www.dissercat.com/content/leksika-khristianstva-v-russkom-yazyke-sistemnye-otnosheniya-pryamykh-konfessionalnykh-i-pro> (Accessed 22 January 2024).
6. Kakorina, E.V. *Transformatsii leksicheskoi semantiki i sochetaemosti (na materiale iazyka gazet)* [Transformation of lexical semantics and combinability (on the material of newspaper language)] / E.V. Kakorina // *Russkii iazyk kontsa XX stoletia (1985-1995)* / отв. ред. Е.А. Земская. Moscow: Iaziki russkoi kul'turi, 2000.

7. Koroleva, I.A. *Pravoslavnaia sakral'no-bogoslužebnaia leksika v khudozhestvennom tekste*: Autoref. Dis. ... kand. filol. nauk [Orthodox sacral and devotional vocabulary in the artistic text] / I.A. Koroleva, <https://www.dissercat.com/content/pravoslavnaia-sakralno-bogoslužebnaia-leksika-v-sovremennom-russkom-yazyke-i-v-khudozhestve> (Accessed 22 January 2024).
8. Kosheleva, T.I. *Leksika pravoslaviia v rechi zhurnal'istov* [Lexicon of Orthodoxy in the speech of journalists] / T.I. Kosheleva // *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Iaroslava Mudrogo*, <https://cyberleninka.ru/article/n/leksika-pravoslaviya-v-rechi-svetskih-zhurnal'istov/viewer> (Approached 24 January 2024).
9. Krylova, I.A. *Sovremennaia pravoslavnaia propoved' v funktsional'no-stilisticheskom aspekte*: Dis. Kand. filol. nauk. [Modern Orthodox sermon in functional and stylistic aspect] / I.A. Krylova. Saint-Petersburg, 2005.
10. Mechkovskaia, H. B. *Iazyk i religiia* (leksii po filologii i istorii religii) [Language and religion] / N.B. Mechkovskaia, Moscow: FAIR, 1998.
11. Mikhailova, Iu.N. *Religioznaia pravoslavnaia leksika i ee sud'ba (po dannym tolkovykh slovari russkogo iazyka)*: Autoref. kand. filol. nauk [Religious Orthodox lexicon and its fate (according to explanatory dictionaries of the Russian language)] / Iu.N. Mikhailova. Yekaterinburg, 2004.
12. Novikova, Iu.V. *Roľ tserkovno-religioznoi leksiki v romane M.A. Bulgakova «Master i Margarita»* [The role of church-religious vocabulary in M.A. Bulgakov's novel *The Master and Margarita*] / Iu.V. Novikova // *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* №4(25), 2018.
13. Petukhova, M.E. *Funktsional'nye osobennosti tserkovnoi leksiki s predmetnym znacheniem v russkom iazyke*: Autoref. Dis. ... kand. filol. nauk. [Functional peculiarities of the church lexicon with subject meaning in Russian] / M.E. Petukhova. Kazan, 2003.
14. Rabzhaeva, M.V., Semenov, V.E. *Sovremennaia tserkovnaia leksika: problema normativnogo proiznosheniia i ee sotsial'nye posledstviia* [Modern Church vocabulary: the problem of normative pronunciation and its social consequences] / M.V. Rabzhaeva, V.E. Semenov // *Vestnik SPbGUKI* №4(13), 2012.
15. Skliarevskaiia, G.N. *Slovar' pravoslavnoi tserkovnoi kul'tury* [Dictionary of Orthodox Church Culture] / G.N. Skliarevskaiia. Saint-Petersburg: Nauka, 2007.
16. Slautina, M.V. *Osobennosti reprezentatsii khristianskoi kartiny mira v leksike russkogo iazyka*: Autoref. Dis. ... Kand. filol. nauk. [Peculiarities of representation of the Christian picture of the world in the lexicon of the Russian language] / M.V. Slautina. Yekaterinburg, 2006.
17. Smirnova, S.A. *O poniatii «tserkovnaia leksika* [On the concept of «ecclesiastical vocabulary»] / S.A. Smirnova // *Nauchnyi dialog* №12(36), 2014.
18. Smirnova, S.A. *Sviatost' kak fenomen russkoi kul'tury (semanticheskoe i lingvokul'turologicheskoe opisanie)*: Dis... kand. filol. nauk. [Sainthood as a phenomenon of Russian culture (semantic and linguocultural description)] / S.A. Smirnova. Arkhangelsk, 2005.
19. Timofeev, K.A. *Religioznaia leksika russkogo iazyka kak vyrazhenie khristianskogo mirovozzreniia: monografiia* [Religious vocabulary of the Russian language as an expression of the Christian worldview] / K.A. Timofeev, <http://www.philology.ru/linguistics2/timofeev-01.htm> (Accessed 22 January 2024).
20. Chetyrina, A.M. *K voprosu o razgranichenii tserkovnoi i religioznoi leksiki v tolkovykh slovariakh russkogo iazyka* [On the question of differentiation of church and religious lexicon in explanatory dictionaries of the Russian language] / A.M. Chetyrina // *Aktual'nye voprosy izucheniia dukhovnoi kul'tury*. Yaroslavl: Remder, 2010.
21. Iakimov, P.A. *Religioznaia leksika – tserkovnaia leksika – bibleiskaia leksika: k voprosu o sootnoshenii poniatii* [Religious lexicon – church lexicon – biblical lexicon: a question about the correlation of concepts] / P.A. Iakimov // *Vestnik OGU* №9 (158) 2013.

Сведения об авторе:

Макаров Никита Сергеевич – аспирант и преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО МИД РФ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лексический состав английского и русского языка, особенности перевода прецедентных единиц, межкультурная коммуникация, история и культура Соединённого Королевства, социальное учение и моральная теология (нравственное богословие) Католической Церкви, взаимосвязь богословия и музыки. E-mail: makarov.n.s@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-6581-748X

About the author:

Nikita S. Makarov is Postgraduate student and Lecturer at the Department of English Language No. 3 of MGIMO University (Russia, Moscow). Spheres of scientific and professional interests: lexical composition of the English and Russian languages, peculiarities of translation of precedent units, intercultural communication, history and culture of the United Kingdom, social doctrine and moral theology (moral theology) of the Catholic Church, interrelation of theology and music. E-mail: makarov.n.s@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-6581-748X

* * *

ON LANGUAGE DEVELOPMENT IN THE TIMES OF SCREEN ADDICTION (BASED ON ENGLISH NEOLOGISMS)

Elena M. Nikolaenko, Irina A. Shevelyova

*Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky,
14, Bezhitskaya Str., Bryansk, 241036, Russia*

Abstract. The given article is the summary of the research into neologisms of the lexico-semantic field Screen Addiction, the aim of which is to describe ways and means of the formation of screen addiction neologisms in modern English following the tenets of the cognitive-discursive approach. The methods used in data analysis are the definition method, the componential and the discourse analysis, and quantitative methods. The data under study (31 neologisms) were collected from dictionaries and online sources (newspapers, blogs, etc.) by hand search. The analysis of the semantic structure of the language unit “screen” in diachronic perspective led us to the conclusion that this language unit is flexible as all ongoing social changes tend to be accompanied by the expansion of the lexico-semantic variants of “screen” and by the change of their hierarchical structure. At present the most active variants of “screen” are “display on a computer monitor” and “the monitor itself”. The neologisms of the lexico-semantic field Screen Addiction were classified by structural and semantic parameters. By their structure, they fall into two groups – neologisms with and without the “screen” component. By the semantic parameter we mean those spheres of our life, which have been influenced by screen addiction and have found their reflection in neologisms. According to the semantic parameter, neologisms fall into several groups: a) time/epoch we live in; b) people living in these times; c) time spent in front of the screen; d) screen addiction and ways of tackling it; e) diseases and other dysfunctions caused by screen addiction; and f) behaviour and manners. Group d) (screen addiction and ways of solving this issue) takes the lead (61 % of neologisms) which can indicate that this very aspect is people’s utmost concern at present. In terms of word building, compound words prevail (81% neologisms), whereas neologisms built by blending are only 16%, and by suffixation – 3%. It can be assumed that suffixation is less productive than compounding and blending since it does not let the speaker manifest his linguistic creativity in Internet communication.

Keywords: neologisms, metaphor, lexico-semantic field, screen addiction, word building, blending, suffixation, modern technologies

For citation: Nikolaenko E.M., Shevelyova I.A. (2024). On language development in the times of screen addiction (based on English neologisms). *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(2), pp. 50–64. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-50-64>

О РАЗВИТИИ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ЭКРАННОЙ ЗАВИСИМОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ)

Е.М. Николаенко, И.А. Шевелева

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
241036, Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14

Аннотация. Данная статья представляет собой результаты исследования неологизмов лексико-семантического поля “Screen addiction” (Экранная зависимость). Цель исследования – описание путей появления и способов образования неологизмов экранной зависимости в современном английском языке, опираясь на когнитивно-дискурсивный подход. Основными методами исследования являлись анализ словарных статей, компонентный анализ, дискурс анализ и методы количественного анализа. Материалом для данного исследования послужили лексикографические источники и онлайн публикации (пресса, блоги и т.п.) (31 неологизм). Анализ семантической структуры лексической единицы **Screen** в диахронической перспективе позволяет утверждать, что она является подвижным образованием: происходящие в обществе изменения отражаются на её структуре, появляются новые лексико-семантические варианты данной единицы, а также изменяется их иерархия. В настоящее время наиболее употребительными в семантической структуре лексической единицы “screen” являются два лексико-семантических варианта: “display on a computer monitor” (дисплей на мониторе компьютера) и “the monitor itself” (сам монитор). Неологизмы лексико-семантического поля “Screen addiction” были классифицированы по структурному и смысловому параметрам. По структурному параметру они образуют две группы в зависимости от наличия/отсутствия элемента “screen” в составе неологизмов. По смысловому параметру (какие сферы нашей жизни оказались под влиянием экранной зависимости и получили отражение в неологизмах) неологизмы были классифицированы на шесть подгрупп: а) эпоха, в которой мы живём; б) наименование людей, живущих в эту эпоху; в) время, проведённое у экрана; г) экранная зависимость и пути её решения; д) болезни и нарушения, вызванные пребыванием у экрана; и е) манера поведения. Для обоих структурных типов неологизмов (с/без элемента “screen”) характерна лидирующая роль лексико-семантической группы «экранная зависимость и пути её решения» (61 % неологизмов), что может свидетельствовать об актуальности проблемы чрезмерного использования гаджетов. Неологизмы лексико-семантической группы “Screen addiction” образуются при помощи словосложения (81% лексических единиц), блендинга (16%) и суффиксации (3%). Возможно предположить, что суффиксация является непродуктивной, так как не даёт такого проявления лингвокреативности в интернет-пространстве, как словосложение и блендинг.

Ключевые слова: неологизмы, метафора, лексико-семантическое поле, экранная зависимость, словообразование, блендинг, суффиксация, современные технологии

Для цитирования: Николаенко Е.М., Шевелева И.А. (2024). О развитии языка в эпоху экранной зависимости (на материале английских неологизмов). *Филологические науки в МГИМО*. 10(2), С. 50–64. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-50-64>

Введение (INTRODUCTION)

Данная статья представляет собой результаты исследования неологизмов, возникших на современном этапе развития информационных технологий, в эпоху экранной зависимости. Современный мир подвижен и полон перемен, которые лучше всего заметны в сфере информационных технологий – каждый день мы наблюдаем появление новых гаджетов и технологий. Такое стремительное эволюционирование технологий не может не затронуть язык, который мгновенно реагирует на появление новых понятий и реалий, на «возникающие когнитивно-прагматические потребности речемышления» [10] созданием неологизмов, «которые возникают на основе уже существующих языковых структур» [1] и являются «индикатором динамических трансформаций языковой системы, обуславливая её подвижность и обогащение» [20]. Предметом нашего исследования являются неологизмы лексико-семантического поля “Screen addiction” (Экранная зависимость). Цель исследования – описание путей появления и способов образования неологизмов экранной зависимости в современном английском языке, опираясь на когнитивно-дискурсивный подход, который предполагает комплексный междисциплинарный характер исследования с учётом взаимодействия различных областей лингвистического знания – когнитивная составляющая даёт нам возможность объяснить возможные пути вербализации осмысляемого понятия, а дискурсивная составляющая учитывает интенции автора, контекст, прагматическую направленность текста и т.п. [6], [7], [8], [15], [18]. Только такой комплексный анализ всех факторов, мотивирующих к созданию слова (когнитивных, прагматических, социокультурных, психологических), позволяет нам дать наиболее полное описание неологизма, так как его интегративное значение не может быть сведено к значению составных частей, а предполагает «взаимодействие и взаимообусловленность всех этих компонентов» [16]. При этом основными методами исследования являлись анализ словарных статей, компонентный анализ, дискурс анализ и методы количественного анализа. Материалом нашего исследования послужили лексикографические источники (для неологизмов, уже зафиксированных в словарях) и онлайн публикации (пресса, блоги и т.п.) (для неологизмов, широко употребляемых в повседневной жизни, но ещё не зафиксированных в словарях).

Результаты исследования, их анализ и их обсуждение (RESULTS, ANALYSIS AND DISCUSSION)

1. Развитие семантического объёма лексемы “screen” в диахронической перспективе

Одной из закономерностей развития словарного состава любого языка является семантическая деривация, заключающаяся в переосмыслении слов с целью использования существующих номинативных средств языка для наименований новых предметов и явлений реальности. Эта закономерность обусловлена ассоциативным устройством человеческого мышления, его способностью сравнивать, обобщать, систематизировать объекты внеязыковой действительности.

Ярким примером процесса семантической деривации служит значение слова “screen”, изменение которого обусловлено экстралингвистическими причинами, а именно технологическим прогрессом (изобретение кинематографа, телевидения, компьютеров и смартфонов). Так, согласно данным этимологического словаря Online Etymology Dictionary¹, лексема “screen” появилась в английском языке из старо-французского языка и имела значение “upright piece of furniture providing protection from heat of a fire, drafts, etc.” (вертикальный предмет мебели, обеспечивающий защиту от жара, исходящего от огня или сквозняка) (здесь и далее перевод авторский – Е.Н., И.Ш.).

¹ Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.etymonline.com/search?q=SCREEN> (Дата обращения: 11.01.2024)

К XVI веку произошло увеличение семантического объёма этого слова за счёт генерализации имеющегося значения и появления лексико-семантического варианта (ЛСВ-2) – “anything interposed to conceal from view” (любая завеса от посторонних глаз).

С появлением проекционных фонарей (проекторов), ознаменовавших поворот в истории развития кинематографа, произошло ещё одно расширение семантической структуры исследуемой единицы, в результате чего в 1810 году она пополнилась значением (ЛСВ-3) – “flat vertical surface for reception of projected images” (плоская вертикальная поверхность, предназначенная для отображения проектируемых на неё изображений). В основе этого расширения семантической структуры лежит метафорический перенос, основанный на схожести формы и положения предмета, изначально использовавшегося для заслона от нежелательного воздействия окружающей субъекта среды, и проекционного экрана для показа изображений.

Через столетие семантическая структура лексемы “screen” пополняется ещё одним значением (ЛСВ-4), появившимся в результате расширения ЛСВ-3: “cinema world collectively” (мир кино в целом).

Изобретение телевизионных приёмников и развитие телевидения в целом обусловили дальнейшее развитие лексико-семантической структуры лексемы “screen” и появление к 1946 году ЛСВ-5: “small fluorescent display on a TV set” (небольшой светящийся экран на телевизионном приёмнике).

Наконец, последние два лексико-семантических варианта указанной лексической единицы, связанные с миром телекоммуникаций и появившиеся в 60-70-х годах прошлого века как результат изобретения компьютера, это ЛСВ-6 – “display on a computer monitor” (дисплей на мониторе компьютера) и ЛСВ-7 – “the monitor itself” (сам монитор).

Таким образом, можно утверждать, что семантическая структура лексической единицы “screen” является *подвижным образованием*. Увеличение числа лексико-семантических вариантов этой единицы, а также изменение их иерархии связано с особенностями человеческого мышления, изменением господствующего мировоззрения и техническим прогрессом. В настоящее время ввиду указанных выше причин наиболее употребительным в семантической структуре лексической единицы “screen”, согласно данным Oxford Learner’s Dictionary², Collins Online Dictionary³ и Cambridge Dictionary⁴ Online, являются обозначенные выше ЛСВ-6 и ЛСВ-7, что неудивительно: в течение дня современный человек дотрагивается до экрана своего гаджета не один десяток раз с целью получения информации, развлечения, работы и отдыха, впечатлений. Экран, по мнению Д.В. Котусова, является «продуцентом и регулятором аффектов его пользователя» [12]. Характеризуя мощную экспансию экранности с конца XIX века, С.Л. Григорьев говорит даже о появлении нового антропологического типа личности – «человека экранного» [5]. Бесконечное взаимодействие со смартфонами и другими гаджетами, наделёнными экраном, вызвало определённый эффект привыкания, и многие учёные подняли вопрос о развитии зависимости пользователей от экрана и возможностей, которые он предоставляет. Цифровая трансформация общества привела к «закономерному расширению неологического пространства лексического состава языка» [10], что в свою очередь «даёт богатый материал для фиксации и осмысления изменений в существующей картине мира [11].

В рамках настоящего исследования мы проанализировали 31 неологизм, относящийся к лексико-семантическому полю “Screen addiction” (Экранная зависимость).

Проанализированные нами неологизмы лексико-семантического поля “Screen addiction” были классифицированы по следующим параметрам:

² Oxford Learner’s Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/screen_1?q=SCREEN (Дата обращения: 12.01.2024).

³ Collins Online Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/advance-screening> (Дата обращения: 14.01.2024).

⁴ Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/screen?q=SCREEN> (Дата обращения: 14.01.2024).

1. Структурный параметр: по наличию / отсутствию элемента *screen* в структуре неологизма, все неологизмы делятся на две группы.
2. Смысловой параметр: внутри каждой из этих двух групп выделяются несколько подгрупп в зависимости от того, какие сферы нашей жизни оказались втянутыми в экранную зависимость и получили отражение в данных неологизмах.

Рассмотрим данные группы.

1. Неологизмы лексико-семантического поля “Screen addiction”, содержащие в своём составе компонент “screen”

1. Лексико-семантическая группа «эпоха, в которой мы живём» (time/epoch we live in)

В рамках физической антропологии выделены несколько временных периодов, упорядочивающих артефакты и события в истории развития человечества в узнаваемую хронологию. Так, например, предистория человечества делится на три временных периода: каменный, бронзовый и железный век. Каменный век охватывает период времени, когда основным рабочим материалом для человека был камень, важным достижением бронзового века было искусство сплавлять медь с оловом с целью создания инструментов для возделывания земли и выращивания урожая, а ключевым фактором, определившим жизнь человека в железном веке, стала выплавка железа.

В жизни современного человека особую значимость приобрёл смартфон. С момента пробуждения и до момента засыпания экран смартфона является неотъемлемой частью нашей жизни, что, естественно, нашло отражение в языке и легло в основу наименования временного промежутка, в котором мы живём, *веком экрана (Screen Age)*. Стоит отметить, что согласно данным онлайн-словаря молодёжных слов и фраз англоязычного сленга Urban Dictionary⁵, термин *Screen Age* пришёл на смену термину *Digital Age* (the present time, in which many things are done by computer and large amounts of information are available because of computer technology⁶) в результате смещения предпочтений пользователей к использованию мобильных сенсорных устройств и возможности/необходимости пользоваться Интернетом в любом месте.

2. Лексико-семантическая группа «наименование людей, живущих в эту эпоху» (people living in these times)

Следуя модели образования существительных в современном английском языке от исходного слова *Age* при прибавлении суффикса *-er-* (ср. *teenager*, *New Ager*, *Golden Ager*), образовался неологизм *Screenager* (someone living in the Screen Age⁷) для обозначения человека, который живёт в современном веке господства экрана.

Существует и более узкое трактование значения данной лексической единицы, в основе которого лежит её разложение на два корня *-screen-* и *-teenager-*, послужившие базой для образования бленда *Screenager* (a teenager who is addicted to their phone), используемого для наименования только подростков, не представляющих жизнь без смартфона.

Таким образом, можно предположить, что лексическая единица **Screenager** является полисемантом и в зависимости от мотивирующей основы имеет следующие лексико-семантические варианты:

ЛСВ-1: someone living in the Screen Age (screen+ager).

ЛСВ-2: a teenager who is addicted to their phone (screen+teenager).

Ещё одним неологизмом *Века Экрана (Screen Age)* является лексическая единица **Screen-elder** (an elderly version of the screenager, an adult who spends an excessive amount of time on their personal electronic device, usually on social media, rudely ignoring the people around them and oblivious to their immediate surroundings⁸), обозначающая зависимого от экрана человека в возрасте.

⁵ Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Screen%20Age> (Дата обращения: 15.01.2024).

⁶ [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/digital-age?q=DIGITAL+AGE> (Дата обращения: 15.01.2024).

⁷ Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=screenager>.

⁸ [Электронный ресурс]. – URL: <https://definithing.com/screen-elder/> (Дата обращения: 16.01.2024).

Следующий неологизм *Века Экрана (Screen Age)* был образован от предмета одежды. Берет является традиционным элементом военной формы во всем мире и символом определённого рода войск. Так, чёрные береты в России – это наименование служащих морской пехоты, краповые береты – бойцов спецназа, а голубые береты – подразделений и частей специального назначения и воздушно-десантных войск, *Green Beret* (зелёный берет) в Америке – это представитель сил специального назначения. В основе образования лежит метонимический перенос наименования составной части военной формы (берета) на человека, одетого в этот берет. По аналогии был образован и неологизм *Screen beret* (a person who claims in the internet chatrooms to have served in the Armed Forces, or the one who threatens of violence in internet chatrooms, or the one who wholeheartedly supports any war they don't have to fight in⁹) для уничижительного наименования человека, утверждающего в Интернете, что он отслужил в военных войсках или грозящего применением насилия, а также человека, всячески поддерживающего военные действия (ср. русский вариант «диванные войска»).

3. Лексико-семантическая группа «время, проведённое у экрана» (*time spent in front of the screen*)

Влияние использования цифровых медиа и времени, проведённого у экрана *Screen time* (time spent using a device such as a computer, television or tablet¹⁰), на психическое здоровье людей и особенно уязвимой возрастной группы детей и подростков, находится сейчас в фокусе серьёзных исследований, поскольку велика вероятность губительного воздействия чрезмерного пребывания у экрана на все стороны жизнедеятельности современного человека. Неудивительно, что родители, обеспокоенные зависимостью своих детей, а также взрослые, осознающие свою нездоровую привязанность к смартфонам и разнообразным устройствам с экраном, хотят взять под контроль проведённое у экрана время, отсюда второй лексико-семантический вариант лексической единицы – *Screen time*: a new feature on devices that allows people to limit screen time (mostly by parents for kids¹¹ (новое приложение на устройствах, позволяющее ограничивать время, проведённое у экрана (особенно родителями детей), а также неологизм *Screen Age Angst*¹² (обеспокоенность родителей, вызванная чрезмерным пребыванием детей у экрана смартфона).

Социологи Стенфордского университета утверждают, что не столь важно, сколько времени человек проводит у экрана, как то, какой уникальный опыт взаимодействия с экраном он получает в течение часа, дня, недели, года и всей жизни. Так, посредством слияния двух слов *screen* и *genome* образовался неологизм *Screenome*¹³ (the record of individual experiences represented as a sequence of screens that people view and interact with over time).

4. Лексико-семантическая группа «экранный зависимость и пути её решения» (*screen addiction and ways of tackling it*)

Одной из самых массовых проблем современного *Века Экрана (Screen Age)* представляется зависимость от любого вида гаджетов, чуть ли не ежедневно осложняемая внедрением в нашу жизнь всевозможных приложений и аксессуаров, вынуждающих нас ежеминутно пользоваться устройствами – “We are living in a LIGHTMARE”¹⁴. Для обозначения этой искусственно формируемой потребности в экранной симуляции по аналогии с другими видами зависимости (alcohol addiction, drug addiction, coffee addiction и др.) появилась лексическая единица *Screen addiction*¹⁵.

⁹ Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=screen%20beret> (Дата обращения: 16.01.2024).

¹⁰ Oxford Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/screen-time?q=SCREEN+TIME> (Дата обращения: 16.01.2024).

¹¹ Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Screen%20time> (Дата обращения: 17.01.2024).

¹² [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2022/dec/03/how-to-raise-happier-kids-in-the-digital-age> (Дата обращения: 17.01.2024).

¹³ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cnet.com/health/screenome-may-be-more-important-than-screen-time/> (Дата обращения: 18.01.2024).

¹⁴ [Электронный ресурс]. – URL: <https://ca.news.yahoo.com/how-screen-addictions-are-playing-havoc-with-our-sleep-patterns-050632696.html> (Дата обращения: 18.01.2024).

¹⁵ Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=SCREEN%20ADDICTION> (Дата обращения: 10.02.2024).

Лингвистическая аналогия лежит также в основе наименования человека, зависимого от экрана, – **Screen addict** (ср. *a gambling addict, social media addict, drug addict*).

Отрицательной коннотацией отличается ещё один неологизм, связанный с экранной зависимостью, – **screenoholic**¹⁶, образованный в результате слияния двух слов: screen и alcoholic,

Имплицитная сема «аддиктивное поведение по отношению к экрану» присутствует также в значениях неологизмов **screen toucher** (a person who is continually touching the screen when talking to someone or doing other activities¹⁷) и **screen junkie** (a person who is addicted to their TV, phone, tablet, x box or any electronic device¹⁸). Балансируя на грани виртуального и реального миров, «люди выражают тем самым своё нежелание взаимодействовать с обычным миром, стремятся погрузиться в фантастическое пространство, создаваемое с помощью новейших технологий» [17].

Некоторые люди, одержимые экраном, попадают в ещё одну зависимость, которая выражается в тяге к постоянному фотографированию себя. Разработчики смартфонов учли эту психологическую слабость пользователей и создали дополнительную функцию фронтальной камеры телефонов, которая позволяет делать селфи людям с низкой самооценкой (low self-esteem) – **Lo'steem Screen** (extra viewfinder now found on the front of digital cameras, existing for those who can't get through a day without taking a picture of themselves¹⁹).

Невозможность оторваться от экрана даже во время отпуска заложена в значении неологизма «отпуск, проведённый у экрана», – **Screen vacation** (going on vacation but spending all of your free time looking at sites through the screen of your camera phone²⁰).

Невозможность оторваться от экрана также нашла отражение в неологизме **Second screening**²¹ (the practice of watching television while simultaneously using a smartphone, tablet computer, laptop, or other screen device) – ситуация, когда зритель смотрит телевизор (первый экран) и одновременно с этим использует смартфон для Интернета (второй экран).

*The TV's on. Your phone is in hand. And your laptop is on your lap. We love to use multiple devices at once. When was the last time you actually watched a series without also scrolling socials, with your email inbox glaring at you? If it wasn't that long ago, you might be guilty of habitually 'SECOND-(OR EVEN THIRD)-SCREENING'*²².

Одним из выходов из сложившейся ситуации одержимости экраном является «соблюдение баланса в использовании гаджетов и проживанием жизни вне него (на работе, на досуге, в межличностных взаимоотношениях)» [13], что находит отражение в неологизме **Screen-life balance** (the balance between one's screen time and offline activities, including work, leisure and personal relationships²³).

Новое значение и дополнительную коннотацию приобретают многие языковые единицы, которые функционируют в одном контексте с неологизмами «экранной зависимости» и вместе с ними относятся к одному ЛСП. Например, неологизм **Mindful screen use** – разумное использование гаджетов с экранами, прежде всего мобильного телефона, так, чтобы не возникала зависимость от них.

¹⁶ Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=SCREENOHOLIC> (Дата обращения: 10.02.2024).

¹⁷ Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=screen%20toucher> (Дата обращения: 10.02.2024).

¹⁸ Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Screen%20junkie> (Дата обращения: 11.02.2024).

¹⁹ Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Lo%27steem%20Screen> (Дата обращения: 12.02.2024).

²⁰ Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Screen%20Vacation> (Дата обращения: 13.02.2024).

²¹ [Электронный ресурс]. – URL: Using A Second Screen While Watching TV Is The New Normal – <https://www.forbes.com/sites/jeffbercovici/2014/07/10/using-a-second-screen-while-watching-tv-is-now-the-norm/?sh=5c558d8918c6> (Дата обращения: 13.02.2024).

²² Second-Screening: How It Impacts Your Health and Brain Function – <https://unplugged.rest/blog/second-screening-how-it-impacts-health-and-brain-function> (Дата обращения: 14.02.2024).

²³ Urban Dictionary [Электронный ресурс], <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Screen-life%20balance> (Дата обращения: 15.02.2024).

*Sthiramanas is a meditation teacher from the London Buddhist Centre, where he runs Upgrade Your Mind, a six-week course on MINDFUL SCREEN USE*²⁴.

Ранее, когда ещё не существовало цифровой зависимости в силу отсутствия такого количества гаджетов, *mindful* в контекстах, где идёт речь об использовании технологий, имеет нейтральное значение: это простая констатация факта, для каких целей лучше использовать технические средства в обучении. Сравните:

*Discover how MINDFUL integration of technology is reshaping the educational landscape and empowering both teachers and learners alike*²⁵.

5. Лексико-семантическая группа «болезни и нарушения, вызванные пребыванием у экрана» (*diseases and other disfunctions caused by screen addiction*)

В данном случае мы наблюдаем неологизмы с *широким значением*, как например, **screen sickness** (looking at any screen for so long that you want to vomit²⁶) и **screen sick** (feeling nausea because of looking at the screen for so long²⁷). А также неологизмы с более *узким значением*, называющим конкретные проблемы со здоровьем, вызванные пристрастием к смартфону, как, например, **Screen apnoea** (the reduction of breath due to visual stimulation coming from the screen²⁸). Постоянное сидение у экрана не только портит осанку, вызывает головокружение и тошноту, но имеет ещё один побочный эффект: временную задержку дыхания или поверхностное дыхание в виду проявления стрессовой реакции организма как ответа на постоянное сосредоточение внимания на экране.

6. Лексико-семантическая группа «манера поведения» (*behaviour and manners*)

Ещё одно понятие, которое возникло в процессе взаимодействия человека и современных гаджетов с экранами – это *Эффект растормаживания в Сети* (ослабление психологических барьеров, ограничивающих выход скрытых чувств и потребностей, что заставляет людей вести себя в Интернете так, как они обычно не поступают в реальной жизни²⁹). Соответственно, язык отреагировал на это появлением неологизмов, называющих манеру поведения людей, общающихся посредством гаджетов с экранами. Например, неологизм **Onscreen bravado** (a person using a computer who acts big and pretends to be braver than he/she is in real life³⁰).

II. Неологизмы лексико-семантического поля “Screen addiction”, не содержащие в своём составе компонент “screen”

Все найденные и проанализированные нами неологизмы данной структурной группы относятся к ЛСГ «экранная зависимость и пути её решения» (screen addiction and ways of tackling it).

Слово *экран* (*screen*) вне контекста нейтрально. В контексте 60-х годов, известных как эра телевидения, слово *экран* (*screen*) приобретает положительную коннотацию: будущее – это телевидение. С течением времени, чем больше телевидение входит в жизнь людей, тем сильнее его позитивная роль начинает подвергаться сомнению. И это сомнение в «хорошести» достигает своего пика в XXI веке, в эпоху экранной зависимости (screen addiction) – зависимости от технических средств, имеющих экран, которых мы имеем в изобилии, как по количеству, так и по качеству: телевизор, компьютер, мобильный телефон. В этот период слово экран приобретает отрицательную

²⁴ My experiment in phonelessness was a failure. It also changed my life – <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2024/feb/05/phone-screentime-detox-reflection> (Дата обращения: 20.02.2024).

²⁵ Mindful Tech: How Technology Shapes Modern Education – <https://goateducation.com/mindful-tech-how-the-philosophy-of-technology-is-shaping-modern-education/> (Дата обращения: 20.02.2024).

²⁶ Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=screen%20sickness> (Дата обращения: 21.02.2024).

²⁷ Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=screen-sick> (Дата обращения: 21.02.2024).

²⁸ [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org/2023/10/23/new-words-23-october-2023/> (Дата обращения: 21.02.2024).

²⁹ Wikipedia [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Эффект_растормаживания_в_Сети (Дата обращения: 23.02.2024).

³⁰ Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=onscreen%20bravado> (Дата обращения: 23.02.2024).

коннотацию, что, в свою очередь, оказывает влияние на «современную лингвокультуру общества» [2]. Человек хочет избавиться от своей зависимости от всех технических гаджетов с экраном – провести детоксикацию, и если не полную, то хотя бы регулярный детокс.

Примечательно, что само слово *детокс* (детоксикация) в контексте зависимости от технических средств является *метафорой*: происходит перенос с источника (source) «удаление токсинов из организма при помощи медикаментозных средств или естественным путём» на цель (target) – «удаление от себя технических средств на некоторое время, чтобы уменьшить привязанность к ним».

Отсюда и возникают в языке такие неологизмы, как *Digital detox* (цифровой детокс, диджитал-детокс), *Phone detox* (отказ от постоянного использования мобильного телефона), *Detox retreats* (детокс-ретрит³¹).

Следует отметить, что словосочетание *Digital detox* появилось в английских словарях ещё в 2013 году и означало «период времени, в течение которого человек воздерживается от использования электронных устройств, таких как смартфоны или компьютеры, чтобы уменьшить стресс или сосредоточиться на социальном взаимодействии в физическом мире». Но на данный момент времени оно приобретает дополнительную коннотацию: когда мы говорим о цифровом детоксе, прежде всего мы подразумеваем нашу зависимость от мобильных телефонов. И это не удивительно – первое место по силе своего воздействия занимает именно мобильный телефон, компактный и вмещающий в себя разнообразные функции, в том числе и функции телевизора и компьютера.

Некоторые новые понятия могут быть одновременно представлены в языке несколькими неологизмами:

My experiment in PHONELESSNESS was a failure. It also changed my life

Two months after Rhik Samadder ended his PHONE DETOX, he realises some of its lessons actually stuck with him... In the final update in Rhik's journey to break his phone addiction, he manages a breakthrough. And a big one³².

В данном примере мы видим два неологизма, называющих «отказ от постоянного использования мобильного телефона» и построенных по разным словообразовательным моделям.

Неологизм *Phonelessness* представляет собой интересный пример развития языка, когда мы наблюдаем приобретение нейтральным словом разных коннотаций. В период всеобщей телефонизации населения (с середины прошлого века) слово *phonelessness* имело прямое значение – absence of a telephone or telephones³³. Слово называло скорее просто факт, без какой-либо эмоциональной окраски. В настоящее время *phonelessness* (being without one's cellular device for an extended period of time³⁴) для большинства людей, особенно детей и подростков как представителей поколений Z и X, даже кратковременное отсутствие телефона – это чуть ли не целая трагедия, что наделяет данный неологизм отрицательной коннотацией в экстралингвистическом контексте XXI века.

Необходимость разумного пользования гаджетами, так, чтобы не возникала зависимость от них (см. mindful screen use), даёт толчок возникновению таких неологизмов, как *Digital habits* (habits that can shape our own relationship with screens and determine whether we develop mindful screen time practices) – цифровые привычки и *a positive digital* (a person who can use technology mindfully³⁵) – человек, который умеет разумно пользоваться гаджетами, не нанося вред самому себе.

³¹ Цифровой детокс: лучшие способы побороть зависимость от смартфона [Электронный ресурс]. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5e428ddf9a7947239d2c30ce?from=sour> (Дата обращения: 24.02.2024).

³² My experiment in phonelessness was a failure. It also changed my life [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2024/feb/05/phone-screentime-detox-reflection> (Дата обращения: 25.02.2024).

³³ Wiktionary, the free dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/phonelessness> (Дата обращения: 25.02.2024).

³⁴ Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=phonelessness> (Дата обращения: 25.02.2024).

³⁵ Mindful Screen Time: Teaching Children to Use Technology Wisely [Электронный ресурс]. – URL: <https://johnnyholland.org/2023/08/mindful-screen-time-teaching-children-to-use-technology-wisely/#r> (Дата обращения: 27.02.2024).

Ещё один способ разумного сосуществования с гаджетами – это *an Analog vacation*³⁶ – a vacation during which you put aside all your gadgets.

Если неологизмы *Digital habits* и *a positive digital* имеют положительную окраску, то неологизмы *Moblivious* (mobile + oblivious) и *Smombie*³⁷ (smartphone + zombie) называют отрицательные привычки современных людей, связанные с мобильным телефоном, – staring at your phone while walking or driving, and oblivious to your surroundings (человек, не отрывающий взгляд от экрана смартфона даже на ходу).

Рассмотрим ещё одно слово, которое приобретает новое значение в современную эпоху экранной зависимости – *Connectivity*. Ранее слово connectivity было нейтральным – (telecommunications) – The ability to make a connection between two or more points in a network³⁸. В настоящее время появляется неологизм *Constant connectivity* (необходимость быть на связи 24/7), который имеет отрицательную коннотацию:

CONSTANT CONNECTIVITY is a new expectation, exhausting to meet³⁹.

The connectivity is helpful; however, THE CONSTANT CONNECTIVITY can be damaging. ... The constant connectivity has become an addiction⁴⁰.

Обобщим проанализированные и проклассифицированные нами неологизмы «экранной зависимости» в виде Таблицы 1.

Таблица 1. Классификация неологизмов лексико-семантического поля “Screen addiction”

Неологизмы с компонентом “screen”	эпоха, в которой мы живём	Digital Age Screen Age
	наименование людей, живущих в этой эпохе	screenager screen-elder screen beret
	время, проведённое у экрана	screen time Screen age angst screenome
	экранная зависимость и пути её решения	screen addiction screen addict screenoholic screen junkie lo’steem screen screen vacation second screening screen-life balance mindful screen use
	болезни и нарушения, вызванные пребыванием у экрана	screen sick screen sickness screen apnoea
	манера поведения	onscreen bravado
Неологизмы без компонента “screen”	экранная зависимость и пути её решения	digital detox phone detox / phonelessness detox retreats digital habits moblivious / smombie constant connectivity a positive digital analog vacation

³⁶ Tip: Recharge Your Thinking with an Analog Vacation. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rocketmatter.com/blog/tip-recharge-your-thinking-with-an-analog-vacation/> (Дата обращения: 29.02.2024).

³⁷ Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Smombie> (Дата обращения: 29.02.2024).

³⁸ [Электронный ресурс]. – URL: <https://onelook.com/?w=CONNECTIVITY&ls=a> (Дата обращения: 01.03.2024).

³⁹ My experiment in phonelessness was a failure. It also changed my life [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2024/feb/05/phone-screentime-detox-reflection> (Дата обращения: 01.03.2024).

⁴⁰ Constant Connectivity | Ernest Smith [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ernestsmith.net/?p=481> (Дата обращения: 01.03.2024).

Как видно из Таблицы 1, лексико-семантическая группа «экранная зависимость и пути её решения» является наиболее представленной и включает в себя 61% исследуемых неологизмов. Лексико-семантические группы «наименование людей, живущих в этой эпохе», «время, проведённое у экрана», «болезни и нарушения, вызванные пребыванием у экрана», включают в себя по 10% неологизмов. Наименее представленными оказались лексико-семантические группы «эпоха, в которой мы живём» (6%) и «манера поведения» (3%).

III. Способы словообразования неологизмов лексико-семантического поля “Screen addiction”

Проанализировав указанные выше неологизмы относительно способа их образования, мы пришли к следующим выводам:

1. Преобладающим способом словообразования является образование сложных слов – 81% изученных неологизмов были образованы при помощи этого способа;
2. Менее распространённым является блендинг/ слияние – 16% неологизмов;
3. Наименее представленным способом словообразования является суффиксация – 3% неологизмов были образованы при помощи этого способа.

Рассмотрим каждый из данных способов образования неологизмов.

Неологизмы – сложные слова

Вслед за Е.С. Кубряковой под сложным словом в настоящем исследовании мы понимаем «языковое выражение из нескольких полнозначных слов или основ, которое должно представлять собой целостную единицу номинации, в которую нельзя вклинить другие полнозначные единицы, и которое моделируется для выражения определённого словообразовательного значения определённым формальным способом» [14]. По мнению Г.О. Винокура, «сложные слова нужны не только для удовлетворения потребности в новых словах, но также и потому, что очень часто действительно существует потребность выразить две идеи в одном слове» [3]. Благодаря своей структуре сложные слова воплощают в себе несколько семантических категорий, но в целом «обладают семантической прозрачностью, иными словами, их значение легко выводится из суммы значений составляющих его компонентов» [4].

В зависимости от синтаксического устройства исследуемых сложных слов, мы выделили следующие структурные типы неологизмов эпохи экранной зависимости (Таблица 2):

- 1) неологизмы, образованные по модели Noun+Noun (12 неологизмов),
- 2) неологизмы, образованные по модели Adjective+Noun (7 неологизмов),
- 3) неологизмы, образованные по модели Adjective+Noun+Noun (2 неологизма),
- 4) неологизмы, образованные по модели Noun+Noun+Noun (2 неологизма),
- 5) неологизмы, образованные по модели Noun+Adjective (1 неологизм).

Таблица 2. Структурные типы сложных слов-неологизмов лексико-семантического поля “Screen addiction”

модель	N+ N	Adj+ N	Adj+N+N	N+N+N	N+Adj
	Screen Age screen beret screen time screen addiction screen addict screen junkie screen vacation screen sickness screen apnoea phone detox detox retreats analog vacation	Digital Age digital detox digital habits constant connectivity a positive digital onscreen bravado second screening	mindful screen use lo'steem screen	Screen age angst screen-life balance	screen sick

Неологизмы – слова-бленды

Как и с образованием сложных слов, при блендинге происходит взаимодействие двух или более исходных лексических единиц, однако они подвергаются процессу усечения и объединяются в единую лексему. Именно этот способ «наиболее ёмко и эффективно отражает события современной реальности» [9], «обеспечивает передачу максимального количества информации в единицу времени» [19]. Зачастую бленды, по замечанию О.А. Хрущёвой, «часто выступающие в качестве образцов языковой игры и используемые для достижения юмористического эффекта, должны обладать особой структурой, которая станет своего рода разгадкой сложившейся речевой ситуации» [21].

Как было указано выше, слова-бленды составляют 16% изученных неологизмов эпохи экранной зависимости. Мы также разделили их на несколько моделей в зависимости от ведущего первого компонента (Таблица 3). Данные словообразовательные модели (Screen+ Noun, Mobile+ Adjective, Smartphone+ Noun), на наш взгляд, не исчерпывают все возможные варианты образования новых слов исследуемого семантического поля при помощи блендинга, поскольку именно этот вид словообразования в эпоху Screen Age относится к основным способам реализации лингвокреативной интенции в интернет-коммуникации, где именно новизна и оригинальность слов даёт коммуниканту возможность привлечь к себе внимание.

Таблица 3. Структурные типы слов-блендов лексико-семантического поля “Screen addiction”

Screen+Noun	Mobile+ Adjective	Smartphone+Noun
Screenager = screen+ teenager	Moblivious=mobile+ oblivious	Smombie=smartphone+zombie
Screenome= screen+ genome		
Screenaholic= screen+ alcoholic		

Как было указано выше, наименее представленным способом словообразования неологизмов лексико-семантического поля “Screen addiction” является суффиксация: только два существительных (*phonelessness* и *Screenager* (ЛСВ-1) образованы при помощи этого способа.

Выводы

Экспансия экрана во всех сферах человеческой жизни, а также её негативные последствия в виде зависимости от него получили отражение в английском языке в виде новых лексических единиц – неологизмов лексико-семантического поля “Screen addiction”.

Анализ семантической структуры лексической единицы “screen” позволяет утверждать, что данная лексическая единица является *подвижным образованием*, так как постоянно происходящие в обществе изменения мировоззрения и технический прогресс сопровождаются увеличением числа лексико-семантических вариантов лексической единицы “screen”, а также изменением их иерархии. В настоящее время наиболее употребительными в семантической структуре лексической единицы “screen” являются два лексико-семантических варианта: “display on a computer monitor” (дисплей на мониторе компьютера) и “the monitor itself” (сам монитор).

Рассматриваемые нами неологизмы лексико-семантического поля “Screen addiction” были разделены на две большие группы в зависимости от наличия/отсутствия элемента *Screen* в компонентном составе неологизма (структурный параметр). Далее исследуемые лексические единицы были выделены в лексико-семантические группы по смысловому параметру – в зависимости от того, какие сферы нашей жизни оказались под воздействием экранной зависимости и получили отражение в данных неологизмах: а) эпоха, в которой мы живём, б) наименование людей,

живущих в этой эпохе, в) время, проведённое у экрана, г) экранная зависимость и пути её решения, д) болезни и нарушения, вызванные пребыванием у экрана, и е) манера поведения.

Лексико-семантическая группа «экранная зависимость и пути её решения» является наиболее представленной в составе лексико-семантического поля «экран и экранная зависимость» и включает в себя 61 % исследуемых неологизмов, что свидетельствует о пристальном внимании носителей языка к проблеме чрезмерного использования гаджетов.

Мы также рассмотрели способы словообразования исследуемых неологизмов, выделив образование сложных слов (81% лексических единиц), блендинг (16%) и суффиксацию (3%).

Интересно отметить, что некоторые новые понятия могут быть представлены в языке одновременно несколькими неологизмами, например, phone detox / phonelessness, moblivious / smombie. Хотя они синонимичны, каждый из них мотивирован разными проявлениями экранной зависимости.

В заключение отметим, что лексико-семантическое поле “Screen addiction” не является закрытым, и выскажем предположение, что с дальнейшим развитием технологий, их возможностей и опасностей, появятся новые лексические единицы, отражающие в своей семантике воздействие экрана на человечество.

© Николаенко Е.М., Шевелева И.А., 2024

Список литературы

1. Бабина Л.В. Неологизмы английского языка: репрезентируемые ими области знания, принципы и механизмы создания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. №3. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-angliyskogo-yazyka-reprezentiruemye-imi-oblasti-znaniya-printsipy-i-mehanizmu-sozdaniya> (Дата доступа 13 февраля 2024 г.).
2. Берлева И.Н. Язык экранной культуры: семиотика текстов и риторические возможности / И.Н. Берлева, Д.А. Беляев // Общество: философия, история, культура. 2023. №2 (106). [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-ekrannoy-kultury-semiotika-tekstov-i-ritoricheskie-vozmozhnosti> (Дата доступа 11 января 2024 г.).
3. Винокур Г.О. Избранные труды по языкознанию и культуре речи. URSS, 2019. 230 с.
4. Градалева Е.А. Способы разграничения сложных слов и словосочетаний английского языка // Вестник ТГПУ. 2015. №10 (163). [Электронный ресурс] – URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/gradaleva_e._a._15_20_10_163_2015.pdf (Дата доступа 10 марта 2024 г.).
5. Григорьев С.Л. Homo Screen как философско- антропологический тип // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2022. №3 (43). [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/homo-screen-kak-filosofsko-antropologicheskii-tip> (Дата доступа 03 января 2024 г.).
6. Евграфова Ю.А. Реализация герменевтического круга в гетерогенном экранном тексте // Филология: научные исследования. 2020. №9. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-germenevticheskogo-kruga-v-geterogennom-ekrannom-tekste> (Дата доступа 07 февраля 2024 г.).
7. Евграфова Ю.А. «Язык» экранности и экранная «речь» в статике гетерогенных текстов: дискретные единицы континуума движения // Российский социально-гуманитарный журнал. 2019. №2. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-ekrannosti-i-ekrannaya-rech-v-statike-geterogennyh-tekstov-diskretnye-edinity-kontinuum-dvizheniya> (Дата доступа 02 января 2024 г.).
8. Евграфова Ю.А. Вербальный и звуковой компонент экранной «Речи» / Ю.А. Евграфова, М.Г. Новикова // Российский социально-гуманитарный журнал. 2019. №4. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnyy-i-zvukovoy-komponent-ekrannoy-rechi> (Дата доступа 17 января 2024 г.).
9. Ибраева А.Ф. Блендинг как продуктивный способ словообразования в англоязычных чат-коммуникациях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №9. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blending-kak-produktivnyy-sposob-slovoobrazovaniya-v-angloyazychnyh-chat-kommunikatsiyah> (Дата доступа 07 января 2024 г.).
10. Касьянова Л.Ю. Неоминимации периода цифровой трансформации в неологическом пространстве русского языка / Л. Ю. Касьянова // Гуманитарные исследования. 2023. № 1(85). С. 17–21.
11. Клементьева А.А. Неологизмы в публицистическом дискурсе о виртуальной реальности // МНКО. 2023. №2 (99). [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-v-publitsisticheskoy-diskurse-o-virtualnoy-realnosti> (Дата доступа 28 марта 2024 г.).
12. Котусов Д.А. Экранное потребление как условие формирования «общества переживаний» // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2023. №2 (46). [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekrannoe-potreblenie-kak-uslovia-formirovaniya-obschestva-perezhivaniy> (Дата доступа 03 марта 2024 г.).
13. Кронгауз М.А. Screenlife в эпоху карантина // Коммуникативные исследования. 2020. №4. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/screenlife-v-epohu-karantina> (Дата доступа 07 марта 2024 г.).

14. Кубрякова Е.С. Теоретические основы словосложения и вопросы создания сложных лексических единиц: межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск: ПГПИИЯ, 1988. 157 с.
15. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 556 с.
16. Кудрина С.А. Основные источники и способы образования неологизмов в современном английском языке / С.А. Кудрина, В.О. Перминов, Е.В. Юдина // Современное педагогическое образование. 2023. №1. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-istochniki-i-sposoby-obrazovaniya-neologizmov-v-sovremennom-angliyskom-yazyke> (Дата доступа 17 января 2024г.).
17. Познин В.Ф. Экранное пространство: реальное и воображаемое // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2015. №1. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekrannoe-prostranstvo-realnoe-i-voobrazaemoe> (Дата доступа 27 февраля 2024 г.).
18. Schmid Hans-Jörg «New Words in the Mind: Concept-formation and Entrenchment of Neologisms» *Anglia*, vol. 126, no. 1, 2008, pp. 1–36. <https://doi.org/10.1515/angl.2008.002>.
19. Стрельцов А.А. Словообразовательный потенциал телескопических слов // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. №2. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnyy-potentsial-teleskopicheskikh-slov> (Дата доступа 07 февраля 2024 г.).
20. Федорова Н. А. Современная английская неология: пути пополнения языка // Современное педагогическое образование. 2023. №5. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-angliyskaya-neologiya-puti-popolneniya-yazyka> . (Дата доступа 06 марта 2024 г.).
21. Хрущева О.А. Универсальные особенности блендинга // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №2. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universalnye-osobennosti-blendinga> (Дата доступа 26 февраля 2024 г.).

References

1. Babina, L.V. Neologizmy angliiskogo iazyka: reprezentiruemye imi oblasti znaniia, printsipy i mekhanizmy sozdaniia [Neologisms of the English language: represented fields of knowledge, principles and mechanisms of their creation] // *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics] 2020. №3, <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-angliyskogo-yazyka-reprezentiruemye-imi-oblasti-znaniya-printsipy-i-mekhanizmy-sozdaniya> (Accessed 13 February 2024).
2. Berleva, I.N., Belyaev, D.A. Iazyk ekrannoy kultury: semiotika tekstov i ritoricheskie vozmozhnosti [The language of screen culture: Semiotics of Texts and Rhetorical Possibilities] // *Obshchestvo: filosofii, istoriya, kultura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2023, no. 2(106), <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-ekrannoy-kultury-semiotika-tekstov-i-ritoricheskie-vozmozhnosti> (Accessed 11 January 2024).
3. Vinokur, G.O. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu i culture rechi* [Selective Works on Language Theory and Speech Culture], URSS. 2019. 230 p.
4. Gradaleva, E.A. Sposoby razgranicheniia slozhnykh slov i slovosochetaniy angliyskogo iazyka [Methods of Differentiating Compounds from Phrases in the English Language] // *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2015, no. 10(163), https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/gradaleva_e_a_15_20_10_163_2015.pdf (Accessed 10 March 2024).
5. Grigorev, S.L. Homo Screen kak filosofsko-antropologicheskij tip [The Homo Screen as a Philosophical and Anthropological Type of Modernity] // *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo* [Gumanitarnye Vedomosti of TSPU], 2022, no. 3(43), cyberleninka.ru/article/n/homo-screen-kak-filosofsko-antropologicheskij-tip (Accessed 03 January 2024).
6. Evgrafova, Yu.A. Realizatsiia germenevticheskogo kruga v geterogenom ekrannom tekste [Realization of the Hermeneutic Circle of Heterogeneous Screen Text] // *Filologiya: nauchnye issledovaniia* [Philology: Scientific Researches], 2020, no. 9, cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-germenevticheskogo-kruga-v-geterogenom-ekrannom-tekste (Accessed 07 February 2024).
7. Evgrafova, Yu.A. «Yazyk» ekrannosti i ekrannaia «rech» v statike geterogenykh tekstov: diskretnye edinitsy kontinuum dvizheniia [Screen 'language' and screen 'speech' in the static scope of the heterogeneous texts: discrete units of the movement continuum] // *Rossiyskiy sotsialno-gumanitarny zhurnal* [Russian Social and Humanitarian Journal], 2019, no. 2, cyberleninka.ru/article/n/yazyk-ekrannosti-i-ekrannaya-rech-v-statike-geterogenykh-tekstov-diskretnye-edinitsy-kontinuum-dvizheniya (Accessed 02 January 2024).
8. Evgrafova, Yu.A., Novikova, M.G. Verbalny i zvukovoi komponent ekrannoi «Rechi» [Verbal and Audial Components of the Screen 'Speech'] // *Rossiyskii sotsialno-gumanitarnyi zhurnal* [Russian Social and Humanitarian Journal], 2019, no. 4, cyberleninka.ru/article/n/verbalny-i-zvukovoy-komponent-ekrannoy-rechi (Accessed 17 January 2024).
9. Ibraeva, A.F. Blending kak produktivnyy sposob slovoobrazovaniia v angloiazychnykh chat-kommunikatsiiakh [Blending as a Productive Way of Word-Formation in English Language Chat Communications] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2021, no. 9, cyberleninka.ru/article/n/blending-kak-produktivnyy-sposob-slovoobrazovaniya-v-angloiazychnykh-chat-kommunikatsiyah (Accessed 07 January 2024).
10. Kasyanova, L.Yu. Neonominatcii perioda tsifrovoi transformatsii v neologicheskom prostranstve russkogo iazyka [Neonominations of the period of digital transformation in the neological space of the Russian language] // *Gumanitarnye issledovaniia* [Humanitarian Researches], 2023, no. 1(85), pp. 17–21.
11. Klement'eva, A.A. Neologizmy v publitsisticheskom diskurse o virtual'noi real'nosti // *MNKO*. 2023. №2 (99), cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-v-publitsisticheskom-diskurse-o-virtualnoy-realnosti (Accessed 28 March 2024).

12. Kotusov, D.A. Ekrannoe potreblenie kak uslovie formirovaniia «obshchestva perezhivaniy» [Screen Consumption as a Condition for the Formation of the 'Experience Society'] // *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo* [Gumanitarnye Vedomosti of TSPU], 2023, no. 2(46), cyberleninka.ru/article/n/ekrannoe-potreblenie-kak-uslovie-formirovaniya-obshchestva-perezhivaniy (Accessed 03 March 2024).
13. Krongauz, M.A. Screenlife v epokhu karantina [Screenlife in the Age of Coronavirus Lockdown] // *Kommunikativnye issledovaniia* [Communication Studies], 2020, no. 4, cyberleninka.ru/article/n/screenlife-v-epokhu-karantina (Accessed 07 March 2024).
14. Kubryakova, E.S. *Teoreticheskie osnovy slovoslozheniia i voprosy sozdaniia slozhnykh leksicheskikh edinit: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Theoretical Basis of Word Formation and Issues of Building Complex Lexical Units: interuniversity research publications]. Pyatigorsk: PGPIYA, 1988, 157 p.
15. Kubryakova, E.S. *Iazyk i znanie. Na puti polucheniia znaniy o iazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniia. Rol iazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge. Towards acquiring knowledge of language: parts of speech from cognitive perspective. The role of language in understanding the world]. Moskva: Iazyki slavianskoi kultury, 2004, 556 p.
16. Kudrina, S.A., Perminov, V.O., Yudina, E.V. Osnovnye istochniki i sposoby obrazovaniia neologizmov v sovremennom angliyskom iazyke [The Main Sources and Methods of Formation of Neologisms in Modern English Language] // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], 2023, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-istochniki-i-sposoby-obrazovaniya-neologizmov-v-sovremennom-angliyskom-yazyke> (Accessed 17 January 2024).
17. Poznin, V.F. Ekrannoe prostranstvo: real'noe i voobrazhaemoe // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie*. 2015. №1, cyberleninka.ru/article/n/ekrannoe-prostranstvo-realnoe-i-voobrazhaemoe (Accessed 27 February 2024).
18. Schmid, Hans-Jörg. New Words in the Mind: Concept-formation and Entrenchment of Neologisms. // *Anglia*, vol. 126, no. 1, 2008, pp. 1-36, <https://doi.org/10.1515/angl.2008.002> (Accessed 10 March 2024).
19. Streltsov, A.A. Slovoobrazovatelnyi potentsial teleskopicheskikh slov [Word-building Potential of telescoped Words] // *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, iazykoznaniiia* [Issues of Journalism, Education, Linguistics], 2022, no. 2, cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnyy-potentsial-teleskopicheskikh-slov (Accessed 07 February 2024).
20. Fedorova N. A., Drobinina, Iu. S. Sovremennaiia angliiskaia neologiiia: puti popolneniia iazyka // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 2023. №5, cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-angliyskaya-neologiya-puti-popolneniya-yazyka (Accessed 06 March 2024).
21. Khrushcheva, O.A. Universalnye osobennosti blendinga [Universal Peculiarities of Blending] // *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaia kommunikatsiia* [Proceedings of Voronezh state University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2010, no. 2, cyberleninka.ru/article/n/universalnye-osobennosti-blendinga (Accessed 26 February 2024).

Сведения об авторах:

Николаенко Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, факультет иностранных языков, Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского (Россия, Брянск). Сфера научных и профессиональных интересов: концептуальная метафора, аспектология, художественный перевод. E-mail: nikolaenkoelena@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4317-52-52

Шевелева Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, факультет иностранных языков, Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского (Россия, Брянск). Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология английского языка, фразеология, концептуальная метафора. E-mail: forgetmenot69@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0001-8201-6249

About the authors

Elena M. Nikolaenko, PhD, is Assistant Professor of the Department of the English Language and Teaching Methodology, Faculty of Foreign Languages, Bryansk State University named after ac. I.G. Petrovsky (Bryansk, Russia). Spheres of research and professional interest: conceptual metaphor, aspectology, literary translation. E-mail: nikolaenkoelena@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4317-52-52

Irina A. Sheveleva, PhD, is Assistant Professor of the Department of the English Language and Teaching Methodology, Faculty of Foreign Languages, Bryansk State University named after ac. I.G. Petrovsky (Bryansk, Russia). Spheres of research and professional interest: English Lexicology, Phraseology, conceptual metaphor. E-mail: forgetmenot69@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0001-8201-6249

* * *

THE COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC POTENTIAL OF GERMAN TRADITIONAL AND MODIFIED PHRASEOLOGICAL UNITS

Tatyana A. Pugacheva

MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. This article examines the traditional form and modifications of the German phraseology «in Saus und Braus leben» in the modern German press on economic topics from 2018 to 2024. The purposes of using phraseological units in the economic media discourse are diverse. Journalists, in an effort to attract the attention of the readers, use vivid and expressive phraseological units often modifying them. The purpose of the article is to determine the communicative and pragmatic potential of the traditional and modified unit, to identify ways of modifying it, and to present a lexical description of the phraseology. The work describes the functioning of this phraseology both in its traditional form and as modified within media discourse. In order to conduct the research, the following methods were used: an analytical and descriptive approach, linguistic stylistic analysis, and systematization of results, continuous sampling, complex linguistic description, statistical processing, and generalization of data. The material for this study consisted of newspaper articles published in German electronic media, such as «Manager magazin», «Die Tageszeitung», «Der Spiegel», «Focus», «Taz», «Berliner Zeitung». During the study, we found that traditional and modified forms prevail in the article body, often realizing the function of attracting attention, expressive and evaluative functions. It was revealed that the frequency of implementation of the modified phraseology is almost 1.5 times higher than its implementation in the traditional form. Both traditional phrases and their modified variants are used in their original meaning without changing the meaning of the sentence. Within the framework of the studied corpus of traditional and modified phraseological units, the following modifications were identified: change of the grammatical form, expansion of phraseology through additional components, replacement of the verb, reduction of the usual form of phraseology. In the course of the study, an expanded model of the dictionary entry was proposed, considering the specifics of the modern functioning of phraseology in the texts of economic discourse. This description will reflect both the traditional form and the structural and semantic modifications of phraseological units in the media discourse on economic topics.

Keywords: the German language, economic discourse, phraseology, methods of modification, traditional form, modified form, German press

For citation: Pugacheva T.A. (2024). The communicative and pragmatic potential of German traditional and modified phraseological units. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(2), pp. 65–77. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-65-77>

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕМЕЦКИХ ТРАДИЦИОННЫХ И МОДИФИЦИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Т.А. Пугачева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В настоящей статье рассматривается традиционная форма и модификации немецкого фразеологизма «in Saus und Braus leben» в современной прессе Германии на экономическую тематику в период с 2018 по 2024 гг. Цели использования ФЕ в экономическом медиадискурсе разнообразны. Журналисты, стремясь привлечь внимание читателей, используют яркие и экспрессивные фразеологизмы, а также нередко прибегают к их модификациям. Цель статьи состоит в том, чтобы определить коммуникативно-прагматический потенциал традиционной и модифицированной ФЕ, выявить способы её модификации, а также представить лексикографическое описание фразеологизма. Работа описывает функционирование фразеологизма в традиционной и в модифицированной форме в медиадискурсе. Для проведения исследования предлагается использовать аналитико-описательный метод, лингвостилистический анализ языкового материала с последующей систематизацией полученных результатов, метод сплошной выборки, метод комплексного лингвистического описания, метод статистической обработки и обобщения полученных данных. Материалом данного исследования послужили газетные статьи из немецких электронных изданий, таких как «Manager magazin», «Die Tageszeitung», «Der Spiegel», «Focus», «Taz», «Berliner Zeitung». В ходе исследования было выявлено, что традиционные и модифицированные варианты преобладают в корпусе статьи, реализуя при этом чаще всего функцию привлечения внимания, экспрессивную и оценочную функции. Выявлено, что частота реализации модифицированного фразеологизма выше почти в 1,5 раза, чем реализация его в традиционной форме. Отмечено, что как традиционная форма фразеологизма, так и модифицированные варианты реализуются в своём основном значении, не меняя смысл высказывания. В рамках исследованного корпуса традиционных и модифицированных фразеологизмов были выявлены следующие модификации: изменение грамматической формы, расширение фразеологизма посредством дополнительных компонентов, замена глагола, сокращение узуальной формы фразеологизма. В ходе исследования была предложена расширенная модель словарной статьи с учётом специфики современного функционирования фразеологизма в текстах экономического дискурса. Данное описание отразит как традиционную форму, так и структурно-семантические модификации фразеологизма в медиадискурсе на экономическую тематику.

Ключевые слова: немецкий язык, экономический дискурс, фразеологизм, способы модификации, традиционная форма, модифицированная форма, пресса Германии

Для цитирования: Пугачева Т.А. (2024). Коммуникативно-прагматический потенциал немецких традиционных и модифицированных фразеологизмов. *Филологические науки в МГИМО*. 10(2), С. 65–77. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-65-77>

1. Введение (Introduction)

Фразеология необычайно богата и интересна с точки зрения лингвистического исследования. Это одна из языковых универсалий, поскольку нет языков без фразеологических единиц. Фразеология – это крупный раздел языкознания, изучающий устойчивые сочетания слов, их употребление в речи, их выразительный потенциал [6], а также все фразеологизмы, которые есть в том или ином языке.

Данный раздел языкознания, как и язык в целом, находится в постоянном развитии. В этой важной части словарного состава языка наиболее ярко отражаются многовековой опыт народа, его культура и мудрость, которые передаются из поколения в поколение. Таким образом, это своеобразный культурный код, ведь фразеологизмы несут знания и представления определённого этноса и служат в качестве источника национальной культуры.

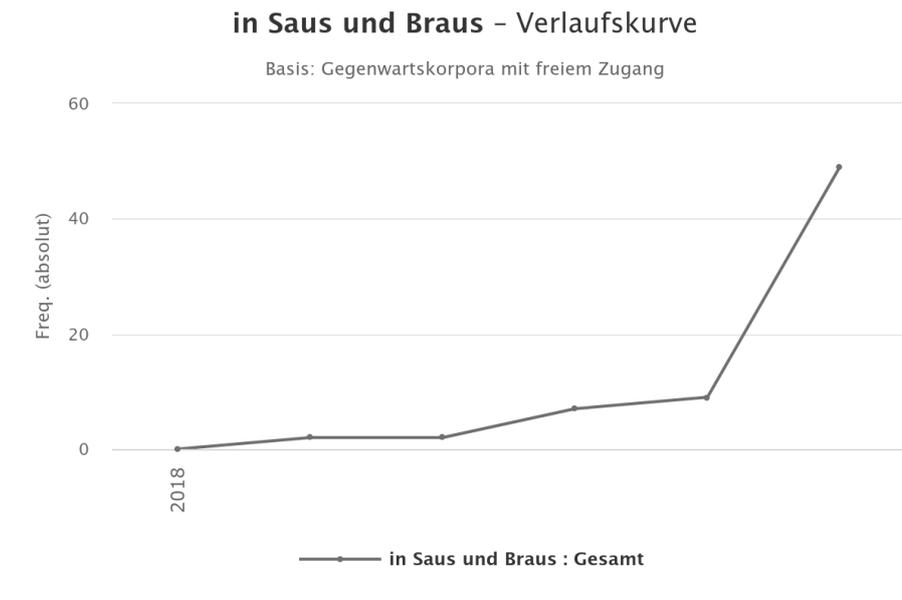
Главный вопрос фразеологии – это вопрос определения ключевого термина – «фразеологизма». Учитывая определения фразеологизмов разных лингвистов, таких как И.В. Арнольд, М.П. Брандес, В.В. Виноградов, И.И. Чернышева, Н.М. Шанский, и др., приходим к выводу, что фразеологизм – это устойчивое по составу и структуре сочетание, лексически неделимое, целостное по смыслу и употребляемое в речи как единое целое, не подлежащее разложению на отдельные компоненты и, как правило, не допускающее перестановки частей [1], [2], [4], [9], [13]. Фразеологизмы употребляются в речи прежде всего для оценки предметов и явлений, уже имеющих обозначение в языке.

При всей полноте исследования фразеологии представляется недостаточно разработанным такой аспект как использование фразеологических единиц в специальных дискурсах, в частности экономическом. Под экономическим дискурсом понимают систему текстов, объединённых одной тематикой и возникающих в ходе коммуникации в сфере экономики [12, с. 152]. Данный дискурс достаточно специфичен [3], коммуникация в этой сфере содержит многочисленные трудности не только в понимании и переводе экономической терминологии, но и фразеологических единиц, которые здесь также очень широко представлены.

На сегодняшний день экономическая ситуация в мире привлекает внимание общественности, что, несомненно, отражается в средствах массовой информации, в том числе и в прессе Германии [16]. Последствия миграционной политики Германии, пандемии коронавируса, повышения налогов отрицательно повлияли на экономическую ситуацию Германии и снизили уровень жизни граждан. Энергетический кризис, рост цен, инфляция, протесты фермеров, железнодорожников и работников других отраслей, охвативших страну в течение последних месяцев – все эти события активно обсуждаются в немецкоязычной прессе.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы определить коммуникативно-прагматический потенциал традиционной и модифицированной фразеологической единицы «in Saus und Braus leben» в текстах экономического дискурса, выявить способы её модификации, а также представить лексикографическое описание фразеологизма. Данное описание продемонстрирует и традиционную форму, и структурно-семантические модификации фразеологизма в медиадискурсе на экономическую тематику.

Исследование строится вокруг фразеологизма «in Saus und Braus leben», так как за период с 2018 по 2024 годы, по данным корпуса DWDS [19], он часто встречается в текстах экономического дискурса, характеризуя расточительный образ жизни.

Новизна проводимого исследования состоит в том, что впервые рассматривались традиционная форма и модификации ФЕ «in Saus und Braus leben» в экономическом дискурсе за конкретный период времени, а также её коммуникативно-прагматический потенциал.

2. Исследование (Materials and Methodology)

Материалом для данной статьи послужили тексты из немецких электронных изданий, таких как «Manager magazin», «Die Tageszeitung», «Der Spiegel», «Focus», «Taz», «Berliner Zeitung».

Примеры из газетных статей были отобраны методом сплошной выборки, а также в ходе исследования применялись аналитико-описательный метод, лингвостилистический анализ языкового материала, метод сплошной выборки, метод комплексного лингвистического описания, метод статистической обработки и обобщения полученных данных.

Обработка материала заключалась в выявлении традиционных и модифицированных форм ФЕ в газетных статьях и в описании их функционирования в тексте.

3. Результаты исследования (Results)

Цели использования ФЕ и их функции в экономическом медиадискурсе разнообразны. Журналисты стремятся привлечь внимание читателей различными способами: используют семантическую специфику слов и выражений, синтаксические средства, особенности построения предложения, графические средства, а также бросающиеся в глаза яркие слова и выражения, а именно фразеологизмы, которые по своей природе образны, выразительны, ярки и экспрессивны. Необходимо отметить, что фразеологизмы обладают функцией отражения национально-культурной специфики, то есть они известны практически любому человеку определённой культуры. Благодаря широкой известности фразеологизмы подвергаются модификациям, то есть видоизменениям. К приёму модификации фразеологических единиц нередко прибегают журналисты.

В словаре «Duden. Redewendungen» фразеологизм *in Saus und Braus leben* (с пометой в словаре «umgangssprachlich» – «разговорное») означает «ein üppiges, verschwenderisches Leben führen» (вести роскошную жизнь, расточительный образ жизни) [23, с. 635]. Фразеологизм использовался ещё в средние века, а с XVII века возникла его рифмованная форма, которая используется и сегодня. Изначально прямое значение выражения «Saus und Braus» обозначало завывание ветра и шум волн, а в переносном значении шумное, весёлое застолье («die laute Fröhlichkeit beim geselligen

Essen und Trinken») [22]. Аналогичное определение находим в словаре корпуса DWDS: «ein Leben im Überfluss führen, einen verschwenderischen, sorglosen Lebenswandel haben» (жить на широкую ногу, вести расточительный, беззаботный образ жизни) [19].

В данной статье проанализировано 40 примеров использования фразеологизма «in Saus und Braus leben» в перечисленных изданиях в исследованном корпусе в период с 2018 по 2024 гг. В традиционной форме фразеологизм реализуется в нашем материале 12 раз, в модифицированной, то есть видоизменённой форме – 28 раз.

Прежде всего, необходимо уточнить понятие традиционных и модифицированных форм фразеологизма. Под традиционным мы понимаем тот фразеологизм, форма которого зафиксирована в словаре. Однако фразеологизмы существуют не только в традиционной, но и в модифицированной форме [8]. Это связано с тем, что носители языка, обладая творческим мышлением и особыми коммуникативными свойствами, нуждаются в средствах выражения эмоциональности, экспрессивности и конкретизации ситуации в уже знакомых им ФЕ [15]. Исходя из этого, мы можем утверждать, что стабильность – это не абсолютный признак фразеологизма [18]. Итак, модификация фразеологизма – это изменение его структуры, которая различается с основной формой фразеологизма, зафиксированной в словарях.

Проанализированный материал показал, что фразеологизм «in Saus und Braus leben» может употребляться в контекстах, описывая следующие темы:

1. Обеспеченные люди и расточительство

В нашем материале мы насчитываем **семь контекстов** на данную тему, которые характеризуют людей, живущих на широкую ногу. Так, например, статья «*Bist du bekloppt?*» («Ты с ума сошёл?») [24] посвящена певцу Пьетро Ломбарди, который признаётся, что не знает сколько денег он тратит в месяц.

2. Шарлатаны и расточительство

В нашем распоряжении мы имеем **четыре контекста**, в которых фразеологизм «in Saus und Braus leben» характеризует поведение шарлатанов и мошенников, демонстрацию их роскошной жизни. Так, в статье «*Verurteilte Hochstaplerin*» («Осуждённая мошенница») [24] речь идёт о девушке, которая выдавала себя за дочь миллионера и вела беспечный образ жизни в высшем обществе Нью-Йорка.

3. Банкроты и расточительство

В нашем корпусе имеется **три контекста** на эту тему. В статье под названием «*Mehrmals in der Woche speist Boris Becker in Luxus-Restaurant*» («Несколько раз в неделю Борис Беккер обедает в роскошном ресторане») [24] говорится о бывшем теннисисте, который официально объявлен банкротом, но всё равно ведёт расточительный образ жизни, не отказывая себе в удовольствии.

4. Заёмщики и расточительный образ жизни

Мы располагаем **тремя контекстами** на данную тематику. В данных статьях речь идёт о людях, которые благодаря кредитам позволяют себе жизнь на широкую ногу.

5. Социальные выплаты и расточительство

В нашем распоряжении имеется пять, связанных с данной темой, **контекстов**. В этих статьях поднимаются вопросы пенсий, пособий, субсидий и отмечается, что эти меры направлены не на роскошную жизнь, а на достойное существование. Затронуты также налоговые вопросы, так, например, в статье «*Die neuen Steuer-Pläne der SPD sind Gift für unser Land*» («Новые налоговые планы СДПГ – это яд для нашей страны») [24] критикуется решение СДПГ (Социал-демократическая партия Германии) о повышении налогов. Автор утверждает, что данное решение – это настоящий «налоговый удар», который повлечёт за собой серьёзные последствия для Германии и её экономики.

6. Экологические проблемы и расточительный образ жизни

В нашем корпусе представлены **два контекста** на эту тему. Например, автор статьи «*Umdenken im großen Stil*» («Переосмысление в широком масштабе») [21] размышляет об экологических проблемах, к которым приводит беспечная жизнь людей.

Исходя из проанализированного материала, мы можем сделать вывод, что фразеологизм «in Saus und Braus leben», как правило, употребляется в текстах, где авторы статей осуждают и высмеивают расточительный образ жизни.

Далее перейдём к вопросу расположения в статье фразеологической единицы «in Saus und Braus leben», которая может быть употреблена в заголовке, в подзаголовке, в лиде, в корпусе или в конце статьи.

Говоря о газетных статьях в Интернете, важно понимать, что человек в современном мире переполнен разного рода информацией, поэтому важнейшей задачей журналистов становится удержание и привлечение внимания читателей к статье. Эта цель успешно достигается яркими, лаконичными и экспрессивными заголовками [14], в которых реализуются как традиционные, так и модифицированные фразеологизмы.

В проанализированном материале фразеологизм «in Saus und Braus leben» в заголовке встретился в нашем материале дважды и в обоих случаях в модифицированной форме:

(1) ***Leben in Saus und Braus*** [24]. – ***Жизнь в роскоши***.

В статье, посвящённой дочерям миллионеров, ведущим роскошную жизнь, фразеологизм в заголовке выполняет экспрессивную и информативную функции: заголовок сразу бросается в глаза читателю и лаконично отображает содержание статьи. Здесь использован вариант фразеологизма, который был получен путём субстантивации глагола leben.

В следующем примере автор статьи использовал модифицированный расширенный заголовок:

(2) ***Ein Hochstapler-Leben in Saus und Braus*** [17]. – ***Шарлатанская жизнь в роскоши***.

В статье речь идёт о жизни так называемого миллионера. 32-летний мужчина, любивший роскошную жизнь, теперь предстаёт перед судом в Берлине как предполагаемый мошенник. В ярком заголовке статьи автор употребил модифицированный фразеологизм, применив такой стилистический приём как расширение компонентного состава фразеологизма. Данный приём позволил фразеологизму выполнять не только экспрессивную функцию, но также и оценочную, прогностическую и моделирующую функции.

Нередко журналисты вводят фразеологизм в подзаголовок статьи, который, как правило, выделен полужирным шрифтом. ФЕ в подзаголовке статьи выполняет функцию компрессии информации, прогностическую, оценочную, а также экспрессивную, антиципирующую, информативную функции. В проанализированных примерах фразеологизм в подзаголовке встретился три раза и во всех статьях в модифицированном варианте:

(3) Boris Becker ist erst seit wenigen Monaten auf freiem Fuß. Er soll aber schon längst wieder ***ein Leben in Saus und Braus führen*** – zum Ärger seiner Gläubiger [24]. – Борис Беккер находится на свободе всего несколько месяцев. Но говорят, что он уже давно вернулся ***к роскошной жизни***, тем самым разгневав своих кредиторов.

(4) Die Babyboomer sind schuld an den Krisen der Welt, sagen manche. ***Doch haben sie wirklich in Saus und Braus gelebt*** und alle Ressourcen verpulvert? [20]. – Некоторые говорят, что бэби-бумеры виноваты в мировых кризисах. ***Но действительно ли они жили в роскоши*** и растратили все ресурсы?

В подзаголовке статьи (4) сразу же ставится под сомнение, действительно ли представители поколения бэби-бумеров (люди, родившиеся по теории поколений примерно с 1946 по 1964 годы) жили роскошной жизнью.

В следующем примере (5) автор употребил фразеологизм «in Saus und Braus leben» в модифицированном варианте «ein Leben in Saus und Braus führen» в первом предложении лида, то есть в первом абзаце статьи. Лид по обыкновению выделен, как и заголовок, полужирным, но меньшим шрифтом. Лид содержит в себе главную мысль статьи, отражает её содержание и призван привлечь внимание читателя. С помощью лида читатель может понять будет ли ему интересна данная статья.

В статье «Nach Haftentlassung» («После освобождения из-под стражи») речь идёт, так же, как и в предыдущем примере (3), о бывшем теннисисте, шестикратном победителе турниров Большого

шлема. Борис Беккер провёл в тюрьме почти восемь месяцев из-за экономических преступлений, но, несмотря на своё банкротство, продолжает вести расточительную жизнь:

(5) Der sechsfache Grand-Slam-Gewinner soll demnach nicht nur seine neu gewonnene Freiheit genießen, sondern auch *ein Leben in Saus und Braus führen* [24]. – Шестикратный победитель турнира Большого шлема не только наслаждается своей вновь обретённой свободой, но *ведёт роскошную жизнь*.

Автор, употребляя в данном случае фразеологизм, использует такой стилистический приём, как скрытый оксюморон – сопоставление контрастных взаимоисключающих понятий: роскошная жизнь – банкротство.

В следующих примерах фразеологизм реализуется также в лиде статей, но в традиционной форме:

(6) Pietro Lombardi und seine Verlobte Laura *leben in Saus und Braus* [24]. – Пьетро Ломбарди и его возлюбленная Лаура *живут в роскоши*.

(7) Michael Wendler und Laura Müller *leben in Saus und Braus* [24]. – Михаэль Вендлер и Лаура Мюллер *живут в роскоши*.

В премере (7) повествуется о певце Михаэле Вендлере и его жене Лауре Мюллер. Автор, употребляя фразеологизм, акцентирует внимание читателя на богатой жизни певца и подчёркивает, что его семья позволяет себе дорогие подарки и роскошный отпуск, несмотря на большие долги перед налоговой инспекцией.

Интересное положение занимает ФЕ в виде подписи под фотографиями, что можно приравнять к заголовку. В проведённом исследовании таким образом фразеологизм реализуется один раз в статье про саудовцев, которые вывозят радикальных исламистов из зон боевых действий и тщательно лечат их на роскошном курорте посреди пустыни. В данном случае (8) фразеологизмом выполняются оценочная, информативная и ироничная функции:

(8) Mancher ehemalige Dschihadist klettert aus Freude über *das Leben in Saus und Braus* eine Palme hoch [26]. – Некоторые бывшие джихадисты *от роскошной жизни* забираются на пальму.

Фразеологизм, используемый в корпусе статьи, обладает всеми приведёнными выше функциями. Однако, реализуя традиционные и модифицированные формы фразеологизмов в корпусе статьи, автор стремится не столько привлечь внимание читателя (если адресат читает статью, то она представляет для него интерес), сколько убедить его, заставить задуматься над обозначенной проблемой, оценить и, несомненно, информировать:

(9) Wenn von Erbschaftsteuer und Schenkungsteuer die Rede ist, denken viele zunächst an privaten Luxus: pompöse Villen, Privatflugzeuge, *ein Leben in Saus und Braus* [24]. – Когда речь идёт о налоге на наследство и налоге на дарение, многие прежде всего думают о личном благополучии: о помпезных виллах, о частных самолётах, *о роскошной жизни*.

В примере (9) фразеологизм реализован в модифицированном варианте «ein Leben in Saus und Braus» (субстантивация глагола leben).

(10) Der ehemalige Microsoft-Chef Steve Ballmer (67) ist der sechstreichste Mensch der Welt. Der 67-Jährige besitzt so ein großes Vermögen, das auch dann noch wächst, wenn er **in Saus und Braus lebt** [25]. – Бывший генеральный директор Microsoft Стив Баллмер (67 лет) занимает шестое место в списке самых богатых людей в мире. У 67-летнего мужчины такое большое состояние, что оно продолжает расти, даже когда он **живёт в роскоши**.

(11) Viele Sparer möchten im Alter gar nicht in Saus und Braus leben. Sie möchten ihren Lebensstandard sichern und sich dann und wann einmal etwas gönnen [24]. – Многие вкладчики в старости совсем не хотели **бы жить в роскоши**. Они хотели бы обеспечить свой уровень жизни и иногда побаловать себя чем-нибудь.

Статья (11) «Mehr Rente: So holen Sie sich den Extra-Zuschuss vom Staat» («Больше пенсии: как получить дополнительную надбавку от государства») посвящена вопросу пенсий и государственных субсидий. В данном случае фразеологизм «in Saus und Braus leben» реализован в традиционной форме.

(12) Auf der einen Seite verdorren den Bauern in der Poebene die Früchte und auf der anderen Seite wird bei uns in Saus und Braus gelebt und Urlaub gemacht [21]. – С одной стороны, у фермеров в долине реки По вянут фрукты, а с другой стороны, у нас живут в роскоши и отдыхают.

В данном примере (12) глагол «leben» употреблён в страдательном залоге (Passiv). Автор, используя страдательный залог, не указывает кто именно живёт в роскоши, а подчёркивает сам факт беспечной расточительной жизни. В статье речь идёт об экологической проблеме. Так, бесчисленные ресурсы тратятся впустую в результате массового туризма (например, сауны и бассейны потребляют тысячи литров воды), что приводит к проблеме нехватки воды. Журналист противопоставляет беспечную роскошь сферы туризма и жизнь фермеров, которым не хватает воды для земледелия. Благодаря экспрессивному фразеологизму достигается эффект резкого контраста.

Реализация фразеологизма в конце статьи отражает его полифункциональность. Фразеологические единицы в конце статьи имеют оценочную семантику [11], выполняют кумулятивную, то есть накопительную, директивную и, несомненно, резюмирующую функцию:

(13) Es geht ja auch nicht um **ein Leben in Saus und Braus**, sondern um ein würdevolles Existenzrecht [26]. – В конце концов, речь идёт не **о роскошной жизни**, а о праве на достойное существование.

Однако в кульминации фразеологизм встречается лишь однажды в статье об ассоциации «Mein Grundeinkommen», сотрудничающей с Немецким институтом экономических исследований. В данном примере фразеологизм реализуется в модифицированном варианте.

Местоположение в статье	Количество традиционных фразеологизмов и их вариантов	Процентное соотношение
Заголовок статьи	2	5 %
Подзаголовок статьи	3	7,5 %
Лид статьи	4	10 %
Корпус статьи	30	75 %
Конец статьи	1	2,5 %
Всего:	40	100%

Анализ реализации традиционных и модифицированных вариантов фразеологизма «in Saus und Braus leben» показал, что ФЕ, как правило, используется как средство экспрессивного выражения мысли. Фразеологизм ввиду своей контекстуальной специфики чаще реализуется в корпусе статьи как подтверждение предыдущего высказывания, выполняя при этом прежде всего функцию привлечения внимания, экспрессивную и оценочную функции.

В текстах статей за вышеуказанный период было реализовано 28 модифицированных вариантов фразеологизма «in Saus und Braus leben». В данной части исследования мы классифицируем употребление фразеологической единицы не по месту положения в статье, а по модификациям.

Функции модифицированных фразеологических единиц в статье идентичны функциям традиционных фразеологизмов. Однако, экспрессивная функция при реализации модифицированной фразеологической единицы выражена ярче и чётче.

Отметим, что все выявленные в ходе анализа варианты фразеологизма не приводят к изменению смысла. Среди формальных модификаций структуры фразеологизма обнаружены:

1. Расширение фразеологизма посредством дополнительных компонентов

(14) Boris Becker saß gerade erst mehrere Monate lang aufgrund von Insolvenzstraftaten im Gefängnis. Immer noch soll er Schulden in Millionenhöhe haben. Dennoch scheint er kurz nach seiner Haftentlassung *schon wieder in Saus und Braus zu leben* [24]. – Борис Беккер только недавно отсидел несколько месяцев в тюрьме из-за преступлений, связанных с банкротством. Говорят, что у него всё ещё есть долги на миллионы долларов. Тем не менее, вскоре после своего освобождения из тюрьмы он, похоже, *снова живёт в роскоши*.

В данном примере (14) лексический способ модификации – расширение фразеологизма за счёт наречий «schon wieder».

(15) Der 55-Jährige beschreibt darin ganz offen zum Beispiel, wie er für seine Familie über Jahre Tausende Euro Sozialhilfe bezog, obwohl er *gleichzeitig in Saus und Braus lebte* – und sogar erfolgreich gegen die Einstellung der Sozialhilfe klagte [24]. – 55-летний мужчина откровенно описывает, например, как он годами получал тысячи евро социальной помощи, хотя *одновременно с этим жил в роскоши* – и даже успешно подал в суд из-за прекращения социальной помощи.

В данном примере фразеологизм расширился за счёт обстоятельства времени «gleichzeitig». Введение в состав ФЕ таких лексических компонентов, как обстоятельство образа действия, места, времени, вводных слов, слов-усилителей (natürlich, immer, auch, hier и др.) не приводит к изменению смысла сентенции, а лишь уточняет, конкретизирует ситуацию [5].

(16) Das Geld, das mein Media Markt jedes Jahr in Regalumbauten und Verlagerung der Verkaufsflächen investiert, das würde schätzungsweise ausreichen, mir ein halbes Jahr lang *ein sorgenfreies Leben in einigem Braus (wenn auch nicht in Saus) zu sichern* [26]. – Тех денег, которые мой медиа-рынок ежегодно вкладывает в переоборудование стеллажей и перемещение торговых площадей, по оценкам, было бы достаточно, чтобы *обеспечить мне если не роскошную, то хотя бы беззаботную жизнь в течение полугода*.

В данном примере (16) мы видим изменение традиционной формы фразеологизма за счёт расширения компонентов (добавления прилагательного sorgenfrei; местоимения einig; слов-усилителей wenn auch), замены глагола (субстантивация глагола leben – Leben + глагол sichern). Кроме того, в модификации фразеологизма участвуют и пунктуационные средства – скобки. Всё это служит для достижения максимального ироничного эффекта, что, несомненно, сразу же привлекает внимание читателя. Данные модификации образованы автором с целью усиления экспрессивности [10]. Однако, отметим, что сочетание даже нескольких модификаций не приводит к изменению смысла фразеологизма.

2. Замена глагола

В проанализированных примерах была выявлена замена глагола «leben» на синонимы, а также субстантивация глагола («leben» – «das Leben»):

(17) Damit *ermöglichte sie sich ein Leben in Saus und Braus* inmitten der New Yorker High Society [24]. – Таким образом, она *позволила себе вести расточительную жизнь* среди высшего общества Нью-Йорка.

(18) Steven M. *führte ein Leben in Saus und Braus*. Er gab sich als Millionär aus oder als Immobilieninvestor, er fuhr mit dicken Limousinen durch Deutschland, an deren Steuer ein Chauffeur saß [17]. – Стивен М. *вёл роскошную жизнь*. Он выдавал себя за миллионера и инвестора в недвижимость, разъезжал по Германии на лимузинах, за рулём которых сидел шофёр.

Интересен тот факт, что автор использует в статье (18) фразеологизм дважды – в заголовке и в первом абзаце, реализуя при этом два варианта фразеологизма: «ein Hochstapler-Leben in Saus und Braus» и «ein Leben in Saus und Braus führen». Тем самым автор намеренно дважды подчёркивает, насколько расточительную жизнь ввёл так называемый миллионер.

(19) Die Chefs des Korruptionsnetzwerkes *führten ein Leben in Saus und Braus*; Luxusvillen, teure Autos, edle Pferde gehörten zum Standard [26]. – Руководители коррупционной сети *вели расточительную жизнь*; роскошные виллы, дорогие автомобили, благородные лошади были нормой.

(20) Wilde Jahre seien das gewesen, *ein Leben in Saus und Braus* „Nightlife, Trinken, Tanzen, Frauen. Ich war jung und Barbesitzer, mehr ging nicht.“ [26]. – Это были дикie годы, *расточительная жизнь*. „Ночная жизнь, выпивка, танцы, женщины. Я был молод и владел баром, и ничего больше.“

3. Сокращение узуальной формы фразеологизма

Данная форма модификации фразеологизма в проанализированном материале встретилась всего один раз:

(21) Haben wir, jetzt mal ehrlich, nicht einfach das Mehr, Schneller, Höher und Geiler im Blut, *das Bedürfnis nach Saus und Braus*, nach Zucker, Fett und Benzin? [26]. – Разве у нас, давайте посмотрим правде в глаза, нет желания большего, быстрого, высокого и буйного в крови, *потребности в роскошной жизни*, в сахаре, в жире и бензине?

В данной статье автор рассматривает вопрос экологии и приходит к тому, что для спасения мира необходимо запретить то, что доставляет наибольшее удовольствие людям: путешествия, полёты на самолётах, круизы, новые смартфоны и так далее. Но вместе с тем у людей есть потребности в обеспеченной жизни («*das Bedürfnis nach Saus und Braus*»), в бензине и других ресурсах.

Далее представим реализацию модели словарной статьи на материале фразеологизма «*in Saus und Braus leben*», опираясь на опыт Мокиенко В.М. и Никитиной Т.Г. Авторы предложили рассмотреть вопросы лексикографической разработки библейских паремий и фразеологизмов. На примере пословицы «Глаза – зеркало души» ими была представлена реализация модели словарной статьи в полном объёме, которая учла модификации пословицы, например, «Пустые глаза – зеркало пустой души»; «Глаза – зеркало души, а брови – их оправа» и так далее. Учёные подчёркивают, что предлагаемая лексикографическая концепция даст возможность прогнозировать тенденции в данной сфере, а также задействовать словарные материалы в лингводидактических целях [7].

В немецких словарях фразеологизм представлен исключительно в традиционной форме, без учёта функционирования его вариантов. Зафиксированные в прессе варианты стали объектом семантического, компонентного и контекстуального анализа, что привело к их лексикографированию в нашей работе. Вслед за выше упомянутыми лингвистами мы включили в словарную статью не только зафиксированную в словаре традиционную форму, но и варианты, которые разнятся с основной формой фразеологизма, однако при этом реализуют его основное значение.

Мы предлагаем расширить словарную статью из словаря Дудена [23, с. 635] с учётом особенностей современного функционирования фразеологической единицы, добавив примеры из газетных статей:

In Saus und Braus leben (ugs.): ein üppiges, begütertes, verschwenderisches Leben führen, ein Leben im Überfluss führen, einen verschwenderischen, sorglosen Lebenswandel haben: ... *viele Sparer möchten im Alter gar nicht in Saus und Braus leben* [24].

(ein) Leben in Saus und Braus: ... *ein Leben in Saus und Braus* „Nightlife, Trinken... [26]; **das Bedürfnis nach Saus und Braus:** ... *das Bedürfnis nach Saus und Braus, nach Zucker, Fett und Benzin* [26]; **ein Leben in Saus und Braus führen:** ... *die Chefs des Korruptionsnetzwerkes führten ein Leben in Saus und Braus; Luxusvillen, teure Autos, edle Pferde gehörten zum Standard* [26]; **sich ein Leben in Saus und Braus ermöglichen:** ... *damit ermöglichte sie sich ein Leben in Saus und Braus inmitten der New Yorker High Society* [24]; **ein Hochstapler-Leben in Saus und Braus** (in der Bedeutung: ein betrügerisches Leben im Überfluss); **ein sorgenfreies Leben in einigem Braus (wenn auch nicht in Saus) sichern:** ... *das würde schätzungsweise ausreichen, mir ein halbes Jahr lang ein sorgenfreies Leben in einigem Braus (wenn auch nicht in Saus) zu sichern* [26].

4. Обсуждение результатов (Discussion)

В результате данного исследования было установлено, что фразеологизм «*in Saus und Braus leben*» может описывать следующие темы: обеспеченные люди и расточительство, шарлатаны и расточительство, банкроты и расточительство, заёмщики и расточительный образ жизни, социальные выплаты и расточительство, экологические проблемы и расточительный образ жизни. Таким образом, фразеологизм употребляется в тексте с целью осуждения расточительного образа жизни.

Проведённый анализ показал, что традиционные и модифицированные варианты в большинстве случаев (75 %) реализуются в корпусе статьи как подтверждение предыдущей мысли, выполняя при этом чаще всего функцию привлечения внимания, экспрессивную и оценочную функции.

Выявлено, что частота реализации модифицированного фразеологизма выше почти в 1,5 раза, чем реализация его традиционной формы. Это показывает, что интерес к модификациям фразеологизмов в публицистических текстах экономического дискурса достаточно велик.

Необходимо также отметить, что во всех проанализированных примерах как традиционная форма фразеологизма, так и модифицированные варианты реализуются в своём основном значении, то есть без изменения смысла.

Модифицированные фразеологизмы выполняют экспрессивную, оценочную, информативную функции, функцию подтверждения мысли, функцию образного сравнения, функцию характеристики героев и событий. Функции фразеологизма, как правило, взаимодействуют между собой для создания максимальной выразительности повествования.

При анализе исследованного корпуса традиционных и модифицированных фразеологизмов мы выявили следующие модификации: расширение фразеологизма посредством дополнительных компонентов, замена глагола (замена глагола «leben» на синонимы, а также субстантивация глагола («leben» – «das Leben»), сокращение узуальной формы фразеологизма.

В ходе исследования также была предложена расширенная модель словарной статьи с учётом специфики современного функционирования фразеологизма в текстах экономического дискурса.

Практическая ценность данного исследования состоит в том, что его материалы и выводы могут найти применение при преподавании немецкого языка как иностранного, курсов лексикологии и стилистики немецкого языка, а также представляет интерес для всех, кто обращается к немецкой фразеологии.

© Пугачева Т.А., 2024

Список литературы

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 452 с.
2. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. 3е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
3. Бурикова С.А. Экономический дискурс с позиции когнитивной лингвистики / С.А. Бурикова, В.В. Брусакова. Вопросы прикладной лингвистики. 2017. № 2. С. 7–19.
4. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М.: Наука, 1977. 312 с.
5. Гнедаш С.И. Провербальные единицы и возможности их трансформации в современном немецком языке // Вестник Чувашского университета. 2010. №2. С. 71–74.
6. Ковшова М.Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2019. №4.
7. Мокиенко В. М. Библейские фразеологизмы и поговорки в современном социокультурном контексте: к концепции словарной репрезентации / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Научный диалог. 2023. Т. 12. № 8. С. 193–210. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-193-210.
8. Рубцова С.Ю. Модифицированные фразеологизмы с компонентом-мифонимом в англоязычных СМИ. // Научный диалог. 2020. № 7. С. 210–224.
9. Степанова М.Д. Лексикология современного немецкого языка. / М.Д. Степанова, И.И. Чернышева. М.: Академия, 2005. 256 с.
10. Титаренко Е.Я. Аспектуальность и вариативность глагольных фразеологизмов в русском языке и речи / Е.Я. Титаренко, Ю.Ю. Балацкая. Научный диалог. 2022. №11. С. 152–170.
11. Трегубова Ю.А. Способы модификации и семантика иностранных антропонимов в русскоязычном интернет-дискурсе (на примере номинации членов Британской королевской семьи) / Ю.А. Трегубова, Е.В. Лаврищева. Научный диалог. 2021. № 9. С. 113–127.
12. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учеб. пособие. М.: Либроком, 2009. 152 с.
13. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Специальная литература, 1996. 137 с.
14. Шубина Э.Л. Эвфемизированные заголовки статей в экономических новостях немецкой газеты «Die Tageszeitung» / Э.Л. Шубина, Ю.А. Райкова. Научный диалог. 2023. № 12. С. 190–211.
15. Шубина Э.Л. Варианты и трансформанты немецких пословиц в прессе / Э.Л. Шубина, А.В. Шитикова. Вестник Тюменского университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 4. С. 22–30.

16. Шубина Э.Л. Хедж-эвфемизмы как инструменты экономического дискурса / Э.Л. Шубина, А.В. Седова // Научный диалог. 2021. № 11. С. 183–200. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-183-200.
17. Berliner Zeitung [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.berliner-zeitung.de/> (дата обращения 30.10.23).
18. Chrissou, M. Kontrastive Untersuchungen zu deutschen und neugriechischen Phraseologismen mit animalistischer Lexik. / M. Chrissou. Dissertation. Clemon Verlag, 2000. – S. 444.
19. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). URL: <https://www.dwds.de/wb/> (дата обращения 14.02.2024).
20. Der Spiegel [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.spiegel.de/> (дата обращения 15.02.24).
21. Die Tageszeitung [Электронный ресурс]. – URL: <https://taz.de/> (дата обращения 26.02.24).
22. Duden. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 11.02.2024).
23. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Dudenverlag. Berlin, 2013. P. 929.
24. Focus [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.focus.de/> (дата обращения 01.03.24).
25. Manager magazin. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.manager-magazin.de/> (дата обращения 20.02.2024).
26. Taz [Электронный ресурс]. – URL: www.taz.de/ (дата обращения 27.01.2024).

References

1. Arnold, I.V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality.]: M.: Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2014. 452 s.
2. Brandes, M.P. *Stistika teksta. Teoreticheskii kurs* [The style of the text. Theoretical course]: Uchebnik. 3e izd., pererab. i dop. M.: Progress-Traditsiia; INFRA-M, 2004. 416 s.
3. Burikova, S.A., Brusakova, V.V. Ekonomicheskii diskurs s pozitsii kognitivnoi lingvistiki [Economic discourse from the perspective of cognitive linguistics] // *Voprosy prikladnoi lingvistiki*. 2017. № 2. S. 7–19.
4. Vinogradov, V.V. *Leksikologiya i leksikografiya* [Lexicology and lexicography]: *Izbrannye trudy*. M.: Nauka, 1977. 312 s.
5. Gnedash, S.I. Priverbalnye edinitiy i vozmozhnosti ikh transformatsii v sovremennom nemetskom iazyke [Nonverbal units and the possibilities of their transformation in modern German] // *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2010. №2. S. 71–74.
6. Kovshova, M.L. Evfemizmy i frazeologizmy: ustojchivye struktury v aspekte evfemizatsii [Euphemisms and phraseological units: stable structures in the aspect of euphemization] // *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaia filologiya*. 2019. №4.
7. Mokienko, V.M. Bibleiskie frazeologizmy i paremii v sovremennom sotsiokul'turnom kontekste: k kontseptsii slovarnoi reprezentatsii [Biblical Phraseological units and Proverbs in the Modern Socio-cultural context: towards the Concept of Dictionary Representation] / V.M. Mokienko, T.G. Nikitina // *Nauchnyi dialog*. 2023. T. 12. № 8. P. 193–210. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-193-210.
8. Rubzova, S. Iu. Modifitsirovannye frazeologizmy s komponentom-mifonomimom v angloiazыchnykh SMI. [Modified phraseological units with a phytonym component in English-language media]. // *Nauchnyi dialog*. 2020. № 7. S. 210–224.
9. Stepanova, M.D., Chernysheva, I.I. *Leksikologiya sovremennogo nemetskogo iazyka* [Lexicology of the modern German language]. M.: Akademiia, 2005. 256 s.
10. Titarenko, E.Ia., Balatskaia, Iu.Iu. Aspektual'nost' i variativnost' glagol'nykh frazeologizmov v russkom iazyke i rechi [The aspectuality and variability of verbal phraseological units in the Russian language and speech]. // *Nauchnyi dialog*. 2022. №11. S. 152–170.
11. Tregubova, Iu.A., Lavrishcheva, E.V. Sposoby modifikatsii i semantika inostrannykh antropimov v russkoiazыchnom internet-diskurse (na primere nominatsii chlenov Britanskoi korolevskoi sem'i) [Methods of modification and semantics of foreign anthroponyms in Russian-language Internet discourse (on the example of the nomination of members of the British Royal Family)]. // *Nauchnyi dialog*. 2021. № 9. S. 113–127.
12. Cherniavskaia, V.E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'*. [Text linguistics: Polycode, intertextuality, interdiscursivity]. *Ucheb.posobie*. M.: Librokom, 2009. 152 s.
13. Shanskii, N.M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo iazyka*. [Phraseology of the modern Russian language] SPb.: Spetsial'naia literatura, 1996. 137 s.
14. Shubina, E.L., Paikova, U.A. Evfemizirovannye zagolovki statei v ekonomicheskikh novostiakh nemetskoj gazety «Die Tageszeitung» [Euphemized headlines of articles in the economic news of the German newspaper «Die Tageszeitung»]. *Nauchnyi dialog*. 2023. № 12. S. 190–211.
15. Shubina, E.L., Shitikova, A.V. Varianty i transformanty nemetsckikh poslovice v presse. [Variants and transformants of German proverbs in the press]. // *Vestnik Tiumenskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia*. 2015. № 4. S. 22–30.
16. Shubina, E.L. Hedzh-эвфемизмы как инструменты экономического дискурса / E. L. Shubina, A. V. Sedova // *Nauchnyi dialog*. 2021. № 11. S. 183–200. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-183-200.
17. Berliner Zeitung, www.berliner-zeitung.de/ (Accessed 30.10.2023).
18. Chrissou, M. Kontrastive Untersuchungen zu deutschen und neugriechischen Phraseologismen mit animalistischer Lexik. / M. Chrissou. Dissertation. Clemon Verlag, 2000. S. 444.
19. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache, www.dwds.de/wb/ (Accessed 14.02.2024).
20. Der Spiegel, www.spiegel.de/ (Accessed 15.02.24).
21. Die Tageszeitung, taz.de/ (Accessed 26.02.24).
22. Duden, www.duden.de/ (Accessed: 11.02.2024).
23. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Dudenverlag. Berlin, 2013. P. 929.
24. Focus, www.focus.de/ (Accessed 01.03.24).
25. Manager magazine, www.manager-magazin.de/ (Accessed 20.02.2024).
26. Taz, www.taz.de/ (Accessed 27.01.2024).

Сведения об авторе:

Пугачева Татьяна Андреевна – аспирант кафедры немецкого языка МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: фразеология, лексикология, стилистика.

E-mail: tatyana.pugacheva.1999@mail.ru Тел.: 8-916-257-84-65

ORCID ID: 0009-0007-4881-9874

About the author:

Tatyana Pugacheva is a Postgraduate student of the Department of the German Language, MGIMO. Spheres of research interests: phraseology, lexicology, stylistics.

E-mail: tatyana.pugacheva.1999@mail.ru

ORCID ID: 0009-0007-4881-9874

* * *

TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF TERMINOLOGY: GREEN ECONOMY AND SUSTAINABLE FINANCING (BASED ON ENGLISH AND RUSSIAN)

Tatiana A. Sinelnikova, Nataliya A. Lavrova

MGIMO UNIVERSITY
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. In Russia, the development of the green finance system with regard to a set of environmental, social and governance (ESG) factors is still noticeably lagging behind, which explains the need for outreach activities that include a vocabulary (terminological) component. The aim of this research is to study linguistic trends and features of the usage of environmental vocabulary (terminology) in the increasingly important area of sustainable development and the green financing in the period from 2021 to 2023. The relevance of this research is due to rapid climate change that puts humanity on the brink of survival. Therefore, it is necessary to unite international efforts for the early introduction of scientific and technical achievements. This implies the emergence of new concepts and terms. The paper presents new concepts that emerged in 2021-2023 and materials that have not been previously subjected to linguistic analysis. The idea is to identify the presence of terms selected from English and Russian research materials in the UN terminology database UNTERM and to determine the frequency of their use in English and Russian user corpora via Sketch Engine. Research results demonstrate that in the abovementioned period, the emergence of terminology related to crisis phenomena, such as global warming, loss of biodiversity and land degradation, can be effectively traced. Achieving the sustainable development goals is associated with early and urgent measures to reduce emissions, preserve nature and introduce sustainable patterns of production and consumption with the help of economic and financial levers. A perspective tool for further research in this field could be the application of open neural networks that enable processing of large text arrays.

Keywords: corpus linguistics, terminology database, sustainable development, green economy, green financing

For citation: Sinelnikova T.A., Lavrova N.A. (2024). Tendencies in the development of terminology: green economy and sustainable financing (based on English and Russian). *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(2), pp. 78–98. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-78-98>

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ЗЕЛЁНОЙ ЭКОНОМИКИ И УСТОЙЧИВОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Т.А. Синельникова, Н.А. Лаврова

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
117454 г. Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В России развитие системы зелёных финансов с учётом комплекса факторов ОСОКУ (экологическое, социальное и корпоративное управление) пока заметно отстаёт по ряду причин, поэтому необходима просветительная деятельность, включающая лексическую (терминоведческую) составляющую. Цель настоящего исследования – сформировать представление о динамике развития и особенностях употребления экологической лексики (терминологии) в области устойчивого развития и системы зелёного финансирования в период с 2021 по 2023 гг. Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях стремительно нарастающего развития драматических событий, связанных с климатическими изменениями и ставящих человечество на грань выживания, требуется объединение международных усилий по скорейшему внедрению передовых достижений науки и техники. Всё вышесказанное предполагает появление новых понятий и терминов. В работе представлены новые понятия, появившиеся в 2021-2023 гг., и материалы, ранее не подвергавшиеся лингвистическому анализу. Основные задачи исследования заключались в том, чтобы выявить присутствие терминов, отобранных из английских и русских текстовых материалов, в терминологической базе данных ООН UNTERM и определить частотность их употребления в англоязычном и русскоязычном пользовательских корпусах с помощью корпусного менеджера Sketch Engine. Результаты исследования показали, что в вышеуказанный период прослеживается появление терминологии, связанной с кризисными явлениями, такими как глобальное потепление, утрата биоразнообразия и деградация земель. Достижение целей устойчивого развития связано с решительными и неотложными мерами по снижению объёмов выбросов парниковых газов, сохранением природы и внедрением устойчивых моделей потребления и производства с использованием экономических и финансовых рычагов. Перспективным инструментом дальнейшего исследования терминологии в сфере зелёной экономики и устойчивого развития могут стать нейросети с открытым доступом, дающие возможность обработки больших текстовых данных.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, терминологическая база, устойчивое развитие, зелёная экономика, зелёное финансирование

Для цитирования: Синельникова Т.А., Лаврова Н.А. (2024). Тенденции развития терминологии в области зелёной экономики и устойчивого финансирования (на материале английского и русского языков). *Филологические науки в МГИМО*. 10(2), С. 78–98. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-78-98>

Introduction

Reduction of biological diversity and climate change are the two main environmental challenges facing the world today, and their drivers are closely interrelated, requiring coordinated responses and a systematic control [7]. The environmental aspect of the ESG (Environmental, Social and Governance) agenda, together with the field of economics and finance, reflects these environmental challenges. ESG has accumulated all major risks of humankind. Each country will have to address these issues and develop unique approaches in accordance with its geopolitical background. Green economy can only exist in the framework of general rules, which means the necessity to include linguistic (terminological) solutions to these problems.

This research is **relevant** due to several factors. On the one hand, there is a growing interest in terminological problems in these fields, and on the other, there is a lack of linguistic studies on sustainable development, green economy and responsible financing. This research is meant to contribute to the growing cross-disciplinary area, since the green finance ecosystem is being established at the intersection of finance, economics and ecology. It amalgamates interests of various target audiences. However, it needs general methodological support and, in addition, development and dissemination of common requirements. All of the abovenamed, as well as standardisation and unification of terminology, should be implemented taking into account national interests and linguistic traits.

Global environmental vocabulary is getting more extensive, advanced and interconnected with new industries. We find evidence of this through the adoption of terminologically rich documentation of key international initiatives, institutionalisation and expansion of the green market worldwide. Nevertheless, in Russia, the issues of studying environmental terminology related to sustainable development, green economy and responsible financing have become relevant only in the last five years.

Regarding green financial tools and environmentally conscious investment, international organisations have gained vast experience in methodology development and dissemination. The global trends include the elaboration and standardisation of requirements for instruments and market participants.

This research **aims**, firstly, to identify the presence of the English and Russian terms selected from research materials issued in 2021-2023 in the UNTERM terminology database, and secondly, to determine the frequency of use of those terms in the English and Russian user corpora, taking into account modern international trends in green economy and sustainable finance.

The **practical implications** of the research are to draw the attention of experts such as environmentalists, economists, financiers, linguists, business representatives and officials to language as a tool for studying and solving the issues of financing sustainable development. Unified and harmonised international terminology will contribute substantially to the completion of the SDGs.

Setting the research problem

In Russia, the agenda of green economy began to be considered in 2018. This was the first time The Expert Council on Long-term Investments, on a par with market experts, comprehensively reviewed issues in this field. Final commentaries were summarized in the diagnostic note. It included the key elements necessary to shape the local green finance market and a roadmap. In our research the definitions that have been established in the international financial market were used [3, p. 12], [4, p. 4].

Currently, the green finance system includes investment products (issuance of bonds and their placement by banks), credits (green, social, etc.) and non-bank ESG products (environmental insurance, leasing, ESG consulting).

Unfortunately, in Russia scientific linguistic, terminological studies in these fields of knowledge have not been carried out. There are no terminological dictionaries or terminology databases. The Committee for Scientific Terminology in Fundamental Research of the Russian Academy of Sciences (CST RAS), subordinated to the Kharkevich Institute for Information Transmission Problems of the Russian Academy of Sciences (IITP RAS), does not currently issue official terminology compendia.

Meanwhile, in 1971, the International Terminology Information Centre Infoterm, under the sponsorship of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, was established in Vienna in order to support and coordinate international cooperation in the fields of terminology and multilingual communication. On behalf of UNESCO, in 2005 Infoterm published “Guidelines for Terminology Policies”.

In 2006, the European Union’s eContent programme launched the EuroTermBank Consortium, which aims to harmonise and consolidate terminology studies and share experience with new EU member states. The purpose of the new eTranslation TermBank action introduced in 2016 was to stimulate the collection and provision of terminological resources for automated translation in health, business legislation and customer protection sector-specific domains. Nowadays eTranslation is the official AI machine translation service of the European Commission, providing translation into and from the 24 EU and EEA official languages. It helps to facilitate interaction and co-operation between public administrations, businesses and citizens in Europe.

The International Organisation for Standardisation (ISO) is an independent, non-governmental global organisation, which includes 168 national standards bodies. Experts are engaged in the development of voluntary and market-relevant international standards that contain requirements and guidelines. ISO/TC 37 Language and terminology and other committees are responsible for the preparation of special methodology that would facilitate research into terminology.

Among the international terminology databases containing terms on the topics of sustainability and green finance, GEMET and UNTERM should be highlighted. GEMET (The General Multilingual Environmental Thesaurus) [13] is a multilingual terminology database used by the European Environment Agency to categorise and index environmental data and information. It includes core terms related to pollution, climate change, biodiversity and other environmental topics. However, the main dataset dates back to 2017 and has not been updated ever since.

UNTERM (United Nations Multilingual Terminology Database) [24] is a multilingual database of official terminology used in the work and activities of the United Nations. The search is available in the six working languages of the organisation, but not all terms from documents published between 2021 and 2023 by organisations of different levels are present in the database.

One of the key problems in Russia is the fact that the generalisability of much published research is problematic. Almost all analytics, reporting and scientific papers are available in English, while materials in Russian on the subject are few and far between. The global market is growing rapidly, and one but not the only limitation for its development in Russia is the lack of awareness of stakeholders, officials and financiers of the market peculiarities. Another constraint is the lack of a clear and consistent understanding of terminology.

There are only few books containing the basic terms and concepts of the sustainable finance field and the description of the major organizations and initiatives involved in the financial sector development. One of them is “Green Economy. Definitions and concepts” [1] published in 2018 under the editorship of M.V. Babenko and S.I. Bik. Apart from that, in 2022, the “Glossary of the main concepts of sustainable development with commentaries” edited by M.V. Mazhorina, I.E. Mikheev and B.A. Shakhnazarov was published [5].

Thus, **the relevance** of this research is conditioned by the fact that terminology as an important tool in the search for solutions to global problems has not yet received general recognition in the field of ecology, green economy and sustainable finance, which necessitates the study of foreign experience and developing common national rules and regulations (methodology). It is also essential to create green financial tools and bring them in line with generally adopted global standards and rules.

Material & Methodology

The research involved causal, statistical (quantitative comparison), analytical, corpus and content analysis (including context analysis) approaches. A combination of quantitative and qualitative research was adopted to provide the data analysis. The research material was selected through stratified sampling.

It consists of 49 texts in total (29 English and 20 Russian) on the topic of environment, sustainable development and green economy published in the period from 2021 to 2023. These international instruments (agreements and conventions), reports, white papers and regulatory documents reflect current issues related to the international ESG terminology. Some of the papers include glossaries or lists of terms and acronyms. In accordance with the results of the content analysis, we identified the most relevant and frequently occurring terms and acronyms in English (76 units) and in Russian (51 units), creating two representative sample lists.

The data show that the development of the subject area of ecology, sustainable development, green economy and finance stimulates neology. New terms emerge, naming concepts that need to be reflected in dictionaries or glossaries. In addition, large amounts of textual data need to be communicated and processed. These tasks can be partially solved with the help of special software tools, including Web text corpora, which facilitate and speed up the translation process.

Corpus linguistics studies language through authentic examples of its use with the help of corpora. A considerable amount of literature has been published on modern corpus linguistics as many scholars have sought to define it [11], [17]. One of the most prominent experts in modern corpus linguistics was John Sinclair, who assumes that a word by itself does not carry meaning, but that meaning is often conveyed through a sequence of several words [19]. There are many definitions of a corpus [14, p. 17]. A corpus differs from a random collection of texts or an archive in that it is composed of language fragments that are selected and ordered according to transparent linguistic criteria. It is increasingly common to believe that a corpus is a collection of original texts that are machine-readable (including transcripts of spoken data) and are sampled to represent certain languages or language varieties.

Without computers, many corpus studies undertaken in the last 20 years would have been impossible [20, p. 210]. Electronic computer corpora are not random collections of texts, but are composed with a specific purpose in mind. They have advantages that their paper analogues are lacking. The most obvious advantage is the speed of processing and ease of working with data (searching, sampling, and sorting), precise and consistent data processing, an unbiased analysis, which makes the results more reliable. Further automatic processing makes it possible to supplement corpus texts with various metadata and results of linguistic analysis.

Sketch Engine is a corpus manager designed in 2004 by Lexical Computing Ltd. as a set of software tools for processing language corpora. It is a collaborative project of British lexicographer and corpus linguist Adam Kilgarriff and Czech programmer Pavel Rychlý, Head of the Natural Language Processing Centre at the Faculty of Informatics of the Masaryk University [16]. Becoming widely available in 2004, Sketch Engine as a computer program was aimed at specialists engaged in corpus linguistic research. Initially, there were only three corpora – English, Irish and Czech [15]. This corpus manager allows one to operate with 600 corpora in more than 90 languages. It also provides an opportunity to create user corpora with the capacity of one million words. To conduct the research using Sketch Engine, we created two non-parallel monolingual corpora, the English corpus consisting of 613,703 words and the Russian one containing 621,200 words.

The “Keywords and terms” function [16, p. 20] is used for automatic extraction of single-word and multiword units from the focus and reference corpora. As a result of corpora processing, Sketch Engine produced three groups of special units: keywords (individual words), terms (multi-word expressions), and N-grams (multi-word expressions or lexical bundles).

Results

The research was conducted in several stages. The first one was to check whether the terms and acronyms from the sample lists were present in the United Nations terminology database UNTERM and which translation equivalents were recognised by the Russian Translation Section at UN Geneva and by the Russian Translation Service at the Department for General Assembly and Conference Management in New York.

Table A1 (see Appendix) contains the English sample list. Examples 1 to 32 were selected from the “Emissions Gap Report 2022” [21], 33 to 36 from the report “An Overview of Nature-Related Risks and Potential Policy Actions for Ministries of Finance” [18], 37 to 46 from the report “State of finance for nature” [23], 47 to 57 from the study “The Nature Imperative” [12], 58 to 64 from “Nature Risk Profile Methodology” [22], 65 to 76 from “Guidance on avoided emissions” [25].

The Russian sample list is presented in Table A2 (see Appendix). Examples 1 to 16 were selected from the study “Decarbonisation under uncertainty: ways and solutions” [6], 17 to 21 from the study “Carbon capture, utilisation and storage (CCUS) technologies” [9], 22 to 33 from the Bank of Russia report for public consultations “Model Methodology for ESG Ratings” [2], 34 to 48 from the MOEX guidelines “How to comply with the best sustainability practices” [8], 49 to 51 from Sberbank’s Annual Report 2022 [10].

The following pie charts (Figures 1 and 2) reflect the above research results.

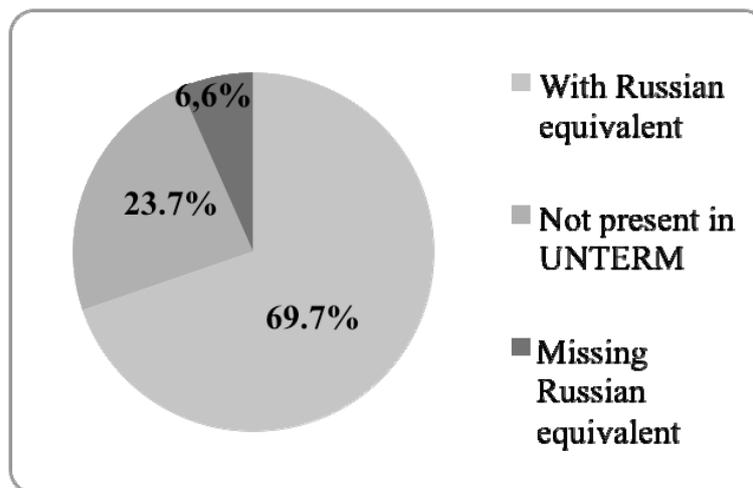

Figure 1. Presence of terms from the English sample list in the UNTERM terminology database

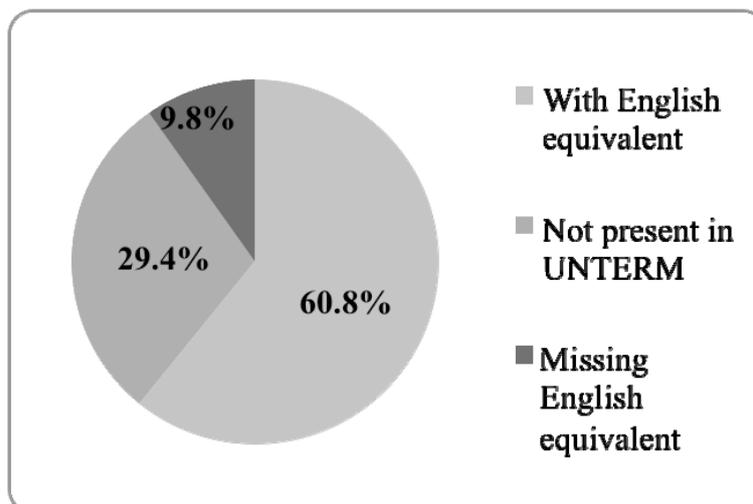

Figure 2. Presence of terms from the Russian sample list in the UNTERM terminology database

The figures show that certain terms are missing in UNTERM. Out of 76 English terms, 18 (23.7%) are not represented in the database, and 5 (6.6%) have no recognised Russian equivalents. Out of 51 Russian-language terms, 15 (29.4%) are not represented in the database, and 5 terms (9.8%) have no English equivalents. The percentage of those terms is quite high. It can thus be suggested that the apparent reason

for this is their novelty, as they were taken from the research materials published in 2021-2023. The development of the research subject area is extremely rapid, which accounts for the numerous publications of recent years. In addition, the translation of bulky official documents adopted as a result of meetings of the UN General Assembly, UN specialised agencies and UN-related organisations requires thorough preparation and a considerable amount of time.

At the next stage, we have determined the frequency of use and the frequency of use per million tokens of the 39 selected terms in each corpus, and analysed the contexts of use. Table 1 and Figure 3 plot the results of the Russian corpus analysis.

Table 1

Frequency of use of terms and acronyms and their presence in the UNTERM terminology database (Russian corpus)

№	Term/acronym	Absolute frequency	Relative frequency per million in %	Presence in UNTERM
		in corpus / per million tokens		
1	ESG	2910 / 4684	0,4684	+
2	изменение климата	578 / 785	0,0785	+
3	ESG-рейтинг	28 / 45	0,0065	-
4	верификатор	8 / 12	0,0012	-
5	гринвошинг	5 / 8	0,0008	+
6	декаплинг	5 / 8	0,0008	- (only in subjects "Disarmament (general)" and "Nuclear weapons")
7	декарбонизация	152 / 244	0,0244	+
8	Зелёная таксономия	5 / 6	0,0006	-
9	зелёные инвестиции	13 / 20	0,002	-
10	зелёные облигации	32 / 51	0,0051	-
11	климатический риск	232 / 315	0,0315	+
12	климатический проект	7 / 11	0,0011	-
13	облигации устойчивого развития	9 / 14	0,0014	-
14	углеродная нейтральность	2 / 3	0,0003	+
15	переходные риски	3 / 4	0,0004	-
16	рейтинговое агентство	22 / 35	0,0035	+
17	рэнкинг	30 / 48	0,0048	-
18	сокращение выбросов	144 / 195	0,0195	+
19	социальные облигации	11 / 17	0,0017	+
20	углеродные единицы	16 / 25	0,0025	-
21	углеродный налог	10 / 13	0,0013	-
22	устойчивое развитие	104 / 141	0,0141	+
23	углеродное регулирование	21 / 33	0,0033	-
24	циркулярная экономика	2 / 3	0,0003	-
	экономика замкнутого цикла	31 / 42	0,0042	+
25	нетто-выбросы	20 / 32	0,0032	+
26	(целевая) рабочая группа	26 / 41	0,0041	+
27	ответственное инвестирование	20 / 32	0,0032	+
28	углеродный след	17 / 27	0,0027	+
29	экосистемные услуги	50 / 80	0,008	+
30	выбросы парниковых газов	64 / 103	0,0103	+
31	климатические риски	37 / 59	0,0059	+
32	раскрытие информации	212 / 288	0,0288	+
33	энергопереход	9 / 12	0,0012	+
34	климатическая повестка	50 / 67	0,0067	-
35	корпоративная социальная ответственность	5 / 8	0,0008	+
36	устойчивость	65 / 104	0,0104	+
37	низкоуглеродное развитие	7 / 11	0,0011	+
38	корпоративная социальная ответственность	5 / 8	0,0008	+
39	устойчивое финансирование	5 / 6	0,0006	-

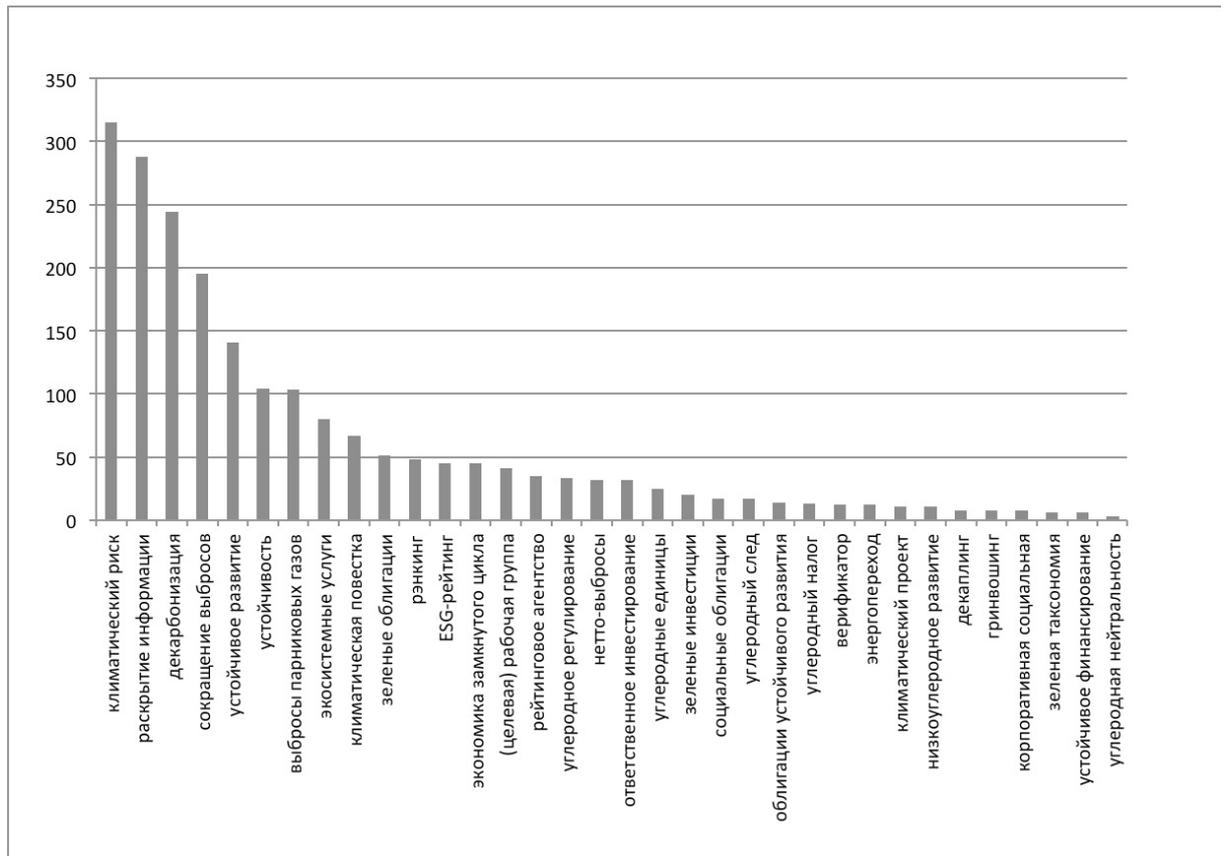

Figure 3. Frequency of use of terms and acronyms (Russian corpus)

The most frequent terms in the Russian corpus are “ESG” and “изменение климата” (“climate change”)¹. Within sustainable development, the focus is on “декарбонизация” (“decarbonisation”), which is attracted to “сокращение выбросов парниковых газов” (“reduction of greenhouse gas emissions”). The process of GHG abatement is linked to “изменение климата” (“climate change”) and “климатические риски” (“climate risks”), hence requiring “обнародование информации” (“disclosure”). There is a clear dependency between the fact that the terminology related to “энергопереход” (“energy transition”) and “углеродная нейтральность” (“net zero”) is underrepresented, and the sanctions and their effects on the economy as a whole. The methodological basis for climate projects in accordance with “зелёная таксономия” (“green taxonomy”) is still in its infancy. Hence, companies are hesitant to register climate projects in the national registry. For the same reason, the term “гринвошинг” (“greenwashing”) has a low-profile presence. The success of ESG-transformation on the level of a company, economic sector and state is determined both by management and availability of “устойчивое финансирование” (“sustainable financing”), which is extremely difficult in the current geopolitical and geo-economic turmoil.

Table 2 and Figure 4 summarise the results of the English corpus analysis.

¹ Due to the large numerical gap, the data are present in Table 1 but not shown in Figure 3.

Table 2

Frequency of terms and acronyms and their presence in the UNTERM terminology database
(English corpus)

№	Term/acronym	Absolute frequency	Relative frequency per million in %	Presence in UNTERM
		in corpus / per million tokens		
1	SDG	1378 / 1729	0,1729	+
2	biodiversity	1854 / 2327	0,2327	+
	biological diversity	90 / 112	0,0112	
3	ESG	460 / 577	0,0577	+
4	net-zero	275 / 345	0,035	+
5	NDC	172 / 215	0,0215	+
	nationally determined contribution	63 / 79	0,0079	
6	nature-positive	91 / 114	0,0114	+
7	SDSN (Sustainable Development Solutions Network)	89 / 111	0,0111	+
8	greenwashing	90 / 112	0,0112	+
9	LULUCF (Land Use, Land-Use Change and Forestry)	72 / 90	0,009	+
10	mitigation	566 / 710	0,071	+
11	decarbonization	78 / 97	0,0097	+
12	taskforce	137 / 171	0,0171	-
13	IPBES (Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services)	59 / 74	0,0074	+
14	overexploited	47 / 59	0,0059	- (overexploitation)
15	avoided emission	447 / 561	0,0561	-
16	nature market	276 / 346	0,0346	-
17	Conference of the Parties	274 / 343	0,0343	+
18	GHG emission	406 / 509	0,051	-
19	ecosystem service	388 / 487	0,0487	+
20	circular economy	351 / 440	0,044	+
21	global risk	253 / 317	0,0317	+
22	biodiversity loss	224 / 281	0,028	+
23	nature-related risk	168 / 210	0,021	-
24	NBS	320 / 401	0,0401	+
	nature-based solution	139 / 174	0,017	
25	sustainable bond	125 / 156	0,0156	-
26	green investment	124 / 155	0,0155	+
27	financial flow	129 / 161	0,0161	+
	finance flow	70 / 87	0,0087	
28	green bond	165 / 207	0,0207	+
29	natural capital	132 / 165	0,0165	+
30	reference scenario	79 / 99	0,0099	+
31	genetic resource	88 / 110	0,0011	+
32	sustainable finance	94 / 118	0,0118	+
33	determined contribution	63 / 79	0,0079	-
34	climate finance	70 / 87	0,0087	-
35	sustainable use	73 / 91	0,0092	+
36	climate action	184 / 230	0,023	+
37	nature loss	130 / 163	0,0163	-
38	resilience	220 / 276	0,0276	+
39	CSR	10/12	0,0012	+
	Corporate Social Responsibility	3/4	0,00038	

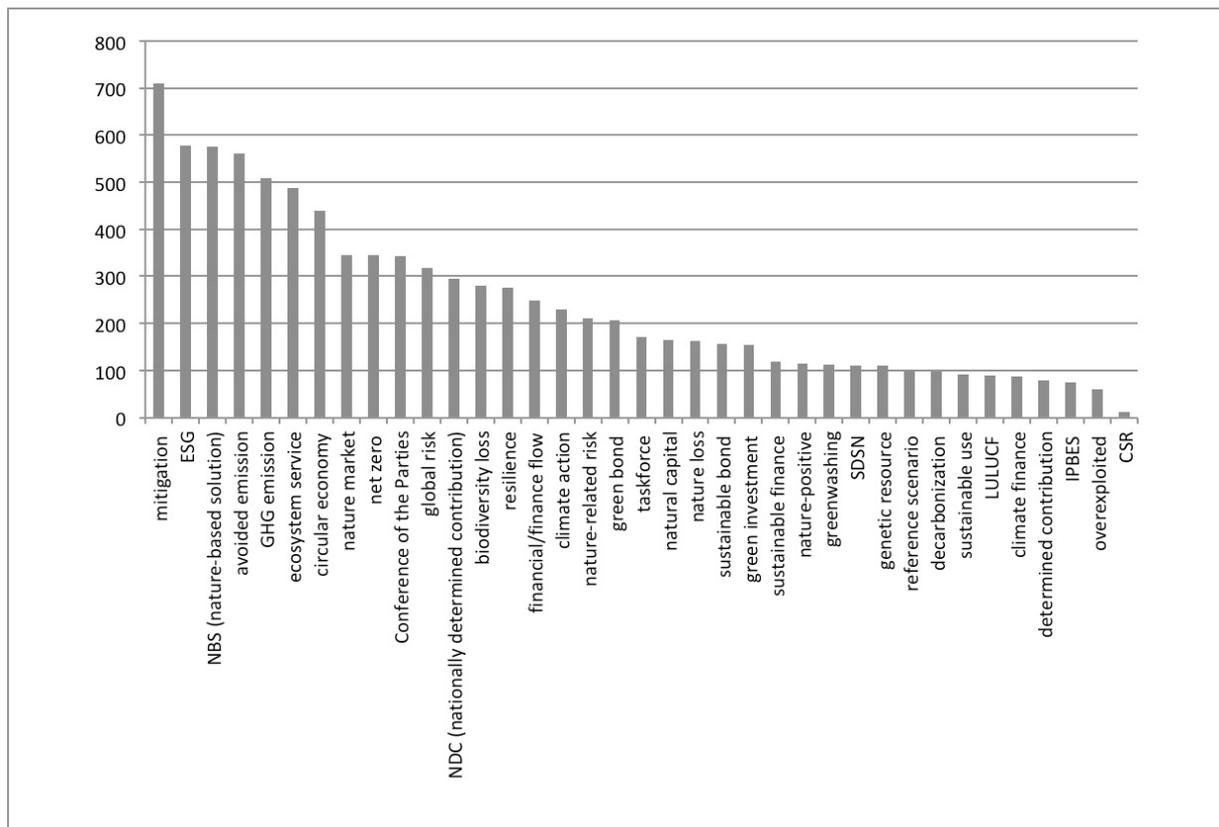

Figure 4. Frequency of terms and acronyms (English corpus)

The most frequent terms in the English corpus are “SDG” and “biodiversity”².

The observed correlation between the frequency of “biodiversity” and “nature-based solutions” might be explained in the following way. Within the framework of SDGs 14 and 15, which relate to the conservation of marine and terrestrial ecosystems, variety of biological life and NBS are becoming a new priority in business strategies. Innovations to avoid “greenhouse gas emission” (“GHG emissions”) are needed to achieve “net zero”. As the use of green financial instruments (“green bond”, “sustainable bond”, “green investment”, “sustainable finance”) is necessary for the fulfilment of “sustainable development”, these terms have medium quantitative indicators.

At the next stage of the research, we compared the frequency of use per million tokens of 20 terms and acronyms³ from the Russian and English corpora. Table 3 and Figure 5⁴ below illustrate the results obtained.

Table 3

Comparison of frequency per 1 million tokens of terms and acronyms from Russian and English corpus

№	Term/acronym (eng)	Frequency per million tokens	Term/acronym (rus)	Frequency per million tokens
1	greenwashing	112	гринвошинг	8
2	decarbonization	97	декарбонизация	244
3	green bond	207	Зелёные облигации	51
4	circular economy	440	циркулярная экономика	3
			экономика замкнутого цикла	42
5	green investment	155	зеленые инвестиции	20

² Due to the large numerical gap, the data are presented in Table 2 but not shown in Figure 4.

³ These terms and acronyms were selected from both English and Russian sample lists because they can be considered as translational equivalents.

⁴ Due to the large numerical gap, the data for terms 13 to 20 are presented in Table 5 but are not shown in Figure 5.

Table 3 (Continued)

6	sustainable bond	156	облигации устойчивого развития	14
7	taskforce	171	(целевая) рабочая группа	41
8	net zero	345	углеродная нейтральность	3
9	ecosystem service	487	экосистемные услуги	80
10	GHG emission	509	выбросы парниковых газов	103
11	resilience	276	устойчивость	104
12	CSR	12	корпоративная социальная ответственность	8
	Corporate Social Responsibility	4		
13	benchmark	32	бенчмарк	1
14	carbon reporting standards	7	стандарты углеродной отчётности	1
15	carbon border adjustment	5	трансграничное углеродное регулирование	1
16	avoided emissions	561	устранённый выброс	-
17	biodiversity loss	281	утрата биоразнообразия	-
18	carbon market	69	углеродный рынок	-
19	carbon credit	57	квота на выброс	-
20	nature-based infrastructure, NBI	8	природоориентированная инфраструктура	-

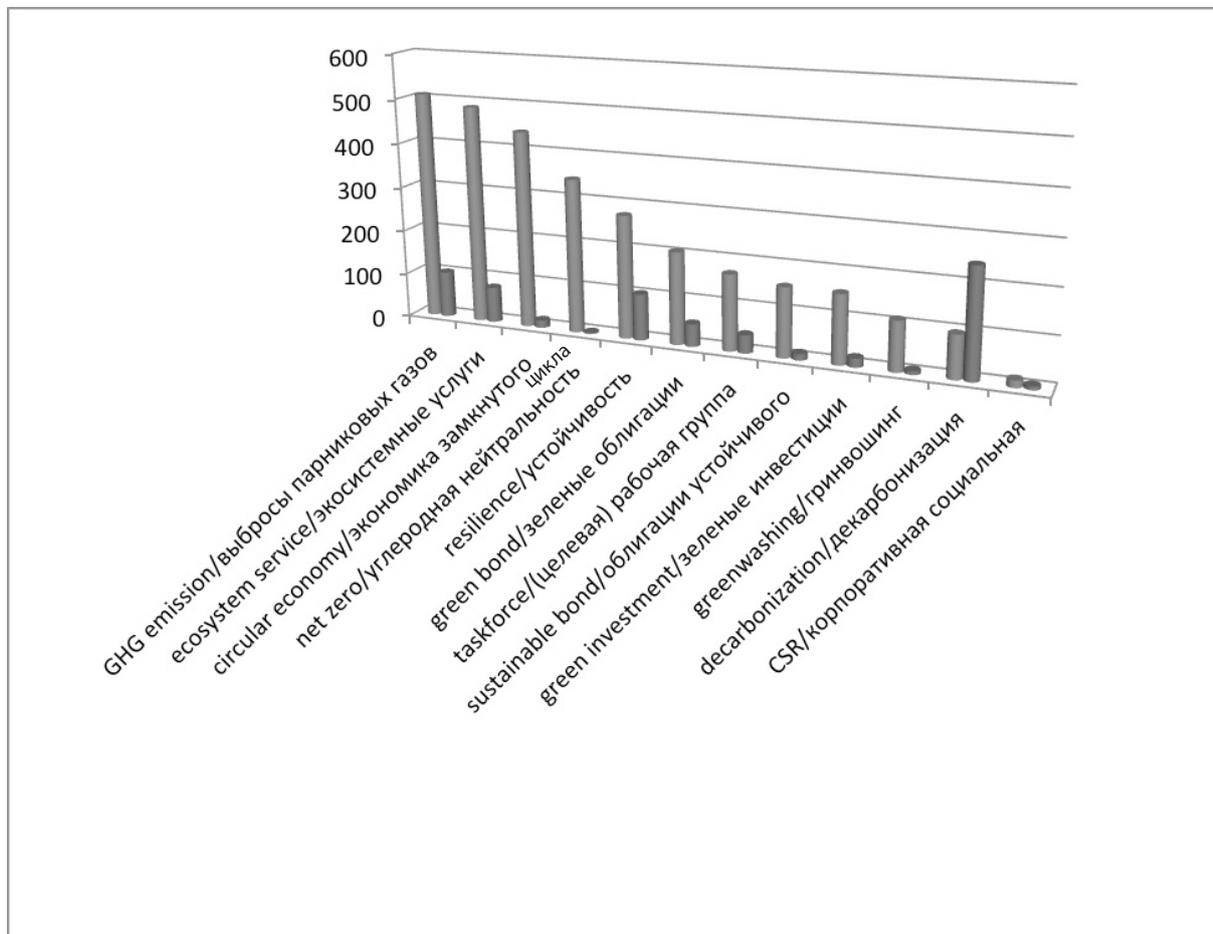

Figure 5. Comparison of frequency per 1 million tokens of terms and acronyms from Russian and English corpora

Table 3 and Figure 5 are quite revealing. The discrepancy in frequency of the terms “декарбонизация” (244) and “decarbonisation” (97), as well as “углеродная нейтральность” (3) and “net zero” (345), could be attributed to a faster transition from emissions reduction to net zero emission balance. The legal basis for combating unfair environmental marketing and PR is more intensively developed abroad, which is confirmed by the different frequency of use of the terms “greenwashing” (112) and “гринвошинг” (8).

There is little information about technologies that allow analysing ESG-metrics in Russia. In Western countries, the trend of strengthening a sustainable technological ecosystem is evident in the analyses of the relevant media and consulting agencies. “GHG emission” (509) requires the use of the latest capture and utilisation technologies, while “выбросы парниковых газов” (103) in Russia are only subject to accounting. The concept of “circular economy” (440) is strongly integrated into industrial systems, but in our country, “циркулярная экономика” (3) and “экономика замкнутого цикла” (42) are considered as a pilot project. Green financial instruments such as “green investment” (155) and “sustainable bond” (156) are more widely represented abroad compared to “зелёные инвестиции” (20) and “облигации устойчивого развития” (14). In English research materials more attention is drawn to the concept of “ecosystem service” (487), in comparison with “экосистемные услуги” (80) in the Russian segment. The most surprising aspect of the data is that the Russian corpus does not present terminology on carbon border adjustment, carbon market, biodiversity loss and nature-based infrastructure.

Discussion

The terminology database nowadays is a multifunctional linguistic tool designed both for solving translation problems and for knowledge acquisition. Among the international terminology banks that contain terminology on the topics of sustainability and green finance, GEMET and UNTERM should be singled out. GEMET mainly contains terms on various environmental topics, but no new terms have been added to the database since 2017. Official UNTERM terminology database of the UN is updated regularly; it contains terminology from documents adopted by the Organization and its associated institutions.

For the purpose of the research, two representative sample lists of terms and acronyms were created and their presence in the UN terminology database UNTERM was indicated. At present, this terminology database is the most relevant and extensive, despite the absence of certain English and Russian terms in it. Thus, extra effort is required to fill the UNTERM and to create a national terminology database for the sector of sustainable development, green economy and finance.

The evidence from this research suggests that the trend dating from 2021 to 2023 can be distinguished by the division of the general environmental terminology into the terms related to climate and those related to biodiversity loss. Not all terms from papers in the field of study published between 2021 and 2023 are present in the database for a variety of reasons. Among them, apparently, are rapid progress in sustainable development, green economy and finance, increased information density and differences in problem solving at global, interregional and national levels.

The findings of this research allow us to make a range of proposals. The need to develop national Russian termbase in the research subject field is caused by the insufficient number of such resources. From among the existing resources with open access, only UNTERM termbase can be singled out, but it has a rather broad specialized focus due to the multidisciplinary nature of the UN's work and is insufficiently focused on linguists and translators dealing with green economy and finance. In the case of designing a terminology base for the above-mentioned subject field, it should fulfill universal reference, systematising, educational and normative typological functions. Such lexicographic tools as navigation and information search, subject index, taxonomic description of the term, its etymology including the date of its first written record, usage status, collocability, translation equivalents should serve as a means of carrying out the listed functions.

Conclusion

Corpus analysis aims to study specific linguistic structures, how they occur in different contexts, and their functions. The use of Web-corpora facilitates understanding the terminology of the research field and is indispensable in extracting relevant terms. Modern corpus linguistics will benefit from the use of machine-readable texts collected from a wide range of sources as research material. There is abundant room for future investigations and further progress in studying specific linguistic and terminological issues and phenomena in the field of sustainable development, green economy and finance. There is a need

for further development of computer technologies, where the World Wide Web will be considered directly as a corpus itself, and the role of corpus managers will be fulfilled by search engines. It is worth pointing out that a comprehensive terminological description of the research field cannot be limited to Web corpora only. A prospective approach may be the use of open neural networks, which enable transforming large arrays of thematic content into concise ones, generating new content and building terminology systems.

It is desirable that all the definitions of the sustainable development field be divided into separate thematic groups, based on the homogeneity of the tasks to be solved. For example, 17 SDGs can be divided into “environmental”, “economic”, “social”, “institutional” clusters. The problem of the lexico-semantic organisation of the language of this particular field is one of the most complex ones. It has not been fully explored. There is no strict definition of the semantic categories and classes of terms and their detailed description yet, but the necessity of their creation is undoubtful. The terminology and nomenclature of specific science industries for the introduction of the global sustainable development programme is to be interpreted and defined in the frameworks of terminography. Future studies on the current topic are therefore recommended.

Terminology pertaining to sustainable development, ecology, green economy, green and responsible investment, is still being formed and is not comprehensive. A range of complex linguistic, logical and classification tasks remain pending. Nonetheless, they can form the bedrock of the new terminology systems.

The terminological system of sustainable development as a model will emerge incrementally with the development of the field. For this purpose, it should have its own theoretical and conceptual basis. This will facilitate the emergence of terminology of sustainable development as a linguistic model of a specific scientific field.

© Синельникова Т.А., Лаврова Н.А., 2024

Список литературы

1. Бабенко М. В. Зелёная экономика. Определения и понятия. / М.В. Бабенко, С.И. Бик, А.И. Постнова. Москва, Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2018. 36 с.
2. Банк России. Модельная методология ESG-рейтингов. Доклад для общественных консультаций [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/144085/Consultation_Paper_17012023.pdf (дата обращения: 16.03.2024).
3. Банк России. Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. Рабочая группа по вопросам ответственного финансирования (ESG-finance), в т.ч. «зелёного» финансирования. ЗЕЛЁНЫЕ ФИНАНСЫ: ПОВЕСТКА ДНЯ ДЛЯ РОССИИ. Диагностическая записка [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/51270/diagnostic_note.pdf (дата обращения: 16.03.2024).
4. Банк России. Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. Рабочая группа по вопросам ответственного финансирования (ESG-finance). Концепция организации в России методологической системы по развитию зелёных финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/84163/press_04102019.pdf (дата обращения: 16.03.2024).
5. Глоссарий основных понятий устойчивого развития с комментариями / под ред. М. В. Мажориной, И. Е. Михеевой, Б. А. Шахназарова. Москва, Проспект, 2022. 168 с.
6. Доброславский Н. Декарбонизация в условиях неопределённости: пути и решения / Н. Доброславский, Д. Сесицкий. [Электронный ресурс]. – URL: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/fa0f37af-e3dd-4a92-b355-ddf20ab53127/SKOLKOVO_RU_DEC_Under_UNCERTAINTY_W&SOL.pdf (дата обращения: 16.03.2024).
7. Китай призывает страны искать компромиссы на конференции по биоразнообразию COP15 // Климатическая платформа, 2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://climate-change.moscow/news/kitay-prizyvaet-strany-iskat-kompromissy-na-konferencii-po-bioraznoobraziyu-cop15> (дата обращения: 16.03.2024).
8. Московская биржа МОЕХ. Как соответствовать лучшим практикам устойчивого развития. Руководство для эмитента [Электронный ресурс]. – URL: <https://fs.moex.com/f/16010/mosbirzha-esg-rus-book-1012.pdf> (дата обращения: 16.03.2024).
9. Осипцов А. Технологии улавливания, полезного использования и хранения двуоксида углерода (CCUS) – технологическая основа декарбонизации тяжелой промышленности в РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.skoltech.ru/app/data/uploads/2022/11/CCUS-Skoltech-2022-11-10.pdf> (дата обращения: 16.03.2024).
10. ПАО «Сбербанк России». Годовой отчет 2022. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/_new_site/com/gosa2023/sber-ar-2022-ru.pdf (дата обращения: 16.03.2024).
11. Biber D. et al. Corpus Linguistics: investigating language structure and use. Cambridge University Press, 1998. 300 p.
12. The Nature Imperative: How the circular economy tackles biodiversity loss // Ellen MacArthur Foundation, 2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://emf.thirdlight.com/file/24/FM9nvqPFM.IixvIFMZ6iFC9A.NLF/The%20Nature%20Imperative%3A%20How%20the%20circular%20economy%20tackles%20biodiversity%20loss.pdf> (дата обращения: 16.03.2024).

13. GEMET – Environmental thesaurus [Электронный ресурс]. – URL: https://www.eea.europa.eu/help/glossary/gemet-environmental-thesaurus/folder_contents (дата обращения: 16.03.2024).
14. Francis W. N. Language Corpora B.C. // In Svartvik J. (ed.), *Directions in Corpus Linguistics*. Walter de Gruyter, 1992. P. 17–35.
15. Jakubiček M. Finding Terms in Corpora for Many Languages with the Sketch Engine. // In *Proceedings of the Demonstrations at the 14th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics*. / M. Jakubiček, A. Kilgarriff, V. Kovář, P. Rychlý. Association for Computational Linguistics, 2014. P. 53–56. – URL: <https://aclanthology.org/E14-2014> (дата обращения: 16.03.2024).
16. Kilgarriff A. The Sketch Engine: ten years on. / A. Kilgarriff, V. Baisa, J. Bušta // *Lexicography ASIALEX* 1, 2014. P. 7–36. – URL: <https://doi.org/10.1007/s40607-014-0009-9> or <https://link.springer.com/article/10.1007/s40607-014-0009-9> (дата обращения: 16.03.2024).
17. McEnery T. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. / T. McEnery, A. Hardie. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. Print. Cambridge Textbooks in Linguistics.
18. Power S. An Overview of Nature-Related Risks and Potential Policy Actions for Ministries of Finance: Bending the Curve of Nature Loss. / S. Power, D. Nepomuk, O. Gavryliuk. Washington D.C.: Coalition of Finance Ministers for Climate Action, 2022. – URL: https://www.financeministersforclimate.org/sites/cape/files/inline-files/Bending%20the%20Curve%20of%20Nature%20Loss%20-%20Nature-Related%20Risks%20for%20MoFs_2.pdf (дата обращения: 16.03.2024).
19. Sinclair J. (Ed.) *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford, UK: Oxford University Press. xviii, 1991. 170 p. – URL: https://www.academia.edu/16757872/Sinclair_Corpus_Concordance_Collocation (дата обращения: 16.03.2024).
20. Tognini-Bonelli E. *Corpus Linguistics at Work*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2001. 224 pp.
21. United Nations Environment Programme. *Emissions Gap Report 2022: The Closing Window – Climate Crisis Calls for Rapid Transformation of Societies*. UN Environment Document Repository Home, 1 Oct. 2022. – URL: <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/40874> (дата обращения: 16.03.2024).
22. United Nations Environment Programme. *Nature Risk Profile: A Methodology for Profiling Nature Related Dependencies and Impacts*. UNEP World Conservation Monitoring Centre and S&P Global Sustainable1, 2023. – URL: <https://www.spglobal.com/esg/solutions/nature-risk-profile-methodology.pdf> (дата обращения: 16.03.2024).
23. United Nations Environment Programme. *State of Finance for Nature 2022 – Time to Act: Doubling Investment by 2025 and Eliminating Nature-negative Finance Flows*. Knowledge Repository – UNEP, 2022. – URL: <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/41333> (дата обращения: 16.03.2024).
24. United Nations terminology database UNTERM, <http://unterm.un.org/> (дата обращения: 16.03.2024).
25. WBCSD, Net Zero Initiative. *Guidance on Avoided Emissions: Helping business drive innovations and scale solutions toward Net Zero*. World Bank Council for Sustainable Development, 2023. – URL: <https://www.wbcsd.org/contentwbc/download/15909/229494/1> (дата обращения: 16.03.2024).

References

1. Babenko, M. V., Bik, S. I., Postnova, A. I. *Zelenaia ekonomika. Opredeleniia i poniatiia* [Green Economy. Definitions and concepts]. Moskva: Vsemirnyi fond dikoi prirody (WWF), 2018. 36 s.
2. Bank Rossii. Model'naia metodologiya ESG-reitingov. Doklad dlia obshchestvennykh konsul'tatsii [Bank of Russia. Model methodology of ESG ratings. Report for public consultations], https://www.cbr.ru/Content/Document/File/144085/Consultation_Paper_17012023.pdf (Accessed 16 Mar. 2024).
3. Bank Rossii. Ekspertnyi sovet po rynku dolgosrochnykh investitsii pri Banke Rossii. Rabochaia gruppa po voprosam otvetstvennogo finansirovaniia (ESG-finance), v t.ch. "zelenogo" finansirovaniia. ZELENYE FINANSY: POVESTKA DNIA DLIA ROSSII. Diagnosticheskaia zapiska [Bank of Russia. Expert Council on Long-term Investments under the Bank of Russia. Working Group on Responsible Finance (ESG-finance), including green finance. GREEN FINANCE: AGENDA FOR RUSSIA. Diagnostic note], www.cbr.ru/Content/Document/File/51270/diagnostic_note.pdf (Accessed 16 Mar. 2024).
4. Bank Rossii. Ekspertnyi sovet po rynku dolgosrochnykh investitsii pri Banke Rossii. Rabochaia gruppa po voprosam otvetstvennogo finansirovaniia (ESG-finance). Kontseptsiiia organizatsii v Rossii metodologicheskoi sistemy po razvitiuu zelenykh finansovykh instrumentov i proektov otvetstvennogo investirovaniia [Bank of Russia. Expert Council on Long-Term Investments under the Bank of Russia. Working Group on Responsible Finance (ESG-finance). Concept of organising Russian methodological system for the development of green financial instruments and responsible investment projects.], cbr.ru/Content/Document/File/84163/press_04102019.pdf (Accessed 16 Mar. 2024).
5. *Glossarii osnovnykh ponyatii ustojchivogo razvitiia s kommentarii* [Glossary of the main concepts of sustainable development with commentaries] / pod red. M. V. Mazhorinnoi, I. E. Mihevoi, B. A. Shahnazarova. Moskva, Prospekt, 2022. 168 s.
6. Dobroslavskii, N., Sesitskii, D. *Dekarbonizatsiia v usloviakh neopredelennosti: puti i resheniia* [Decarbonisation under uncertainty: ways and solutions], sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/fa0f37af-e3dd-4a92-b355-dd20ab53127/SKOLKOVO_RU_DEC_Under_UNCERTAINTY_W&SOL.pdf (Accessed 16 Mar. 2024).
7. Kitai prizyvaet strany iskat' kompromissy na konferentsii po bioraznoobraziuu COP15 [China urges countries to seek compromises at the COP15 biodiversity conference] // *Klimaticheskaiia platforma*, 2022, <https://climate-change.moscow/news/kitay-prizyvaet-strany-iskat-kompromissy-na-konferentsii-po-bioraznoobraziyu-cop15> (Accessed 16 Mar. 2024).
8. Moskovskaia birzha MOEX. Kak sootvetstvovat' luchshim praktikam ustoichivogo razvitiia. Rukovodstvo dlia emitenta [Moscow Exchange MOEX. How to comply with the best sustainability practices. Guidelines for issuers], fs.moex.com/f/16010/mosbirzha-esg-rus-book-1012.pdf (Accessed 16 Mar. 2024).
9. Osiptsov, A., Gaida, I., Grushevenko, E. *Tekhnologii ulavlvaniia, poleznogo ispol'zovaniia i khraneniia dnuokisi ugleroda (CCUS) – tekhnologicheskaiia osnova dekarbonizatsii tyazheloi promyshlennosti v RF* [Carbon Capture, Utilization, and Storage (CCUS) is the technological basis for heavy industry decarbonisation in the Russian Federation], www.skoltech.ru/app/data/uploads/2022/11/CCUS-Skoltech-2022-11-10.pdf (Accessed 16 Mar. 2024).

10. PAO "Sberbank Rossii". Godovoi otchet 2022. [PJSC Sberbank of Russia. Annual Report 2022], www.sberbank.com/common/img/uploaded/_new_site/com/gosa2023/sber-ar-2022-ru.pdf (Accessed 16 Mar. 2024).
11. Biber, D., Conrad, S., Reppen, R. *Corpus Linguistics: investigating language structure and use*. Cambridge University Press, 1998. 300 p.
12. The Nature Imperative: How the circular economy tackles biodiversity loss. *Ellen MacArthur Foundation*, 2021, <https://emf.thirdlight.com/file/24/FM9nvqPFM.IixvIFMZ6iFC9A.NLF/The%20Nature%20Imperative%3A%20How%20the%20circular%20economy%20tackles%20biodiversity%20loss.pdf> (Accessed 16 Mar. 2024).
13. GEMET – Environmental thesaurus, https://www.eea.europa.eu/help/glossary/gemet-environmental-thesaurus/folder_contents (Accessed 16 Mar. 2024).
14. Francis, W. N. Language Corpora B.C. // In Svartvik J. (ed.), *Directions in Corpus Linguistics*. Walter de Gruyter, 1992. P. 17–35.
15. Jakubiček, M. et al. Finding Terms in Corpora for Many Languages with the Sketch Engine. // In Proceedings of the Demonstrations at the 14th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics. *Association for Computational Linguistics*, 2014. P. 53–56. Available at <https://aclanthology.org/E14-2014> (Accessed 16 Mar. 2024).
16. Kilgarriff, A., Baisa, V., Bušta, J. et al. The Sketch Engine: ten years on. // *Lexicography ASIALEX 1*, 2014. P. 7–36. Available at <https://doi.org/10.1007/s40607-014-0009-9> or <https://link.springer.com/article/10.1007/s40607-014-0009-9> (Accessed 16 Mar. 2024).
17. McEnery, T., Hardie, A. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. Print. Cambridge Textbooks in Linguistics.
18. Power, S., Nepomuk D., Gavryliuk O. *An Overview of Nature-Related Risks and Potential Policy Actions for Ministries of Finance: Bending the Curve of Nature Loss*. Washington D.C.: Coalition of Finance Ministers for Climate Action, 2022, https://www.financeministersforclimate.org/sites/cape/files/inline-files/Bending%20the%20Curve%20of%20Nature%20Loss%20-%20Nature-Related%20Risks%20for%20MoFs_2.pdf (Accessed 16 Mar. 2024).
19. Sinclair, J. (Ed.). *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford, UK: Oxford University Press. xviii, 1991. 170p., www.academia.edu/16757872/Sinclair_Corpus_Concordance_Collocation (Accessed 16 Mar. 2024).
20. Tognini-Bonelli, E. *Corpus Linguistics at Work*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2001. 224 pp.
21. United Nations Environment Programme. Emissions Gap Report 2022: The Closing Window – Climate Crisis Calls for Rapid Transformation of Societies. *UN Environment Document Repository Home*, 1 Oct. 2022, <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/40874> (Accessed 16 Mar. 2024).
22. United Nations Environment Programme. Nature Risk Profile: A Methodology for Profiling Nature Related Dependencies and Impacts. *UNEP World Conservation Monitoring Centre and S&P Global Sustainable1*, 2023, <https://www.spglobal.com/esg/solutions/nature-risk-profile-methodology.pdf> (Accessed 16 Mar. 2024).
23. United Nations Environment Programme. State of Finance for Nature 2022 – Time to Act: Doubling Investment by 2025 and Eliminating Nature-negative Finance Flows. *Knowledge Repository – UNEP*, 2022, <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/41333> (Accessed 16 Mar. 2024).
24. United Nations terminology database UNTERM, <http://unterm.un.org/> (Accessed 16 Mar. 2024).
25. WBCSD, Net Zero Initiative. Guidance on Avoided Emissions: Helping business drive innovations and scale solutions toward Net Zero. *World Bank Council for Sustainable Development*, 2023, <https://www.wbcsd.org/contentwbc/download/15909/229494/1> (Accessed 16 Mar. 2024).

Information about the Authors:

Nataliya A. Lavrova, Doctor of Philology, Professor at the Department of English №3, MGIMO University. Research interests: comparative phraseology, cognitive linguistics, areal and contrastive typology, English lexicology. E-mail: lavruscha@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6403-781X>

Tatiana A. Sinelnikova, Master of Linguistics, is a graduate of the School of Linguistics and Cross-cultural Communication, Odintsovo Branch of MGIMO University. E-mail: tatiannesin@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-7913-1296>

Сведения об авторах:

Лаврова Наталия Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: сравнительная фразеология, когнитивная лингвистика, ареальная и сопоставительная типология, английская лексикология, лингвокультурология. E-mail: lavruscha@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6403-781X>

Синельникова Татьяна Алексеевна – магистр лингвистики, выпускник факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Одинцовского филиала МГИМО. E-mail: tatiannesin@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-7913-1296>

Conflict of interest statement

The authors declare the absence of conflict of interest.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Appendix

Table A1

English terms and acronyms and their presence in the UNTERM terminology database

№	Term/ acronym (eng)	Term/ acronym (rus)	Term/ acronym in UNTERM (eng)	Term/ acronym in UNTERM (rus)
1	anthropogenic methane	–	–	–
2	baseline/reference	базовая линия <i>Source: ГОСТ Р ИСО 14080-2021</i>	baseline; reference	–
3	carbon border adjustment mechanism (CBAM)	1. Европейский пограничный корректирующий углеродный механизм <i>Source: Декарбонизация в условиях неопределенности</i> 2. механизм трансграничного углеродного регулирования	carbon border adjustment mechanism	–
4	carbon dioxide emission budget (or carbon budget)	эмиссионный бюджет (углеродный баланс) <i>Source: Новый дипломатический словарь Дипломатической академии МИД России diplomaticdictionary.com</i>	carbon budget	углеродный бюджет / бюджет углерода
5	carbon dioxide equivalent (CO ₂ e)	тонна CO ₂ -экв. <i>Source: Декарбонизация в условиях неопределенности</i>	carbon dioxide equivalent	эквивалент диоксида углерода
6	carbon market	рынок углеродного финансирования; углеродный рынок <i>Source: Multitran</i>	carbon market	углеродный рынок
7	carbon neutrality	углеродная нейтральность <i>Source: Декарбонизация в условиях неопределенности</i>	carbon neutrality	углеродная нейтральность
8	carbon offset	углеродные оффсеты <i>Source: Декарбонизация в условиях неопределенности</i>	carbon offset	компенсация выбросов углерода
9	carbon price	цена на углеродные квоты <i>Source: Multitran</i>	carbon price	цена углерода
10	conditional nationally determined contribution	–	–	–
11	Conference of the Parties (COP)	Конференция сторон <i>Source: Декарбонизация в условиях неопределенности</i>	Conference of the Parties (COP)	Конференция Сторон (КС)
12	double counting	–	double counting	двойной учет выбросов
13	emission pathway	–	–	–
14	emissions trading	торговля выбросами <i>Source: Multitran (тематика Окружающая среда)</i>	emissions trading	торговля выбросами
15	financial system	–	financial system	финансовая система
16	food security	–	food security	продовольственная безопасность
17	food systems	–	food systems	продовольственные системы
18	global warming potential	потенциал глобального потепления <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	global warming potential (GWP)	потенциал глобального потепления (ПГП)
19	greenhouse gases (GHGs)	парниковые газы <i>Source: Модельная методология ESG-рейтингов (Доклад Банка России)</i>	greenhouse gases	парниковые газы
20	greenhouse gas removal	–	greenhouse gas removal	абсорбция парниковых газов
21	industrial processes and products use (IPPU)	–	–	–
22	integrated assessment models	–	Integrated Science Assessment Model (ISAM)	комплексная модель для научной оценки (КМНО)

Table A1 (Continued)

23	intended nationally determined contribution	–	intended nationally determined contribution	предполагаемый определяемый на национальном уровне вклад
24	Kyoto Protocol	–	Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change	Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата
25	land use, land-use change and forestry (LULUCF)	ЗИЗЛХ, землепользование, изменения в землепользовании и лесное хозяйство <i>Source: Декарбонизация в условиях неопределенности</i>	land use, land-use change and forestry (LULUCF)	землепользование, изменения в землепользовании и лесное хозяйство (ЗИЗЛХ)
26	least-cost pathway	Путь оптимальной стоимости <i>Source: Англо-русский экономический словарь Academic.ru</i>	–	–
27	likely chance	–	–	–
28	mitigation	смягчение <i>Source: Multitran (тематика ООН)</i>	mitigation (of disaster risk and disaster)	уменьшение (риска бедствий и последствий бедствий)
29	nationally determined contribution (NDC)	определяемый на национальном уровне вклад (ОНУВ)	nationally determined contribution	определяемый на национальном уровне вклад (ОНУВ)
30	purchasing power parity	паритет покупательной способности	purchasing power parity	паритет покупательной способности (ППС)
31	scenario	сценарий	scenario	сценарий
32	S-curve	S-образная кривая	S-curve	метод «кривой S»; S-кривая
33	Integrated Biodiversity Assessment Tool, IBAT	–	Integrated Biodiversity Assessment Tool (IBAT)	Инструмент комплексной оценки биоразнообразия
34	payments for ecosystem services, PES	платежи за услуги экосистем <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	payments for ecosystem services, PES	платежи за экосистемные услуги (ПЭУ)
35	System of Environmental and Economic Accounts, SEEA	–	System of Environmental-Economic Accounting, SEEA	Система эколого-экономического учета (СЭЭУ)
36	sustainability-linked bond, SLB	облигация, привязанная к целям устойчивого развития; облигация, связанная с устойчивым развитием <i>Source: Multitran (тематика Ценные бумаги)</i>	–	–
37	capital expenditure (investments)	капитальные расходы <i>Source: Декарбонизация в условиях неопределенности</i>	1. capital expenditure (CAPEX); 2. capital investments	1. капитальные расходы, капиталовложение; 2. капитальные вложения, капитальные инвестиции
38	finance gap	–	–	–
39	financial flows	финансовые потоки	financial flows	финансовые потоки; потоки финансовых средств; приток финансовых ресурсов
40	financing needs	финансовые потребности; потребности в финансировании <i>Source: Multitran (тематика Финансы)</i>	–	–
41	natural capital	природный капитал <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	natural capital	природный капитал
42	nature-based solutions (NbS)	природосберегающие решения <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	nature-based solutions (NbS)	1. решения, основанные на природных факторах, РОПФ (данный термин рекомендуется использовать в женеvских документах по окружающей среде и климату; термин рекомендован Секцией русского письменного перевода, Женева, 22.12.2020) 2. природосберегающие решения (данный термин относится к работе Центральных учреждений в Нью-Йорке; термин рекомендован Службой русского письменного перевода, Нью-Йорк, 18.03.2021)

Table A1 (Continued)

43	nature-harming/ negative financial flows	–	–	–
44	nature positive	–	nature positive	–
45	nature-related risk	–	–	–
46	net zero	1. углеродная нейтральность; 2. нулевые нетто-выбросы парниковых газов <i>Source: Декарбонизация в условиях неопре- деленности</i>	net-zero emissions	чистый нулевой баланс выбросов
47	agroecosystem	агроэкосистема <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	–	–
48	direct drivers	–	–	–
49	indirect drivers	–	–	–
50	ecosystem	экосистема	ecosystem	экосистема
51	ecosystem services	экосистемные услуги <i>Source: Multitran (тематика ООН)</i>	ecosystem services	экосистемные услуги
52	invasive alien species	инвазивные чужеродные виды <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	invasive alien species	1. инвазивные виды; 2. инвазивный чужеродный вид (ИЧВ); 3. инвазив- ный вид-вселенец (ИВВ)
53	land use	землепользование <i>Ист-к: Multitran (тематика ООН)</i>	land use	землепользование
54	land-use change	изменение характера землепользования <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	land-use change	изменения в землепользовании
55	nature-positive	–	nature positive	–
56	overexploitation	чрезмерная эксплуатация природных ресурсов <i>Ист-к: Multitran (тематика Окружающая среда)</i>	overexploitation	сверхэксплуатация
57	regenerative production	–	–	–
58	cumulative impact	кумулятивное воздействие <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	cumulative impact	–
59	direct impact	непосредственное воздействие <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	direct impact	непосредственное воздействие
60	ecosystem condition	–	–	–
61	impacts	воздействия <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	impacts	последствия; воздействия; результаты
62	indirect impact	–	–	–
63	provisioning services	–	provisioning services	службы обеспечения
64	resilience (of ecosystems)	устойчивость к изменению климата <i>Source: ГОСТ Р ИСО 14080-2021</i>	resilience	1. устойчивость (к потрясениям, вы- званным тем-то и тем-то); 2. стойкость; 3. жизнестойкость (в контексте ЦУР 11, в частности повышение жизне- стойкости городов); 4. потенциал противодействия (в контексте Международной стратегии уменьшения опасности бедствий)
65	added emissions	–	–	–
66	attributional approach	–	–	–
67	avoided emission	устранённый выброс <i>Source: Национальный стандарт Россий- ской Федерации Газы парниковые (ГОСТ Р 56267-2014/ISO/TR 14069:2013)</i>	–	–
68	consequential approach	–	–	–
69	Corporate Net Zero	–	–	–
70	eligibility gates	критерии пригодности (eligibility criteria) <i>Source: ГОСТ Р ИСО 14080-2021</i>	–	–
71	Global Net Zero	–	–	–
72	intervention accounting	–	–	–

Table A1 (Continued)

73	inventory accounting	бухгалтерский учёт материально-производственных запасов; складской учёт <i>Source: Multitran (тематика Бухгалтерия)</i>	–	–
74	life cycle GHG emissions	–	–	–
75	rebound effect	рикошет; эффект отдачи <i>Source: Multitran</i>	rebound effect	обратный эффект; рикошет; эффект отдачи
76	reference scenario	базисный сценарий <i>Source: Multitran (тематика МВФ)</i>	reference scenario	исходный сценарий

Table A2

Russian terms and acronyms and their presence in the UNTERM terminology database

№	Term/ acronym (rus)	Term/ acronym (eng)	Term/ acronym in UNTERM (rus)	Term/ acronym in UNTERM (eng)
1	Глобальное обязательство по метану	Global Methane Pledge	–	Global Methane Pledge
2	декарбонизация	1. decarbonation; 2. de-carbonization (сокращение выбросов парниковых газов); 3. decarbonisation (экономики и др.) <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	декарбонизация	decarbonizing; decarbonisation
3	зелёный водород	green hydrogen <i>Ист-к: Multitran (тематика Экология)</i>	–	green hydrogen
4	климатический проект	climate action <i>Source: ГОСТ Р ИСО 14080-2021</i>	–	–
5	лесоклиматический проект	–	–	–
6	Международные стандарты финансовой отчетности (МСФО)	International Financial Reporting Standards, IFRS	Международные стандарты финансовой отчетности (МСФО)	International Financial Reporting Standards (IFRS)
7	нетто-выбросы	net emissions <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	нетто-выброс; нетто-эмиссия	net emissions
8	низкоуглеродное развитие	low-carbon development <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	низкоуглеродное развитие	low carbon development
9	охват 1	Scope 1 <i>Source: Модельная методология ESG-рейтингов (Доклад Банка России)</i>	выбросы со сферой охвата 1, сферой охвата 2 и сферой охвата 3	Scope 1, Scope 2, and Scope 3 emissions
10	охват 2-3	Scope 2, 3 <i>Source: Модельная методология ESG-рейтингов (Доклад Банка России)</i>		
11	план инвестиций в достижение углеродной нейтральности ЕС	European Green Deal	Европейский «зеленый курс» (название согласовано с Секцией русского письменного перевода, Женева, и Службой русского письменного перевода, Нью-Йорк, 29.10.2020)	European Green Deal
12	система торговли квотами на выброс	ETS	система торговли квотами на выброс	emissions trading scheme (ETS)
13	углеродная единица	carbon unit <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	–	–
14	углеродная нейтральность	carbon neutrality <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	углеродная нейтральность	carbon neutrality
15	углеродоемкий	carbon-intensive <i>Source: Multitran</i>	–	–
16	энергопереход	energy transition <i>Source: Multitran (тематика Энергетика)</i>	энергетический переход	energy transition
17	улавливание и хранение	Carbon Capture And Storage (CCS)	улавливание и хранение углерода (УХУ)	Carbon Capture and Storage (CCS)
18	улавливание, полезное использование и хранение CO ₂	Carbon Capture, Utilization and Storage (CCUS)	–	Carbon Capture, Utilization and Storage (CCUS)

Table A2 (Continued)

19	улавливание и полезное использование CO ₂	Carbon Capture and Utilization (CCU)	–	–
20	прямой «захват» CO ₂ из атмосферы	DAC (direct air capture)	прямое улавливание воздуха	Direct Air Capture
21	биоэнергетика со связыванием и хранением углерода	BECCS (bioenergy with carbon capture and storage)	биоэнергия и улавливание и хранение диоксида углерода (БЭУХУ)	BECCS Bioenergy With Carbon Capture And Storage
22	ESG-данные	ESG data <i>Source: www.sustainalytics.com</i>	–	–
23	ESG-рейтинг (рейтинг устойчивого развития)	ESG rating (sustainability rating)	–	–
24	ESG-рейтинг рисков	ESG Risk Rating <i>Ист-к: www.sustainalytics.com</i>	–	–
25	ESG-риски (риски, связанные с устойчивым развитием)	ESG risk <i>Source: www.sustainalytics.com</i>	–	–
26	климатические риски	climate risk <i>Source: ГОСТ Р ИСО 14080-2021</i>	климатический риск	climatic risk
27	кредитное рейтинговое агентство	credit rating agency <i>Source: Multitran (тематика Финансы)</i>	кредитное рейтинговое агентство	credit rating agency (CRA)
28	ответственное инвестирование	responsible investment <i>Source: Зеленая экономика. Определения и понятия</i>	–	–
29	переходные климатические риски	climate transition risks <i>Source: Климатические риски в меняющихся экономических условиях. Доклад Банка России для общественных консультаций</i>	–	–
30	устойчивое развитие	sustainable development	устойчивое развитие	sustainable development
31	физические климатические риски	climate physical risks <i>Source: Климатические риски в меняющихся экономических условиях. Доклад Банка России для общественных консультаций</i>	–	–
32	цепочка поставок	supply chain	1. цепочка поставок; 2. цепочка товародвижения; 3. производственно-сбытовая цепь; 4. товаропроводящая цепь; 5. логистическая система; 6. цепь поставок; 7. система поставок; 8. логистическая цепочка (Термины согласованы с Секцией русского письменного перевода, Женева, 22.01.2021)	supply chain
33	цепочка создания стоимости	value chain <i>Source: Multitran (тематика Экономика)</i>	цепочка создания стоимости	value chain
34	Инициатива по выпуску климатических облигаций <i>Ист-к: Multitran</i>	CBI (Climate Bonds Initiative)	–	–
35	1. Проект по раскрытию информации о выбросах углерода; 2. Проект информирования о выбросах углерода <i>Ист-к: Multitran (тематика Энергетика)</i>	CDP (Carbon Disclosure Project)	Проект по раскрытию информации о выбросах углерода	CDP
36	принципы охраны окружающей среды, социальной ответственности и корпоративного управления	ESG (Environmental, Social, Governance)	политика в области природоохранных, социальных и управленческих вопросов	environmental, social and governance (ESG)
37	торгуемые биржевые фонды	ETF (Exchange traded funds)	1. торгуемый индексный фонд; 2. биржевой индексный инструмент	exchange traded fund (ETF)
38	акции в свободном обращении	free-float	–	–
39	Принципы зелёных облигаций	GBP (Green Bond Principles)	Принципы экологических облигаций	Green Bond Principles (GBP)

Table A2 (Continued)

40	гринвошинг	greenwashing	«зелёная» реклама; «зелёный камуфляж»	greenwashing
41	Глобальная инициатива по отчетности	GRI (Global Reporting Initiative)	–	Global Reporting Initiative
42	первичное размещение эмитентом своих акций на бирже	IPO (Initial Public Offering)	–	Initial Public Offering (IPO)
43	Принципы социальных облигаций	SBP (Social Bond Principles)	Принципы социальных облигаций	Social Bond Principles
44	Глобальная инициатива «Биржи за устойчивое развитие»	SSE (Sustainable Stock Exchanges)	Инициатива по экологической и социальной ответственности ФБ (название рекомендовано Секцией русского письменного перевода, Женева, 27/11/2018)	Sustainable Stock Exchanges Initiative
45	1. тройной критерий; 2. три основания устойчивости <i>Ист-к: Зелёная экономика. Определения и понятия</i>	Triple Bottom Line, TBL, 3BL	тройная черта	triple bottom line
46	Принципы ответственного инвестирования Финансовой инициативы ООН	UN PRI (UNEP Finance Initiative, Principles for Responsible Investment)	Принципы ответственного инвестирования (ПОИ)	Principles for Responsible Investment
47	таксономия проектов устойчивого развития	–	–	–
48	цели устойчивого развития, ЦУР <i>Ист-к: Зеленая экономика. Определения и понятия</i>	SDGs (Sustainable Development Goals)	цели в области устойчивого развития (ЦУР)	Sustainable Development Goals (SDGs)
49	зелёные технологии	green technology <i>Source: Multitran (тематика Экология)</i>	«зелёная» технология	green technology
50	корпоративная социальная ответственность (КСО)	Corporate Social Responsibility/CSR <i>Source: Зеленая экономика. Определения и понятия</i>	корпоративная социальная ответственность (КСО)	Corporate Social Responsibility (CSR)
51	стейкхолдер (заинтересованная сторона)	interested party <i>Source: ГОСТ Р ИСО 14080-2021</i>	заинтересованная сторона; заинтересованное лицо	stakeholder

* * *

IDEOLOGEME “REVOLUCIÓN” IN THE POLITICAL DISCOURSE OF SPANISH CARLISM

Andrei A. Tereshchuk, Nadezhda I. Grigorchenkova

*Herzen University,
nab. reki Moyki 48, St. Petersburg, 191186, Russia*

Abstract. The article examines the use of the ideologeme “revolution” in the Carlist political discourse. Spanish Carlism, which is one of the oldest political movements in modern Europe, appeared in 1833 and opposed liberal reforms in Spain. Throughout its history, the Carlists positioned themselves as consistent opponents of revolutionary ideology. The aim of the study is to conduct a systematic analysis of the texts of Spanish Carlism and to identify the specifics of the use of the lexeme “revolution” and similar lexical units. To achieve the stated goal, 229 programme documents of the Carlist movement were analysed. The time frame of the study is 1833–1936. The lower temporal boundary is the Carlist uprising against the government in Madrid, which led to the First Carlist War. The upper temporal boundary is the beginning of the Spanish Civil War (1936–1939). In the analysed texts, 108 uses of the lexeme “revolución”, 39 of the noun “revolucionario” and 16 of the adjective “revolucionario” were singled out. Using the methods of contextual and critical discourse analysis we traced the change in the emotional colouring of the ideologeme in question. Since the Carlists were opponents of revolutionary movements, for them this notion served to create an image of the enemy, but over time the emotional colouring of the ideologeme in question decreased. In the analysed texts there is an opposition between the ideologeme “rebellion”, which has positive connotations, and the ideologeme “revolution” with negative connotations. At the genetic stage of the history of Carlism (1833–1876), a mixture of elements of religious and political discourse is observed.

Keywords: ideologeme, revolution, political discourse, carlism, the Spanish language, political linguistics, Spain

For citation: Andrei A. Tereshchuk, Nadezhda I. Grigorchenkova (2024). Ideologeme “revolución” in the political discourse of Spanish Carlism. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(2), pp. 99–111. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-99-111>

ИДЕОЛОГЕМА «REVOLUCIÓN» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ИСПАНСКОГО КАРЛИЗМА

А.А. Терещук, Н.И. Григорченкова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Аннотация. В настоящей статье рассматривается употребление идеологемы «революция» в карлистском политическом дискурсе. Испанский карлизм, являющийся одним из старейших политических движений в современной Европе, появился в 1833 году и выступил против либеральных преобразований в Испании. На протяжении всей своей истории карлисты позиционировали себя как последовательные противники революционной идеологии. Цель исследования – выявление специфики употребления лексемы «революция» и однокоренных лексических единиц на основе систематического анализа текстов, относящихся к политическому дискурсу испанского карлизма. Были проанализированы 229 программных документов (манифестов, приказов по армии, заявлений, воззваний, речей, циркулярных писем и указов) карлистского движения. Временные рамки исследования – 1833–1936 гг. Нижняя временная граница – это восстание карлистов против правительства в Мадриде, которое привело к Первой Карлистской войне (1833–1840 гг.). Верхняя временная граница – начало Гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.). Данный временной промежуток разделён на два этапа: 1833–1876 гг. и 1876–1936 гг. Проводится сравнительный анализ тенденций использования идеологемы «революция» на первом и втором этапах. В проанализированных текстах отмечено 108 употреблений лексемы «revolución», 39 – имени существительного «revolucionario» и 16 – имени прилагательного «revolucionario». С использованием методов контекстуального и критического дискурс-анализа прослежено изменение эмоциональной окраски рассматриваемой идеологемы, обладающей негативными коннотациями. Карлисты, будучи противниками революционных движений, использовали данное понятие по отношению к своим оппонентам, однако со временем экспрессивность идеологемы снизилась. Выделена оппозиция между идеологемой «восстание», обладающей положительными коннотациями, и идеологемой «революция» с негативным коннотативным значением. На генетическом этапе истории карлизма (1833–1876 гг.) зафиксировано смешение элементов религиозного и политического дискурса. Исследованы случаи включения библейского интертекста в программные документы карлистского движения на первом этапе.

Ключевые слова: идеологема, революция, политический дискурс, карлизм, испанский язык, политическая лингвистика, Испания

Для цитирования: Терещук А.А., Григорченкова Н.И. (2024). Идеологема “revolución” в политическом дискурсе испанского карлизма. *Филологические науки в МГИМО*. 10(2), С. 99–111. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-99-111>

Введение

Показывая сложность и разнообразие естественных языков, М.М. Бахтин писал: «Живая социальная жизнь и историческое становление создают в пределах абстрактно единого национального языка множественность конкретных миров, замкнутых словесно–идеологических и социальных кругозоров» [3, с. 101]. Следствием данной сложности является существование в политическом дискурсе идеологом, то есть законченных суждений, субъективно характеризующих денотат [11, с. 298]; одна и та же идеологема может иметь разные коннотации в языке различных политических групп. Ярким примером является идеологема «революция».

Одним из центральных событий в истории России XX века стала революция 1917 года. Осмысление сложного революционного процесса привлекает внимание специалистов самого разного профиля (историков, филологов, политологов и др.). При этом данный процесс не был уникальным для нашей страны. Как отмечает А.В. Торкунов, к моменту свершения российской революции «в Европе уже около четырёх веков развивался процесс масштабной исторической модернизации – трансформации традиционного аграрно-ремесленного общества, характерного для Средневековья, в индустриальное общество Нового времени. Важнейшими вехами, обозначившими этапы этого движения, были “классические” революции» [22, с. 8]. Естественно, у революционных изменений были как сторонники, так и оппоненты и в России, и в странах Западной Европы.

Последовательными противниками революционных процессов в обществе стали испанские карлисты. Их движение, сформировавшееся в 1833 году и получившее название по имени претендента на испанский престол Карлоса Марии Исидро де Бурбона (дона Карлоса-старшего) (1788–1855), опиралось на идеи испанских роялистов («realistas») начала XIX века. Карлисты выступали против введения конституции, создания системы политических партий, формирования парламента современного типа (вместо традиционных кортесов, сословно-представительного собрания, появившегося ещё в Средневековье), секуляризации общества. После смерти в 1833 году короля Фердинанда VII его младший брат дон Карлос заявил о своих правах на престол, в то время как более либеральная часть испанского общества поддержала кандидатуру дочери покойного монарха принцессы Изабеллы (1830–1904). Используя династический спор в качестве повода для начала восстания, карлисты развязали крупный внутрисударственный конфликт, вошедший в историю как Первая Карлистская война (1833–1840) (об истории конфликта и появлении карлизма см. [19], [27], [36]). Несмотря на поражение в войне, карлистское движение продолжило существование, и в XIX в. – первой половине XX вв. карлисты играли важную роль на испанской политической сцене. Хотя идеология движения постоянно модифицировалась, его сторонники всегда представляли наиболее консервативную часть испанского социума. В 1846–1849 гг. и в 1872–1876 гг. карлисты пытались прийти к власти вооружённым путём, но оба раза терпели поражение. Во время Гражданской войны 1936–1939 гг. они выступили на стороне генерала Ф. Франко (1892–1975), однако в период франкистской диктатуры их движение пришло в упадок и лишилось реального влияния на испанскую политику. Карлизм сохраняется и в XXI веке, представляя собой одно из старейших политических объединений в Европе (из общих работ по истории карлизма можно отметить [29], [37]). Современные карлисты не оказывают серьёзного влияния на жизнь испанского государства, но являются непарламентской оппозицией и подвергаются критике ряд аспектов внешней и внутренней политики Испании. Так, например, они выступают за нормализацию отношений с Россией, которая воспринимается ими в качестве хранительницы традиционных ценностей христианской Европы¹.

¹ Jacobo de la Cruz M. El discurso de Putin // La Esperanza. Periódico católico-monárquico. 05.10.2022, <https://periodicolaesperanza.com/archivos/14517> (дата обращения: 23.12.2023).

В последние годы российскими и зарубежными учёными был опубликован ряд работ, посвященных идеологии карлистского движения [1], [7], [8], [9], [10], [35], [39], [43]. Данные исследования обращаются к этой проблеме с позиций исторической науки или политологии. Гораздо меньше внимания уделяется изучению языка испанского карлизма. Исследователь из Автономного университета Барселоны Л.Ф. Толедано в одной из своих последних статей с сожалением отмечает, что до сих пор не было проведено систематического анализа текстов, относящихся к карлистскому политическому дискурсу [43, р. 181]. Специалисты, интересующиеся данной темой, главным образом обращаются к изучению газет и журналов, выпускавшихся сторонниками движения [24], [25], [26], [30], [40]; при этом в перечисленных работах анализ языковых особенностей карлистской прессы остаётся на втором плане, в то время как основное внимание уделяется её истории.

Естественно, политический дискурс, понимаемый как «a prominent way of “doing politics”» включает в себя самые разные жанры; кроме того, большая часть политических действий (принятие решений, выработка законов и т.д.) по своей природе дискурсивны [4, р. 18]. Карлистский политический дискурс реализовывался не только через средства массовой информации, но и через многочисленные официальные документы движения. Лингвистический анализ данных текстов будет иметь значение не только для изучения истории и идеологии карлизма, но и для выявления языковых особенностей дискурсивных практик испанских политиков в XIX–XX вв. При этом изучение этих текстов в частности и карлистского дискурса в целом невозможно без обращения к результатам исследований по истории, философии и политологии; как пишет Т. А. ван Дейк, «анализ дискурса не следует ограничивать структурами текстов или диалогов. Когда дискурсы получают определение как единицы вербального общения или как коммуникативные явления, к их реальной обработке или использованию в социальных или коммуникативных аспектах следует обращаться с позиций целостного, интегрированного подхода» [6, с. 133].

Методология

Лексема «революция» (англ. *revolution*, исп. *revolución*) долгое время использовалась как астрономический термин, однако с XVII в. (возможно, как пишет Л. Вильоро, после «Славной революции» в Англии в 1688 году [46, р. 277]) она начала приобретать политические коннотации и употребляться для обозначения «кризиса, чреватого полным или частичным изменением политического строя или властного контроля» [13, с. 154]. Со второй половины XVIII в. данная лексическая единица окончательно закрепились в политическом языке [21, с. 132]. С момента появления карлистского движения в октябре 1833 года его сторонники позиционировали себя как противники революции². Так, например, в опубликованной в 1835 году книге барона де лос Вальес, обосновавшего «необходимость» восстания карлистов против правительства в Мадриде, уже на второй странице рассказывалось об «интригах» либералов, пытавшихся организовать революцию в Испании [41, р. 2] (о роли барона в развитии карлистской пропаганды см. [18]). Негативное отношение карлистов к революционным идеям сохранялось до 1970-х гг., до появления так называемого «левого» карлизма, ответвления в рамках движения, представлявшего собой проект «самоуправляющегося социализма» [16, с. 94].

В нашем исследовании мы исходим из гипотезы о том, что идеологема «революция» играла ключевую роль в формировании образа врага в карлистском политическом дискурсе. Как известно, «...создание господствующих монолитных нарративов, зачастую предполагающих обособление “своих” от “чужих”, представляет собой эффективный политический инструмент» [23, с. 298]; само по себе использование оппозиции «свой» – «чужой» является одной из ярких особенностей политического дискурса [17, с. 2501]. Лексема *revolución* может рассматриваться как одно

² Показательно, что процитированная выше монография Ж. Канала из Высшей школы социальных наук в Париже носит название «Карлизм. Два века контрреволюции в Испании» («El carlismo. Dos siglos de contrarrevolución en España») [29].

из «ключевых слов» («palabras clave»), употребление которых является характерной чертой языка политиков [42, p. 117] (о соотношении понятий «язык/дискурс политиков» и «политический дискурс см.: [44, p. 12–18]).

Временные рамки настоящего исследования: октябрь 1833 г. – июль 1936 г. Нижняя временная граница соотносится с началом Первой Карлистской войны [19, с. 158]. Как было отмечено выше, движение сторонников дона Карлоса стало продолжением испанского роялизма начала XIX в.; кроме того, сам термин карлист («carlista») фиксируется в испанском политическом языке еще в 1824 г. [19, с. 149]. Однако только начиная с 1833 года можно говорить о выделении карлизма как нового субъекта в испанской политике. Верхняя временная граница – это восстание испанской армии против правительства «Народного фронта» и начало Гражданской войны 1936–1939 гг. Выбор верхней временной границы обусловлен тем фактом, что в 1936 году карлисты выступили на стороне франкистов; в следующем году Ф. Франко издал «Декрет об Объединении» («Decreto de Unificación»), в соответствии с которым все правые политические партии, включая карлистов, объединялись в «Испанскую фалангу традиционалистов и комитетов национал-синдикалистского наступления» («Falange Española Tradicionalista y de las Juntas de Ofensiva Nacional Sindicalista») [28, p. 222–228]. Соответственно, было бы некорректно говорить о существовании в период франкизма отдельного карлистского дискурса, во всяком случае, на институциональном уровне. Данный временной промежуток (1833–1936) мы разделяем на два этапа. *Первый этап* (1833–1876) соответствует так называемому «генетическому» периоду развития карлизма [7, с. 93]. К этому времени относятся три полномасштабные гражданские войны, проигранные карлистами (1833–1840, 1846–1849, 1872–1876). *Второй этап* (1876–1936) относится к периодам Реставрации и Второй Республики в Испании; в это время карлисты пытались прийти к власти преимущественно мирным путём, через выборы.

В качестве материала для исследования были использованы программные документы движения за изучаемый период: манифесты («manifestos»), приказы по армии («órdenes del día»), заявления («proclamas»), воззвания («alocuciones»), речи («discursos»), циркулярные письма («circulares») и указы («bandos»), которые были ориентированы на широкую аудиторию и публиковались в карлистских печатных органах. Авторы исследуемых текстов – политики и представители командного состава карлистской армии. Данные материалы были опубликованы в приложениях к фундаментальному 30-томному труду «История испанского традиционализма» («Historia del tradicionalismo español»), созданному историком и участником карлистского движения М. Феррером при участии двух соавторов [34] (о фигуре М. Феррера см. [31, с. 116–118]). Общее количество проанализированных документов составило 229 единиц. Используя методы контекстуального и критического дискурс-анализа в рамках исторического подхода к изучению политического дискурса [15, с. 12], мы анализируем употребление в данных текстах лексемы *revolución* («революция»), а также однокоренных лексических единиц. Выбор для исследования нескольких лексических единиц обусловлен тем, что мы подходим к изучению идеологем не в рамках лексикологического подхода (как к отдельным словам, имеющим определённые идеологические коннотации), а с позиций феноменологии (т.е. как к ментально-стилистическим феноменам) [14, с. 56].

Результаты

В проанализированных текстах мы зафиксировали 108 употреблений лексемы *revolución*, в том числе 97 раз в единственном числе и 11 раз во множественном. Кроме того, 39 раз употребляется существительное *revolucionario* («революционер») и 16 раз прилагательное *revolucionario* («революционный»). Самый ранний документ, в котором зафиксирована лексема *revolución* – это заявление Депутации Бискайи от 5 октября 1833 года, опубликованное через 3 дня после начала Первой Карлистской войны. Авторы документа призывают население присоединиться к восстанию за права дона Карлоса на престол и заявляют, что оно было спровоцировано «нападениями Революции и анархии, с которыми мы сражались в 1823 году» («ataques de la Revolución y de la

anarquía que combatimos en 1823») [34, III, p. 291]³. Документ содержит отсылку к истории Либерального трёхлетия (1820–1823) и борьбе между либералами и роялистами, завершившейся тогда победой вторых, то есть авторы текста напоминают об историческом прецеденте, который связан с положительными для них воспоминаниями. Последний зафиксированный пример относится к Манифесту Национального блока (ноябрь 1934 г.), в котором лексема *revolución* использовалась для сопоставления республиканского режима в Испании 1930–х гг. и революционных событий во Франции в XVIII в.: «Creemos caducado el sistema político que, nacido con la Revolución francesa, sirve de soporte a las actuales instituciones, y como Cánovas predijera, nos arrastra al comunismo» («Мы считаем устаревшей политическую систему, родившуюся вместе с Французской революцией и служащей базой для современных институций, и которая, как предсказывал Кановас [крупный консервативный политик в Испании последней четверти XIX в. – прим.], тянет нас в сторону коммунизма» [34, XXX, p. 48]. Таким образом, лексема *revolución* употреблялась на протяжении всего изучаемого периода.

В то же время семантика данной лексической единицы за 101 год, прошедший между двумя зафиксированными выше случаями употребления, претерпела определённые изменения. Еще А. Мартине писал о том, что слова на одном языке не имеют совершенно точных эквивалентов в другом [38, p. 19]; лексема *revolución* в испанском политическом дискурсе XIX в. имела коннотации, отсутствующие как в русском, так и в испанском языках XX в.⁴ Так, в первой половине XIX в. она часто использовалась в испанском языке для обозначения любого восстания, беспорядков или даже просто антиправительственного заговора [45]. Соответственно, во время Первой Карлистской войны либералы также иногда употребляли эту лексическую единицу по отношению к своим противникам [19, с. 302].

На первом этапе *revolución* три раза именуется *impía* («безбожной»); например, в воззвании дона Карлоса от 1837 г.: «Habéis vencido a la revolución impía en este suelo clásico de lealtad; éste era el campo señalado para decidir los destinos de una nación singular» («Вы победили безбожную революцию на этой старинной верной земле; это было поле, на котором должна была решиться судьба нашей уникальной нации») [34, XIII, p. 306]. В данном тексте она также обладает *bárbara fiereza agarena* («варварской жестокостью агарян»), то есть имеет место использование религиозной, библейской лексики в политическом документе [там же]. Другой характерный эпитет – *usurpadora* («узурпаторская»), например, в манифесте дона Карлоса–старшего: «Maroto ha hollado el respeto debido a mi soberanía y a los más sagrados deberes para sacrificar alevosamente a los que oponen un dique insuperable a la revolución usurpadora» («Марото [генерал, возглавивший умеренное крыло карлистского движения и заключивший сепаратный мир с либералами в 1839 г. – прим.] растоптал уважение к моей власти и к самому священному чувству долга, чтобы вероломно принести в жертву тех, кто стоит несокрушимым препятствием на пути узурпаторской революции») [34, XVI, p. 190]). Этот эпитет служил напоминанием о том, что приход к власти в Испании в качестве регента королевы Марии–Кристины, с именем которой связан ряд либеральных реформ, был незаконным, по мнению карлистов [19, с. 34–49]. С «современной» точки зрения, революция не столько пытается узурпировать трон, сколько уничтожить сам институт монархии, однако для карлистов XIX в. представлялось естественным, что революция может посадить нужного ей человека на престол: «... la revolución que en 1833 sentó en el Trono de España a una niña inocente» («... революция, которая в 1833 году посадила на Трон Испании невинную девочку [Изабеллу II, которой на тот момент ещё не исполнилось 3 лет – прим.]») [34, XXIII, p. 147]. Во главе революции может находиться «мятежный принц», то есть король Альфонсо XII: «... la Revolución (sic!) que capitanea un príncipe rebelde» («... Революция, которую возглавляет мятежный принц») [34, XXVII, p. 303]. Отметим, что «мятежный принц» не являлся сторонником левых идей или своего рода испан-

³ Здесь и далее при цитировании «Истории испанского традиционализма» указываются номер тома и страница.

⁴ Русский путешественник и публицист В.П. Боткин удачно высказался относительно революции в Испании, написав, что она «так же мало походит на революцию, как вооружение рыцаря на наш фрак» [5, с. 11]

ским «Филиппом Эгалите»⁵; последняя цитата, взятая из обращения к добровольцам дона Карлоса-младшего (Карлоса VII) (1848–1909) в 1875 году, определяет словом *Revolución* всех противников карлистов, в том числе и весьма консервативный политический проект Альфонсо XII.

В текстах на *первом этапе* можно встретить противопоставление между лексемами *revolución* и *insurrección* («восстание»). В 1839 году приближенный дона Карлоса X. Эчеваррия в обращении к жителям Наварры писал о том, что карлисты подняли *gloriosa insurrección* («славное восстание»), направленное против *revolución*, которую поддерживают *sicarios* («наёмные убийцы»): «... vuestra gloriosa insurrección, vuestra constancia y sacrificios, tenía por objeto el triunfo de la religión, de la monarquía pura de nuestro legítimo Soberano D. Carlos V y de vuestros fueros; más la revolución que hace ya tiempo conoce la importancia de sus armas, ha visto la necesidad que tenía de introducir sus agentes y sicarios en las filas de la lealtad... Sus maquinaciones, sus intrigas, sus planes secretos, han tenido siempre por objeto reducirlos a la inacción» («... ваше славное восстание, ваша преданность делу и ваши жертвы имели своей целью триумф религии, чистой монархии во главе с нашим законным Государем Доном Карлосом V и ваших фуэрос [*привилегий отдельных регионов на севере Испании – прим.*]; но революция, которая уже давно знает о силе своего оружия, увидела необходимость внедрить своих агентов и наёмных убийц в ряды верных... Её махинации, интриги, секретные планы всегда пытались принудить вас к бездействию») [34, XVI, p. 238]. В данном тексте можно отметить синтаксическое противопоставление ряда концептов (в том числе и *gloriosa insurrección*), обладающих положительными коннотационными значениями, концептам с негативными коннотациями (включая *revolución*).

Идея о «справедливом» восстании против «незаконной» власти встречается и в карлистской мемуаристике: например, Х.А. Саратьеги в своих воспоминаниях, посвящённых первому главнокомандующему карлистской армией Т. де Сумалакарреги, также пишет о «славном восстании», употребляя тот же самый эпитет, что и Х. Эчеваррия [47, p. 48]. Таким образом, в карлистском политическом дискурсе есть лексические единицы, позволяющие разграничить «справедливое» и «несправедливое» восстание⁶. Концепт «справедливого» восстания не является оригинальным для карлистов и может быть связан с ещё средневековой политической философией Католической церкви и идеями Фомы Аквинского [33, p. 147].

Если обратиться к употреблению прилагательного *revolucionario* («революционный»), то в 1833–1876 гг. можно отметить его употребление с существительными, относящимися к нескольким различным лексико-семантическим полям. К полю «власть» можно отнести лексемы *gobierno* («правительство»); *ejército, huestes, tropas* («армия, войска»); *hordas* («орды», в данном случае употребляется по отношению к армии противника), *despotismo* («деспотизм»), *facción* («заговор, мятеж; отряд мятежников»), *poder* («власть»), *yugo* («игло»). Например, граф де Негри в обращении к жителям Кастилии в 1838 году заявлял: «Entre vosotros tenéis ya un cuerpo de ejército que me glorio de mandar, decidido de sacaros del ominoso y durísimo yugo revolucionario» («К вам уже пришла армия, которой я имею часть командовать, и я решительно настроен освободить вас от позорного и тягостного революционного игла») [34, XIV, p. 209]. Употребление данных лексических единиц, имеющих нейтральные либо пейоративные коннотации, с прилагательным *revolucionario* возможно и в языке современной политики (например, *gobierno revolucionario* – «революционное правительство»).

Однако в текстах *первого этапа* в сочетании с *revolucionario* фиксируются также лексемы, относящиеся к лексико-семантическому полю «религия» (или «мифология»): *espíritu* («дух»), *germen* («семья»), *hidra* («гидра»), *discordia* («раздор»)⁷. Так, «*espíritu revolucionario*» («революционный дух») противопоставляется «*Espíritu Santo*» («Святому Духу»). В тексте манифеста дона Карлоса-

⁵ Т.е. герцогом Орлеанским, примкнувшим во время событий Французской революции к противникам монархии и избранным в Конвент.

⁶ Ср.: в политическом дискурсе властей Российской империи 1830-х гг. все лексические единицы, обозначающие восстание, в большинстве контекстов приобретали негативные коннотации [20, с. 739–740].

⁷ Ср.: «Человек коварный сеет раздор» (Притч. 16:28).

младшего в 1869 году этот «революционный дух» имеет субъектность и выступает как олицетворение своего рода «злой силы», посягающей на традиционные привилегии отдельных районов на севере Испании: «El espíritu revolucionario pretende igualar las provincias Vascongadas a las restantes de España» («Революционный дух стремится уравнять баскские провинции с остальными провинциями Испании») [34, XXIII, p. 53]. Лексема *germen*, естественно, может встречаться не только в религиозных текстах. В проанализированных текстах она встречается в обращении генерала Р. Марото (1839 г.), который использует аллюзию на евангельскую притчу о сеятеле. В отличие от библейского текста, «семя» оказывается «злом» (потому что является «революционным»): «Cuando se haya disipado el primer germen revolucionario que se ha esparcido entre vosotros...» («Когда будут уничтожены посеянные меж вами революционные семена...») [34, XVI, p. 187] (перевод на русский язык данного документа см. [19, с. 397–399]).

Важно подчеркнуть, что для современного политического дискурса в западных странах характерно разделение политических и религиозных элементов [32, p. 165]. В карлистских текстах, относящихся к *первому этапу*, эти элементы часто смешиваются. Можно предположить, что это было обусловлено тем фактом, что начиная с 1833 года карлисты позиционировали себя как «защитники Церкви»; в 1835 году они объявили Деву Марию «Верховным главнокомандующим» («*Generalísima*») своей армии [36, p. 158]. При этом было бы ошибкой воспринимать противников карлизма как «безбожников» или «атеистов». Исследователь из Университета Сарагосы П. Рухула, анализируя карлистский газетный дискурс, пишет, что слишком часто в научных работах по карлизму происходит «путаница между принципами, которые отстаивало это контрреволюционное движение, и методами (*técnicas*), которые оно использовало для триумфа своих идей» [40, p. 28], то есть приёмы пропаганды смешиваются с идеологическими установками карлизма. Представляется, что включение в политический дискурс религиозных элементов имело целью воздействие на реципиента.

Другое лексико-семантическое поле, встречающееся в изучаемых текстах – это «стихия»: *torrente* («поток»), *huracán* («ураган»), *tempestad* («буря»). Например, карлистский претендент на престол дон Хуан III (1822–1887) в своём манифесте 1860 года вспоминал о «весне народов» в Европе: «Yo he visto en 1848 huir a impulsos del huracán revolucionario a Monarcas apegados a las antiguas ideas» («Я видел, как в 1848 г. Монархи, приверженные старым идеям, бежали от ударов революционного урагана») [34, XXII, p. 208]. Впрочем, как показывают последние исследования, метафоры природы часто используются в испанских текстах политической направленности, то есть политические общественные организации или процессы «наделяются природными чертами» [2, с. 12].

На *втором этапе* изменяется характер определений, относящихся к лексеме *revolución*. Она более не именуется *impía* («безбожной»), вместо этого используется стилистически нейтральная лексема *materialista* («материалистическая»), которая в данном контексте выступает в качестве синонима к *impía*: в 1934 году лидер карлистов Альфонсо Карлос (1849–1936) заявил об «última batalla entre la revolución materialista y la contrarrevolución católica» («последней битве между материалистической революцией и католической контрреволюцией») [34, XXX, p. 40]. Другое изменение – ссылки на историю Французской революции⁸, которая, естественно, воспринимается карлистами в негативном ключе. Первое её упоминание фиксируется ещё на первом этапе, в 1864 году, в тексте принцессы де Бейра, представлявшей наиболее радикальное крыло карлистского движения и осуждавшей попытку претендента на престол Хуана III реформировать карлизм в духе либерального консерватизма [10]. Автор данного документа пишет о «malhadados principios de la Revolución francesa, que causó... los mayores desastres que vieron los siglos» («несчастливых принципах Французской революции, которая... принесла самые страшные бедствия в истории») [34, XXII, p. 237]. Два других упоминания Французской революции относятся к 1889 и к 1934 гг., и события

8 В современной российской историографии наблюдается тенденция к отходу от использования термина «Великая французская революция»; ср.: одна из последних крупных монографий, посвящённая её истории, называется «Французская революция», в то время как ранее использовавшийся термин с эпитетом «Великая» авторы именуют не иначе как «причудливым словосочетанием» [4, с. 4].

во Франции рассматриваются как причина «тяжёлой» ситуации, в которой оказалась Испания в конце XIX – начале XX вв. Лексема *revolución* по-прежнему сохраняет негативные коннотации, но лидеры карлистского движения начинают говорить о ней в более спокойном ключе.

Снижение эмоциональности и сокращение использования религиозной лексики отмечается также и в случае с прилагательным *revolucionario*. Один раз, в манифесте 1888 года, встречается словосочетание *espíritu revolucionario* («революционный дух»), которое в данном случае выступает в качестве синонима к *ideología revolucionaria* («революционная идеология»). В отличие от приведённого выше примера, в данном случае *espíritu revolucionario* входит в состав распространённого определения, характеризующего противников карлистов: «*imbuídos en el espíritu revolucionario*» («пропитанные революционным духом») [34, XXVIII, p. 60]. Единственной лексической единицей с сильной негативной эмоциональной окраской, по отношению к которой употребляется слово *revolucionario*, является лексема *tiranía* («тирания») [34, XXVIII, p. 78]. Остальные существительные, характеризующиеся лидерами карлистского движения как «революционные», имеют нейтральную стилистическую окраску и могут употребляться и в дискурсе сторонников революции, например: *elemento* («элемент»), *España* («Испания»), *ola* («волна»), *hecho* («факт, деяние») и т.д. Так, в обращении Альфонсо Карлоса к испанцам словосочетание *España revolucionaria* («революционная Испания») имеет пейоративные коннотации: «...*protestas de la España tradicional frente a la España revolucionaria, para evitar que jamás prescriba el derecho nacional legítimo ante el hecho revolucionario ilegítimo consumado*» («... протест традиционной Испании против Испании революционной, протест против отмены национального легитимного права совершившимися нелегитимными революционными событиями») [34, XXX, p. 39].

Было бы некорректно говорить о полном отказе от экспрессивности⁹ в анализируемых текстах в последней четверти XIX века и об исключении элементов религиозного дискурса из текстов *второго этапа*. Например, в обращении к французским легитимистам в 1887 году дон Карлос-младший называет революцию *azote de la Iglesia* («бичом Церкви») [34, XXVIII, p. 46]. Ранее, на *первом этапе*, лексема *azote* («бич») употреблялась его дедом, доном Карлосом-старшим, применительно к революции в 1836 году: при этом революция уподоблялась наказанию, которое любящий отец применяет по отношению к провинившимся детям. Автор манифеста 1836 года использовал сложную систему образов: революция была послана «Небом» («Cielo») не только для наказания испанцев за их грехи, но и в назидание, потому что Господь «обнажил перед всем миром её со всеми её ужасами» («*la presenta a la faz del mundo desnuda con todos sus horrores*») [34, XII, p. 265]. Текст 1887 года использует ту же самую лексему, но в документе отсутствует религиозно-мистический контекст; слово *azote* употреблено как обычное клише: «*Imitando a mi tío, el señor Conde de Chambord, cuya muerte fue terrible desgracia para Europa y especialmente para Francia, no transijamos nunca con la revolución, azote de la Iglesia y ruina de los Estados*» («Следуя примеру моего дяди, графа де Шамбор [*претендента на французский престол – прим.*], чья смерть стала ужасным несчастьем для Европы и особенно для Франции, мы никогда не пойдём на компромисс с революцией, бичом Церкви и разрушителем Государств») [34, XXVIII, p. 46].

Заключение

Проведённый анализ показал, что идеологема «революция» занимала важное место в политическом дискурсе испанских карлистов и служила для создания образа врага. В 229 проанализированных документах за 1833–1936 гг. лексемы *revolución* и *revolucionario* употребляются 163 раза. Отмечаются существенные различия между её употреблением на *первом* и *втором этапах*. На *первом этапе* лексема *revolución* и однокоренные слова часто сопровождаются эмоционально окрашенной лексикой с пейоративными коннотациями. Кроме того, отмечается включение религиозных элементов в политический дискурс.

⁹ Понимаемой как «семантическая категория эмоционального воздействия, важнейшей частью которой является высокая степень интенсивности» [12, с. 100].

Второй этап ознаменовался переходом карлистов от вооружённой борьбы к попыткам прийти к власти политическим путём. Данное изменение стратегии движения нашло отражение в языке: хотя идеологема «революция» сохраняется в политическом дискурсе карлистов, экспрессивность программных документов движения резко снижается. Кроме того, в проанализированных текстах, относящихся к периоду 1876–1936 гг., снижается количество религиозных элементов. Таким образом, отказ от попыток захватить власть путём восстания повлёл за собой серьёзные изменения в языке карлизма, в частности – в характере употребления идеологемы «революция». Дальнейшие исследования текстов, созданных в рамках карлистского политического дискурса, помогут подтвердить или опровергнуть данное наблюдение.

© Терещук А.А., Григорченкова Н.И., 2024

Список литературы

1. Айусо Торрес М. Карлизм и испанская политическая традиция: вчера и сегодня // Антиномии. 2019, 3 (19): С. 59–83. DOI: 10.24411/2686–7206–2019–00003.
2. Алимова Р.Р. Активные метафорические модели в современном испанском медийном дискурсе / Р.Р. Алимова, В.В. Яковлева // Филологические науки в МГИМО. 2021. № 7(5). С. 8–15. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410–2423–2021–5–29–8–15>.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
4. Бовыкин Д.Ю. Французская революция / Д. Ю. Бовыкин, А. В. Чудинов. М.: Альпина нон–фикшн: ПостНаука, 2020. 468 с.
5. Боткин В.П. Письма об Испании / В. П. Боткин. Л.: Наука, 1976. 344 с.
6. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
7. Василенко Ю.В. Генезис карлизма и проблемы типологии испанского консерватизма // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016, № 16 (1). С. 92–111.
8. Василенко Ю.В. Карлизм в Испании XIX в.: война и проблемы политико–идеологической эволюции. Проблематика войны в гуманитарных науках. Сборник трудов второй всероссийской конференции «Проблематика войны в гуманитарных науках: история и перспективы исследования». СПб.: Алетейя, 2019. С. 33–44.
9. Василенко Ю.В. Образ «врага» в политическом дискурсе зарождающегося испанского консерватизма // Антиномии. 2020. № 20(4). С. 82–100. DOI: 10.24411/2686–7206–2020–10405.
10. Василенко Ю.В. Карлизм между либерализмом и праворадикальным консерватизмом: казус Хуана III (1861–1868) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 2. С. 191–209. DOI: 10.17323/2587–8719–2021–2–191–209.
11. Вепрева И.Т. Слово «революция»: социокультурные настроения и семантические преобразования // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2007. № 49. Вып. 13. С. 297–302.
12. Зайнудинов А. А. Лексикографическое описание эмоционально–оценочной лексики в русском и испанском языках / А.А. Зайнудинов, Э.Ф. Керо Хервилья // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 96–110. DOI: 10.31857/S0373658X0004304–3.
13. Клемешев А.П. Трудности перевода. Существо проблемы / А.П. Клемешев, М.В. Ильин // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 148–166. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.11>.
14. Клушина Н. И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54–58.
15. Новикова Е.Ю. Социоантропологический подход к исследованию политического дискурса // Семиотико–семасиологическое измерение политического дискурса: Коллективная монография. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. С. 7–26.
16. Протасенко С.В. Испанский карлизм: идеология и практика // Вестник Санкт–Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. Вып. 2. С. 94–99.
17. Радюшкина А.А. Средства актуализации оппозиции «свой – чужие» в инаугурационной речи Бориса Джонсона / А.А. Радюшкина, Ю.А. Фролова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том 14. Выпуск 8. С. 2501–2506. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil210368>.
18. Терещук А.А. Сравнительный анализ двух версий труда барона де лос Вальес «Глава из истории Карлоса V» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 5. С. 662–668. DOI: 10.21603/2078–8975–2022–24–5–662–668.
19. Терещук А.А. За Бога, Родину и Короля: военно–политическая история раннего карлизма / А. А. Терещук. М.: Издательство «Спасское дело», 2023. 416 с.
20. Терещук А. А. Языковые особенности освещения Первой Карлистской войны в Испании российской прессой // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия История и филология. 2023. Т. 33. № 4. С. 737–745. DOI: 10.35634/2412–9534–2023–33–4–737–745.
21. Тимофеев Д.В. Концепт «революция» в материалах российской периодической печати и оценках современников первой четверти XIX века: опыт сравнительно–контекстуального анализа // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. № 12 (227). Вып. 45. С. 131–140.

22. Торкунов А.В. Изучая Великую русскую Революцию // Вестник МГИМО–Университета. 2017. № 3(54). С. 7–15. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-7-15>.
23. Фролова Ю.Н. Мозаика баскского сепаратизма // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2023. № 2 (148). С. 285–298.
24. Agudín Menéndez J. L. Por una historia de la Prensa carlista: Balance historiográfico y perspectivas de futuro // Aportes: Revista de historia contemporánea. 2022. № 109. P. 245–281.
25. Agudín Menéndez J. L. El Siglo Futuro en la (re)construcción de la amalgama contrarrevolucionaria (1930–1933): de órgano de la disidencia nocedalista a catalizador de la modernización defensiva carlista // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. 2023. № 26. P. 124–147. DOI: [10.14198/pasado.21548](https://doi.org/10.14198/pasado.21548).
26. Agudín Menéndez J. L. «El Siglo Futuro». Un diario carlista en tiempos republicanos (1931–1936). Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2023. 546 p.
27. Albi de la Cuesta J. El ejército carlista del norte (1833–1839) / J. Albi de la Cuesta. Madrid: Desperta Ferro Ediciones, 2017. 496 p.
28. Alli Aranguren J. C. Los inicios del franquismo en dos obras inéditas del conde de Rodezno // Huarte de San Juan. Geografía e historia. 2023. № 30. P. 217–249. DOI: <https://doi.org/10.48035/rhsj-gh.30.11>.
29. Canal J. El carlismo. Dos siglos de contrarrevolución en España / J. Canal. Madrid: Alianza Editorial, 2000. 512 p.
30. Canal J. De Barcelona a Buenos Aires (1889–1898): Francisco de Paula Oller, la propaganda carlista y la fundación de El Legitimista Español // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. 2023. № 26. P. 76–100. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.23676>.
31. Caspistegui F. J. En las trincheras de la prensa carlista: periodismo y militancia en el siglo XX // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. 2020. № 26. P. 101–123. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.22956>.
32. Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice / P. Chilton. London; New York: Routledge, 2004. 226 p.
33. Correa N. R. Análisis histórico, jurídico y político del derecho de resistencia // Revista de la Facultad de Derecho y Ciencias Políticas. 1981. № 52. P. 146–153.
34. Ferrer M., Tejera D., Acedo J. F. Historia del Tradicionalismo Español. 30 tomos / M. Ferrer, D. Tejera, J. F. Acedo. Sevilla: Editorial católica española, 1941–1979.
35. Hibbs–Lissorgues S. «Sueños nocturnos» y retropías en el tradicionalismo español // Pasado y Memoria. 2021. № 23. P. 139–159. DOI: <https://doi.org/10.14198/PASADO2021.23.06>.
36. Lawrence M. Spain's First Carlist War, 1833–40 / M. Lawrence. Basingstoke: Palgrave, 2014. 283 p. DOI: [10.1057/9781137401755_3](https://doi.org/10.1057/9781137401755_3).
37. Lawrence M. The Spanish Civil Wars: A Comparative History of the First Carlist War and the Conflict of the 1930s / M. Lawrence. London: Bloomsbury, 2017. 264 p.
38. Martinet A. Éléments de linguistique générale / A. Martinet. Paris: Armand Colin, 1980. 224 p.
39. Martín Etxebarria G. «Honrar a nuestros héroes muertos». Conmemoraciones públicas, monumentos y memoria de las guerras carlistas // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. 2023. № 26. P. 221–255. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.21888>.
40. Rújula P. ¿Opinión pública en el carlismo? La prensa de don Carlos durante la Primera Guerra // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. 2023. № 26. P. 7–31. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.23988>.
41. Saint-Sylvain L. X. A. Un chapitre de l'histoire de Charles V, par le baron de los Valles, aide-de-camp du Roi d'Espagne, brigadier dans ses armées, chevalier pensionné de l'ordre de Charles III, et chevalier de l'ordre militaire de Saint-Ferdinand de seconde classe, etc., etc. / L. X. A. Saint-Sylvain. Paris: Chez Dentu, 1835. 390 p.
42. Smirnova I. V. Concepts People and Power in Russian and Spanish Electoral Discourse // Philology at MGIMO. 2021. № 7(3). P. 115–120. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-115-120>.
43. Toledano L. F. El tradicionalisme polític antiliberal: els carlins catalans // The Catalan Historical Review. 2021. № 14. P. 179–195.
44. Van Dijk T. A. What is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. 1997. Vol. 11. Issue 1. P. 11–52. DOI: <https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij>.
45. Vanegas I. Revolución: la palabra, el acontecimiento, el hito fundador (Nueva Granada, 1780–1839) // Bulletin de l'Institut français d'études andines. 2010. № 39 (1). P. 85–104. DOI: <https://doi.org/10.4000/bifea.2104>.
46. Villoro L. Sobre el concepto de revolución // Revista del Centro de Estudios Constitucionales. 1992. № 11. P. 277–290.
47. Zaratiegui J. A. Vida y hechos de don Tomás Zumalacárregui, Duque de la Victoria, Conde de Zumalacárregui y Capitán General del Ejército de S. M. don Carlos V por el general del mismo ejército, J. A. Zaratiegui / J. A. Zaratiegui. Paris: Imprenta de Lacour y Comp., 1845. 611 p.

References

1. Aïuso, Torres M. Carlizm i ispanskaia politicheskaiia traditsiia: vchera i segodnia [Carlism and the Spanish political tradition: yesterday and today] // *Antinomii*. 2019, 3 (19): P. 59–83. DOI: [10.24411/2686-7206-2019-00003](https://doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00003).
2. Alimova, R.R., Iakovleva, V.V. Aktivnye metaforicheskie modeli v sovremennom ispanskom mediinom diskurse [Active metaphorical models in contemporary Spanish media discourse] // *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2021. № 7(5). P. 8–15. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-8-15>.
3. Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury I estetiki. Issledovaniia raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Studies of different years]. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1975. 504 p.
4. Bovykin, D.Iu., Chudinov, A.V. *Frantsuzskaia revoliutsiia* [French Revolution]. M.: Al'pina non-fikshn: PostNauka, 2020. 468 p. (Serii «Biblioteka Postnauki»)
5. Botkin, V.P. *Pis'ma ob Ispanii* [Letters about Spain]. L.: Nauka, 1976. 344 p.
6. Van Deik, T.A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene, 2000. 308 p.

7. Vasilenko, Iu.V. Genesis karlizma i problemy tipologii ispanskogo konservatizma [The genesis of Carlism and the problems of the typology of Spanish conservatism] // *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*. 2016, № 16 (1). P. 92–111.
8. Vasilenko, Iu. V. Karlizm v Ispanii XIX v.: voina i problemy politiko-ideologicheskoi evoliutsii [Carlism in Spain in the 19th century: war and problems of political and ideological evolution]. // *Sbornik trudov vtoroi vserossiiskoi konferentsii «Problematika voiny v gumanitarnykh naukakh: istoriia i perspektivy issledovaniia»*. SPb.: Aleteiia, 2019. P. 33–44.
9. Vasilenko, Iu.V. Obraz «vruga» v politicheskom diskurse zarozhdaushchegosia ispanskogo konservatizma [The image of the «enemy» in the political discourse of the emerging Spanish conservatism]. // *Antinomii*. 2020, 20(4). S. 82–100. DOI: 10.24411/2686–7206–2020–10405.
10. Vasilenko, Iu.V. Karlizm mezhdru liberalizmom i pravoradikal'nym konservatizmom: kazus Huana III (1861–1868) [Carlism between liberalism and right-wing conservatism: the case of Juan III (1861–1868)]. // *Filosofia. Zhurnal Vysheii shkoly ekonomiki*. 2021. T. 5. № 2. S. 191–209. DOI: 10.17323/2587–8719–2021–2–191–209.
11. Vepreva, I.T. Slovo «revoliutsiia»: sotsiokul'turnye nastroiia i semanticheskie preobrazovaniia [The word «revolution»: socio-cultural sentiments and semantic transformations]. // *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki*. 2007. № 49. Vyp. 13. S. 297–302.
12. Zaïnu'dinov, A.A., Kero, Hervil'ia E. F. Leksikograficheskoe opisanie emotsional'no-otsenochnoi leksiki v russkom i ispanskom iazykakh [Lexicographic description of emotional-evaluative lexicon in Russian and Spanish]. // *Voprosy iazykoznaniiia*. 2019. № 2. S. 96–110. DOI: 10.31857/S0373658X0004304–3.
13. Klemeshev, A.P., Il'in, M.V. Trudnosti perevoda. Sushchestvo problemy [The difficulties of translation. The essence problem]. // *Polis. Politicheskoe issledovaniia*. 2019. № 5. S. 148–166. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.11>.
14. Klushina, N.I. Teoriia ideologem [Ideologem theory]. // *Politicheskaiia lingvistika*. 2014. № 4 (50). S. 54–58.
15. Novikova, E.Iu. Sotsioantropologicheskii podkhod k issledovaniiu politicheskogo diskursa [A socioanthropological approach to political discourse research]. // *Semiotiko-semasiologicheskoe izmerenie politicheskogo diskursa: Kollektivnaia monografiia. M.: Gosudarstvennyi institut russkogo iazyka im. A. S. Pushkina*, 2021. S. 7–26.
16. Protasenko, S.V. Ispanskiï karlizm: ideologiia i praktika [Spanish Carlism: ideology and practice]. // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 6. Filosofii. Kul'turologiia. Politologiia. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniia*. 2008. Vyp. 2. S. 94–99.
17. Radiushkina, A.A., Frolova, Iu.O. Sredstva aktualizatsii oppozitsii «svoi – chuzhie» v inauguratsionnoi rechi Borisa Dzgonsona [Means of actualisation of the opposition «others» in Boris Johnson's inaugural speech]. // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2021. Tom 14. Vypusk 8. S. 2501–2506. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil210368>.
18. Tereshchuk, A.A. Sravnitel'nyi analiz dvukh versii truda barona de los Valles, «Glava iz istorii Karlosa V» [A comparative analysis of two versions of the work of Baron de los Valles, «A Chapter in the History of Carlos V»]. // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. T. 24. № 5. S. 662–668. DOI: 10.21603/2078–8975–2022–24–5–662–668.
19. Tereshchuk, A.A. *Za Boga, Rodinu i Korolia: voenno-politicheskaiia istoriia rannego karlizma* [For God, Country and King: a military and political history of early Carlism]. M.: Izdatel'stvo «Spasskoe delo», 2023. 416 s.
20. Tereshchuk, A.A. Iazykovye osobennosti osveshcheniia Pervoi Karlistskoi voiny v Ispanii rossiiskoi pressoi [Linguistic peculiarities of the coverage of the First Carlist War in Spain by the Russian press]. // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriia Istorii i filologiiia*. 2023. T. 33. № 4. S. 737–745. DOI: 10.35634/2412–9534–2023–33–4–737–745.
21. Timofeev, D.V. Kontsept 'revoliutsiia' v materialakh rossiiskoi periodicheskoi pechati i otsenkakh sovremennikov pervoi chetverti XIX veka: opyt sravnitel'no-kontekstual'nogo analiza [The concept of 'revolution' in the materials of Russian periodicals and assessments of contemporaries of the first quarter of the 19th century: the experience of comparative-contextual analysis]. // *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia*. 2011. № 12 (227). Vyp. 45. S. 131–140.
22. Torkunov, A.V. Izuchaia Velikuiu russkuiu Revoliutsiiu [Studying the Great Russian Revolution]. // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2017. (3(54)):7–15. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071–8160–2017–3–54–7–15>.
23. Frolova, Iu. N. Mozaika baskskogo separatizma [The mosaic of Basque separatism]. // *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2023. № 2 (148). S. 285–298.
24. Agudín Menéndez J. L. Por una historia de la Prensa carlista: Balance historiográfico y perspectivas de futuro // *Aportes: Revista de historia contemporánea*. 2022. № 109. P. 245–281.
25. Agudín Menéndez J. L. El Siglo Futuro en la (re)construcción de la amalgama contrarrevolucionaria (1930–1933): de órgano de la disidencia necedalista a catalizador de la modernización defensiva carlista // *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. 2023. № 26. P. 124–147. DOI: 10.14198/pasado.21548.
26. Agudín Menéndez J. L. «El Siglo Futuro». *Un diario carlista en tiempos republicanos (1931–1936)*. Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2023. 546 p.
27. Albi de la Cuesta J. *El ejército carlista del norte (1833–1839)*. Madrid: Desperta Ferro Ediciones, 2017. 496 p.
28. Alli Aranguren J.C. Los inicios del franquismo en dos obras inéditas del conde de Rodezno // *Huarte de San Juan. Geografía e historia*. 2023. № 30. P. 217–249. DOI: <https://doi.org/10.48035/rhsj-gh.30.11>.
29. Canal J. El carlismo. *Dos siglos de contrarrevolución en España*. Madrid: Alianza Editorial, 2000. 512 p.
30. Canal J. De Barcelona a Buenos Aires (1889–1898): Francisco de Paula Oller, la propaganda carlista y la fundación de El Legitimista Español // *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. 2023. № 26. P. 76–100. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.23676>.
31. Caspistegui F. J. En las trincheras de la prensa carlista: periodismo y militancia en el siglo XX // *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. 2020. № 26. P. 101–123. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.22956>.
32. Chilton, P. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London; New York: Routledge, 2004. 226 p.
33. Correa, N.R. Análisis histórico, jurídico y político del derecho de resistencia // *Revista de la Facultad de Derecho y Ciencias Políticas*. 1981. № 52. P. 146–153.
34. Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J.F. *Historia del Tradicionalismo Español*. 30 tomos. Sevilla: Editorial católica española, 1941–1979.

35. Hibbs–Lissorgues, S. «Sueños nocturnos» y retropiás en el tradicionalismo español // *Pasado y Memoria*. 2021, 23: p. 139–159. DOI: <https://doi.org/10.14198/PASADO2021.23.06>.
36. Lawrence, M. *Spain's First Carlist War, 1833–40*. Basingstoke: Palgrave, 2014. 283 p. doi: 10.1057/9781137401755_3.
37. Lawrence, M. *The Spanish Civil Wars: A Comparative History of the First Carlist War and the Conflict of the 1930s*. London: Bloomsbury, 2017. 264 p.
38. Martinet, A. *Éléments de linguistique générale*. Paris: Armand Colin, 1980. 224 p.
39. Martín Etxebarria G. «Honrar a nuestros héroes muertos». Conmemoraciones públicas, monumentos y memoria de las guerras carlistas // *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. 2023, 26: p. 221–255. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.21888>.
40. Rújula, P. 2023. ¿Opinión pública en el carlismo? La prensa de don Carlos durante la Primera Guerra // *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. № 26. P. 7–31. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.23988>.
41. Saint-Sylvain, L. X. A. Un chapitre de l'histoire de Charles V, par le baron de los Valles, aide-de-camp du Roi d'Espagne, brigadier dans ses armées, chevalier pensionné de l'ordre de Charles III, et chevalier de l'ordre militaire de Saint-Ferdinand de seconde classe, etc., etc. Paris: Chez Dentu, 1835. 390 p.
42. Smirnova, I.V. Concepts People and Power in Russian and Spanish Electoral Discourse // *Philology at MGIMO*. 2021. № 7(3). P. 115–120. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-115-120>.
43. Toledano, L.F. El tradicionalisme polític antiliberal: els carlins catalans // *The Catalan Historical Review*. 2021, 14: P. 179–195.
44. Van Dijk, T.A. What is Political Discourse Analysis? // *Belgian Journal of Linguistics*. 1997. Vol.11. Issue 1. P. 11–52. DOI: <https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij>.
45. Vanegas, I. Revolución: la palabra, el acontecimiento, el hito fundador (Nueva Granada, 1780–1839) // *Bulletin de l'Institut français d'études andines*. 2010. № 39 (1). P. 85–104. DOI: <https://doi.org/10.4000/bifea.2104>.
46. Villoro, L. Sobre el concepto de revolución // *Revista del Centro de Estudios Constitucionales*. 1992. № 11. P. 277–290.
47. Zaratiegui, J. A. Vida y hechos de don Tomás Zumalacárregui, Duque de la Victoria, Conde de Zumalacárregui y Capitán General del Ejército de S. M. don Carlos V por el general del mismo ejército, J. A. Zaratiegui. Paris: Imprenta de Lacour y Comp., 1845. 611 p.

Сведения об авторах:

Терещук Андрей Андреевич – доктор Университета Барселоны (Ph.D.), доцент, кафедра романской филологии, институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт–Петербург). Сфера научных интересов: политическая лингвистика; язык испанского карлизма. E–mail: atereschuk@herzen.spb.ru; san_petersburgo@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-9302>; ResearcherID: R–5417–2019; Scopus Author ID: 57196032112.

Григорченкова Надежда Ильинична – бакалавр, кафедра романской филологии, институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт–Петербург). E–mail: kleopatra18.09@mail.ru
ORCID ID: 0009-0007-9509-4909

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

About the authors:

Andrei A. Tereshchuk – Ph.D., is Associate Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Herzen University (St. Petersburg). Research interests: political linguistics; language of Spanish Carlism.. E–mail: atereschuk@herzen.spb.ru; san_petersburgo@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-9302>; ResearcherID: R–5417–2019; Scopus Author ID: 57196032112

Nadezhda I. Grigorchenkova is Bachelor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Herzen University (St. Petersburg). E–mail: kleopatra18.09@mail.ru
ORCID ID: 0009-0007-9509-4909

The authors declare that there is no conflict of interest.

* * *

ONTOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL BASIS OF CAUSAL STATUS OF ETHNOPSYCHOLOGICAL IDIOSYNCRASY IN TRANSLATION/INTERPRETATION

Valery A. Iovenko

MGIMO UNIVERSITY
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The causal status of the phenomenon of ethnopsychological idiosyncrasy is considered in the article in relation to the process of translation in the format of activity ontology.

In translation studies, activity ontology uses not only comparison of idiomatic units and structures, but also, for research purposes, draws on textual, cultural, psychological, philosophical, pragmatic, cognitive and other aspects and phenomena which underlie translation process as a unique manifestation of interlingual and intercultural mediation. The activity paradigm opened up new prospects for studying fundamental problems of the translation theory. Among these problems are factors (determinants) of an adequate translation that are prerequisites of a translator's work.

Ethnopsychological idiosyncrasy, the concepts *world picture* and closely connected *world idiomatic picture* are considered from philosophical, and linguistic perspectives as well as from the point of view of translation theory.

The article proves the causal status of ethnopsychological idiosyncrasy as one of the most important factors determining translation activity. In order not to "lose yourself" in the idiomatic picture of the target language, which is *conditio sine qua non* for an adequate translation, translators should possess professional skills to overcome conceptual stereotypes and peculiarities of the ethnic and psychological idiosyncrasy in the source language. If it doesn't happen, translations are perceived as not quite natural and therefore are not fully adequate.

The differences in ethnic and psychological peculiarities in the communities, which enter into bilingual communication, form an ethnic and psychological differential, which should be neutralized during translation.

The author established certain manifestations of the Spanish ethnic and psychological idiosyncrasy relevant for the translator's communicative activity in the Spanish-Russian idiomatic combination.

Keywords: translation, activity ontology, causality, factors of adequate translation, ethnopsychological idiosyncrasy, the Spanish language

For citation: Iovenko Valery A. (2024). Ontological and philosophical basis of the causal status of ethnopsychological idiosyncrasy in translation/interpretation. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(2), pp. 112–124. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-112-124>

BASES ONTOLÓGICAS Y FILOSÓFICAS DEL ESTATUS CAUSAL DE LA IDIOSINCRASIA ÉTNICA Y PSICOLÓGICA EN LA TRADUCCIÓN/INTERPRETACIÓN

Valery A. Iovenko

MGIMO UNIVERSITY

76, Prospect Vernádskogo, Moscú, 119454, Rusia

Sinopsis. El artículo examina el estatus de causa y efecto del fenómeno *idiosincrasia étnica y psicológica* a la luz del proceso de la traducción e interpretación en el formato de la ontología de actividades. En la ciencia de la traducción e interpretación la ontología de actividades usa no sólo la comparación de las unidades y estructuras de dos lenguas, sino atrae para objetivos científicos entes y fenómenos textuales, culturales, psicológicos, filosóficos, pragmáticos, cognitivos y de otra índole que constituyen fundamento del proceso de la traducción e interpretación como modalidad única de la mediación interlingual e intercultural. El paradigma de actividades abrió nuevas posibilidades para estudiar los problemas fundamentales de la teoría de la traducción e interpretación, entre los cuales figuran los factores (determinantes) de la traducción e interpretación adecuada que condicionan el trabajo de los traductores e intérpretes.

El autor expone los puntos de vista de los filósofos, lingüistas, teóricos de la traducción e interpretación sobre la esencia de la idiosincrasia étnica y psicológica, así como los conceptos *cuadro del mundo* y *cuadro idiomático del mundo* que están vinculados a ésta.

Se prueba el potencial causal de la idiosincrasia étnica y psicológica en calidad de uno de los factores más significativos en la determinación traduccional. La destreza profesional de los traductores e intérpretes para vencer estereotipos conceptuales y particularidades etnoculturales de la comunicación en lengua de partida a fin de “encontrarse” en el cuadro idiomático del mundo de los que hablan en lengua de destino, emerge como *conditio sine qua non* a la hora de crear textos de traducción e interpretación adecuada. Los textos de traducción los cuales hacen caso omiso de las peculiaridades etnopsicológicas de lengua de destino son percibidos por sus recipientes poco naturales y no pueden considerarse adecuados plenamente.

Las diferencias en las idiosincrasias étnicas y psicológicas entre diferentes comunidades en contacto traduccional forman el diferencial etnopsicológico a ser neutralizado en el proceso de traducción e interpretación.

El autor fijó varias manifestaciones de la idiosincrasia etnopsicológica española que son relevantes para las actividades comunicativas de los traductores e intérpretes en combinación idiomática Ruso-Española.

Palabras clave: traducción e interpretación, ontología de actividades, causalidad, factores de traducción e interpretación adecuada, idiosincrasia étnica y psicológica, lengua española

Para citaciones: Iovenko Valery A. (2024). Bases ontológicas y filosóficas del estatus causal de la idiosincrasia étnica y psicológica en la traducción/interpretación. *Linguistics & Polyglot Studies*. 10(2), P. 112–124. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-112-124>

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КАУЗАЛЬНОГО СТАТУСА ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИДИОСИНКРАЗИИ В ПЕРЕВОДЕ

В.А. Иовенко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Рассматривается причинно-следственный статус феномена этнопсихологическая идиосинкразия в преломлении к процессу перевода в формате деятельностной онтологии.

В науке о переводе деятельностная научная онтология использует не только сопоставление единиц и структур двух языков, но и привлекает в исследовательских целях текстовые, культурные, психологические, философские, прагматические, когнитивные и другие сущности и явления, лежащие в основе процесса перевода как уникального вида межъязыкового и межкультурного посредничества. Деятельностная парадигма открыла новые возможности для изучения фундаментальных проблем теории перевода, среди которых – факторы (детерминанты) адекватного перевода, обуславливающие работу переводчиков.

Излагаются взгляды философов, лингвистов, теоретиков перевода на сущность этнопсихологической идиосинкразии, связанные с ней концепты *картина мира* и *языковая картина мира*. Доказывается каузальный потенциал этнопсихологической идиосинкразии как одного из существенных факторов детерминации переводческой деятельности.

Профессиональное умение переводчиков преодолевать понятийные стереотипы и учёт этнопсихологических особенностей коммуникации на исходном языке, чтобы «оказаться» в языковой картине мира носителей переводящего языка, выступает *conditio sine qua non* создания текстов адекватного перевода. Переводные тексты, в которых не учтены этнопсихологические особенности переводящего языка, воспринимаются его получателями не вполне естественными и не могут рассматриваться полностью адекватными.

Различия этнопсихологических идиосинкразий в общностях, вступающих в переводческую коммуникацию, формируют этнопсихологический дифференциал, который подлежит нейтрализации в процессе перевода.

Автор приводит примеры проявлений испанской этнопсихологической идиосинкразии, релевантных для коммуникативной деятельности переводчиков в испанско-русской языковой комбинации.

Ключевые слова: перевод, деятельностная онтология, каузальность, факторы адекватного перевода, этнопсихологическая идиосинкразия, испанский язык

Для цитирования: Иовенко В.А. (2024). Онтологические и философские основания каузального статуса этнопсихологической идиосинкразии в переводе. *Филологические науки в МГИМО*. 10(2), С. 112–124. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-112-124>

Introducción

La ciencia de la traducción e interpretación al surgir hace setenta años, a principios de los cincuenta del siglo pasado, alcanzó éxitos impresionantes. Logró levantar la cortina de misterio encima de las actividades intelectuales de los traductores e intérpretes encubierta ante los investigadores.

Los científicos dieron respuestas a muchas preguntas que formulaban los traductores e intérpretes, tales como: esencia de la traducción e interpretación, sus modalidades y variedades, estructura de actividades traduccionales, unidades de traducción e interpretación, concepto de invariante, fronteras/límites en traducción e interpretación como la especie más importante de la mediación interlingual e intercultural, adecuación y equivalencia, tipos de transformaciones.

Los teóricos de la traducción e interpretación penetraron en otra esfera central suya que es causalidad de las decisiones que toman y acciones que emprenden los traductores e intérpretes. Fueron reveladas relaciones de causa y efecto que siempre surgen en el proceso de la traducción e interpretación entre el remitente del texto de partida, texto en la lengua de partida, traductor o intérprete, texto en la lengua de destino [8], [11], [20], [22]. Se establecieron diez entes y fenómenos (factores determinantes) que condicionan las actividades comunicativas de los traductores e intérpretes eligiendo variantes de los textos de traducción adecuada [5, c. 27-32].

Causalidad traduccional en la ontología de actividades

Los teóricos de la traducción e interpretación se dieron cuenta de las dificultades en el proceso de traducir e interpretar, su carácter multifacético, importancia de estudiar aspectos no sólo lingüísticos, sino también textuales, culturales, étnicos, psicológicos, filosóficos, pragmáticos, cognitivos igual que otros fenómenos que constituyen los fundamentos del proceso de traducción e interpretación como modalidad única de actividades discursivas. Cuanto queda dicho, condicionó a principios de los años 80 el relevo del paradigma científico en la ciencia de traducción e interpretación.

Fue precisamente en aquel entonces cuando la ciencia de traducción e interpretación pasó de la ontología de comparación y substitución que se cimentó en el reconocimiento de que era necesario atraer sólo las unidades y estructuras idiomáticas, a la ontología de actividades. Ésta aborda el proceso de traducción e interpretación como modalidad peculiar de las actividades bilingües discursivas e incluye en órbita de investigaciones científicas, además de fenómenos lingüísticos, otros aspectos que revisten no menor importancia para los estudios mencionados [7]. El enfoque innovador amplió horizontes de las investigaciones traductológicas.

Sin embargo, durante los últimos 20-25 años la ciencia mundial de la traducción e interpretación ha entrado en la etapa bastante crítica de su desarrollo. Parece paradójico, pero tal situación se debe a la cantidad extraordinaria de obras científicas dedicadas a diversos aspectos de la traducción e interpretación en las cuales han sido estudiadas esmeradamente muchas cuestiones de la teoría general y teorías particulares de la traducción e interpretación. “...el concepto de traducción se ha ido quedando vacío de contenidos y muerto por sobresaturación” – afirmó, no sin razón, a finales de los años 90 del siglo XX Julio Cesar Santoyo, conocido científico español [cit. 12, p. 9].

Los sentimientos “pesimistas” entre los teóricos de la traducción e interpretación aparecieron en el espacio investigador donde en calidad de material empírico figuraron fuentes inglesas, francesas, alemanas, españolas y rusas, o sea recursos de lenguas europeas principales, mientras que las lenguas europeas minoritarias y muchas lenguas orientales esperan todavía su asimilación como objeto de estudios traductológicos.

La sobresaturación conceptual en la ciencia de la traducción e interpretación puede ser explicada por el hecho de que las teorías y concepciones de las actividades en esta esfera fueron elaboradas exclusivamente a base de las ideas hipotéticas de los científicos de qué puede suceder en las cabezas de los traductores e intérpretes en el momento mismo de crear textos de traducción e interpretación. El trabajo intelectual de los traductores e intérpretes se asemeja al proceso que tiene lugar en una “caja negra” misteriosa.

Los sabios, a pesar de realizar un trabajo colosal persiguiendo el objetivo de asimilar el material empírico acumulado y entenderlo, se vieron obligados a detenerse frente a las portezuelas de la “caja negra” entreabiertas por ellos, en el cual nadie ha podido hasta hoy en día penetrar plenamente. Si en futuro próximo logramos abrir estas portezuelas de par en par aparecerían posibilidades objetivas e ilimitadas para hacer nuevos descubrimientos científicos.

Otra causa de cierta desolación que observamos en la ciencia de traducción e interpretación la vemos en que la praxis traductológica que antecede a la formación y al desarrollo de esta ciencia no deja de formular nuevos problemas, a veces difíciles a resolver. No obstante, dichos problemas no encuentran explicación científica en el marco de las teorías existentes. En esta relación opinamos que en la etapa actual de cono- cimientos científicos se percibe la necesidad de precisar algunas tesis teóricas que podrían obtener nueva argumentación. Cuanto queda dicho, atribuirá impulso adicional a los estudios en el campo de la traducción e interpretación permitiendo dar respuesta a las preguntas que siempre hacen los traductores e intérpretes profesionales.

Estando de acuerdo en general con la afirmación arriba mencionada de nuestro colega granadino, hace falta, sin embargo, destacar que en la ciencia de traducción e interpretación existen, desde hace mucho, problemas fundamentales que requieren que se precisen y se revisen bases metodológicas y conceptuales de su solución. Entre tales problemas figuran los factores de la traducción e interpretación adecuada y los determinantes de las actividades comunicativas de los traductores e intérpretes en el formato de las mundivisiones nacionales y culturales cuyo integrante inalienable es idiosincrasia etnopsicológica de la comunicación discursiva.

Los estudios insuficientes en general de la problemática vinculada a la mundividencia nacional y cultural en la traducción e interpretación se debe a que en los años 60-80, cuando se observó el florecimiento inaudito del pensamiento traductológico en Europa, Estados Unidos, Canadá, Unión Soviética, no se han madurado todavía las premisas para que surgieran nuevas representaciones ontológicas en la traducción e interpretación basadas, ante todo, en el enfoque, cuyo cimiento sean actividades, hacia el análisis de hechos y fenómenos en el proceso traductológico y su resultado, texto de destino.

Entre tanto, el formato de actividades en las investigaciones traductológicas quita prohibiciones y filtros conceptuales de carácter extralingüístico que existían implícitamente en las primeras obras teóricas. Los científicos que trabajan en el paradigma contemporáneo se encuentran en campo ilimitado de condicionalidades extralingüísticas que influyen en tomar decisiones y emprender acciones por parte de traductores e intérpretes. Allí se hace más elevado inconmensurablemente el potencial explicativo de la teoría de traducción e interpretación.

Los teóricos de la traducción e interpretación se hallaron en los años 60-70 del siglo pasado en el cautiverio del paradigma de comparación y transformación (substitución), que era lingüística en su esencia. El rasgo distintivo de las obras realizadas en este paradigma e incluso de varias investigaciones comunicativas y funcionales que sustituyeron al primer paradigma, consistió en la desobjetivización de las actividades comunicativas de traductores e intérpretes. Estos últimos se asemejaron a una persona que manipulaba las unidades de texto de partida y no hacía más que sustituía estas unidades colocando en vez de ellas correspondencias interidiomáticas. Los traductores e intérpretes en el transcurso de semejante transformación del texto de partida en el texto de destino se privaron de su papel fundamental de autor, o mejor dicho, de co-autor del nuevo texto, o sea texto de traducción en la lengua de destino.

La exclusión de los traductores e intérpretes como sujetos activos fuera de los marcos del proceso traductológico y la limitación de sus actividades a los contactos entre dos lenguas tergiversa el estatus ontológico de dicho acto y no incluye en el sistema de factores determinantes a los traductores e intérpretes y sus actividades comunicativas que persiguen el objetivo de engendrar un nuevo texto. Mientras tanto, no “están en contacto” los sistemas y estructuras de las lenguas, sino sus usuarios a los cuales les son propios ciertas tradiciones culturales, valores, habilidades, costumbres psicológicas.

La escasez metodológica del paradigma transformativo no puede menos que revelarse a la hora de estudiar el aspecto causal. Atención especial que prestamos a los nexos de causa y efecto que surgen en la traducción e interpretación se debe al hecho de que el estatus causal incondicional lo posee la idiosin-

crasia étnica y psicológica de cada comunidad lingüística como una de las manifestaciones del fenómeno más amplio, hablando conceptualmente, que es *mundivisión nacional y cultural*.

En los marcos del paradigma lingüístico los estudios de los nexos de causa y efecto se extienden, sobre todo, a las divergencias interidiomáticas limitándose a la descripción de factores aislados y causas de transformaciones. Los factores determinantes no se examinan como un sistema complejo. Las labores de traductores e intérpretes se reducen a la búsqueda de las correspondencias interidiomáticas y su inserción en los textos de destino. Por eso, la ontología transformativa en nuestra ciencia dispone de potencial explicativo inferior que el paradigma de actividades.

Ello no menoscaba, ni mucho menos, todo lo hecho en el período anterior, más aun que muchas ideas y conclusiones de célebres teóricos de la traducción e interpretación contribuyeron, en gran medida, a la apertura en la segunda mitad de los años 80 de una nueva y más fructífera etapa en el desarrollo de la ciencia traductológica. Esta etapa queda vinculada a la ontología de actividades.

El paradigma de actividades está basado en la idea de que el proceso de traducción e interpretación crea (engendra) un texto en lengua de destino, y el sentido intencional del texto de partida se materializa en nuevo texto, en su unidad de forma y contenido, en nuevas condiciones *comunicativas, culturoológicas* (subrayado por nosotros – V.I.) e idiomáticas [7, p. 61].

El trabajo permanente que efectúan los traductores e intérpretes en el empalme de dos culturas, dos etnias y dos psicologías: nacionales va condicionado por el hecho de que diferentes pueblos contemplan el mundo de modo heterogéneo, y las lenguas reflejan estas distintas mundivisiones. Es imposible abandonar totalmente el cautiverio de la lengua materna, pero es posible e importante lanzar mirada a otro mundo estudiando lenguas extranjeras [19, p. 65, 67]. En este contexto, no se puede menos que convenir en la opinión de S.G. Ter-Minásova conforme a la cual vemos y apreciamos la realidad de diferente manera, en función de la cultura. La lengua materna juega aquí un papel decisivo imponiéndonos la percepción del mundo que se formó históricamente bajo la influencia de variados factores. Tanto más valiosos son nuestros conocimientos sobre la cultura de nuestros socios en la mediación interidiomática, sus tradiciones y normas de comportamiento, sistema de valores, carácter nacional y procedimientos de mundipercepción.

Idiosincrasia etnopsicológica a través de ojos de filósofos, lingüistas, teóricos de la traducción e interpretación

La idea de las particularidades nacionales, étnicas y psicológicas de las lenguas la pronunciaron por primera vez a principios del siglo XIX los filósofos y lingüistas alemanes Fridrich Shelling y Wilhelm von Humboldt. Desde su óptica, igual que a juicio de sus seguidores y ante todo Leo Waisgerber, la mundivisión peculiar y el espíritu del hablante existen en ligazón estrecha con la idiosincrasia étnica de la lengua materna. “Cada lengua en sus contenidos, - afirmaba W. von Humboldt, - posee su propio cuadro de mundo, un cosmos inherente de nociones y formas de pensamiento. La lengua no es sólo medio de comunicación, sino es expresión del espíritu y la mundivisión del que habla” [cit.: 16, p. 27].

W. von Humboldt opinó que “toda lengua describe alrededor de la nación a la cual pertenece un círculo; la lengua puede abandonarlo pero a condición de entrar en seguida en un círculo de otra lengua. El aprendizaje de una lengua foránea constituye la adquisición de nuevo punto de vista en la mundivisión que había existido antes ya que cada lengua contiene todo el tejido de nociones y procedimientos de representar una parte de la humanidad” [cit.: 17, p. 16].

Es imposible entender el cuadro de mundo sin referirse al lenguaje: el cuadro de mundo lo engendra la conciencia que lo hace realidad utilizando lengua como mediadora. En este sentido se puede afirmar que el espacio iberoamericano de lengua española está correlacionado con caracteres nacionales de sus hablantes – españoles y latinoamericanos. De un lado, la mundivisión que es formada por la conciencia queda fijada en la lengua. De otro lado, la lengua misma, en cierto grado, “impone” a la comunidad idiomática tal o cual mundivisión participando en formar nuestra percepción del mundo.

Cada integridad nacional - pueblo, país, cultura – posee su propia concepción de mundo, escala única de valores [3, p. 15]. Es por eso que a los traductores e intérpretes les conviene introducir enmiendas teniendo en cuenta diferentes sistemas nacionales y culturales, es decir ellos no han de pasar por alto el

hecho de que los representantes de otro pueblo perciben la realidad que nos rodea de manera un poco distinta que los que hablan en lengua materna.

Ante lector que se halla dentro de su cultura no surge la cuestión de cómo interpretar un problema concreto que tiene razones nacionales y culturales. En cambio, forester o persona de otra época histórica necesita explicaciones especiales [10, p. 387]

“A través de la diversidad de las lenguas, - dijo antaño W. von Humboldt, - se nos abre la riqueza del mundo y la diversidad de lo que nos enteramos de este mundo; el ser humano se hace para nosotros más amplio ya que las lenguas nos dan en rasgos eficaces y claros procedimientos de pensamiento y percepción heterogéneos”. Vladimir Nabókov contestando a la pregunta “¿cómo se siente al pasar del ruso al inglés y viceversa”, dijo que él abría nuevo mundo y experimentaba felicidad intelectual [19, p. 48].

No se puede menos que mencionar la opinión casi unánime de los filósofos y lingüistas en lo que se refiere a la influencia mutua de la lengua y el “espíritu” de la nación. Éste último, conforme a W. von Humboldt, impone su sello a la lengua, la cual, a su vez, deja su huella en el “espíritu” de la nación con tal de que cada lengua lleva indicios de la idiosincrasia de la nación [cit. 16, p. 41-42].

Los valores y tradiciones culturales comunes del pueblo están ligados por ciertos rasgos comunes de la mentalidad. Las particularidades nacionales, culturales y psicológicas del pensamiento y la reflexión de la realidad que motivan diferentes apreciaciones de parte de distintas comunidades idiomáticas de las situaciones incluso similares, forman, entre otros factores, la mentalidad idiomática del pueblo [15], [18].

El camino desde la realidad extralingüística hacia la noción y después a la expresión en palabras no es igual para diferentes pueblos lo que se debe a razones históricas y condiciones de vida de estos pueblos. Respectivamente, llegan a ser diferentes los cuadros idiomáticos de mundo. Son justamente lenguas las que verbalizan el cuadro nacional y cultural de mundo, lo guardan y transmiten de una generación a la otra. A la hora de asimilar una lengua extranjera, el hombre asimila, a la vez, mundo ajeno como si transpusiera en su conciencia nociones de otra cultura y otro mundo [19, p. 24-25].

A juicio de Yu. D. Apresján, “el cuadro idiomático de mundo refleja un modo especial de la mundividencia propio de dicha lengua y que es importante para esta lengua desde el punto de vista cultural y que lo distingue de otras lenguas” [21, p. 35].

Los cuadros idiomáticos del mundo y las mentalidades discursivas e idiomáticas peculiares [4] de diferentes pueblos se forman mediante particularidades de pensamiento y concepción del mundo, especificidad de su reflejo y “fragmentación” en variadas culturas y lenguas. Se manifiestan en textos en lenguas extranjeras que tienen tinte nacional y pasan de la raya de norma discursiva en lengua materna (*¡pero sólo desde el punto de vista de los que hablan en lengua materna!*).

Los cimientos de la mundividencia nacional los constituyen estructuras cognitivas que reflejan la comunidad de la lógica pensativa. La lengua, en cierto grado, “constreña” a usar procedimientos determinados cuando uno percibe la realidad. A pesar de que las regularidades lógicas de pensamiento crean aspecto universal de las lenguas, éstas no se realizan, ni mucho menos, en estructuras idiomáticas análogas.

La idea de la determinación nacional y psicológica de las actividades discursivas, así como de la existencia de particularidades étnicas en percibir el mundo y representarlo en lengua fue formulada por G. Gáchev como “imagen nacional de mundo” [3].

Cada lengua “desmiembra” de diferente modo el mundo que nos rodea. También se diferencian procedimientos de su percepción los cuales se refractan a través de pensamiento. Es justamente por esta razón que a cada comunidad lingüística le son propios su concepción de mundo nacional y procedimientos especiales de nominación o, conforme a E. Sapir, “misterio recóndito de cada lengua para técnicas formales de efectuar función semántica” [cit.: 16, p. 103]. Esta circunstancia se refleja no sólo en significados de palabras y expresiones, sino también en modelos de representación figurada de mundo [3, p. 44; 20].

A la hora de investigar el aspecto etnopsicológico de la comunicación bilingüe sigue vigente la idea de W. von Humboldt y sus seguidores de que “no existe el medio más seguro para tener conciencia de la forma interna de su propia lengua que trasladarse por completo al mundo de otra lengua a fin de revelar el cuadro de mundo individual de esta otra lengua mediante la *comparación* (subrayado por nosotros. – V.I.) con otras lenguas” [16, p. 10; 9].

El aprendizaje de una lengua extranjera permite descubrir peculiaridades culturales de los que hablan en dicha lengua. Y, al contrario, familiarizándose con la cultura de otra comunidad lingüística es posible, en cierto grado, explicar particularidades de la lengua en que ellos hablan. Los conceptos que son formados por distintas lenguas no coinciden totalmente, por eso en el proceso de aprender lenguas extranjeras el hombre “se hunde” en mundos conceptuales heterogéneos.

“Cada lengua que aprendemos, - destacaba G. von der Gabelents, filólogo alemán, - nos abre nuevo mundo. En realidad, es el mismo mundo viejo que vemos, pero lo contemplamos con otros ojos, en otro alumbramiento” [cit. 16, p. 50].

De un testimonio elocuente de las divergencias conceptuales que surgen en diferentes lenguas cuando se nombran objetos y fenómenos, sirven, en particular, palabras motivadas: *campanilla de las nieves* (en español), *подснежник* (“que está bajo nieve” – en ruso), *snowdrop* (“gota de nieve” – en inglés), *perce-neige* (“que perfora la nieve” – en francés), *bucaneve* (“hoyo de nieve” – en italiano), *floco de neve* (“copo de nieve”) o *campânula branca* (“campanilla blanca” – en portugués), *schneeglöcken* – (“campanilla de nieve” – en alemán).

Factor etnopsicológico en la comunicación bilingual

La traducción e interpretación siendo mediación interidiomática e intercultural emerge como herramienta de la comunicación entre lenguas y culturas cuando tiene lugar la interacción de los sujetos que pertenecen a distintas etnias nacionales. En la comunicación bilingual se manifiestan particularidades de las mundivisiones nacionales y culturales de diferentes pueblos.

La traducción e interpretación son adecuadas cuando los portadores de distintas lenguas y culturas no sólo se dan cuenta de que ellos son “otros”, sino que saben, entienden y perciben con tolerancia “lo ajeno” de sus socios en la comunicación bilingual, así como la idiosincrasia nacional de sus cuadros de mundo conceptual e idiomático. “Ver y comprender al autor de la obra, – dijo M.M. Bajtín, – significa ver y comprender otra, ajena conciencia y su mundo, o sea otro sujeto” [2, p. 259-268].

La lengua nacional, en cierta medida, forma la especificidad espiritual del pueblo y su psicología colectiva. En esta relación se impone la conclusión de que el carácter nacional también puede ser descubierto a través de la lengua. ¿De qué modo los rasgos más notables de nociones que son captadas con dificultad y a las que se refieren el carácter, psicología y cultura nacionales se reflejan en lengua concreta? Y, viceversa: ¿qué particularidades de la mentalidad nacional, rasgos típicos y únicos del pueblo, o “estereotipos etnoculturales” [19, p. 43], reflejan las características más vivas, específicas de una lengua?

Así, por ejemplo, muchos peritos rusos y extranjeros hablando de los españoles dicen que existe “una manera peculiar española de ser”, “incomparabilidad panespañola”, “mundo único hispano”. Cierta regularidad que es inherente sólo a los habitantes de España obliga a los españoles a percibir en clave definida cualesquiera sucesos actuando de otra manera que procederían en su lugar representantes de otros pueblos [1].

Entre particularidades importantes de la conciencia colectiva española figura su respeto para con hitos históricos: los acontecimientos importantes de presente se valoran normalmente mediante el prisma de lo que sucedió hace mucho [6, p. 4-6].

El fundamento de la psicología nacional española lo constituye el dualismo, contradictorio a primera vista, de individualismo y sociabilidad emocional de los españoles [9, p. 9, 15]. Se destacan otras facetas de la idiosincrasia etnopsicológica de los habitantes de España, a saber: la ociosidad, lozanía, fuerza expresiva de sentimientos, temperamento, duende [1].

Duende, uno de los conceptos principales y misteriosos de la mundivisión nacional y cultural española, es percibido por todos los españoles, sin embargo muy pocos son capaces de explicar su esencia. *Duende* es “fuego, pasión, espíritu místico, fuerza mágica sin la cual se hace imposible el arte verdadero. *Duende* reconcilia la vida con la muerte transformándola en un instante bello cuya longitud es eternidad. La poesía de Federico García Lorca, aguafuertes de Francisco Goya, flamenco, cante hondo, corrida de toros – el arte es reinado por *duende*, desenfrenado y solitario” [23, p. 131].

Los peritos en la esfera de la psicología nacional española opinan, y no sin razón, que los españoles “buscan felicidad en ellos mismos y en la naturaleza – en el sol y en el carácter mesurado natural. Para un español la felicidad tiene más importancia que el dinero» [9, p. 18].

José Ortega-y-Gasset indicó que los españoles no imaginan su vida sin trato continuo, manifiestan vivamente sus sentimientos, siempre están dispuestos para acudir en ayuda. No les interesan acción ni trabajo, sino ímpetu, hazaña, fiesta. Perciben la vida con pasión, tensión, éxtasis [14, p. 133, 134, 186, 211]. Acaso ¿serían estas cualidades de carácter y psicología nacionales españolas las que explican muchos rasgos específicos de la misma lengua castellana?

En este contexto conviene afirmar que existen modelos de mundivisión español y ruso, cuadros idiomáticos de mundo español y ruso, igual que idiosincrasias etnopsicológicas española y rusa. Los fenómenos señalados se fijan no sólo en unidades y estructuras idiomáticas aisladas, ante todo, en área léxico-semántica, pero, más bien, en formaciones discursivas y textos en ambas lenguas.

Por ejemplo, los rusos podemos ver la imagen de mundo español como si usáramos ojos de los españoles, pero para lograrlo los rusos hemos de “adquirir” vista adicional franqueando el umbral de nuestra propia conciencia discursiva e idiomática [3, p. 45], puesto que a cada cuadro nacional de mundo está vinculado su propio procedimiento de mundivisión. Uno de sus génesis es especificidad de carácter y psicología nacionales.

El dominio idiomático de una lengua extranjera y la traducción e interpretación adecuada suponen no sólo vencer procedimientos de percibir el mundo que “son impuestos” por la lengua materna, sino también apoderarse de los medios para interpretación foránea del mundo. Las divergencias entre conciencias idiomáticas de los que hablan en lenguas que entran en “relaciones traductológicas” se deben también a las tradiciones de seleccionar tales o cuales elementos de situación que “se verbalizan”, es decir al conjunto de componentes conceptuales del acto discursivo-mental [15, p. 120-121].

Las particularidades de percepción y nominación nacionales que existen en cada lengua en el empalme de estructuras cognitivas, idiomáticas, discursivas, socioculturales de las actividades discursivo-mentales forman en el proceso de traducción e interpretación el componente etnodiscursivo de la comunicación bilingüe. La determinación etnodiscursiva de las decisiones que toman traductores e intérpretes se pone en acción con mayor frecuencia a la hora de traducir textos literarios y mediáticos disponiendo a veces de grado bastante alto de ser actualizada.

Idiosincrasia étnica y psicológica española y su relevancia en la traducción/interpretación

Una de las manifestaciones del determinante etnopsicológico en la traducción e interpretación son normas estilísticas que se diferencian en las lenguas de partida y de destino. Traduciendo al ruso, los traductores e intérpretes, a menudo, se ven obligados a hacer bajar (¡pero dentro de límites razonables!) el “registro” tradicionalmente elevado del texto español. La descripción excesivamente solemne lo cual resulta típico para discursos orales y escritos en español se someterá a la “simplificación” a la hora de traducir al ruso. Las sustituciones quitan grandilocuencia que suelen emplear autores españoles en situaciones neutras comunicativamente. El *conditio sine qua non* para introducir semejantes sustituciones en texto ruso radica en mantener invariables el sentido del texto de partida y sus connotaciones expresivas. A título de ejemplo, ofrecemos la traducción de fragmento de intervención del presidente de un colegio electoral en un país centroamericano quien usó vocablos ampulosos:

Aún queda una hora y como en nuestro país las sorpresas son la regla y no la excepción, es mejor no dar a ningún rival por vencido hasta que termine el último asalto. - *Ещё остаётся один час и, поскольку в нашей стране сюрпризы — правило, нежели исключение, лучше не объявлять о поражении любого кандидата до тех пор, пока не будут закрыты избирательные участки и подсчитаны все бюллетени.*

Resulta importante para la idiosincrasia étnica y psicológica el funcionamiento inesperado (¡pero que es así sólo para lectores rusos!) en el discurso político de las palabras castellanas inspiradas en aroma cultural e histórico entre las cuales se distinguen *abanico* y *café*:

*Giovanni Grevi, analista del think tank Fride, opina que van a aplicar las reformas necesarias e inevitables ampliando el **abanico de responsabilidades** de los ejecutivos de primera línea. – Аналитик консультационно-исследовательского центра Фрайд полагает, что им неизбежно придётся пойти на необходимые реформы, расширив **круг ответственности** топ-менеджеров.*

Famosa “cafemanía” española y latinoamericana y la misma ceremonia cafetalera impregnaron tanto *modus vivendi* de los habitantes de España y estados de Latinoamérica que incluso los autores de textos socio-políticos y mediáticos recurren con frecuencia a la mención original del café en contexto de un comentario evaluativo a raíz de acontecimientos políticos:

*La cima iberoamericana que tuvo como su escenario la capital dominicana ha resultado ser una **entrevista descafeinada**. – Саммит, состоявшийся в столице Доминиканской Республики, оказался **бесцветной встречей**.*

La tendencia de la lengua española hacia el enfocamiento personalista describiendo acontecimientos lleva a que varios verbos los cuales suponen combinación semántica con sujeto – persona (*protagonizar, apadrinar, aplaudir, abrazar*), pueden combinarse en el discurso político con nombres semánticamente opuestos. De tal modo se crea efecto comunicativo expresivo el que no siempre se logra guardar en texto de destino debido a restricciones que son impuestas por el componente etnopsicológico de la mundivisión nacional y cultural del cuadro de mundo en la lengua de destino. Aquí el papel peculiar lo desempeña el sustantivo *idea*, el cual “es atraído” por los verbos *aplaudir, abrazar*:

*El Partido del Gobierno español **aplaudió la idea** de que el FMI y la OIT aborden nuevos cauces para solucionar el desempleo. – Правящая в Испании партия **поддержала идею** о том, чтобы МВФ и МОТ нашли новые пути для решения проблемы безработицы.*

*Pero esa noche acusó a su amigo de **abrazar la idea** nacionalista de una manera demasiado exaltada, poco racional, casi fanática – Но тем вечером он обвинил своего друга в том, что тот **защищал** националистическую **идею** слишком эмоционально, недостаточно рационально, почти фанатически.*

De esta manera, la combinación semánticamente contrastiva de los verbos y sustantivos con significación de actividad los cuales no son combinados en contextos ordinarios “verbo – sustantivo” engendra, entre otros fenómenos, la idiosincrasia etnopsicológica discursiva española. Su esencia consiste en asignar indicio animador a los sustantivos que significan actividad cuando éstos se usan con verbos que se combinan tradicionalmente con sustantivos que denotan personas.

Tiene tinte nacional el procedimiento estilístico preferido por periodistas pirenaicos y latinoamericanos que se pone de manifiesto en emplear en el marco del mismo fragmento del texto de varios sinónimos “no ordinarios” para nombrar estado, político, estadista, acontecimiento. El modelo español en desplegar el sentido textual evita repeticiones léxicas monótonas designando referente. Para el habla española no es simple procedimiento estilístico sino condición necesaria para asegurar lo correcto de la organización textual en concordancia con requisitos de la mundivisión nacional y cultural española.

Por consiguiente, a los españoles, a diferencia de los rusos, les es propio mayor grado de ingeniosidad y creatividad en elegir procedimientos para designaciones múltiples del mismo referente dentro de los límites del texto coherente e íntegro.

Los autores de textos publicísticos españoles utilizando continuamente sinonimia léxica y estilística a escala del mismo texto se basan en el nivel incomparable, en contraste con sus colegas rusos, de las presuposiciones y conocimientos enciclopédicos que tienen participantes del espacio mediático español. Cuanto queda dicho, es prueba convincente de riqueza notable y especificidad única de los medios expresivos en el lenguaje mediático y político español.

Sirve de ejemplo fragmento de un artículo publicado en el periódico “El País”. La fantasía idiomática del autor condujo a la sinonimia toponímica en cuatro etapas a escala de una frase no extendida:

*El objetivo principal de las conversaciones que mantendrá en **Irán** el Canciller español con su **homólogo persa** es consolidar relaciones comerciales con **esta república islámica** en víspera de la próxima visita del Presidente del Gobierno español al **país asiático**. – Главная цель переговоров, которые проведёт в **Иране** министр иностранных дел Испании со своим **иранским коллегой**, заключается в укреплении*

торговых отношений с этой страной накануне предстоящего визита в Иран председателя испанского правительства.

La combinación “exótica”, desde el punto de vista de la lengua rusa, entre sustantivos y adjetivos españoles cuyos análogos rusos no pueden combinarse semánticamente, constituye argumento adicional a favor de la opinión compartida por muchos lingüistas de que las normas combinatorias discursivas definen, en particular, idiosincrasia intelectual de lenguas y de sus usuarios. Así que, las potencialidades combinatorias se convierten en uno de los marcadores principales de la idiosincrasia etnopsicológica.

Es difícil no aceptar estas afirmaciones si miremos con ojos de lectores rusos las siguientes expresiones españolas: *arqueológico revólver* – *старинный револьвер*, *aliado estrecho* – *близкий союзник*, *persona monosilábica* – *немногословный человек*, *молчун*, *alegres años del boom del ladrillo* – *благополучные годы строительного бума*.

La incorporación de palabras neutrales semánticamente a los modelos combinatorios no habituales lleva a fenómeno idiomático paradójico – la no combinación figurada que es admisible, sin embargo, en castellano.

La peculiaridad de rasgos étnicos y psicológicos del pueblo se fija también en proverbios, refranes, fraseologismos los cuales emplean en diferentes lenguas distintas imágenes y metáforas [13], [19, p. 90-91]:

Su objetivo es doblegar a Madrid cuyo ministro de Exteriores se mantuvo ayer en sus trece. – *Его цель заключается в том, чтобы сломить сопротивление Мадрида, так как министр иностранных дел Испании вчера продолжал стоять на своём.*

Las dificultades que afrontan traductores e intérpretes a la hora de traducir semejantes giros radican en que es necesario transmitir a la lengua de destino no sólo significado metafórico sino también significado figurado, emocional, nacional y étnico:

estar de brazos cruzados – *бить баклуши*; *como dos y tres son cinco* – *как дважды два – четыре*; *nadar en la abundancia* – *кататься как сыр в масле*.

Las divergencias de concepciones de mundo española y rusa se manifiestan también en la esfera de la metafóricidad:

tratar con pies de plomo y guantes de seda las relaciones bilaterales – *подходить к двусторонним отношениям с большой осмотрительностью и крайне осторожно*, *política de doble rasero* – *политика двойных стандартов*, *alternar el palo y la zanahoria* – *прибегать поочередно к кнуту и прянику*¹.

La importancia de la tendencia adjetivista de la norma discursiva del español queda determinada por el papel único que juegan adjetivos en el cuadro nacional e idiomático del español [5, p. 91-99]. Se trata de la adjetivización casi ilimitada, alta frecuencia del uso, combinación libre al borde de infracción normativa. Debido a esta particularidad de la mundivisión nacional y cultural española que suele adjudicar carácter de indicio a los sujetos, resulta lógico en la traducción e interpretación el estatuto causal de esta tendencia usual:

amenaza golpista – *угроза (государственного) переворота*, *procesos contra la corrupción jorgeblanquista* – *судебные преследования замешанных в коррупции представителей (бывшего президента Доминиканской Республики) Хорхе Бланко*; *descabezar a las fuerzas armadas de sus oficiales torrijistas* (букв. – *отстранить от руководства вооружёнными силами (Панамы) офицеров – сторонников (бывшего президента Панамы) Омара Торрихоса*).

Resultados y conclusiones

La idiosincrasia etnopsicológica de los pueblos hispanohablantes determina, en gran medida, las actividades comunicativas de los traductores e intérpretes encaminadas a elegir variantes de traducción e interpretación adecuada y tomar decisiones óptimas. El proceso de traducción e interpretación va mediado objetivamente por las manifestaciones heterogéneas de las peculiaridades etnopsicológicas de los

¹ Este proverbio tiene otra modalidad en la lengua española: *política de mano dura en guante blanco*.

hablantes en lenguas de partida y de destino, así como por la necesidad de tener en cuenta diferencias mencionadas a la hora de crear textos de destino.

El diferencial de las idiosincrasias etnopsicológicas de las naciones constituye factor importante de la traducción e interpretación adecuada. En calidad de su *conditio sine qua non* emerge habilidad profesional de los traductores e intérpretes de vencer estereotipos conceptuales y tradiciones etnopsicológicas de la comunicación en lengua de partida a fin de “encontrarse” en el cuadro idiomático de mundo de los que hablan en lengua de destino. Los textos de destino donde se hace caso omiso de los parámetros etnopsicológicos de la comunicación en lengua de destino son percibidos por sus destinatarios poco naturales y no pueden considerarse adecuados plenamente.

Las diferencias en manifestaciones etnopsicológicas de distintas comunidades lingüísticas forman el diferencial etnopsicológico que ha de ser neutralizado por traductores e intérpretes en el proceso de traducción e interpretación.

© Иовенко В.А., 2024

Список литературы

1. Астахова Е.В. Испания как метафора / Е.В. Астахова. М.: МГИМО-Университет / Эксмо, 2023. 287 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Гачев Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. М.: Academia, 1998. 430 с.
4. Джиоева А.А. Англосаксонский менталитет сквозь призму английского языка / А.А. Джиоева. М.: изд-во Московского университета, 2014. 152 с.
5. Иовенко В.А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении / В.А. Иовенко. М.: МГИМО-Университет, 2013. 219 с.
6. Кожановский А.Н. Быть испанцем: традиция, самосознание, историческая память / А.Н. Кожановский. М.: Аст: Восток-Запад, 2006. 318 с.
7. Крюков А.Н. Теория перевода / А.Н. Крюков. М.: Военный институт, 1989. 176 с.
8. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания / Л.К. Латышев. М.: Просвещение, 1988. 159 с.
9. Лоней Д. Эти странные испанцы / Д. Лоней. М.: Эгмонт Россия Лтд, 1999. 72 с.
10. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII- начало XIX века) / Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство-СПб, 1994. 400 с.
11. Львовская З.Д. Теоретические проблемы перевода / З.Д. Львовская. М.: Высшая школа, 1985. 232 с.
12. Львовская З.Д. Современные проблемы перевода (перевод с испанского В.А. Иовенко) / З.Д. Львовская. М.: URSS, 2007. 220 с.
13. Мёд Н.Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии / Н.Г. Мёд. СПб: изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 234 с.
14. Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании / Х. Ортега-и-Гассет. Киев: Новый Крут. Пор-Рояль, 1994. 318 с.
15. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания, № 6, 1990. С. 110–122.
16. Радченко О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства / О.А. Радченко. М.: КомКнига, 2006. 312 с.
17. Радченко О.А. Лингвофилософские опыты В. фон Гумбольдта и постгумбольдтианство / О.А. Радченко // Радченко О.А. *Spesulum vitae: от функциональной грамматики к идиоэтнической философии языка*. М.: Тезаурус, 2012. С. 9–62.
18. Степанов Ю.С. Пространства и миры – «новый», «воображаемый», «ментальный» и прочие / Ю.С. Степанов // Философия языка: в границах и вне границ. Том 2. Харьков: Око, 1994. С. 3–18.
19. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур / С.Г. Тер-Минасова. М.: Слово/Slovo, 2008. 344 с.
20. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус. Проблемы. Аспекты / А.Д. Швейцер. М.: Наука, 1988. 216 с.
21. Языковая картина мира и системная лексикография (под ред. Ю.Д.Апресьяна). // Языковая картина мира. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
22. Hlebec V. Factors and steps in translating / V. Hlebec // *Babel*, vol. 35, № 3. 1989. P. 129–141.
23. Larionova M. España, un país con duende / M. Larionova. // Россия – Испания – Иberoамерика. Перекрёстный год сотрудничества. М.: МГИМО-Университет, 2011. С. 131–136.

References

1. Astakhova, E.V. *Ispania kak metaphora* [Spain as a metaphor] / E.V. Astakhova. M.: MGIMO-Universitet/Eksmo, 2023. 287 s.
2. Bakhtin, M.M. *Eestetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity] / M.M. Bakhtin. M.: Iskusstvo, 1986. 445 s.
3. Gachev, G. *Natsionalnie obrazi mira* [National images of the world] / G. Gachev. M.: Academia, 1998. 430 s.
4. Dzhioieva, A.A. *Anglosaksonskiy mentalitet skvoz prizmu angliyskogo iazika* [Anglo-Saxon mentality in the light of English language] / A.A. Dzhioieva. M.: Moscovskiy Universitet, 2014. 152 s.

5. Iovenko, V.A. *Natsionalno-kulturnoie mirovidenie v perevodcheskom izmerenii* [National and cultural world-view in translation dimension] / V.A. Iovenko. M.: MGIMO-Universitet, 2013. 219 s.
6. Kozhanovskiy, A.N. *Bit ispantsem: traditsiia, samosoznanie, istoricheskaiia pamiat* [To be Spaniard: tradition, self-consciousness, historical memory] / A.N. Kozhanovskiy. M.: Ast: Vostok-Zapad, 2006. 318 s.
7. Kriukov, A.N. *Teoriia perevoda* [Theory of translation] / A.N. Kriukov. M.: Voenniy insitut, 1989. 176 s.
8. Latishev, L.K. *Perevod: problem teorii, praktiki i metodiki prepodavaniia* [Translation: problems of theory, practice and teaching methods] / L.K. Latishev. M.: Prosveschenie, 1988. 159 s.
9. Loney, D. *Eti stranye ispantsi* [These strange Spaniards] / D. Loney. M.: Egmont Russia Ltd, 1999. 72 s.
10. Lotman, Yu.M. *Besedi o russkoy culture: bit i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII-nachalo XIX veka)* [Conversations of Russian culture: mode of life and traditions of Russian nobility (XVIII-beginning of XIX century)] / Yu. M. Lotman. Sanct-Petersburg: Iskustvo, 1994. 400 s.
11. Lvovskaya, Z.D. *Teoreticheskie problemy perevoda* [Theoretical problems of translation] / Z.D. Lvovskaya. M.: Visshaia shkola, 1985. 232 s.
12. Lvovskaya, Z.D. *Sovremennye problemi perevoda (perevod s ispanskogo V.A. Iovenko)* [Modern problems of translation (translated by V.A. Iovenko)] / Z.D. Lvovskaia. M.: URSS, 2007. 220 s.
13. Miod, N.G. *Otsenochnaia kartina mira v ispanskoi leksike i frazeologii* [Valuation world picture in Spanish vocabulary and phraseology] / N.G. Miod. Sanct-Petersburg: Sanct-Petersburg state University, 2007. 234 s.
14. Ortega-y-Gasset, J. *Etudi ob Ispanii* [Studies about Spain] / J. Ortega-y-Gasset. Kiev: Noviy Krug. Por-Royal, 1994. 318 s.
15. Pocheptsov, O.G. *Iazikovaia mentalnost: sposob predstavleniia mira* [Linguistic mentality; mode of representation of the world] // Voprosi iazikoznaniia, № 6. O.G. Pocheptsov, 1990. S. 110–112.
16. Radchenko, O.A. *Iazik kak mirosozidanie. Lingvofilosofskaia kontseptsiiia neogumboldtianstva* [Language as creation of the world. Linguistic and philosophical conception of neogumboldtiness] / O.A. Radchenko. M.: KomKniga, 2006. 312 s.
17. Radchenko, O.A. *Lingvofilosofskie opiti V. fon Gumboldt y postgumboldtianstvo* [Linguistic and philosophical experiences of V. fon Gumboldt and postgumboldtiness] // Speculum vitae: from functional grammar to idioethnik philosophy of language / M.: Tezurus / O.A. Radchenko, 2012. S. 9–62.
18. Stepanov, Yu.S. *Prostranstva i miri – “novii”, “voobrazhaemii”, “mentalni” i prochie* [Spaces and world – “new”, “imaginary”, “mental” and others] // Philosophy of language: in boundaries and outside boundaries. Tom 2. / Kharkov: Oko, / Yu. S. Stepanov, 1994. S. 3–18.
19. Ter-Minasova, S.G. *Voina i mir iazikov i kultur* [War and peace of languages and cultures] / S.G. Ter-Minasova. M.: Slovo/Slovo, 2008. 344 s.
20. Shveitser, A.D. *Teoria perevoda. Status. Problemi. Aspekti* [Theory of translation. Status. Problems. Aspects] / A.D. Shveitser. M.: Nauka, 1988. 216 s.
21. *Iazikovaia kartina mira i sistemnaia leksikografiia (red. by Yu.D. Apresian)* [Idiomatic world-view and systems lexicography (red. by Yu.D. Apresian)] // Idiomatic world-view / M.: Languages of Slavic cultures, 2006. 912 s.
22. Hlebec B. Factors and steps in translating / B. Hlebec // Babel, vol. 35, № 3. 1989. P. 129–141.
23. Larionova M. *España, un país con duende* // Rossia – Ispania – Iberoamerica. Año dual de la colaboración. // M. Larionova / M.: MGIMO-Universitet, 2011. S. 131–136.

Sobre el autor:

Valery A. Iovenko es Doctor en ciencias filológicas, Profesor, Catedrático del Departamento del Español, MGIMO-Universidad (Moscu, Rusia). Intereses científicos: teoría de la traducción e interpretación, lingüística cognitiva, culturología, filosofía de la lengua y traducción. E-mail: viovenko@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-0313-7611

About the author:

Valery A. Iovenko, Doctor in Philology, Professor, is Professor of Spanish Department, MGIMO-University (Moscow, Russia). Research interests: theory of translation/interpretation, cognitive linguistics, studies of culture, philosophy of the language and the translation/interpretation. E-mail: viovenko@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-0313-7611

Сведения об авторе:

Иовенко Валерий Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Москва, Россия). Научные интересы: теория перевода, когнитивная лингвистика, культурология, философия языка и перевода. E-mail: viovenko@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-0313-7611

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

* * *

GETTING A HANDLE ON HANSARD WITH PYTHON AND NLTK, OR HOW TO TAME THE LINGUISTIC PICTURE OF BRITISH POLITICS WITH NLP

Sergey N. Gagarin

MGIMO UNIVERSITY

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article proposes an optimised starter's set of basic Python and NLTK (Natural Language Toolkit) methods that are essential in the analysis of massive textual corpora conducted as part of research investigating linguistic images of the world. The need to specify and detail these applied techniques stems from the nature and scope of the inexorable challenges confronted by contemporary cognitive linguistics and lexicology in the realm of unstructured big data analysis. Their viability and practical value are demonstrated in a series of illustrative examples where they are applied to the processing of continuous parallel diachronic corpora of Hansard that capture the discourse of both chambers of the British parliament produced in the years 2006-2023 and jointly amounting to over a third of a billion tokens.

The article suggests that the methods it outlines and classifies can be seen as forming an indispensable minimum of IT competences that is capable of delivering a substantial boost to the level of research both as regards its overall quality and its competitive edge. The proposed toolkit includes an essential set of instruments for target vocabulary processing as well as for the assessment and visualisation of word and phrase frequency and collocation.

The author presumes that, urged by the need to keep abreast of prevailing trends, the contemporary Russian researcher of linguistic images of the world is highly likely to find themselves compelled at some point to embrace the quantitative analysis methods made possible by combining Python and NLTK. As part of its substantial and varied range of benefits, the latter would arguably help them design and customise research protocols, adapting them with ease and versatility. Lastly and most importantly, the author suggests that Python and NLTK skills may serve as a comfortable gateway towards eventually upgrading one's linguistic research to cutting-edge global standards of technological sophistication and marketability.

Keywords: corpus linguistics, natural language processing, big data, cognitive linguistics, parliamentary discourse

For citation: Sergey N. Gagarin (2024). Getting a handle on a Hansard with Python and NLTK, or how to tame the linguistic picture of British politics with NLP. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(2), pp. 125–140. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-125-140>

БАЗОВЫЕ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН ПОЛИТИКИ С ПОМОЩЬЮ ЯЗЫКА ПРОГРАММИРОВАНИЯ PYTHON И БИБЛИОТЕКИ NLTK (НА МАТЕРИАЛАХ КОРПУСОВ БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТСКОГО ДИСКУРСА)

С.Н. Гагарин

*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76*

Аннотация. В рамках данной статьи предлагается один из возможных вариантов оптимального набора базовых методик, необходимых для изучения языковых картин мира на материалах крупных текстовых корпусов с использованием сочетания языка высокоуровневого языка программирования Python и библиотеки NLTK (Natural Language Toolkit). Необходимость выделения и конкретизации означенного методологического инструментария проистекает из характера тех вызовов, которые стоят перед современной когнитивной лингвистикой и лексикологией в сфере анализа больших неструктурированных данных. Работоспособность и практическая ценность предлагаемых методик демонстрируется на примере составленных автором сплошных параллельных диахронических корпусов дискурса обеих палат британского парламента за период с 2006 по 2023 гг., совокупный объём которых превышает треть миллиарда токенов. Набор предлагаемых методик включает в себя инструменты анализа базовых параметров вокабуляра, инструменты извлечения целевого вокабуляра, а также обработки и визуализации его частотных параметров и сочетаемости.

Целесообразность овладения предлагаемыми и систематизируемыми в рамках данной статьи методиками автоматического анализа текста обосновывается с позиции их необходимости как компетентностного минимума в области компьютерных технологий, который способен значительно повысить уровень лингвистических исследований и их научную конкурентоспособность.

Автор приходит к выводу о том, что в силу объективно сложившихся условий современному отечественному исследователю языковых картин мира с высокой долей вероятности придётся включить в свой прикладной инструментарий сочетание языка программирования Python и библиотеки NLTK. Предлагаемые в данной статье методики делают возможным гибкое формирование исследовательских протоколов с учётом широкого разнообразия возможных приоритетов. В качестве главного преимущества предлагаемого автором набора методов машинной обработки и количественного анализа текста видится возможность использования практических навыков, полученных в результате её освоения как комфортной компетентностной основы для последующей интеграции овладевшего ими лингвиста в сообщество исследователей наиболее высокотехнологичных и наиболее актуальных на сегодняшний день направлений науки о языке.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, обработка естественного языка, большие данные, когнитивная лингвистика, парламентский дискурс

Для цитирования: Гагарин С.Н. (2024). Базовые методики анализа языковых картин политики с помощью языка программирования Python и библиотеки NLTK (на материалах корпусов британского парламентского дискурса). *Филологические науки в МГИМО. 10(2)*, С. 125–140. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-125-140>

1. Введение

В каждой стране у лингвистики есть своё уникальное своеобразие, и Россия в этом плане не исключение. В отечественной лингвистике на протяжении многих десятилетий в числе наиболее приоритетных и определяющих направлений остаётся когнитивное. Оно традиционно отводит одну из ключевых ролей исследованию вербализации концептов. Поскольку эти ментальные конструкции, позволяющие человеческому сознанию упорядочивать восприятие реальности, не могут быть наблюдаемы непосредственно в силу естественных причин, их изучение в значительной мере сводится к анализу и категоризации той лексики, которая отражает их в языках, и тех языковых картин, которые из этой лексики складываются.

С одной стороны, можно с уверенностью утверждать, что научный интерес российских исследователей к системному осмыслению особенностей вербализации концептов не ослабевает. С другой стороны, очевидно и то, что результативность и глубина этих исследований страдают в силу необъятности эмпирического материала. Здесь можно с долей иронии говорить о существовании своего рода “проклятия лексиколога”. Оно состоит в том, что обеспечение высокой репрезентативности исследования нередко сопряжено с такими затратами времени и усилий, которые плохо совместимы со здравым смыслом. Доступный к изучению материал настолько огромен, что на современном этапе практически любые работы по вербализации концептов, где выдвигаются гипотезы о закономерностях, характерных для того или иного языка в целом, оказываются в весьма уязвимом положении в связи с нереалистичностью полноценного выполнения исследовательской задачи такого уровня. Иными словами, исследователи языковых картин мира нередко оказываются в положении человека, пытающегося выпить море.

Очевидным способом решения проблемы обеспечения приемлемого уровня репрезентативности является разумное сужение эмпирической базы исследования. В связи с этим встаёт вопрос об оптимальных пределах подобного сужения. Проблема состоит в том, что, при всей своей привлекательности, компактный нишевой материал может не быть оптимальным выбором. В силу своего удобства он может привлекать внимание слишком большого количества исследователей и, как следствие, быть уже достаточно полно изученным на текущий момент. Это может делать его неподходящим для тех лингвистов, кому новизна их научных работ важнее простого факта их публикации. Таким образом, можно предположить, что оптимально суженная эмпирическая база для исследования вербальной репрезентации концептов должна быть достаточно обширной, чтобы её тщательный анализ отталкивал большинство исследователей, и в то же время не слишком крупной, чтобы кто-либо рискнул заняться её изучением на современном этапе развития науки и техники. В случае успешной реализации, эта концепция могла бы дать важное преимущество: зону собственного исследовательского комфорта, очерченную за рамками зоны комфорта большинства научных конкурентов, и лежащую в области больших данных, таких как крупные корпуса текста, содержащие сотни миллионов слов. Анализ подобных объёмов неструктурированных больших данных требует их машинной обработки, а она принципиально невозможна без знания языков программирования и специализированных библиотек. Для задач, предполагающих обработку массивных корпусов, их оптимальным сочетанием можно считать язык программирования Python и библиотеку NLTK (Natural Language Toolkit).

Умение или неумение использовать эти два инструмента можно с уверенностью назвать одной из причин, способных в значительной степени определить характер исследования одних и тех же корпусных данных в разных странах. В качестве доказательства данного тезиса можно привести пример того, каким образом на современном этапе развития науки проводятся корпусные исследования официальных отчётов о заседаниях британского парламента, также известных как “Хэнсард” (Hansard).

За рубежом в настоящее время существуют три основных направления исследования “Хэнсарда”. Это анализ языковой репрезентации концептов и конструкторов [23], [29], [30], [33], [34], [36], [37], [42], [44], [45], тональности и эмоциональной окраски текста [16], [17], [18], [19], [25], [41], а также типов риторики и коммуникативных стратегий [21], [31], [32], [39]. В силу масштабности своих целей, задач и эмпирических баз, эти исследования в своей подавляющей массе не могут обойтись без применения методов количественного анализа с опорой на возможности Python и NLTK. При этом ряд основанных на их использовании и прочно укоренившихся в зарубежной практике высокотехнологичных направлений исследования “Хэнсарда” пока в принципе не встречаются в отечественной науке. Это прежде всего анализ точности транскрибирования парламентских заседаний [24], [40] и анализ технических аспектов сбора и обработки больших данных, представленных текстовым материалом парламентских дебатов [35], [38], [43].

В нашей стране основным и наиболее массовым направлением изучения “Хэнсарда” является то, которое не требует опоры на языки программирования и специализированные библиотеки для них. Это историческое направление, и в его рамках материалы парламентских транскриптов выступают в роли исторических источников [1], [2], [3], [9], [10], [12], [13], [14].

Необходимо особо отметить, что отечественную практику изучения “Хэнсарда” объединяют с зарубежной три основных направления. Это анализ типов риторики и коммуникативных стратегий [4], [6], исследования языковой репрезентации концептов [7], [15], а также лексикологические исследования [5], [8], [11], [20], [22], [26]. Объединяет отечественную и зарубежную науку само наличие этих направлений, но в то же самое время их разделяет тот факт, что в отечественной практике использование Python и NLTK в их рамках с высокой долей вероятности никогда не имело места, о чём можно сделать вывод по отсутствию информации о подобных исследованиях в научных публикациях.

Проиллюстрированный выше пример различий между зарубежным и отечественным подходом к корпусным исследованиям свидетельствует о том, что потенциал отечественных научных школ в данной области на настоящий момент не реализован в полной мере. В этой связи можно говорить об определённом отставании отечественной науки. Тем не менее, представляется вполне возможным нивелировать его с помощью внедрения культуры использования передовых технологий машинной обработки текста. В этой связи возникает закономерный вопрос о том, как именно это сделать и с чего следует начать в первую очередь.

2. Цель работы

Целью данной работы является определение спектра базовых методик анализа с помощью Python и NLTK крупных корпусов англоязычного дискурса, которые были бы оптимальны для выявления особенностей и закономерностей вербализации концептов. В качестве подвергаемых машинной обработке материалов используются составленные автором данной работы сквозные диахронические параллельные корпуса отчётов о заседаниях Палаты общин и Палаты лордов британского парламента [27], [28]. По своему качеству эти отчёты максимально приближены к стенограммам, фиксирующим практически дословно всё пронесённое в обеих палатах парламента в ходе каждого дня заседания. На сегодняшний день оба этих корпуса охватывают период с июля 2006 г. по июль 2023 г. включительно. Это объясняется тем, что архив “Хэнсарда”, доступный на официальном сайте парламента, не является полным. Часть материалов за период, предшествующий июлю 2006 года, отсутствует или же недоступна по причине сбоя интернет-ресурса.

Таким образом, означенный временной промежуток пока остаётся единственным и наиболее со-временным периодом, который полностью и без пробелов отражён в доступном, целостном и параллельном дискурсе обеих палат британского парламента.

Объём корпуса Палаты общин составляет 194731646 токенов, а объём корпуса Палаты лордов – 150866492 токенов. Их совокупный объём превышает треть миллиарда токенов. Без машинной обработки анализ подобного материала лишён практической целесообразности, поскольку на него не хватило бы одной человеческой жизни. Вместе с тем работа с данными корпусами помогла на практике выявить ту базовую совокупность методов, основанную на сочетании Python и NLTK, которая полностью соответствует задачам исследования больших неструктурированных языковых данных, стоящих перед современной российской лексикологией и когнитивной лингвистикой.

3. Базовый инструментарий Python и NLTK

3.1 Инструменты для анализа базовых параметров вокабуляра

На начальном этапе исследования корпуса зачастую возникает необходимость в оценке его количественных параметров, таких как размер вокабуляра и уровень лексического разнообразия. Данные задачи решаются с помощью таких базовых функций языка Python как *len* и *set* (Таблица 1).

```

In [8]: lords_count = my_lords_corpus.words()

In [9]: len(lords_count) ### общее число токенов в корпусе Палаты лордов
Out[9]: 150866492

In [10]: len(set(lords_count)) ### число уникальных токенов в корпусе Палаты лордов
Out[10]: 150991

In [13]: ### функция для определения уровня лексического разнообразия корпуса Палаты лордов
def lords_lexical_diversity(lords_count):
    word_count = len(lords_count)
    vocab_size = len(set(lords_count))
    diversity_score = word_count / vocab_size
    return diversity_score

In [14]: lords_lexical_diversity(lords_count) ### показатель лексического разнообразия корпуса Палаты лордов
Out[14]: 999.1753945599406

```

Таблица 1. Оценка базовых параметров вокабуляра (корпус Палаты лордов)

Функция *len* выводит общее число токенов, а функция *set* схлопывает дубликаты и представляет весь вокабуляр корпуса в виде набора уникальных токенов. В приводимом примере вывод показателя лексического разнообразия осуществляется с помощью функции *lords_lexical_diversity*, которая делит общее число токенов в корпусе на число уникальных токенов.

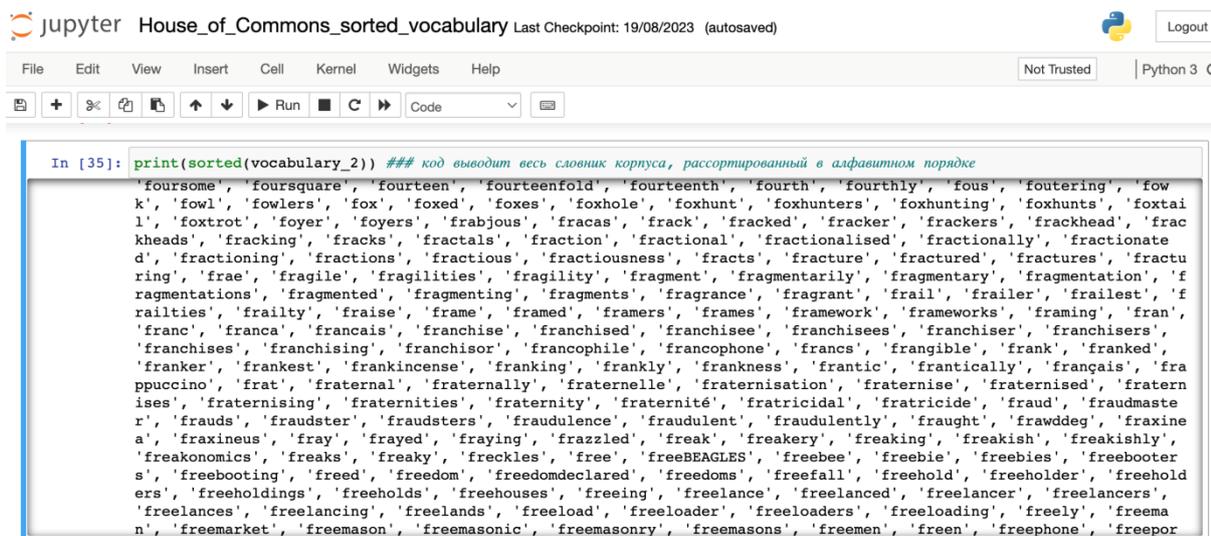
При сплошном анализе крупных парламентских корпусов такой параметр как уровень лексического разнообразия может быть особенно полезен в контексте компаративных исследований, в рамках которых осуществляется количественное сопоставление лексики парламентского дискурса разных стран. Также данный параметр может быть интересен при сравнительном анализе более частных сегментов языковой картины политики. В частности, с его помощью можно осуществлять сопоставительный анализ уровня разнообразия всего вокабуляра, использованного в рамках парламентских дебатов премьер-министрами, министрами иностранных дел, финансов, обороны и прочими представителями политического руководства одной или нескольких стран

на протяжении всей их политической карьеры. Таким образом, можно составить объективное представление о сравнительном разнообразии их вокабуляров и, следовательно, о сравнительной сложности их индивидуальных языковых картин мира.

На первый взгляд, подобная информация может представлять сугубо теоретический и весьма нишевой интерес, однако у неё есть неочевидная практическая ценность. Она имеет непосредственное отношение к дидактическому целеполаганию при обучении иностранным языкам в вузе. Здесь необходимо сделать особый акцент на том факте, что в нашей стране в настоящее время при формулировании стандартов качества образовательных программ по иностранным языкам не используется такой объективный количественный показатель как коэффициент лексического разнообразия обязательного к освоению вокабуляра. Вместе с тем, его введение могло бы дать более чёткое представление о том, какие цели лексического характера следует ставить перед студентами. Этот параметр позволил бы более объективно оценивать, насколько вокабуляр, к примеру, изучающего английский язык аспиранта МГИМО, близок в плане разнообразия к вокабуляру того или иного премьер-министра или министра иностранных дел Великобритании, или к усреднённому показателю лексического разнообразия, выведенному для всех, кто занимал эту должность за последние двадцать, тридцать лет или какой-либо другой период, определённый в качестве наиболее точно соответствующего устанавливаемым целям и задачам. В перспективе такой подход мог бы добавить новое измерение к методикам оценки качества образовательных программ по иностранным языкам. Наряду с достоинствами данного подхода, необходимо особо отметить имеющийся у него существенный недостаток. Он связан с тем, что практическая реализация подобной концепции едва ли представляется возможной без массового внедрения в техническую сторону образовательного процесса систем распознавания речи и автоматической компиляции индивидуальных корпусов, состоящих из всех слов, произнесённых каждым студентом на занятиях по иностранному языку. Такие системы требуют широкого применения искусственного интеллекта, а их разработка и обслуживание, к сожалению, могут быть сопряжены со значительными материальными затратами.

3.2 Инструменты для извлечения лексики

Одним из важнейших этапов в работе корпусного лексиколога и лексикографа является формирование полного словаря исследуемого корпуса. Эта задача традиционно являлась сложной и громоздкой, но с помощью NLTK её решение возможно с предельной простотой. При этом элементы словаря извлекаются как ключи словаря из пар ключ-значение, где в качестве значения выступает лексическая частота (Таблица 2).


```

In [35]: print(sorted(vocabulary_2)) ### код выводит весь словарь корпуса, рассортированный в алфавитном порядке
'foursome', 'foursquare', 'fourteen', 'fourteenfold', 'fourteenth', 'fourth', 'fourthly', 'fous', 'fouting', 'fow
k', 'fowl', 'fowlers', 'fox', 'foxed', 'foxes', 'foxhole', 'foxhunt', 'foxhunters', 'foxhunting', 'foxhunts', 'foxtai
l', 'foxtrot', 'foyer', 'foyers', 'frabjous', 'fracas', 'frack', 'fracked', 'fracker', 'frackers', 'frackhead', 'frac
kheads', 'fracking', 'fracks', 'fractals', 'fraction', 'fractional', 'fractionalised', 'fractionally', 'fractionate
d', 'fractioning', 'fractions', 'fractious', 'fractiousness', 'fracts', 'fracture', 'fractured', 'fractures', 'fractu
ring', 'frae', 'fragile', 'fragilities', 'fragility', 'fragment', 'fragmentarily', 'fragmentary', 'fragmentation', 'f
ragmentations', 'fragmented', 'fragmenting', 'fragments', 'fragrance', 'fragrant', 'frail', 'frailer', 'frailiest', 'f
railties', 'frailty', 'fraise', 'frame', 'framed', 'framers', 'frames', 'framework', 'frameworks', 'framing', 'fran',
'franc', 'franca', 'francais', 'franchise', 'franchised', 'franchisee', 'franchisees', 'franchiser', 'franchisers',
'franchises', 'franchising', 'franchisor', 'francophile', 'francophone', 'francs', 'frangible', 'frank', 'franked',
'franker', 'frankest', 'frankincense', 'franking', 'frankly', 'frankness', 'frantic', 'frantically', 'français', 'fra
ppuccino', 'frat', 'fraternal', 'fraternally', 'fraternelle', 'fraternisation', 'fraternise', 'fraternised', 'fratern
ises', 'fraternising', 'fraternities', 'fraternity', 'fraternité', 'fratricidal', 'fratricide', 'fraud', 'fraudmaste
r', 'frauds', 'fraudster', 'fraudsters', 'fraudulence', 'fraudulent', 'fraudulently', 'fraught', 'frawddeg', 'fraxine
a', 'fraxineus', 'fray', 'frayed', 'fraying', 'frazzled', 'freak', 'freakery', 'freaking', 'freakish', 'freakishly',
'freakonomics', 'freaks', 'freaky', 'freckles', 'free', 'freeBEGLES', 'freebee', 'freebie', 'freebooter
s', 'freebooting', 'freed', 'freedom', 'freedomdeclared', 'freedom', 'freefall', 'freehold', 'freeholder', 'freehold
ers', 'freeholdings', 'freeholds', 'freehouses', 'freeing', 'freelance', 'freelanced', 'freelancer', 'freelancers',
'freelances', 'freelancing', 'freelands', 'freeload', 'freeloader', 'freeloaders', 'freeloading', 'freely', 'freema
n', 'freemarket', 'freemason', 'freemasonic', 'freemasonry', 'freemasons', 'freemen', 'freen', 'freephone', 'freepor

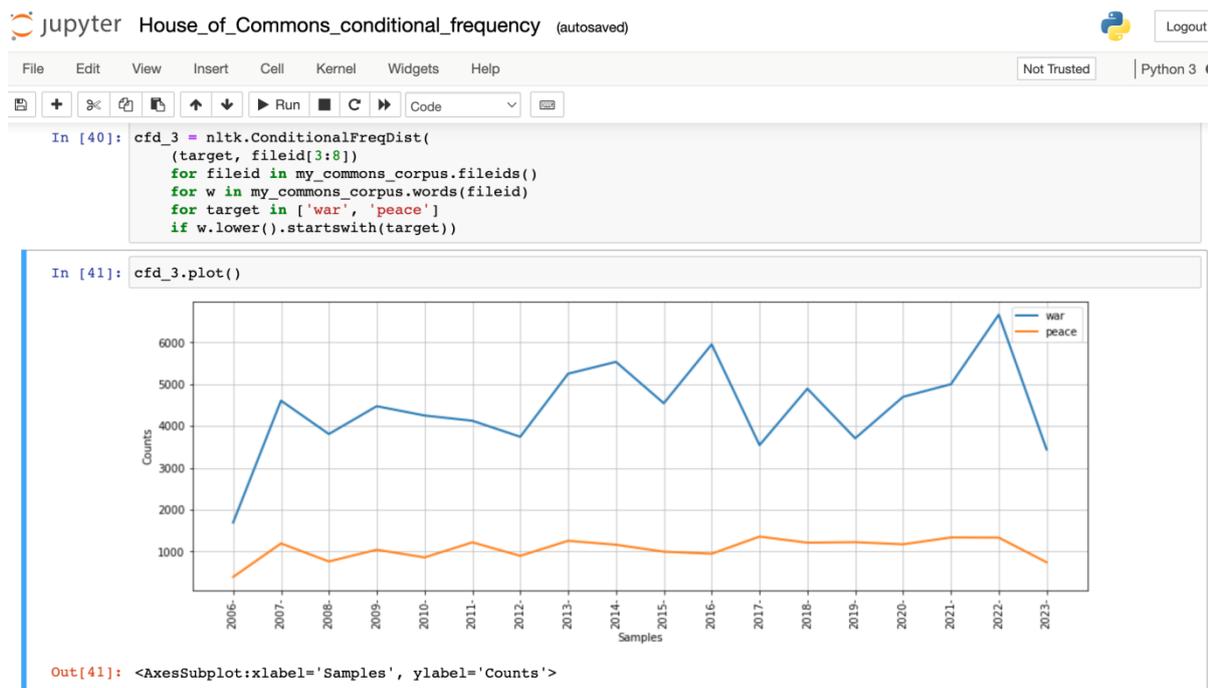
```

Таблица 2. Извлечение полного словаря корпуса Палаты общин за последние 17 лет (фрагмент результата)

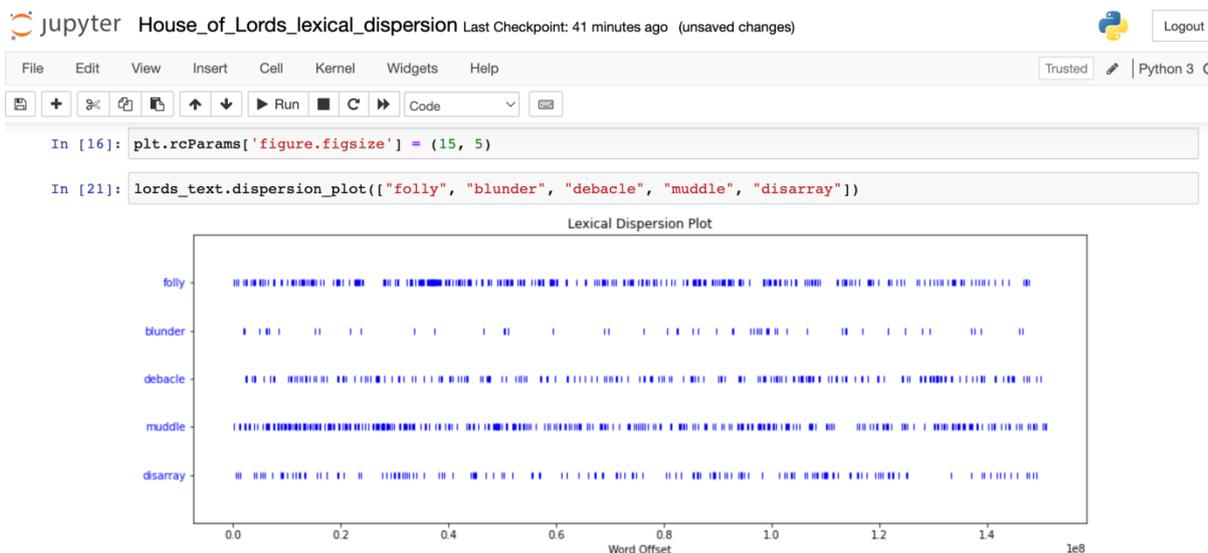
В числе наиболее значимых преимуществ быстрого доступа к полному словнику целого корпуса следует упомянуть тот факт, что с его помощью существенным образом упрощается работа с таким лексическим пластом как иноязычные заимствования. Особую актуальность это приобретает в том случае, если в качестве источника заимствований выступает язык, которым сам исследователь не владеет. В качестве характерных примеров здесь можно привести заимствования из ирландского гэльского языка, используемые в англоязычных дебатах парламента Республики Ирландия, а также заимствования из языка маори (маоризмы) в парламентском дискурсе Новой Зеландии. В Российской Федерации на сегодняшний день количество специалистов по данным языкам крайне невелико, и они справедливо относятся к категории чрезвычайно редких для нашей страны. Тем не менее, даже отсутствие знания языка маори нельзя рассматривать в качестве серьёзного препятствия для извлечения его слов из англоязычного корпуса транскриптов заседаний новозеландского парламента. Для этого весь словник соответствующего корпуса выводится в виде рассортированного по алфавиту списка, а затем к нему применяется функционал WordNet или аналогичных лексических баз данных. Такая обработка представляет собой черновой этап процесса, поскольку позволяет автоматически удалить из словника большую часть английских слов. Затем следует чистовая часть процесса, и словник дообрабатывается вручную. После этого полученная лексика рассортировывается с помощью переводного и толкового словаря по лексико-семантическим группам, что даёт представление о том, какие концепты с её помощью вербализуются и какие лакуны англоязычного дискурса она заполняет. При всей своей простоте данный подход довольно эффективен и с успехом применяется для исследования маоризмов в парламентском дискурсе Новой Зеландии в рамках работ, которые в настоящее время ведутся под руководством автора на кафедре английского языка №1 МГИМО МИД России.

3.3 Инструменты для работы с лексической частотностью

После извлечения из корпуса словника может возникнуть потребность в осмыслении картины частотного распределения его лексики в исследуемом материале. Задачи подобного характера эффективно решаются с помощью функций *FreqDist* и *ConditionalFreqDist*. Обе они эффективно работают на неконкатенированных корпусах, то есть, для того, чтобы ими воспользоваться, нет необходимости предварительного монтажа встык в хронологическом порядке всех материалов, а это, в свою очередь, существенно экономит время исследователя. Функция *ConditionalFreqDist* используется для анализа условного распределения частот, что особенно удобно при сквозном диахроническом подходе, когда в качестве условия распределения выступает год или месяц публикации текстового материала, указанные в названии каждого отдельно взятого файла в формате гггг_мм_дд (Таблица 3). Также этот метод довольно удобен для визуализации языковых данных, на основании которой можно формулировать предварительные гипотезы исследований в области когнитивной лингвистики или предиктивной аналитики. Приведённый ниже пример иллюстрирует эту особенность на примере условного распределения частот для слов *war* и *peace* в корпусе дебатов Палаты общин. Два графика, наглядно иллюстрирующих изменения частоты их употребления по годам, могут дать основания как для гипотез о соотносённости их пиковых значений с событиями внеязыковой реальности, так и для гипотез об усилении тенденций их метафорического употребления, которые эти значения отражают. В любом случае, данные экстремумы можно рассматривать как указание на наиболее информативные сегменты корпуса, которые могут дать наибольшее количество лексического материала, иллюстрирующего особенности вербализации двух концептов политического дискурса, которые традиционно входят в число наиболее ключевых, а потому представляющих для исследователей неизменно высокий интерес.

Таблица 3. Условное распределение частот слов *war* и *peace* в корпусе Палаты общин по годам

Зачастую, когда графиков в одних и тех же координатных осях становится слишком много, их восприятие может существенно затрудняться, и в результате возникает необходимость в альтернативных методиках визуального представления частотности. В таких случаях может быть целесообразным прибегнуть к визуализации лексической дисперсии на материале конкатенированного, то есть смонтированного в виде единого файла, корпуса. Для этих целей предусмотрена функция *dispersion_plot* (Таблица 4).

Таблица 4. Визуализация лексической дисперсии слов *folly*, *blunder*, *debacle*, *muddle* и *disarray* в корпусе Палаты лордов

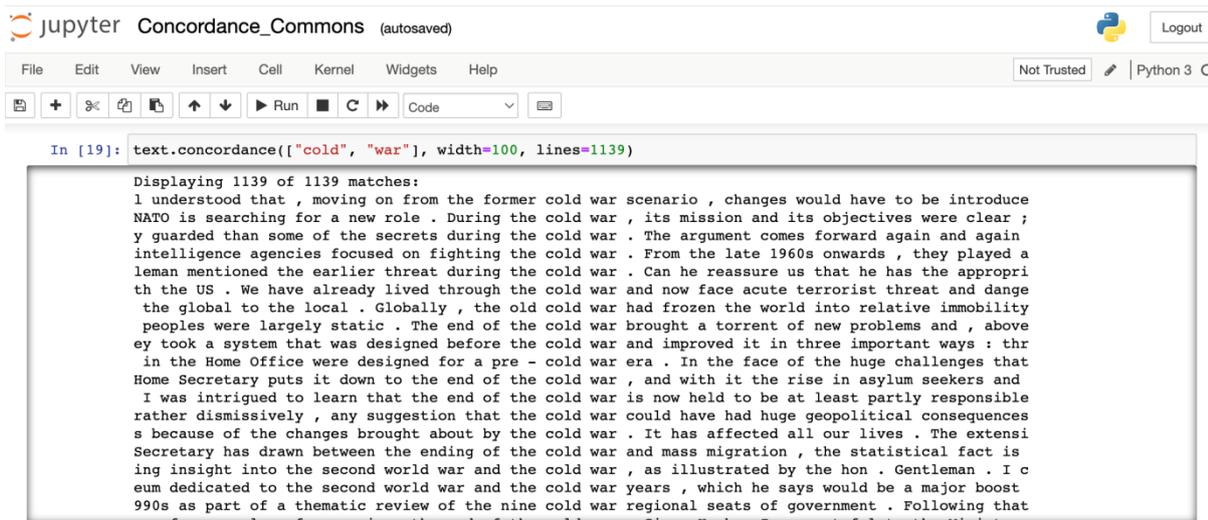
Этот метод визуализации особенно удобен для наглядного отображения особенностей вербализации концептов или сравнительной частотности элементов лексико-семантических групп. Будучи менее информативным и точным в плане репрезентации частотных экстремумов, чем традиционная линейная диаграмма, он, тем не менее, позволяет создать весьма точное представление об относительной плотности распределения в тексте искомой лексики.

Приводимый выше пример иллюстрирует особенности лексической дисперсии группы существительных, объединённых общей прагматической функцией. Все они используются для оказания психологического давления на адресата через суровую критику его действий или их результатов. Их словарные дефиниции не могут дать никакого представления о том, насколько популярным они могут быть в современном речевом узусе британских парламентариев. Гистограмма лексической дисперсии, напротив, даёт чёткое указание на то, что из означенной группы наиболее частотными на протяжении всего периода наблюдения являются лексемы *folly* (объективирующая концепт *foolishness*) и лексема *muddle* (объективирующая концепт *disorder*). Эта информация может служить основанием для формулирования рабочей гипотезы о том, что лексико-семантические группы, вербализующие концепты *foolishness* и *disorder*, могут рассматриваться как объекты приоритетного изучения в целях определения лексики, оптимально соответствующей задачам оказания давления на политических оппонентов.

3.4 Инструменты для работы с лексической сочетаемостью

Картины лексической частотности играют ключевую роль в комплексном анализе корпусов, но для некоторых направлений исследований не менее, а зачастую и гораздо более значимыми являются картины лексической сочетаемости. На базовом уровне они извлекаются в виде конкордансов слов или словосочетаний (Таблица 5), которые затем можно сохранять в виде отдельных файлов и использовать в качестве своеобразных мини-корпусов для исследования ближайшего контекстного окружения узловых слов.

Функция *concordance* может быть особенно полезной, когда необходимо узнать, употребляется ли искомая лексема исключительно в качестве элемента идиомы. Также она может помочь в определении того, употребляется ли то или иное слово на неосновном языке корпуса за пределами устойчивых и повторяющихся формулировок. В качестве характерного примера здесь можно привести дискурс парламента Новой Зеландии, где фигурируют молитвы на языке маори перед началом каждого заседания, а также случаи произносимой на этом языке присяги при вступлении в должность и прощальных формул в рамках официальных соболезнований в связи с кончиной парламентариев. С историко-культурной точки зрения все они представляют однозначный интерес, однако для исследователя заимствований из языка маори в новозеландский вариант английского языка они скорее представляют помеху, поскольку используемая в них лексика употребляется в рамках устойчивых маорийских формул, которые представляют из себя крупные иноязычные вкрапления и к собственно заимствованиям не относятся. Соответственно, перед определением спектра полноправных лексических заимствований эти формулы и их составляющие необходимо идентифицировать, и функция *concordance* позволяет эффективно решить данную задачу.


```

In [19]: text.concordance(["cold", "war"], width=100, lines=1139)

Displaying 1139 of 1139 matches:
l understood that , moving on from the former cold war scenario , changes would have to be introduce
NATO is searching for a new role . During the cold war , its mission and its objectives were clear ;
y guarded than some of the secrets during the cold war . The argument comes forward again and again
intelligence agencies focused on fighting the cold war . From the late 1960s onwards , they played a
leman mentioned the earlier threat during the cold war . Can he reassure us that he has the appropri
th the US . We have already lived through the cold war and now face acute terrorist threat and dange
the global to the local . Globally , the old cold war had frozen the world into relative immobility
peoples were largely static . The end of the cold war brought a torrent of new problems and , above
ey took a system that was designed before the cold war and improved it in three important ways : thr
in the Home Office were designed for a pre - cold war era . In the face of the huge challenges that
Home Secretary puts it down to the end of the cold war , and with it the rise in asylum seekers and
I was intrigued to learn that the end of the cold war is now held to be at least partly responsible
rather dismissively , any suggestion that the cold war could have had huge geopolitical consequences
s because of the changes brought about by the cold war . It has affected all our lives . The extensi
Secretary has drawn between the ending of the cold war and mass migration , the statistical fact is
ing insight into the second world war and the cold war , as illustrated by the hon . Gentleman . I c
eum dedicated to the second world war and the cold war years , which he says would be a major boost
990s as part of a thematic review of the nine cold war regional seats of government . Following that

```

Таблица 5. Построение конкорданса коллокации *cold war* с помощью функции *concordance*.
Корпус Палаты общин, 1139 строк (фрагмент)

Эффективным инструментом анализа лексической сочетаемости также являются биграммы (функция *bigrams*), особенно в сочетании с визуализирующими их графиками частотности. В приводимом ниже примере (Таблица 6) на материале корпуса Палаты общин с помощью данной функции демонстрируется частотность ста наиболее употребимых биграмм, первым компонентом которых является слово *utter*.

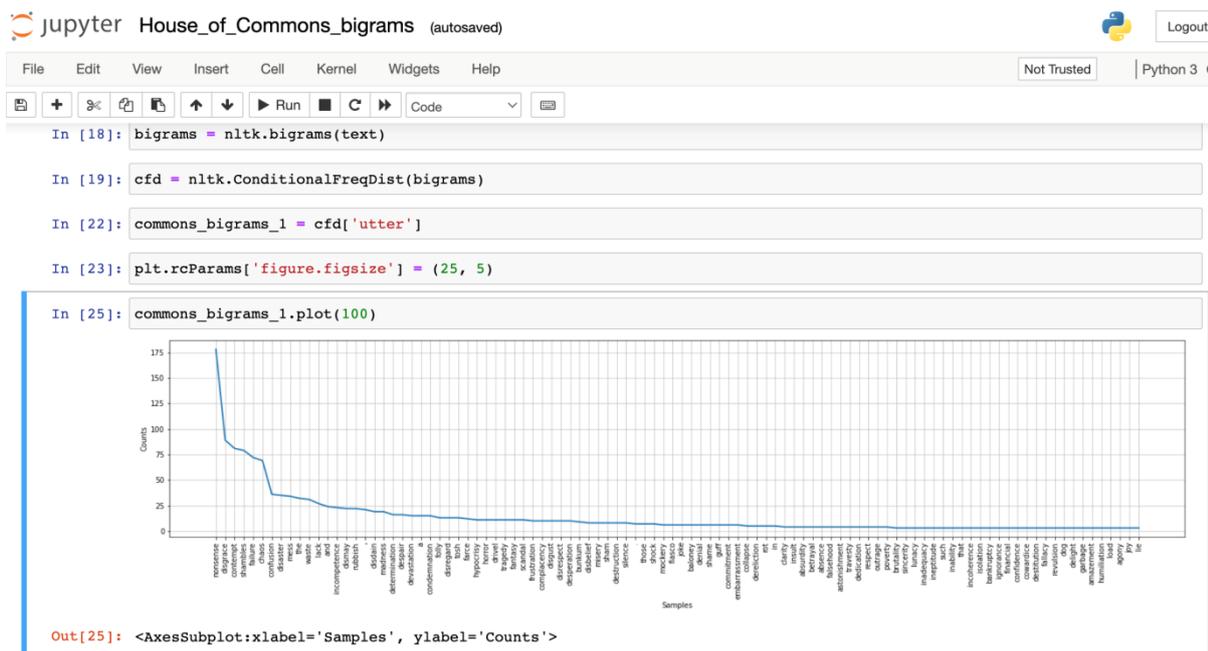

Таблица 6. Визуализация частотности биграмм.
Сто наиболее употребимых сочетаний со словом *utter*, корпус Палаты общин

По оси *x* расположены вторые компоненты биграмм в порядке убывания частоты. Необходимо особо отметить, что такой инструмент как биграммы весьма удобен для поиска устойчивых словосочетаний и ранжирования их по степени коллокативной устойчивости. При этом, как явствует из приведённого ниже примера, картина этой устойчивости будет гораздо более информативной для исследователя языка политики, чем та, которую можно получить о прилагательном

utter из словарной статьи или из совокупности таких статей, поскольку она отражает не усреднённое представление о сочетаемости заголовочного слова для английского языка в целом, а соответствует объективной картине его контекстуального употребления именно в том социолектном варианте данного языка, который характерен для представителей британского парламента.

В контексте изучения языка политики и парламентского дискурса, использование такой функции как *bigrams* может иметь особое значение для уточнения и систематизации недоисследованных сочетаемостных особенностей как нетерминологической, так и терминологической лексики.

В тех случаях, когда биграммы перестают удовлетворять тем критериям гибкости и универсальности, которые необходимы для оптимального поиска словосочетаний, корпус можно исследовать с помощью регулярных выражений. Этот инструмент использует метасимволы и позволяет обнаруживать практически любые *n*-граммы, поскольку даёт возможность поиска последовательностей токенов по повторяющемуся шаблону, в котором могут одновременно присутствовать известные, неизвестные и частично известные элементы (Таблица 7).

```

In [43]: commons_regular.findall(r"<a> <w*ly> <.*> <and> <w*ly> <w*able> <.*>")
a highly educated and extremely reasonable man; a superficially
tempting and politically vulnerable target; a firmly elected and
democratically accountable police; a jointly developed and jointly
deployable system; a fiscally responsible and environmentally
sustainable way; a politically acceptable and economically sustainable
solution; a locally driven and locally accountable local; a morally
warped and ideologically unsustainable paradigm; a publicly funded and
democratically accountable health; a deeply entrenched and largely
intractable challenge; a fully formed and fully affordable means; a
politically acceptable and publicly palatable way; a highly powerful
and virtually undetectable plastic; a consistently poor and wholly
unacceptable train; a virtually unconditional and completely
irrevocable immunity; a deeply disturbing and wholly unacceptable
situation

```

Таблица 7. Регулярное выражение для поиска *n*-грамм с двумя известными, двумя неизвестными и тремя частично известными элементами. Корпус Палаты общин

Данный инструмент может быть особенно полезен для исследований особенностей речевого стиля отдельных политиков или компаративных исследований речевого поведения представителей политического руководства, занимавших один и тот же или разные посты. Так, с помощью регулярных выражений можно осуществлять сравнительные исследования речевых паттернов министров иностранных дел и при необходимости сравнивать их с паттернами, характерными для министров обороны (или любых других членов кабинета министров), с целью анализа влияния занимаемой должности на состав и структуру фигур речи.

Следует особо выделить тот факт, что регулярные выражения можно рассматривать как инструмент корпусного анализа, позволяющий выделять наиболее типологически характерные для того или иного типа дискурса *n*-граммы. Следующим шагом после их идентификации может стать системный анализ той лексики, которая употребляется в их составе, на предмет её принадлежности к лексико-семантическим группам, вербализующим ключевые концепты отдельных сегментов языковой картины мира. Таким образом, наше представление о закономерностях и тенденциях их вербализации может быть переведено на более высокий уровень системного восприятия.

4. Выводы

В силу объективно сложившихся условий, современному отечественному лингвисту с большой долей вероятности придётся включить в свой исследовательский инструментарий языки программирования и специализированные библиотеки. При этом спектр их функционала чрезвычайно обширен, и далеко не всегда оказывается очевидным, что именно необходимо изучить

в первую очередь для успешного применения на практике в своей отдельно взятой области. Для ряда направлений лингвистики на сегодняшний день можно констатировать фактическое отсутствие чётких исследовательских протоколов с использованием языка Python и библиотеки NLTK. В рамках данной статьи была сделана попытка предложить базовый набор инструментов, на основе которого было бы возможным гибкое и адаптивное формирование подобных протоколов в ближайшем будущем для тех научных школ и направлений когнитивной лингвистики, в рамках которых ведутся корпусные исследования особенностей вербализации концептов в дискурсе. Предлагаемые инструменты показали высокую эффективность при работе на больших текстовых данных. Перед исследователем, освоившим эту базовую совокупность прикладных методов корпусного анализа, неизбежно встанет выбор: остановиться на достигнутом техническом уровне или развиваться дальше. В первом случае он остаётся с техническим инструментарием, который, невзирая на всю свою лаконичность, даёт ему ощутимое преимущество перед конкурентами. Во втором случае он переходит на принципиально новый уровень, поскольку сосредотачивает свои усилия на освоении направлений программирования, связанных с автоматической разметкой корпусов текста с помощью теггеров, автоматической классификацией текстов, предиктивной аналитикой, обучением нейросетей и т.д. Таким образом, его работа будет продвигаться в русле, отличном от классической лингвистики, а одним из основных мерил его профессионального успеха можно будет считать качество создаваемых им больших языковых моделей (LLM). Вне зависимости от того, насколько глубоко исследователь готов интегрировать программирование в свою работу и какому из двух означенных путей дальнейшего профессионального развития он готов следовать дальше, он может быть уверен в том, что оба из них можно считать относительно беспроектными, по крайней мере в ближайшей перспективе.

© Гагарин С.Н. , 2024

Список литературы

1. Айзенштат М.П. Новации в парламентской практике Британии XVIII столетия//Honoris causa. Сборник научных статей, посвящённый 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева. Санкт-Петербург, 2016. С. 7–13.
2. Айзенштат М.П. Парламентские материалы Британии XVII-XIX веков// Запреты и преодоления. Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 16–25.
3. Быкова Е.А. Вопрос признания советского государства в политической дискуссии британского парламента/ Е.А. Быкова, А.А. Сигова. Ветер Перестройки – 2022. // Сборник материалов Второй Всероссийской научной конференции/ отв. ред. А. Д. Маглин. Санкт-Петербург, 2023. С. 22–27.
4. Головина Н.М. «Непарламентские выражения» и речевая агрессия в британском парламенте: риторическая стратегия или институциональная норма? // Речь и языки общения в конфликтогенном мире. Материалы международной научно-практической конференции/ отв. ред. С.В. Мыскин. Москва, 2021. С. 37–39.
5. Захарова О.В. Обсуждение миграционной политики в британском парламенте// Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2015. С. 93–96.
6. Зюбина И.А. Реализация коммуникативных стратегий в британском парламенте/ И.А. Зюбина, В.А. Маслова. // Уральский научный вестник. 2023. Т. 6, № 6. С. 53–60.
7. Ковалёв Н.А. «СВОИ» versus «ЧУЖИЕ»: динамика развития и манипулятивный потенциал концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА в англоязычном политическом дискурсе/ Н.А. Ковалёв, Н.А. Чес. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, №4. С. 1171–1178.
8. Корецкая О.В. О некоторых политических эвфемизмах в эпоху постправды (на примере английского языка)// Филологические науки в МГИМО. 2021. Т. 7, № 3 (27). С. 16–23.
9. Корнилов А.А. Британский парламент как центр выработки внешнеполитических решений в период сирийского кризиса (2011–2015 годы)/ А.А. Корнилов, Н.С. Лобанова, А.И. Егоров. // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 2. С. 363–384.
10. Корнилов А.А. Обсуждение палестино-израильского конфликта в комитете британского парламента по иностранным делам (2014 год)/ А.А. Корнилов, Н.С. Лобанова, О.Р. Жерновая. // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 2. С. 437–462.
11. Лобанова Н.С. Ключевые термины документов британского парламента в области ближневосточной политики: этимология, политическое значение и примеры использования // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики. Сборник научных статей. Нижний Новгород, 2021. С. 107–112.
12. Лобанова Н.С. Подход комитета по иностранным делам британского парламента к кризису на Украине// Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 6 (36). С. 7–18.
13. Михайлов В.В. Вхождение Азербайджана в состав советского государства и политика Великобритании в отношении Закавказья в 1918–1920 гг.: политический и социально-экономический аспекты// Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2022. Т. 8, № 2. С. 73–87.

14. Хахалкина Е.В. “Поколение Виндраш” в контексте современного развития мультirasовой Великобритании (по материалам британского парламента)// Новая и новейшая история. 2022. № 6. С. 180–191.
15. Чес Н.А. Концептуальная метафора в политическом медиадискурсе (на материале английского языка): монография/ Н.А. Чес. Москва: МГИМО-Университет, 2020. 190 с.
16. Abercrombie G., Batista-Navarro R. A sentiment-labelled corpus of Hansard parliamentary debate speeches// Proceedings of ParlaCLARIN. Common Language Resources and Technology Infrastructure (CLARIN). 2018. P. 43–48.
17. Abercrombie G., Batista-Navarro R. Sentiment and position-taking analysis of parliamentary debates: a systematic literature review// Journal of Computational Social Science. Vol 3, №1. 2020. P. 245–270.
18. Abercrombie G., Batista-Navarro R. ‘Aye’or ‘no’? Speech-level sentiment analysis of Hansard UK parliamentary debate transcripts// Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2018). 2018. P. 4173–4180.
19. Abercrombie G., Batista-Navarro R. Identifying opinion-topics and polarity of parliamentary debate motions// Proceedings of the 9th workshop on computational approaches to subjectivity, sentiment and social media analysis. 2018. P. 280–285.
20. Aspinall P. Ethnic/racial terminology as a form of representation: A critical review of the lexicon of collective and specific terms in use in Britain// Genealogy. Vol. 4, № 3. 2020. P. 87–100.
21. Bischof K., Ilie C. Democracy and discriminatory strategies in parliamentary discourse// Journal of Language and Politics. Vol. 17, № 5. 2018. P. 585–593.
22. Charteris-Black J. Metaphor and gender in British parliamentary debates/ J. Charteris-Black. Palgrave Macmillan UK, 2009.
23. Coutto T. Half-full or half-empty? Framing of UK–EU relations during the Brexit referendum campaign// Crisis and Politicisation. Routledge, 2021. P. 85–103.
24. Cribb M., Rochford S. The transcription and representation of spoken political discourse in the UK House of Commons// International Journal of English Linguistics. Vol. 8, № 2. 2018. P1–14.
25. Duthie R., Budzyńska K. Classifying types of ethos support and attack// 7th International Conference on Computational Models of Argument. IOS Press, 2018. P. 161–168.
26. Hiltunen T. et al. Investigating colloquialization in the British parliamentary record in the late 19th and early 20th century// Language Sciences. 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2020.101270> (дата доступа 04.03.2024).
27. House of Commons Hansard. [Электронный ресурс] – URL: <https://hansard.parliament.uk/commons> Available from: <https://hansard.parliament.uk/commons> (дата доступа 12.09.2023).
28. House of Lords Hansard. [Электронный ресурс] – URL: <https://hansard.parliament.uk/lords>. Available from: <https://hansard.parliament.uk/lords> (дата доступа 12.09.2023).
29. Huysmans J., Alessandra Buonfino A. Politics of exception and unease: Immigration, asylum and terrorism in parliamentary debates in the UK// Political studies. Vol. 56, № 4. 2008. P. 766–788.
30. Ihalainen P., Sahala A. Evolving conceptualisations of internationalism in the UK parliament: Collocation analyses from the League to Brexit// Digital Histories: Emergent Approaches within the New Digital History. 2020. P. 199–219.
31. Ilie C. Parenthetically speaking: Parliamentary parentheticals as rhetorical strategies// Dialogue Analysis 2000: Selected Papers from the 10th IADA Anniversary Conference. Tübingen: Niemeyer, 2003. P. 253–264.
32. Ilie C. Strategic uses of parliamentary forms of address: The case of the UK Parliament and the Swedish Riksdag// Journal of pragmatics. Vol. 42, № 4. 2010. P. 885–911.
33. Jeffries L., Walker B. Austerity in the Commons: A corpus critical analysis of austerity and its surrounding grammatical context in Hansard (1803–2015)// Discourse Analysis and Austerity. Routledge, 2019. P. 53–79.
34. Kettell S., Kerr P. From eating cake to crashing out: constructing the myth of a no-deal Brexit// Comparative European Politics. 2020. Vol. 18. P. 590–608.
35. Labat S., Kotze H., Szmrecsanyi B. Processing and prescriptivism as constraints on language variation and change: Relative clauses in British and Australian English parliamentary debates// Exploring Language and Society with Big Data: Parliamentary discourse across time and space. 2023. P. 250–276.
36. Leduc R. The ontological threat of foreign fighters// European Journal of International Relations. 2021. Vol. 27, № 1. P. 127–149.
37. Mair C. Empire, migration and race in the British parliament (1803–2005)// Exploring Language and Society with Big Data: Parliamentary discourse across time and space. 2023. P. 111–118.
38. McGill E., Saggion H. BSL-Hansard: A parallel, multimodal corpus of English and interpreted British Sign Language data from parliamentary proceedings// Proceedings of the Second International Workshop on Automatic Translation for Signed and Spoken Languages. 2023. P. 38–43.
39. McKenzie-McHarg A., Fredheim R. Cock-ups and slap-downs: A quantitative analysis of conspiracy rhetoric in the British Parliament 1916–2015// Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History. 2017. Vol. 50, № 3. P. 156–169.
40. Mollin S. The Hansard hazard: Gauging the accuracy of British parliamentary transcripts// Corpora. 2007. Vol. 2, № 2. P. 187–210.
41. Onyimadu O. et al. Towards sentiment analysis on parliamentary debates in Hansard// Semantic Technology: Third Joint International Conference, JIST 2013, Seoul, South Korea, November 28–30, 2013. Revised Selected Papers. Vol. 3. Springer International Publishing, 2014. P. 48–50.
42. Riihimäki J. At the heart and in the margins: Discursive construction of British national identity in relation to the EU in British parliamentary debates from 1973 to 2015// Discourse & Society. 2019. Vol. 30, № 4. P. 412–431.
43. Thundiyil S. et al. Moving Fingers Write History and Having Writ Become Digital: Towards a Big Data Framework for the Analysis of Parliamentary Proceedings// Future of Information and Communication Conference. Cham: Springer Nature Switzerland. 2023. P. 459–479.
44. Van Dijk T. Political identities in parliamentary debates// European parliaments under scrutiny: Discourse strategies and interaction practices. 2010. P. 29–56.

45. Willis R. Taming the climate? Corpus analysis of politicians' speech on climate change // *Environmental Politics*. Vol. 26, № 2. 2017. P. 212–231.

References

1. Aizenshtat, M.P. Novatsii v parlamentskoi praktike Britanii XVIII stoletii [Innovations in Britain's Parliamentary practice of the 18th and 19th centuries] // *Honoris causa. Sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi 70-letiiu professora Viktora Vladimirovicha Sergeeva* [Honoris causa. Collected Articles of the scientific conference celebrating the 70th anniversary of Professor Viktor Sergeev]. Sankt-Peterburg, 2016. P. 7–13.
2. Aizenshtat, M.P. Parlamentskie materialy Britanii XVII-XIX vekov. Zaprety i preodoleniia. [Britain's parliamentary materials of the 18-19 centuries. Prohibitions and their overcoming] // *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and contemporary history]. 2016. № 5. P. 16–25.
3. Bykova, E.A., Sigova, A.A. Vopros priznaniia sovetskogo gosudarstva v politicheskoi diskussii britanskogo parlamenta [The recognition of the Soviet state in the political debate of the British Parliament] // *Veter Perestroiki – 2022* [The Wind of Perestroika – 2022]. *Sbornik materialov Vtoroj Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Collected articles of the second national scientific conference] / A. D. Matlin (otvetstvennyi redaktor) [ed.-in-chief A. D. Matlin]. Sankt-Peterburg, 2023. P. 22–27.
4. Golovina, N.M. «Neparlamentskie vyrazheniia» i rechevaia agressiia v britanskom parlamente: ritoricheskaia strategiia ili institutsional'naia norma? [Unparliamentary language and verbal aggression in the British Parliament: rhetorical strategy or Institutional norm?] // *Rech' i iazyki obshcheniia v konfliktogennom mire. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. [Speech and languages of communication in a conflict-prone world. Proceedings of an international research-to-practice conference] / S.V. Myskin (otv. red.) [ed.-in-chief S.V. Myskin]. Moskva, 2021. P. 37–39.
5. Zakharova, O.V. Obsuzhdenie migratsionnoi politiki v britanskom parlamente. [Debates on Migration Policy in the British Parliament] // *Chelovek, obraz, slovo v kontekste istoricheskogo vremeni i prostranstva. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Man, image and word in the context of historical time and space. Proceedings of an international research-to-practice conference]. 2015. P. 93–96.
6. Ziubina, I.A., Maslova, V.A. Realizatsiia kommunikativnykh strategii v britanskom parlamente [The implementation of communication strategies in the British Parliament] // *Ural'skii nauchnyi vestnik* [The Urals Science Bulletin]. 2023. Vol. 6. № 6. P. 53–60.
7. Kovaliov, N.A., Ches, N.A. «SVOI» versus «CHUZHIE»: dinamika razvitiia i manipulativnyi potentsial kontsepta KHOLODNAIA VOINA v angliazychnom politicheskom diskurse [Us vs Them: the Development Dynamics and Manipulative Potential of the Concept “Cold War” in Russian and English-Language Political Discourse] // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika* [Peoples' Friendship University of Russia Bulletin. Language theory, semiotics and semantics]. 2017. Vol 8, №4. P. 1171–1178.
8. Koretskaia, O.V. O nekotorykh politicheskikh evfemizmakh v epokhu postpravdy (na primere angliiskogo iazyka) [On select English political euphemisms in an age of post-truth] // *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Linguistics & Polyglot Studies]. 2021. Vol. 7, № 3 (27). P. 16–23.
9. Kornilov, A.A., Lobanova, N.S., Egorov, A.I. Britanskii parlament kak tsentr vyrabotki vneshnepoliticheskikh reshenii v period siriiskogo krizisa (2011–2015 gody) [The Role of the British Parliament in foreign policymaking during the Syria crisis of 2011–2015] // *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue]. 2023. Vol. 12. № 2. P. 363–384.
10. Kornilov, A.A., Lobanova, N.S., Zhernovaia, O.R. Obsuzhdenie palestino-izrail'skogo konflikta v komitete britanskogo parlamenta po inostrannym delam (2014 god) [The Israeli-Palestinian conflict as debated by the Foreign Affairs Committee of the British Parliament in 2014] // *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue]. 2022. Vol. 11. № 2. P. 437–462.
11. Lobanova, N.S. Kliuchevye terminy dokumentov britanskogo parlamenta v oblasti blizhnievostochnoi politiki: etimologiya, politicheskoe znachenie i primery ispol'zovaniia [Key terms of the Middle East policy employed by the British Parliament: etymology, political significance and usage] // *Regiony mira: problemy istorii, kul'tury i politiki. Sbornik nauchnykh statei*. [The world's regions: historical, cultural and political problems. Collected articles]. Nizhnii Novgorod, 2021. P. 107–112.
12. Lobanova, N.S. Podkhod komiteta po inostrannym delam britanskogo parlamenta k krizisu na Ukraine [The Ukraine crisis as seen by the Foreign Affairs Committee of the British Parliament] // *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN* [The Scientific and Analytical Bulletin of the Institute for Europe of the Russian Academy of Sciences]. 2023. № 6 (36). P. 7–18.
13. Mikhailov, V.V. Vkhozhdenie Azerbaidzhana v sostav sovetskogo gosudarstva i politika Velikobritanii v otnoshenii Zakavkaz'ia v 1918–1920 gg.: politicheskii i sotsial'no-ekonomicheskii aspekty [Azerbaijan's accession to the USSR and the UK Transcaucasia policy in 1918–1920: Political and socio-economic aspects] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* [Proceedings of Vernadsky Crimea Federal University. History Section]. 2022. Vol. 8. № 2. P. 73–87.
14. Khakhalkina, E.V. “Pokolenie Vindrash» v kontekste sovremennogo razvitiia mul'tirasovoi Velikobritanii (po materialam britanskogo parlamenta) [Windrush generation in the context of the modern development of multiracial Great Britain (based on the materials of the British Parliament)] // *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and contemporary history]. 2022. № 6. P. 180–191.
15. Ches, N.A. Kontseptual'naia metafora v politicheskom mediadiskurse (na materiale angliiskogo iazyka): monografiia [Conceptual Metaphor in English-Language Political Media Discourse] / N.A. Ches. Moskva: MGIMO-Universitet, [Moscow, MGIMO University] 2020. 190 p.
16. Abercrombie, G., Batista-Navarro, R. A sentiment-labelled corpus of Hansard parliamentary debate speeches // *Proceedings of ParlaCLARIN. Common Language Resources and Technology Infrastructure (CLARIN)*. 2018. P. 43–48.
17. Abercrombie, G., Batista-Navarro, R. Sentiment and position-taking analysis of parliamentary debates: a systematic literature review // *Journal of Computational Social Science*. Vol 3, №1. 2020. P. 245–270.

18. Abercrombie, G., Batista-Navarro, R. 'Aye' or 'no'? Speech-level sentiment analysis of Hansard UK parliamentary debate transcripts // *Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2018)*. 2018. P. 4173–4180.
19. Abercrombie, G., Batista-Navarro, R. Identifying opinion-topics and polarity of parliamentary debate motions // *Proceedings of the 9th workshop on computational approaches to subjectivity, sentiment and social media analysis*. 2018. P. 280–285.
20. Aspinall, P. Ethnic/racial terminology as a form of representation: A critical review of the lexicon of collective and specific terms in use in Britain // *Genealogy*. Vol. 4, № 3. 2020. P. 87–100.
21. Bischof, K., Ilie, C. Democracy and discriminatory strategies in parliamentary discourse // *Journal of Language and Politics*. Vol. 17, № 5. 2018. P. 585–593.
22. Charteris-Black, J. *Metaphor and gender in British parliamentary debates* / J. Charteris-Black. Palgrave Macmillan UK, 2009.
23. Coutto, T. Half-full or half-empty? Framing of UK–EU relations during the Brexit referendum campaign // *Crisis and Politicisation*. Routledge, 2021. P. 85–103.
24. Cribb, M., Rochford, S. The transcription and representation of spoken political discourse in the UK House of Commons // *International Journal of English Linguistics*. Vol. 8, № 2. 2018. P. 1–14.
25. Duthie, R., Budzyńska, K. Classifying types of ethos support and attack // *7th International Conference on Computational Models of Argument*. IOS Press, 2018. P. 161–168.
26. Hiltunen, T. et al. Investigating colloquialization in the British parliamentary record in the late 19th and early 20th century // *Language Sciences*. 2020, <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2020.101270> (дата доступа 04.03.2024).
27. House of Commons Hansard, <https://hansard.parliament.uk/commons> Available from: <https://hansard.parliament.uk/commons> (дата доступа 12.09.2023).
28. House of Lords Hansard, <https://hansard.parliament.uk/lords>. Available from: <https://hansard.parliament.uk/lords> (дата доступа 12.09.2023).
29. Huysmans, J., Alessandra Buonfino A. Politics of exception and unease: Immigration, asylum and terrorism in parliamentary debates in the UK // *Political studies*. Vol. 56, № 4. 2008. P. 766–788.
30. Ihalainen, P., Sahala, A. Evolving conceptualisations of internationalism in the UK parliament: Collocation analyses from the League to Brexit // *Digital Histories: Emergent Approaches within the New Digital History*. 2020. P. 199–219.
31. Ilie, C. Parenthetically speaking: Parliamentary parentheticals as rhetorical strategies // *Dialogue Analysis 2000: Selected Papers from the 10th IADA Anniversary Conference*. Tübingen: Niemeyer, 2003. P. 253–264.
32. Ilie, C. Strategic uses of parliamentary forms of address: The case of the UK Parliament and the Swedish Riksdag // *Journal of pragmatics*. Vol. 42, № 4. 2010. P. 885–911.
33. Jeffries, L., Walker, B. Austerity in the Commons: A corpus critical analysis of austerity and its surrounding grammatical context in Hansard (1803–2015) // *Discourse Analysis and Austerity*. Routledge, 2019. P. 53–79.
34. Kettell, S., Kerr, P. From eating cake to crashing out: constructing the myth of a no-deal Brexit // *Comparative European Politics*. 2020. Vol. 18. P. 590–608.
35. Labat, S., Kotze, H., Szmrecsanyi, B. Processing and prescriptivism as constraints on language variation and change: Relative clauses in British and Australian English parliamentary debates // *Exploring Language and Society with Big Data: Parliamentary discourse across time and space*. 2023. P. 250–276.
36. Leduc, R. The ontological threat of foreign fighters // *European Journal of International Relations*. 2021. Vol. 27, № 1. P. 127–149.
37. Mair, C. Empire, migration and race in the British parliament (1803–2005) // *Exploring Language and Society with Big Data: Parliamentary discourse across time and space*. 2023. P. 111–118.
38. McGill, E., Saggion, H. BSL-Hansard: A parallel, multimodal corpus of English and interpreted British Sign Language data from parliamentary proceedings // *Proceedings of the Second International Workshop on Automatic Translation for Signed and Spoken Languages*. 2023. P. 38–43.
39. McKenzie-McHarg, A., Fredheim, R. Cock-ups and slap-downs: A quantitative analysis of conspiracy rhetoric in the British Parliament 1916–2015 // *Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*. 2017. Vol. 50, № 3. P. 156–169.
40. Mollin, S. The Hansard hazard: Gauging the accuracy of British parliamentary transcripts // *Corpora*. 2007. Vol. 2, № 2. P. 187–210.
41. Onyimadu, O. et al. Towards sentiment analysis on parliamentary debates in Hansard // *Semantic Technology: Third Joint International Conference, JIST 2013, Seoul, South Korea, November 28–30, 2013. Revised Selected Papers*. Vol. 3. Springer International Publishing, 2014. P. 48–50.
42. Riihimäki, J. At the heart and in the margins: Discursive construction of British national identity in relation to the EU in British parliamentary debates from 1973 to 2015 // *Discourse & Society*. 2019. Vol. 30, № 4. P. 412–431.
43. Thundyill, S. et al. Moving Fingers Write History and Having Writ Become Digital: Towards a Big Data Framework for the Analysis of Parliamentary Proceedings // *Future of Information and Communication Conference*. Cham: Springer Nature Switzerland. 2023. P. 459–479.
44. Van Dijk, T. Political identities in parliamentary debates // *European parliaments under scrutiny: Discourse strategies and interaction practices*. 2010. P. 29–56.
45. Willis, R. Taming the climate? Corpus analysis of politicians' speech on climate change // *Environmental Politics*. Vol. 26, № 2. 2017. P. 212–231.

Сведения об авторе:

Гагарин Сергей Николаевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка №1 МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: корпусная лингвистика, обработка искусственного языка, большие данные, когнитивная лингвистика.

Email: lexicogr@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8893-5083

About the author:

Sergey N. Gagarin, Candidate of Philology, is Senior Lecturer of the English Language Department №1 at MGIMO University (Moscow, Russia). Research interests: corpus linguistics, natural language processing, big data, cognitive linguistics. Email: lexicogr@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8893-5083

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interest.

* * *

INNOVATIVE METHODOLOGY FOR TEACHING ENGLISH USING THE ONLINE-PLATFORM YOUGLISH AND THE ALIAS FORMAT (BASED ON INTERDISCIPLINARY NEOLOGISMS IN THE FIELD OF DIGITAL HEALTHCARE)

Kristina V. Rakova

MGIMO UNIVERSITY

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article is devoted to the author's innovative integrated method of teaching English, which provides effective memorization of new interdisciplinary lexical units for three personality types of students according to the way they perceive information – audialists, visualists and practitioners. The relevance of the study is provided by the creation of new interdisciplinary programmes in the higher education system, which contributes to the emergence of interdisciplinary neologisms that reflect the latest social transformations in society and should be included in language training courses. The aim of the study was to develop an innovative integrated methodology to improve the efficiency and long-term effectiveness of learners' memorisation of new interdisciplinary lexical categories in English that have emerged in the context of the digitalisation of the modern healthcare system. To search for and identify neologisms of the English language in the field of digital medicine, a content analysis of relevant scientific studies published in March 2024 in the peer-reviewed medical academic journal "The Lancet Digital Health" (Elsevier publishing house) was conducted. Based on the results of the content analysis, 16 new interdisciplinary lexical nominations were selected, using the example of which the features of the application of an innovative integrated methodology for teaching English, including the consistent use of the YouGlish online platform and the Alias game format, are revealed. The use of this methodology is effective both in the study of English neologisms by students in universities and in the development of their language skills and competencies in accordance with the challenges of rapidly changing social reality. The results of the author's trial use of this complex methodology among students at the Faculty of International Journalism at MGIMO-University, showed that the innovative approach allows one to accelerate the memorization of English lexical units by students with different types of human thinking, as well as promotes the development of teamwork skills and increases learning motivation.

The results of the author's research can be used by teachers of language departments of higher educational institutions in the development and writing textbooks and teaching materials, as well as in the language training of future specialists, for whom interdisciplinary language knowledge, skills and competencies are in demand in the context of widespread digitalisation of key spheres of society and the transformation of the modern system of higher education.

Keywords: innovative teaching methodology, interdisciplinary neologism, lexical nomination, digital healthcare, online platform, game format

For citation: Rakova K.V. (2024). Innovative methodology for teaching English using the online-platform YouGlish and the Alias format (based on interdisciplinary neologisms in the field of digital healthcare). *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(2), pp. 141–153. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-141-153>

Исследовательская статья

ИННОВАЦИОННАЯ МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМЫ YOUGLISH И ФОРМАТА ИГРЫ «СКАЖИ ИНАЧЕ» (НА ПРИМЕРЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В СФЕРЕ ЦИФРОВОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ)

К.В. Ракова

*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76*

Аннотация. Статья посвящена авторской инновационной комплексной методике преподавания английского языка, обеспечивающей эффективное запоминание новых междисциплинарных лексических единиц для трёх типов личности обучающихся по способу их восприятия информации – аудиалистов, визуалистов и практистов. Актуальность данного исследования обусловлена созданием в системе высшего образования новых междисциплинарных программ, что способствует возникновению междисциплинарных неологизмов, которые отражают новейшие социальные трансформации в обществе и должны быть включены в программы языковой подготовки. Цель исследования заключалась в разработке инновационной комплексной методики, позволяющей повысить эффективность и долгосрочную результативность процесса запоминания обучающимися новых междисциплинарных лексических номинаций, которые возникли в контексте цифровизации современной системы здравоохранения. Для поиска и выявления неологизмов английского языка в области цифровой медицины был проведён контент-анализ релевантных научных исследований, опубликованных в марте 2024 г. в рецензируемом медицинском академическом журнале «The Lancet Digital Health» (издательство Elsevier). По итогам проведённого контент-анализа было отобрано 16 новых междисциплинарных лексических номинаций, на примере которых раскрыты особенности применения инновационной комплексной методики преподавания английского языка, включающей в себя последовательное использование онлайн-платформы YouGlish и формата игры «Скажи иначе». Использование методики эффективно как при изучении неологизмов в английском языке обучающимися высших учебных заведений, так и при развитии их языковых навыков и компетенций в соответствии с вызовами стремительно изменяющейся социальной реальности. Результаты пробного использования автором данной комплексной методики среди обучающихся Факультета

международной журналистики МГИМО показали, что инновационный подход позволяет ускорить процесс запоминания лексических единиц английского языка обучающимися с различными типами восприятия новой информации, а также способствует развитию навыков командной работы и повышению учебной мотивации. Результаты авторского исследования могут быть использованы преподавателями языковых кафедр высших учебных заведений при разработке и написании учебно-методических пособий и материалов, а также при языковой подготовке будущих специалистов, для которых получение междисциплинарных языковых знаний, навыков и компетенций особо актуально в условиях повсеместной цифровизации ключевых сфер жизнедеятельности общества и трансформации современной системы высшего образования.

Ключевые слова: инновационная методика преподавания, междисциплинарный неологизм, лексическая номинация, цифровое здравоохранение, онлайн-платформа, игровой формат

Для цитирования: Ракова К.В. (2024) Инновационная методика преподавания английского языка с использованием онлайн-платформы YouGlish и формата игры «Скажи иначе» (на примере междисциплинарных неологизмов в сфере цифрового здравоохранения). *Филологические науки в МГИМО*. 10(2), С. 141–153. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-141-153>

1. Введение

Широкое распространение передовых цифровых технологий и их активное внедрение в ключевые сферы общественной жизни качественно изменяют свойства социального взаимодействия индивидов. Современное общество характеризуется социо-техно-природной реальностью [8], [20], в которой язык является одним из маркеров происходящих в обществе трансформаций и социокультурных изменений. Социальные турбулентности также находят своё отражение в форме новейших лексических единиц, которые, изначально выполняя роль неузальных новообразований и неологизмов, постепенно получают широкое распространение и входят в массовое употребление. Одним из социальных триггеров интенсификации процесса возникновения неологизмов последних лет выступила пандемия коронавируса и последующая за ней стремительная цифровизация современной системы здравоохранения. Онлайн-формат получения базовых медицинских услуг, прежде рассматриваемый научным сообществом как дисфункциональный и рискованный [2], [3], [5], [9], [10], [11], постепенно входит в обыденную жизнь человека как эффективный и комфортный метод самостоятельной диагностики здоровья, трансформируя также и образовательный процесс в высших учебных заведениях. Так, инновационные технологические процессы в современной системе здравоохранения обусловили необходимость в разработке междисциплинарных образовательных программ с целью формирования и развития принципиально новых знаний, навыков и компетенций у будущих специалистов.

Цифровизация системы здравоохранения по своему влиянию выходит за пределы области медицины, усложняя социальную коммуникацию индивидов и обуславливая необходимость в международном сотрудничестве специалистов как в сфере предоставления медицинских услуг, так и в сфере информационных технологий. Одним из примеров проявления инновационной междисциплинарности в системе образования является создание кафедры информационных и интернет-технологий в Первом МГМУ им. И.М. Сеченова¹, на базе которой реализуются программы профессиональной подготовки будущих медицинских работников с учётом становления

¹ Кафедра информационных и интернет-технологий ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России [Электронный ресурс] – URL: <https://www.sechenov.ru/univers/structure/institute/institut-tsifrovoy-meditsiny/kafedry-icm/kafit/employees/> (дата доступа: 19.02.2024).

сложных реалий современности [7]. «Помимо традиционных направлений медицины Сеченовский университет запускает смежные специальности, объединяющие классическое медицинское образование, научные исследования, биомедицину и инновационные технологии. С 2018 года ведётся профессиональная подготовка обучающихся по новым специальностям «профессий будущего»², а с 2023 года открыта новая магистерская программа по профессиональной подготовке IT-медиков по профилю «Бионические системы в медицине», с целью развития у будущих специалистов компетенций «на стыке инжиниринга, IT и медицины»³.

Ещё одним примером внедрения новых междисциплинарных образовательных программ является опыт сотрудничества Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина и Уральского отделения Российской академии наук, результатом которого стала разработка и запуск образовательной программы по подготовке специалистов в области медицинской кибернетики. Как отмечается на официальном сайте Уральского федерального университета, принципиально новым аспектом и отличительной характеристикой программы «Медицинская кибернетика» является то, что будущие выпускники будут обладать всеми необходимыми знаниями, навыками и компетенциями для работы в области цифровой диагностики здоровья, для которой традиционная медицинская профессиональная подготовка является недостаточной. В качестве будущего специалиста в области медицинской кибернетики рассматривается «врач нового типа, готовый работать в системе здравоохранения с глубоким проникновением IT-технологий, участвовать в разработке новых методов диагностики и новых лекарственных препаратов в фармацевтических и биомедицинских компаниях»⁴. Внедрение цифровых технологий обусловило не только трансформацию системы высшего образования, привнося в неё значимый элемент междисциплинарности, но и переход университетского образования на новый уровень – с учётом новейших трансформаций современного общества и их влияния на характер профессиональной деятельности в перспективе при подготовке будущих специалистов, что позволяет им уже сегодня получать и развивать принципиально новые навыки и компетенции, которые будут востребованы в ближайшем будущем.

Наблюдаемые масштабные изменения в современном образовательном процессе также свидетельствуют о появлении новых междисциплинарных лексических номинаций, которые напрямую связаны с внедрением цифровых технологий в ключевые сферы общественной жизни, и медицину в том числе. Условно можно разделить новые междисциплинарные лексические единицы на те, которые связаны с появлением новых профессий, и те, которые возникли в связи с появлением новых форм предоставления медицинских услуг. Так, например, в современном обществе сформировалась потребность в создании новой профессии – IT-медик, который обладает междисциплинарными компетенциями медицинского работника и программиста, так как его профессиональная деятельность связана с разработкой и внедрением медицинских цифровых систем и обработкой медицинских данных [1, с. 64]. Как следствие, это обусловило возникновение и нового понятия в русском языке – «IT-медик». Однако, если в русском языке термин представлен в форме сложносоставного слова с дефисным написанием, образованного от сокращения по алфавитному названию начальных букв словосочетания «информационные технологии» путём добавления к нему слова «медик», то в английском языке в качестве новой лексической номинации, имеющей русский эквивалент «IT-медик», используются понятия Medical AI Expert⁵

² Молекулярный диетолог и IT-медик: новые специальности Сеченовского университета [Электронный ресурс] – URL: <https://www.sechenov.ru/pressroom/news/molekulyarnyy-dietolog-i-it-medik-novye-spetsialnosti-sechenovskogo-universiteta/> (дата доступа: 19.02.2024).

³ В Сеченовском Университете впервые в России начнут готовить специалистов по разработке гибкой электроники для бионических систем [Электронный ресурс] – URL: <https://www.sechenov.ru/pressroom/news/v-sechenovskom-universitete-vpervyye-v-rossii-nachnut-gotovit-spetsialistov-po-razrabotke-gibkoy-elek/> (дата доступа: 21.02.2024).

⁴ Цифровая медицина и биоинформатика [Электронный ресурс] – URL: <https://programms.edu.urfu.ru/ru/10185/> (дата доступа: 18.02.2024).

⁵ How to become an AI Medical Expert – A 10-Step Guide For Healthcare Professionals [Электронный ресурс] – URL: <https://www.zagabriamedical.com/how-to-become-an-ai-medical-expert-a-10-step-guide-for-healthcare-professionals/> (дата доступа: 26.02.2024).

или Healthcare AI Engineer⁶. Из этого следует, что применение метода калькирования при переводе междисциплинарных терминов с русского на английский язык или наоборот, как правило, не позволяет сохранить оригинальное лексическое значение понятия, в связи с чем считаем целесообразным использовать метод описательного или разъяснительного перевода, раскрывающий лексические особенности переводимого термина и сохраняющий оригинальный смысл лексической номинации при переводе отобранных нами релевантных терминов с английского языка на русский.

Таким образом, в современном обществе отмечается цепь социокультурных изменений, в контексте которых развитие информационных технологий и цифровизация системы здравоохранения вызвали потребность в появлении новых медицинских специальностей, что, как следствие, стало фактором создания не только соответствующих образовательных программ по «гибридной» междисциплинарной подготовке специалистов, но также обусловило возникновение новых междисциплинарных терминов и понятий. «Цифровые» вызовы в сфере медицины ставят перед институтом образования новую задачу: развитие человеческого потенциала будущих специалистов. Так, в феврале 2024 года было подписано соглашение о сотрудничестве Сеченовского университета Минздрава РФ и компании «Яндекс», одной из целей которого является «поддержка образовательных программ в области IT для медицины»⁷. Следует отметить, что социокультурные трансформации современного общества обуславливают востребованность инновационных процессов в системе высшего образования, в частности, в разработке образовательных программ по языковой подготовке будущих специалистов с целью развития междисциплинарных навыков и компетенций, необходимых для работы с международными информационными источниками информации и базами данных, анализа динамики современных социальных процессов, установления профессиональных контактов и не только.

2. Материалы и методология

Наблюдаемые изменения в образовательном процессе и возникновение новых профессий в условиях внедрения цифровых технологий в основные сферы жизнедеятельности общества оказывают непосредственное влияние на язык, пополняя его новыми лексическими единицами, что также необходимо принимать во внимание при языковой подготовке будущих специалистов-международников. В современном английском языке появляются новые междисциплинарные термины, формирующиеся в соответствии с современными тенденциями и трансформациями в обществе. Цель нашего исследования заключается в формулировании инновационного подхода к усвоению и запоминанию новых междисциплинарных лексических единиц, который будет эффективен для трёх типов личности (аудиалисты, визуалисты и практисты) одновременно на примере неологизмов английского языка, связанных по своему значению с процессами внедрения цифровых технологий в современную систему здравоохранения. Перевод отобранных нами лексических номинаций с английского на русский язык был осуществлён автором с использованием метода описательного (разъяснительного) перевода. Для поиска актуальных лексических единиц современного английского языка, используемых специалистами и учёными при проведении исследований и обсуждении проблем, связанных с областью цифровой медицины и онлайн-диагностики здоровья, нами были отобраны и проанализированы статьи, опубликованные в марте 2024 года в рецензируемом медицинском академическом журнале «Ланцет. Цифровое здравоохранение» (англ.: The Lancet Digital Health), который посвящён вопросам использования

⁶ AI Jobs in Healthcare [Электронный ресурс] – URL: <https://www.healthcareitleaders.com/blog/ai-jobs-in-healthcare/> (дата доступа: 17.02.2024).

⁷ Сеченовский Университет и Яндекс будут вместе развивать ИИ для медицины и фармацевтики [Электронный ресурс] – URL: <https://www.sechenov.ru/pressroom/news/sechenovskiy-universitet-i-yandeks-budut-vmeste-razvivat-ii-dlya-meditsiny-i-farmatsevtiki/> (дата доступа: 16.02.2024).

цифровых технологий в сфере здравоохранения и клинической медицины (издательство Elsevier, Великобритания; индексация в МБД Scopus, Q1). Выбор научного журнала был обусловлен применением фильтров расширенного поиска источников в международной базе данных Scopus по следующим критериям:

- отрасль науки (Computer Science – Human-Computer Interaction; Health professions – Health Information Management, Health Professions (miscellaneous); Medicine – Health Informatics; Social Sciences – Communication, Health (social science), Social Sciences (miscellaneous), Sociology and Political Science);
- квартиль (Q1);
- период (2022 – 2024);
- тип источника (журналы, только с открытым доступом).

Таким образом нами был проведён контент-анализ 14 научных публикаций, на основе которого был сформулирован перечень из 16 релевантных лексических номинаций, связанных по своему содержанию с новейшими процессами, происходящими в современной системе здравоохранения, что, как следствие, обосновывает их релевантность и актуальность в контексте совершенствования образовательного подхода к языковой подготовке будущих специалистов-международников.

3. Результаты

Итоги проведённого контент-анализа научных статей, опубликованных в 2024 году в журнале *The Lancet Digital Health*, позволили нам сформировать перечень актуальных слов и словосочетаний, отражающих новейшие трансформации современной системы здравоохранения в условиях внедрения цифровых технологий в клиническую медицину, который включает такие понятия, как: digital health tools, AI-assisted tools, tools of medical decision making, clinical decision support system (CDSS); telehealth coaching; smartwatch data, smartphone data, fitness tracker data, tablet data, digital health application data; computer-aided detection (CAD) systems, computer-aided diagnosis (CAD); (portable, rugged, trustworthy) point-of-care testing (POCT), rigorous data preprocessing, automated detection, user-friendly web platform, automated detection. Перейдём к анализу отобранных терминов и понятий, предложенному авторскому переводу на русский язык с использованием метода описательного (разъяснительного) перевода, а также к примерам их употребления.

3.1. Digital health tools / AI-assisted tools (цифровые приспособления для диагностики здоровья / устройства для диагностики здоровья с помощью искусственного интеллекта)

«The data could serve as a foundation for bespoke national strategies and help to identify where implementation of *digital health tools* could be most impactful, to ensure timely diagnosis and improve quality of care» [13, с. 145] (Эти данные могли бы послужить основой для разработки специальных национальных стратегий, а также способствовать выявлению тех областей, в которых внедрение *цифровых приспособлений для диагностики здоровья* могло бы быть наиболее эффективно с целью обеспечения своевременной диагностики и улучшения качества медицинского обслуживания⁸). «...More legitimate laws and regulations for *AI-assisted tools* are required...» [12, с. 185] (Востребовано создание более разумных законов и нормативных актов для [медицинских] устройств с поддержкой искусственного интеллекта). Данные лексические номинации следует дополнить двумя терминами, близкими по своему лексическому значению – *tools of medical decision making* [21] и *clinical decision support system (CDSS)* [19], под которыми понимаются системы поддержки принятия клинических решений, как правило, представляющие собой специализированное программное обеспечение, действующее на основе алгоритмов искусственного интеллекта и аккумулирующее медицинскую информацию и данные о пациенте с целью оказания помощи врачам посредством упрощения процесса принятия решений относительно плана лечения или выбора клинических

⁸ Здесь и далее перевод мой. – К.Р.

процедур, которое снижает вероятность врачебной ошибки, сокращает количество неправильно поставленных диагнозов и предоставляет верифицированную медицинскую информацию. Подобные новшества в области цифрового здравоохранения получают всё большее распространение и широкое применение не только среди врачей-специалистов, но и среди самих пациентов, которые активно используют онлайн-платформы и сервисы по автоматической диагностике здоровья с целью проведения независимой онлайн-диагностики своего здоровья или перепроверки диагноза, ранее поставленного медицинским работником.

3.2. **Telehealth coaching** (тренинг по телемедицине)

«...Compared with combined interventions that added either peer support via a social media discussion board, strengths-based *telehealth coaching* from near-peer paraprofessionals, or both...» [17, с. 146] (По сравнению с комбинированными практиками посредничества, которые добавляли либо поддержку со стороны сверстников в сообществах социальных сетей, тренинг по телемедицине, основанный на сильных сторонах пациента, от парапрофессионалов, близких к сверстникам, либо и то, и другое). Тренинги и коучинги в области здравоохранения обретают популярность среди населения в связи с удобством самого формата получения медицинских услуг и низкими временными издержками по сравнению с очным визитом в поликлинику. Пациенты используют дистанционные онлайн-каналы коммуникации с медицинскими работниками, включая медицинские интернет-сервисы и мобильные приложения, для получения онлайн-консультаций и рекомендаций по профилактике и лечению различных заболеваний без коммуникации лицом-к-лицу с врачом.

3.3. **Smartwatch data** (данные, полученные с помощью умных часов)

«...Leveraging *smartwatch data* for the detection of sudden cardiac arrest has not been rigorously studied...» [18, с. 148] (Использование данных, полученных с помощью умных часов, для выявления внезапной остановки сердца не изучалось досконально...). К понятию «данные, полученные с помощью умных часов» следует также отнести смежные термины, отражающие разнообразие современных «умных устройств», используемых при самостоятельной онлайн-диагностике здоровья, включая смартфоны, фитнес-трекеры, планшеты, телемедицинские онлайн-сервисы и приложения, которые также аккумулируют данные о состоянии здоровья человека в фоновом режиме: *smartphone data*, *fitness tracker data*, *tablet data*, *digital health application data* и др. По нашему мнению, одной из причин возникновения целой группы близких лексических номинаций данной категории является удобство использования различных смарт-устройств и их растущая доступность, что способствует стремительному росту количества пользователей «умных устройств» со встроенными приложениями и программами для онлайн-диагностики здоровья, которыми являются не только медицинские работники и пациенты, но и рядовые граждане, и дети в том числе.

3.4. **Computer-aided detection (CAD) system** (системы автоматизированного обнаружения)

«The use of machine-learning or deep-learning systems, also known as *computer-aided detection (CAD) systems*, in colonoscopy has been shown to increase detection rates...» [16, с. 157] (Было показано, что использование систем машинного или глубинного обучения, также известных как системы автоматизированного обнаружения, при колоноскопии увеличивает частоту своевременного выявления заболевания или недуга). К данному термину также следует добавить концепт *computer-aided diagnosis (CAD)*, под которым понимается компьютерная автоматизированная система, помогающая медицинскому работнику при интерпретации рентген-снимков, результатов МРТ, эндоскопической и ультразвуковой диагностик и пр., и представляющая релевантную медицинскую информацию для дальнейшего анализа и ускоренного формирования врачебного заключения.

3.5. **Point-of-care testing (POCT)** (самостоятельная диагностика здоровья с помощью автономных портативных устройств)

«...Patients for whom there was a failure to perform *point-of-care testing* or for whom informed consent was missing were excluded...» [21, с. 168] (Пациенты, которым не удалось провести самостоятельную диагностику здоровья с помощью автономных портативных устройств, или пациенты, которые не дали добровольного согласия на медицинское вмешательство, были исключены из исследования). Под термином *point-of-care testing* рассматриваются автономные портативные

устройства для самостоятельной диагностики здоровья пациентом вне медицинских учреждений. В источнике также даются прилагательные, которые употребляются с данным термином: *portable* (портативный), *rugged* (надёжный, износостойкий) и *trustworthy* (заслуживающий доверие) [21, с. 173]. Отличительными особенностями подобных устройств является проведение диагностики непосредственно в присутствии пациента и получение её результатов за максимально возможное короткое время. Классификация и характеристики функционирования данных портативных медицинских устройств рассмотрены в исследовании российских учёных на тему: «Устройства point-of-care (POC): классификация и основные требования» [6]. Как правило, к таким устройствам относят экспресс-тесты (тест-полоски), диагностические приборы, медицинские программы и приложения для смартфонов и «умных часов».

3.6. Rigorous data preprocessing (тщательная обработка данных)

«...It can be concluded that *rigorous data preprocessing* might be a first step towards building a stable and generalisable AI model in the real-world clinical setting...» [12, с. 183] (Можно прийти к заключению, что предварительная тщательная обработка медицинских данных может стать первым шагом на пути к воссозданию стабильной и обобщаемой модели, разработанной с помощью искусственного интеллекта, в реальных клинических условиях).

3.7. User-friendly web platform (удобная для пользователей веб платформа)

«...We therefore provide these models in CentileBrain, a *user-friendly web platform* that enables the estimation of normative deviation scores from any sample with minimal technical and computing requirements...» [15, с. 220] (Поэтому мы предоставляем эти модели в удобной для пользователя веб-платформе CentileBrain, которая позволяет оценивать показатели нормативных отклонений по любой выборке при минимальных технических и вычислительных требованиях).

Лексические номинации *rigorous data preprocessing* и *user-friendly web platform* отличаются своей универсальностью и активно используются не только среди специалистов в области цифрового здравоохранения и цифровой медицины, но и в программировании, в частности при статистической обработке данных и создании онлайн-платформ и сервисов, а также в различных отраслях науки, включая демографию, социологию, журналистику и др. Междисциплинарность данных двух лексических номинаций и универсальность их использования в контексте повсеместной цифровизации общества позволяет обосновать актуальность их включения в образовательные программы языковой подготовки будущих специалистов-международников с различной профессиональной ориентацией.

3.8. Automated detection (автоматическое обнаружение)

«...These promising findings warrant further development of this wearable technology to enable *automated cardiac arrest detection* and alarming in a home setting...» [14, с. 201] (Такие многообещающие результаты требуют дальнейшей разработки портативных технических средств [смарт-браслетов], позволяющих автоматически обнаружить признаки остановки сердца и подавать сигнал тревоги в домашних условиях). В данном контексте термин используется в значении автоматической опции обнаружения признаков остановки сердца, однако лексическая номинация *automated detection* может быть использована в различных контекстах и значениях, в зависимости от того, какое заболевание или недуг смарт-устройство способно автоматически обнаружить с помощью датчиков. Примером образования новых лексических единиц, на основе вышеуказанного, могут служить такие понятия как: *automated disease detection* (автоматическое обнаружение заболевания), *automated symptom detection* (автоматическое обнаружение симптомов), *automated allergen detection* (автоматическое обнаружение аллергенов) и т.п.

4. Комбинированный метод запоминания новых лексических номинаций

При разработке эффективного метода усвоения и запоминания отобранных лексических единиц мы учитывали классификацию существующих типов личности по способу восприятия новой информации, согласно которой следует выделять *аудиалистов* (наиболее эффективный способ запоминания при восприятии информации с помощью органов слуха), *визуалистов* (наиболее

эффективный способ запоминания при восприятии информации с помощью органов зрения) и *практистов* (наиболее эффективный способ запоминания при осуществлении практических упражнений и заданий, связанных по своему содержанию и смыслу с новой информацией, которую необходимо запомнить). В качестве одного из наиболее эффективных методов усвоения новых лексических номинаций при изучении английского языка, подходящего одновременно для трёх типов личности по способу восприятия информации, мы предлагаем использование онлайн-сервиса YouGlish (URL: www.youglish.com), в котором с помощью алгоритмов искусственного интеллекта осуществляется отбор релевантных видео с использованием нужного для пользователя слова или словосочетания. Онлайн-платформа позволяет не только найти видео, в которых употребляется и обсуждается интересующий пользователей термин или выражение, но и выбрать различные варианты английского языка (американский, британский, австралийский, канадский, ирландский, шотландский, новозеландский) или установить фильтр сразу для всех 7 вариантов. Одновременно с проигрыванием видео на странице включаются субтитры в формате бегущей строки, в которой жёлтым цветом выделяется искомое слово или выражение. Одним из преимуществ использования онлайн-сервиса YouGlish в образовательных целях является то, что отобранные по параметрам видео не только содержат активную лексическую номинацию, но и сама тематика данных видео посвящена проблематике, напрямую связанной с изучаемой лексической номинацией, что позволяет погрузить обучаемого в смысловой контекст и облегчает процесс запоминания новых слов, закрепляя их лексическое значение в памяти реципиента. Более того, в отличие от распространённой практики изучения целого блока активной лексики, состоящего, как правило, из 10-15 новых слов и выражений, упоминающихся спикером в *одной* видеозаписи, которую обучающиеся смотрят на занятии, использование платформы YouGlish позволяет подобрать сразу несколько видео, *каждое* из которых по своему содержанию напрямую связано *только с одной* лексической номинацией, что одновременно повышает эффективность её запоминания, так как весь видеоматериал содержательно связан только с *одним* неологизмом, что не только полностью погружает зрителя в контекст, но и показывает ситуации или случаи его употребления носителями языка. Также, функционал данного онлайн-сервиса позволяет обеспечить эффективное усвоение новых лексических номинаций тремя типами личности по способу восприятия информации. Так, для *практистов* предложенный метод обеспечивает необходимость выполнения практического задания по поиску того или иного понятия или выражения, так как сам термин необходимо ввести в поисковую строку на сайте и настроить фильтры поиска видео по нужному варианту английского и скорости воспроизведения; у *аудиалистов* при просмотре отобранного с помощью онлайн-сервиса релевантного видео обеспечивается задействование органов слуха и идёт процесс аудио-восприятия новой лексической номинации, употребляемой спикерами в видео; наконец, для *визуалистов* сервис предоставляет возможность увидеть человека или группу людей, которые употребляют активную для зрителя лексику и обсуждают темы, непосредственно относящиеся по своему содержанию к изучаемой лексической номинации, а также получают дополнительные видео-эпизоды, вводящие в контекст её употребления и затрагивающие смежные по значению проблематики. Например, при работе с лексической номинацией *smartwatch data* онлайн-сервис YouGlish позволил подобрать 4 видео, в которых специалисты обсуждают использование данных, полученных с помощью умных часов. В частности, видеозаписи посвящены новейшим технологиям в нейронауке, презентации умных часов с операционной системой Android, предсказаниям относительно функционала умных устройств, а также опыту использования умных часов для самостоятельной диагностики здоровья. Следует отметить, что сервис даёт возможность выбора скорости воспроизведения подобранного видео – от режима замедленного до ускоренного воспроизведения, что также способствует повышению эффективности использования онлайн-платформы YouGlish при запоминании неологизмов обучающимися. Так, например, замедленный режим воспроизведения видео позволяет сделать фонетический разбор слова или словосочетания, услышать его правильное произношение и облегчить процесс его запоминания, что особенно эффективно и полезно для обучающихся-аудиалистов и визуалистов. Данный метод предлагается использовать в комплексе с лингвистической практикой, основанной

на правилах игры «Скажи иначе», в которой участники должны устно объяснить слово, напечатанное на карточке, с одной стороны которой даётся новая лексическая единица на английском языке, с обратной – её перевод на русский язык (рис. 1), при этом не используя синонимы или однокоренные термины.

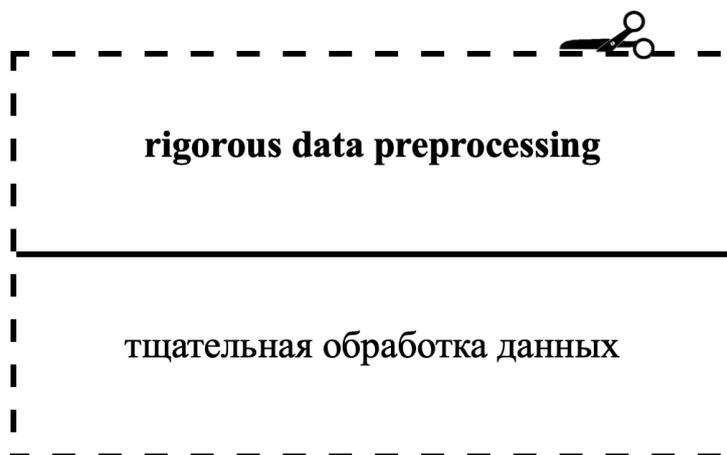

Рис. 1. Образец карточки с лексической номинацией для использования формата игры «Скажи иначе» в образовательном процессе

Предполагается, для повышения эффективности использования данного метода в образовательном процессе необходимо предварительно задействовать первый метод, то есть ознакомить обучающихся с новыми лексическими единицами на английском языке и их переводом на русский язык, просмотреть видео, отобранные обучающимися с помощью онлайн-сервиса YouGlish, а затем перейти к практике устного объяснения новых терминов на английском языке по аналогии с игрой «Скажи иначе»: новые лексические единицы должны быть представлены на отдельных карточках, которые обучающиеся по очереди тянут в случайном порядке и объясняют своим одноклассникам их значение в устной форме на английском языке, без использования невербальных форм коммуникации и избегая употребления однокоренных слов и синонимов (использование антонимов или антонимичных определений допускается). Результаты пробного использования автором данного метода среди обучающихся 2 и 3 курса бакалавриата и 1 курса магистратуры Факультета международной журналистики МГИМО, изучающих английский язык (на материалах активной лексики из учебно-методических пособий их программ обучения), показали, что активизация когнитивного процесса при подборе выражений, примеров использования, а также ситуаций, связанных по значению с лексической номинацией, которые обучающиеся осуществляют на английском языке, облегчает и ускоряет процесс запоминания новой лексической единицы. Более того, использование игрового формата работы с новой лексикой по аналогии с игрой «Скажи иначе» способствует эффективному усвоению новых лексических номинаций обучающимися в долгосрочной перспективе, совершенствует их навык говорения, «расширяя словарный запас, кругозор и способы выражения мыслей на иностранном языке, позволяя преодолевать страх перед ошибкой, а также в рамках командной работы сплотить их коллектив» [4, с. 49].

5. Обсуждение. Заключение

Проведённый контент-анализ позволил выявить актуальные лексические номинации, которые по своему содержанию отражают социальные изменения, происходящие в современном обществе и обусловленные технологическими инновациями и активным использованием цифровых устройств в системе здравоохранения. По итогам исследования был составлен перечень активной лексики (active vocabulary), посвящённой таким тематическим блокам, как социология искусственного интеллекта в медицине (Sociology of AI-Medicine) и социология

онлайн-диагностики здоровья (Sociology of online health diagnostics), который включает новые лексические единицы, используемые современным научным сообществом в соответствии с инновационными процессами в сфере здравоохранения. Безусловно, следует отметить ограничения нашего исследования. В результате проведённого контент-анализа был составлен неполноценный перечень новейших лексических единиц, возникших в современном английском языке и связанных по своему содержанию с цифровыми технологиями в системе здравоохранения, – в настоящее время появилось большое количество неологизмов, используемых в сфере цифровой медицины, однако рассмотреть их все в одной научной публикации не представляется для нас возможным, поэтому мы ограничились наиболее актуальным набором междисциплинарных лексических номинаций, которые соответствуют уровням владения английским языком B2-C1 и подходят для профессиональной языковой подготовки будущих социологов-международников. Мы также посчитали целесообразным не включать в перечень профессиональные медицинские термины, которые имеют сложное лексическое значение и требуют дополнительной квалификации для их восприятия и понимания, так как их употребление не является широко распространённым и, как правило, ограничивается рамками медицинского сообщества.

Тестовое использование сформулированной автором методики среди обучающихся 2-3 курсов бакалавриата и 1 курса магистратуры показало эффективность комплексного применения онлайн-платформы YouGlish и игрового формата по аналогии с игрой «Скажи иначе» при изучении и запоминании новых междисциплинарных лексических единиц для трёх типов личности по восприятию новой информации (аудиалистов, визуалистов и практистов), в дополнение к чему у обучающихся развиваются навыки говорения на иностранном языке и компетенции, необходимые для работы в команде, а также повышается учебная мотивация и активность. Результаты и материалы проведённого исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий для профессиональной языковой подготовки обучающихся старших курсов бакалавриата Факультета международной журналистики МГИМО, изучающих английский язык и обучающихся по направлению подготовки «Социология цифровых коммуникаций», с целью развития профессионально значимых и актуальных языковых навыков и междисциплинарных знаний в соответствии с новейшими социокультурными процессами и трансформациями, происходящими в современном обществе.

© Ракова К.В., 2024

Список литературы

1. Атлас новых профессий 3.0. / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Интеллектуальная Литература, 2020. 456 с.
2. Баранов А.А. Телемедицина – перспективы и трудности перед новым этапом развития / А.А. Баранов, Е.А. Вишнева, Л.С. Намазова-Баранова // Педиатрическая фармакология. 2013. №3. С. 6–11.
3. Владимирский А.В. Телемедицина: руководство / А.В. Владимирский, Г.С. Лебедев. М.: ГЭОТАР-медиа, 2018. 576 с.
4. Гойнаш А.В. Игра «UNI-Alias» как способ развития базовых коммуникативных компетенций на иностранном языке // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. №2(46). С. 47–50.
5. Гуцин А.В. Здоровье и качество жизни населения: концепция интернет-системы сбора и обработки данных // Социологические исследования. 2016. №7. С. 119–123.
6. Зубик А.Н. Устройства point-of-care (POC): классификация и основные требования / А.Н. Зубик, Г.Е. Рудницкая, А.А. Евстапов и др. // Научное приборостроение. 2022. Том 32. №3. С. 3–29.
7. Кравченко С.А. Развитие предмета социологии: от монодисциплинарности к меж- и постдисциплинарности // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 16–26.
8. Кравченко С.А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодёжной среде // Социологические исследования. 2019. №10. С. 48–57.
9. Леванов В.М. Телемедицина в эпидемиологической практике: состояние и перспективы / В.М. Леванов, И.А. Камаев, Е.А. Перевезенцев и др. // Вестник Ивановской медицинской академии. 2017. №1(22). С. 13–16.
10. Меньшикова Л.И. Телемедицинские технологии: выгода и риски // Здравоохранение. 2017. №9. С. 96–102.
11. Павленко Е.В. О готовности врачей к использованию новейших информационно-коммуникационных технологий в здравоохранении / Е.В. Павленко, Л.Е. Петрова // Социологические исследования. 2016. №4. С. 103–110.
12. Cai G. Artificial intelligence-based models enabling accurate diagnosis of ovarian cancer using laboratory tests in China: a multicentre, retrospective cohort study // The Lancet Digital Health. Volume 6. Issue 3 / G. Cai, F. Huang, Y. Gao et al., 2024. P. e176–e186. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(23\)00245-5](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(23)00245-5).

13. Digital transformation of ovarian cancer diagnosis and care // *The Lancet Digital Health*. 2024. Vol. 6. Issue 3. P. e145. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(24\)00027-X](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(24)00027-X).
14. Edgar R. Automated cardiac arrest detection using a photoplethysmography wristband: algorithm development and validation in patients with induced circulatory arrest in the DETECT-1 study // *The Lancet Digital Health*. Volume 6. Issue 3 / R. Edgar, N. Scholte, K. Ebrahimkheil, et al., 2024. P. e201–e210. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(23\)00249-2](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(23)00249-2).
15. Ge R. Normative modelling of brain morphometry across the lifespan with CentileBrain: algorithm benchmarking and model optimization // *The Lancet Digital Health*. Volume 6. Issue 3 / R. Ge, Y. Yu, Y. Xuan, et al., 2024. P. e211–e221. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(23\)00250-9](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(23)00250-9).
16. Maas H.J.M. A computer-aided polyp detection system in screening and surveillance colonoscopy: an international, multicentre, randomised, tandem trial // *The Lancet Digital Health*. Volume 6. Issue 3 / H.J.M. Maas, H. Neumann, H. Shirin et al., 2024. P. e157–e165. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(23\)00242-X](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(23)00242-X).
17. Moitra E. Reducing HIV incidence among young people identifying as sexual and gender minorities // *The Lancet Digital Health*. Volume 6. Issue 3 / E. Moitra, B.L. Whiteley, 2024. P. e146–e147. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(24\)00023-2](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(24)00023-2).
18. Somani S. Just in time: detecting cardiac arrest with smartwatch technology // *The Lancet Digital Health*. Volume 6. Issue 3 / S. Somani, J.A. Rogers, 2024. P. e148–e149. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(24\)00020-7](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(24)00020-7).
19. Sutton R.T. An overview of clinical decision support systems: benefits, risks, and strategies for success // *NPJ Digital Medicine*. Volume 3 / R.T. Sutton, D. Pincock, D.C. Baumgart, et al., 2020. P. 1–10. DOI: [10.1038/s41746-020-0221-y](https://doi.org/10.1038/s41746-020-0221-y).
20. Urry J. *Global Complexity* / J. Urry. Cambridge: Polity Press, 2003. 184 p.
21. Villamor M.C. Comparison of eight prehospital early warning scores in life-threatening acute respiratory distress: a prospective, observational, multicentre, ambulance-based, external validation study // *The Lancet Digital Health*. Volume 6. Issue 3 / M.C. Villamor, M. Alonso-Sanz, R. López-Izquierdo, et al., 2024. P. e166–e175. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(23\)00243-1](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(23)00243-1).

References

1. *Atlas novykh professii 3.0*. [New Professions Atlas 3.0] / pod red. D. Varlamovoi, D. Sudakova. M.: Intellektual'naiia Literatura, 2020. 456 s.
2. Baranov, A.A. Telemeditsina – perspektivy i trudnosti pered novym etapom razvitiia [Telemedicine – prospects and difficulties before a new stage of development] / A.A. Baranov, E.A. Vishneva, L.S. Namazova-Baranova // *Pediatricheskaia farmakologiya*. 2013. №3. S. 6–11.
3. Vladzimirskii, A.V. *Telemeditsina: rukovodstvo* [Telemedicine. Guide] / A.V. Vladzimirskii, G.S. Lebedev. M.: GJeOTAR-media, 2018. 576 s.
4. Goinash, A.V. Igra «UNI-Alias» kak sposob razvitiia bazovykh kommunikativnykh kompetentsii na inostrannom iazyke [The game «UNI-Alias» as a way to develop basic communicative competencies in a foreign language] // *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2020. №2(46). S. 47–50.
5. Gushhin, A.V. Zdorov'e i kachestvo zhizni naseleniia: konceptsiia internet-sistemy sbora i obrabotki dannykh [Health and quality of life of the population: the concept of an online data collection and processing system] // *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2016. №7. S. 119–123.
6. Zubik, A.N. Ustroistva point-of-care (POC): klassifikatsiia i osnovnye trebovaniia [Point-of-care (POC) devices: classification and basic requirements] / A.N. Zubik, G.E. Rudnitskaia, A.A. Evstrapov, T.A. Lukashenko // *Nauchnoe priborostroenie*. 2022. Tom 32. №3. S. 3–29.
7. Kravchenko, S.A. Razvitie predmeta sotsiologii: ot monodistsiplinarnosti k mezh- i postdistsiplinarnosti [Development of the subject of sociology: from monodisciplinarity to inter- and post-disciplinarity] // *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2020. № 3. S. 16–26.
8. Kravchenko, S.A. Tsfrovye riski, metamorfozy i tsentrobezhnye tendentsii v molodezhnoi srede [Digital risks, metamorphoses and centrifugal trends among the young people] // *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2019. №10. S. 48–57.
9. Levanov, V.M. Telemeditsina v epidemiologicheskoi praktike: sostoianie i perspektivy [Telemedicine in epidemiological practice: state and prospects] / V.M. Levanov, I.A. Kamaev, E.A. Perevezentsev, M. Iu. Gritsai // *Vestnik Ivanovskoi meditsinskoi akademii*. 2017. №1(22). S. 13–16.
10. Men'shikova, L.I. Telemeditsinskie tekhnologii: vygoda i riski [Telemedicine technologies: benefits and risks] // *Zdravookhranenie*. 2017. №9. S. 96–102.
11. Pavlenko, E.V., Petrova, L.E. O gotovnosti vrachei k ispol'zovaniiu noveishikh informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii v zdravookhraneni [On the readiness of doctors to use the latest information and communication technologies in healthcare] / E.V. Pavlenko, L.E. Petrova // *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2016. №4. S. 103–110.
12. Cai, G. Artificial intelligence-based models enabling accurate diagnosis of ovarian cancer using laboratory tests in China: a multicentre, retrospective cohort study // *The Lancet Digital Health*. Volume 6. Issue 3 / G. Cai, F. Huang, Y. Gao et al., 2024. P. e176–e186. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(23\)00245-5](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(23)00245-5).
13. Digital transformation of ovarian cancer diagnosis and care // *The Lancet Digital Health*. 2024. Vol. 6. Issue 3. P. e145. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(24\)00027-X](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(24)00027-X).
14. Edgar, R. Automated cardiac arrest detection using a photoplethysmography wristband: algorithm development and validation in patients with induced circulatory arrest in the DETECT-1 study // *The Lancet Digital Health*. Volume 6. Issue 3 / R. Edgar, N. Scholte, K. Ebrahimkheil, et al., 2024. P. e201–e210. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(23\)00249-2](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(23)00249-2).
15. Ge, R. Normative modelling of brain morphometry across the lifespan with CentileBrain: algorithm benchmarking and model optimization // *The Lancet Digital Health*. Volume 6. Issue 3 / R. Ge, Y. Yu, Y. Xuan, et al., 2024. P. e211–e221. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(23\)00250-9](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(23)00250-9).

16. Maas, H.J.M. A computer-aided polyp detection system in screening and surveillance colonoscopy: an international, multicentre, randomised, tandem trial // *The Lancet Digital Health*. Volume 6. Issue 3 / H.J.M. Maas, H. Neumann, H. Shirin et al., 2024. P. e157–e165. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(23\)00242-X](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(23)00242-X).
17. Moitra, E. Reducing HIV incidence among young people identifying as sexual and gender minorities // *The Lancet Digital Health*. Volume 6. Issue 3 / E. Moitra, B.L. Whiteley, 2024. P. e146–e147. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(24\)00023-2](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(24)00023-2).
18. Somani, S. Just in time: detecting cardiac arrest with smartwatch technology // *The Lancet Digital Health*. Volume 6. Issue 3 / S. Somani, J.A. Rogers, 2024. P. e148–e149. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(24\)00020-7](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(24)00020-7).
19. Sutton, R.T. An overview of clinical decision support systems: benefits, risks, and strategies for success // *NPJ Digital Medicine*. Volume 3 / R.T. Sutton, D. Pincock, D.C. Baumgart, et al., 2020. P. 1–10. DOI: [10.1038/s41746-020-0221-y](https://doi.org/10.1038/s41746-020-0221-y).
20. Urry, J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003. 184 p.
21. Villamor, M.C. Comparison of eight prehospital early warning scores in life-threatening acute respiratory distress: a prospective, observational, multicentre, ambulance-based, external validation study // *The Lancet Digital Health*. Volume 6. Issue 3 / M.C. Villamor, M. Alonso-Sanz, R. López-Izquierdo, et al., 2024. P. e166–e175. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(23\)00243-1](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(23)00243-1).

Сведения об авторе:

Ракова Кристина Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России. Сфера интересов: инновационные методики преподавания иностранных языков, неологизмы английского языка, цифровое здравоохранение.

E-mail: k.rakova@inno.mgimo.ru. ORCID 0000-0002-8842-1920.

Scopus ID 57722743400. WoS ID AHB-0663-2022. РИНЦ Author ID 1111854.

About the Author

Krisitna V. Rakova – PhD, is Associate Professor at Department of the English Language №3, MGIMO University. Spheres of interest: innovative methodologies for teaching foreign languages, neologisms in the English language, digital healthcare.

E-mail: k.rakova@inno.mgimo.ru

ORCID 0000-0002-8842-1920.

Scopus ID 57722743400. WoS ID AHB-0663-2022

* * *

ENGLISH AS A ‘LOCAL’ LANGUAGE IN RUSSIA: THE PRACTICE OF MEANING-MAKING IN IN-GROUP COMMUNICATION

Elena S. Gritsenko

*MGIMO UNIVERSITY
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.*

Alexandra O. Laletina

*HSE University,
Bol'shaya Pecherskaya, 25/12, Nizhny Novgorod, 603155, Russia*

Abstract. The unprecedented global spread of the English language has become the catalyst for its transformation into the local meaning-making resource encoding the communication needs of various speech communities in different parts of the world. This dual process of globalization and localization is particularly evident in the Expanding Circle countries, where originally English had the status of a foreign language and was used primarily to communicate with foreigners. In Russia, which is one of the Expanding Circle countries, various aspects of “glocalization” of English, especially in the sphere of vocabulary, have attracted considerable attention. However, they have not been systemically studied, and our analysis aims to fill this gap. This paper describes the function of English as a language of in-group interaction in Russia. Taking a multiple case study approach and using a constant comparative technique, we reviewed our previous research on the use of English in different communities of practice, namely, the Russian offices of international companies, the young biking community, and the community of popular music professionals. We re-examined all previously collected material, including observational linguistic data and ethnographic interviews, and identified the following three features of English as a “local” language: truncated repertoire, bilingual creativity, or translanguaging, and ingroup-only function. We have also searched the Russian National Corpus for the frequency of several commonly used Anglicisms and English-derived tokens recorded from each community of practice. Based on the multiple case analysis and the Russian National Corpus study, we argue that English and Anglicisms are perceived by community members as an integral part of group repertoire, and group membership hinges on the knowledge of these terms and the ability to use them creatively.

Keywords: globalization of English, language contact, Expanding Circle, communities of practice, translanguaging, group identity, truncated bilingualism, bilingual creativity

For citation: Gritsenko E.S., Laletina A.O. (2024). English as a ‘local’ language in Russia: the practice of meaning-making in in-group communication. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(2), pp. 154–165. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-154-165>

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ЭЛЕМЕНТ ЛОКАЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИК ВНУТРИГРУППОВОГО ОБЩЕНИЯ В РОССИИ

Е.С. Гриценко

*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76*

А.О. Лалетина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская 25/12*

Аннотация. Глобальное распространение английского языка, активно вторгающегося в коммуникативные пространства неанглоязычных стран, стало катализатором его превращения в локальный смыслообразующий ресурс, кодирующий коммуникативные потребности местных речевых сообществ в различных странах мира. Этот амбивалентный процесс глобализации и локализации особенно очевиден в странах «Расширяющегося круга», где английский язык изначально имел статус иностранного и использовался преимущественно для общения с иностранцами. В России, которая входит в число стран «Расширяющегося круга», различные аспекты «глобализации» английского языка всё больше привлекают внимание учёных, однако системно эти вопросы не изучались, и настоящее исследование призвано восполнить этот пробел. В статье описывается функционирование глобального английского во внутригрупповом коммуникативном взаимодействии представителей местных профессиональных и культурных сообществ в России. С опорой на технологию множественных кейс-стади и метод постоянных сравнений, был проанализирован ряд проведённых нами ранее исследований использования глобального английского в различных коммуникативных контекстах, включая российские офисы международных корпораций, общение представителей одной из молодёжных субкультур, а также дискурс российских профессионалов и любителей современной популярной музыки. Повторное рассмотрение собранного ранее материала, в том числе данных включённого наблюдения и квази-этнографических интервью, позволило установить, что для английского языка как «локального», то есть используемого в общении представителей местных групп и сообществ между собой, характерны (1) усечённый речевой репертуар, (2) транслингвизм и(ли) билингвальная языковая игра, а также (3) ограниченность рамками конкретного профессионального и(ли) культурного сообщества. Мы также обратились к Национальному корпусу русского языка и проанализировали частотность наиболее распространённых англицизмов и лексем англоязычного происхождения, используемых в каждом из вышеназванных сообществ. На основе проведённого сравнительного анализа и изучения материалов Национального корпуса русского языка был сделан вывод, что англицизмы воспринимаются членами местных сообществ как неотъемлемая часть внутригруппового речевого репертуара, а членство в группе напрямую зависит от знания англоязычных слов (терминов) и умения творчески их использовать.

Ключевые слова: глобализация английского языка, Расширяющийся круг, языковые контакты, транслингвизм, коммуникативные сообщества, групповая идентичность, усечённый билингвизм, билингвальная языковая игра

Для цитирования: Гриценко Е.С., Лалетина А.О. (2024). Английский язык как элемент локальных речевых практик внутригруппового общения в России. *Филологические науки в МГИМО*. 10(2), С. 154–165. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-154-165>

1. Introduction

English has become an integral part of the Russian linguistic landscape. There is ample research on how English is intricately interwoven into Russian texts in different domains, including commercials and marketing [17], [23], [24], music shows and musical reviews [5], [6], [12], [15], professional communication and recruiting [8], [9], youth subcultures [13], [14], linguistic landscape [2], [21], modern dance [4], and social media [19]. However, the questions of why English is used in these domains, what functions it performs and whether these functions are similar across the domains, remain unclear. Proshina [21] proposed the following classification of the functions of English in Russia: instrumental, informative, ideological, advertising, mass cultural, and creative. Among the reasons behind the expanding functionality of English in Russia, she mentions the development of a “gradual mass passive bilingualism of the Russian population, whose knowledge of English is still far from proficient but who have mastered many English loanwords to use them creatively in speech” [21, p. 192]. Rivlina argued that truncated English-Russian bilingualism has become a mass societal phenomenon and English insertions function as a linguistic tool “to intrigue, to impress, and to entertain the reader/the customer” [23, p. 438], which is achieved by (i) script hybridization; (ii) English-Russian punning; (iii) hybridization of English and Russian morphemes; (iv) English-Russian rhyming; and (v) the deliberate distortion and excessive Russification of English [ibid].

Our prior research on the local communities of practice has revealed plurality of language ideologies and perspectives on the use of English within different groups of speakers. Thus, popular music professionals use English words as preferred professional terms, which they “adapt for Russian mentality” [5, p. 50]. Job seekers resort to English to demonstrate professionalism; recruiters believe that the knowledge of English indicates positive personal characteristics, such as “better educated”, “goal-oriented”, “hard-working”, “diligent”, and “disciplined” [13, p. 676]. Russian professionals in multinational corporations hold varied beliefs about the varieties of English used in different work settings, wherein each variety has a specific symbolic function [14]. Young members of a local biking community actively incorporate Anglicisms into their repertoire to highlight group membership while asserting their Russian identity [1].

The goal of this paper is to identify the common patterns in the use of English across different communities of practice and provide an overarching model of English as a language of an in-group communication in Russia.

2. Conceptual Framework

Our analysis is grounded in the following complementary theories and concepts of language. Firstly, we draw on Wenger’s definition of a *community of practice* (CoP) and its three constituent elements: “joint enterprise, mutuality, and shared repertoire” [26]. Another useful concept is *situated learning* as “increasing participation in the community of practice”. It implies a life trajectory from a newcomer to an old-timer through apprenticeship, or what Lave and Wenger [18] call “legitimate peripheral participation”. Newcomers learn from the old-timers by taking part in routine aspects of practice. As they master the practices, they move from legitimate periphery to full membership.

Secondly, following Blommaert [9] we understand language as a translocal mobile resource, a set of semiotic repertoires used to achieve specific communicative goals, and define it as “dynamic and creative linguistic practices that involve flexible use of named languages and language varieties as well as other semiotic resources” [9, p. 14].

Finally, we use Halliday's systemic functional approach to analyze the function of English in Russian professional communities. According to Halliday [16], language serves three main functions – ideational, interpersonal, and textual. The ideational metafunction concerns language as a representation of the world around us, communicating ideas and logically connecting them. The interpersonal metafunction conveys relational aspect of the text as an exchange between the speaker/writer and the audience. The textual metafunction is what holds the text together, namely its structure, sequencing, and cohesion.

The goal of our analysis is to understand how English is used as a translocal mobile resource in professional communities of practice and what metafunction(s) it performs within in-group interaction.

3. Material and Methodology

The paper adopted a multiple case study approach [27] and has a distinctly ethnographic perspective. Three settings serve as case studies: international workplace, youth bike-riding subculture, and popular music discourse. The settings fit *neatly into Etienne's* [26] definition of communities of practice. In all three cases (1) members “are bound together by their collectively developed understanding of what their community is about” and “hold each other accountable in this sense of joint enterprise” [26, p. 229]; (2) they “build their community through mutual engagement” and “interact with one another establishing norms and relationships of *mutuality*, that reflect these interactions” [ibid.]”; (3) they have “a *shared repertoire* of communal resources – language, routine, sensibilities, artefacts, tools, stories, styles, etc.” [ibid.]

Observational linguistic data and ethnographic interviews were collected and analyzed for each case individually during 2012-2020.

The first study examined language practices in Russian offices of two international companies (IT and audit), focusing on how corporate language policy

is shaped, what English-Russian professional bilingualism is like, and what it means for Russian employees to work in a bilingual environment. Our collected language data included extensive fieldnotes with observations taken on the premises of the companies, write-ups of in-house staff conversations, and samples of informal work-related e-mails and instant messaging sessions which respondents shared with us. We also surveyed 239 employees, 187 in the IT and 52 in the audit company, which is about one third of the entire personnel in each office. Descriptive and inferential statistics were used to analyze the survey data. To clarify the survey findings, 12 employees, aged between 22 and 50 were interviewed, who represented different occupations (programmers, technical writers, auditors, HR specialists, etc.) and gender groups [14].

The second study addressed linguistic aspects of the appropriation of the global freeride bicycle culture in Russia and highlighted the linguistic peculiarities of the ethnically specific mountain biking style (“streetets”) and the corresponding community of practice. We analyzed the textual and visual materials of cycling forums, including photographs, posts, comments, and video clips. The method of direct observation of informal conversations at competitions and in bike shops was also used. The findings were then clarified by quasi-ethnographic data – an interview with a representative of Nizhny Novgorod cycling community [1].

The third study described the use of English in 200 randomly selected reviews of the new albums released by Russian and foreign musicians. The reviews were published in printed and online sources in 2015-2019. Printed sources include three Russian journals: ‘Rolling Stones Russia’, ‘Dark City’, and ‘InRock’, which specialize in rock, pop, and heavy metal music. Online sources are represented by specialized musical websites – for rock fans (<https://rockcult.ru/review/>), metal fans (<http://www.metallibrary.ru/articles/reviews/>), and fans of electronic music (<https://xn-e1aclabbxcocsq5j.xn-p1ai/review/>). These sources were selected because they are accessible, have a wide circulation, and cover a wide variety of musical genres [12].

For the purposes of this paper, we re-analyzed the data of these studies using constant comparative technique [20] to identify the common patterns in the use of English across the three cases. We followed the principle “think practically and look locally” outlined by Penelope Eckert and Sally McConnell-Ginet [11] and focused on everyday communicative practices of particular local communities. In addition to

ethnographic methods, we used corpus linguistics tools to query the tokens frequency in the Russian National Corpus [3] and identify the extent to which the terms used in a certain community of practice would be represented in broader discourse. We compiled a sample of tokens from the recurring Anglicisms in each case and analyzed their frequency in the corpus along with their contextual use.

4. Summary of Previous Research

Before moving on to presenting the findings obtained by applying the constant comparative method, it is necessary to briefly describe the results of our previous studies that were used for comparison.

The first, and most comprehensive, study [14] was connected with professional environment and focused on how English-related communication practices vary within and across the Russian offices of two international companies, located in one of the major cities of Russia. Although these companies operated in different economic segments (information technology and auditing), they shared a few common features in terms of the use of languages. In both cases English was the language of corporate communication and English language competence was listed as a mandatory requirement for employment. The study examined “how the employees use English in professional interaction, what values they assign to Russian and English, and how they explain the use of blended (mixed) office-talk, i.e., professional jargon” [14, p. 443-444].

It was found that the two companies shared similar language policies regarding the contexts in which English is used. In both companies, some contexts (corporate regulations, professional guidelines, computer software for professional purposes, internal newsletters, and reports to the head offices, located abroad) were “English only”. Professional (corporate) training at the companies’ expense was also conducted in English. Employees used English in different genres of written in-house communication, such as memos, announcements, inquiries, and various tasks, to make the correspondence immediately available to colleagues who do not speak Russian. The same rule applied to oral communication: English was always used when a non-Russian speaker participated in a face-to-face talk, a group meeting, or a telephone conversation. Interviewees reported that workplace communication in English requires a simple accessible way of writing and speaking, which implies simpler grammar and lexis. This manner of speaking was called a “down-to-earth language.” In both companies, employees actively used a hybrid English-Russian jargon to talk about professional issues. In this mixed (blended) office-talk, English is a lexifier language and Russian provides phonological, morphological and syntactic foundation, e.g.: *Tol’ko s apruva division leadov dlya фикса bagov, naidennykh v protsesse regression* (“Only with the approval of division leads to fix the bugs found in the process of regression.”).

According to the survey data, respondents in both companies viewed the English language competence through the lens of professional identity rather than personal growth and (or) cultural exchanges. For them, English is, by and large, a resource in the profession: it serves as a tool for employment and career advancement and is perceived as an index of professionalism in general. In this respect, language mixing in the informal workplace interaction is a way to manifest one’s professional identity and expertise.

Linguistic and cultural aspects of language mixing in the informal interaction of *streetets* bike-riders and the corresponding subculture formed the focus of the second study [1]. The hybrid character of this subculture is manifested in the linguistic self-identification of its representatives: although *streetets* is positioned as a Russian biking style, the root of its name is English, and “Russianness” is indexed by the suffix -ets, conveying ethnospecific connotations of strength and boldness, e.g.: *molodets*, *udalets* (*Well done! Cool guy*). Everyday conversations of young cyclists abound in English words and English-Russian hybrids: “*Kamon! Ya tozhe s vam’i* (*Come on! I am going with you*)”; “*Vrode od’in raz byl pedalkik no tsep’ ne sletayet* (*It seems like there was a pedal kick, but the chain didn’t come off*)”. In forums slang, syntactic calques from English, such as the use of adjointment instead of agreement or government, are common, e.g.: *ню-скул стритец* (*new school streetets*), *streetezzz club*, *стритец онли*. The high level of speech saturation with Anglicisms suggests that for members of this community of practice, English, albeit in a very truncated form, is no longer the Other, but an integral part of the Self – an indispensable element of local identity.

The third study [12] demonstrates how English contributes to the expressiveness and precision of Russian musical reviews, enhances the promotion of musical products and becomes part of the unique identity that ties Russian music fans together. It shows how English “evokes connections to global contexts in the local community” and how Russian speakers “use English resources creatively, adapting them to local needs and modifying English musical terms through Russian word-formation mechanisms, to make them more local” [12, p. 214].

English is essential for rendering the professional content of Russian musical reviews, providing names of musical genres (*нойз* – *noiz* /‘noise’; *нео-соул* – *neo-soul* / ‘neo soul’; *хэппи-пауэр-метал* – *happy power metal*) musical instruments (*дроун-гитара* – *droun-gitara* /‘drone guitar’; *драм-машина* – *dram-mashina* / ‘drum machine’; *синты* – *sinty* / ‘synths’), occupations (*фронтмен* – *frontmen* / ‘frontman’; *крунер* – *kruner* / ‘crooner’), sound qualities and playing techniques (*гроулинг* – *growling* /‘growling’; *скрим* – *skrim* /‘scream’; *фузз* – *fuzz* /‘fuzz’), etc. The Anglicized spelling of Russian song names and albums serves as an index of music transcending borders, e.g.: *Лес/Les* (*forest*); *Река/Reka* (*river*); *Волчья ягода/Volch'ya Yagoda* (*Wolfberry*).

English names of musical albums and compositions emphasize shared knowledge of global musical culture. Oftentimes, they are used figuratively to evoke memories and emotions connected with certain albums and/or performances. A prime example is the reference to the American singer and song-writer Lana Del Ray and her second studio album in the review of the new album of indie/art-rock group “Red Red Rose” from Moscow: “Мы часто просыпаемся с настроением “борн ту дай”. Но как бы мы не любили Лану, куда лучше придерживаться философии Red Red Rose “Born to Live” (“We often wake up in the ‘born-to-die’ mood. But no matter how much we love Lana, it is far better to stick to the philosophy of “Red Red Rose” and their album “Born to Live”) [12, p. 226].

A defining feature of Russian musical reviews is numerous hybrids derived from English roots using Russian suffixes which foreground the Russian ‘flavor’ and make these cross-linguistically blended words stand out in the text: *пикфлойдовщина* (*pikfloidovshchina* – ‘pinkfloydism’); *блэкость* (*blekost'* – ‘black metal style’); *рэпчик* (*repchik* – ‘rap’); *панкуха* (*pankukha* ‘punk rock’); *олдскульный* (*oldskul'nyi* ‘old-schoollike’); *миксанул и* (*miksanuli* ‘(they) mixed’) [12, p. 219]. Thus, for Russian musicians, reviewers, and fans – just as for members of the other two communities of practice – English becomes the primary means of demonstrating their insider knowledge and a bonding element. English insertions and borrowings communicate topics that are unknown to those who are not members of the same group, making a distinction between ‘insiders’ and ‘outsiders’ [12, p. 225].

5. Results and Discussion

The communities under consideration operate in two spatial setups. Professional communities have a designated physical space – the office of the company, and entry into the community is regulated by hiring procedures. The popular music and youth bike-riding communities’ function on a voluntary (self-assigned) basis, with Internet forum sites and sporadically organized meetups as primary points of member interaction. However, regardless of the physical space, our findings indicate that the use of English is a salient feature of the shared repertoire in each community of practice. Russian IT and audit professionals at multinational companies, professional and semi-professional musicians, and young local bike-riders perceive English as an important communicative and symbolic resource that binds them together and defines their group identity. The trajectory from a newcomer to an old-timer implies mastering this shared Anglicisms-saturated repertoire. The situated learning process may not be emotionally neutral and involves the ‘unlearning’ to separate languages and learning to meaningfully translanguage in the community interactions.

We identified several common patterns in the use of English within these communities of practice: (1) bilingual creativity, or translanguaging, (2) truncated nature of bilingualism, and (3) the use of Anglicisms as a gateway to the community.

5.1. *Bilingual creativity, or translanguaging*

Members of each community of practice justify the use of Anglicisms by the need to fill in the lacunae related to the joint enterprise of the community because many of the core activities that they engage in have come to Russia from Anglophone cultures, along with the words denoting them. For instance, in the youth bike-riding subculture these are the terms denoting brands of bike-parts (*Shimano, Rock-Shox*), bike tricks (*банни хоп [bani khop] – ‘bunny hop’*) and riding styles (*урбан фрирайд [urban frifaid] – ‘urban freeride’; даунхил [daunhil] – ‘downhill’*). Some of these words (for instance, *downhill*) are also used in other sports, for example, mountain skiing or snowboarding. Similarly, many IT-related terms have been borrowed across the entire societal spectrum and are not specific to employees’ talk in international IT companies. The borrowed terminology in popular music reviews and musicians’ interactions can be restricted to a particular musical genre, product, performance or recording technique (*нойз [noiz] – ‘noise’; бисайд [bisaid] – ‘B-side’; гроулинг [grouling] – ‘growling’, etc.*) or permeate evenly through the entire discourse practice. For instance, the term *саунд* (*[saund]* – ‘sound’) is common for different musical genres either on its own or as part of other words, for example, *saundtrek* (soundtrack). In all these cases, Anglicisms convey ideational meaning since the above-mentioned lexemes either serve as unique ways to represent the world or are perceived as representations distinct from their Russian counterparts. One of our respondents, a famous Russian female vocalist, described the word ‘saund’ as a “more appropriate” and “more comprehensive” term which “indicates not just a physical sound but some individual quality, a personal sound...” [12, p. 222].

What distinguishes the repertoires of local communities of practice from the overall linguistic landscape in Russia is that the English borrowings undergo further creative transformation in the interaction within the analyzed communities. These transformations are translanguaging in nature and represent instances of bilingual creativity. For instance, music fans actively use Russian word-building resources (especially affixation) to create various connotational nuances of meaning. For instance, the translanguaging derivatives of the term “rap”, such as *рэпчик [repchik], рэпак [repak], рэпчина [repchina]*, convey approval and friendly familiarity. Similarly, the local term “стритец” [*steetets*] that the biking subculture members have selected as a self-identification label is the result of combining the English term ‘street’ (the name of a cycling style) and the local suffix *-ets*, which indicates prowess in Russian and is used as both attributional and emotional characterization. As for IT and audit professionals, they abundantly use English terms adapted to Russian grammar and syntax (noun declension, verb conjugation, and phrasal agreement) in informal peer-to-peer monocultural interaction [14, p. 447]:

(1) *Крэш пофикшен*
Kresh pofikshen
 ‘The crash has been fixed’

(2) *Запрывь свой таймшит у инчарджа*
Zaaprov’ svoi taimshyt u insharzha
 ‘Approve your time-sheet with your in-charge’.

In both examples above, the speakers use Russian word-building means not only to create a new grammatical meaning (perfective aspect), but also to maintain the informal register appurtenance and create engagement with other community members, which, according to Halliday, is part of the interpersonal function of language.

These instances of bilingual creativity do not qualify for bilingual play as suggested by Rivlina [22] because the communicative goal is neither to create humorous (playful) effect and intrigue the reader, nor to achieve certain marketing goals but to convey messages that are directly related to shared enterprise, i.e. ask and respond, give a command, describe and/or evaluate something, etc. Translanguaging within the community is, thus, an intentional language practice of using global and local semiotic resources available to interlocutors to conduct the activity of the community.

5.2. *Truncated nature of bilingualism*

Participants across the three communities of practice confirmed in interviews that they rarely, if ever, need to use English as abundantly in other spheres as they do within the community. A young heavy metal musician, for instance, explained that there is no need for English in his daily life and the only English words he knows and uses are the terms related to music [12, p. 218]. Similarly, young bike-riders employ English as a symbolic resource and refer to it only for creating additional meanings related to their shared hobby. Music reviewers may name a popular British song or album or allude to American mystery drama television series *Twin Peaks* because it provides a common semiotic context [12, p. 225-226]. In Russian offices of international companies, Russian-English bilingualism, defined as the ability to use both languages at approximately the same proficiency level, is more wide-spread because the employees may include non-Russian speakers. Yet, this communication is professionally restricted and many Russian employees consider themselves in need to develop their general English language competence to be able to effectively interact outside professional exchanges [13].

The limited English language proficiency is typical of most local communities of practice and, therefore, each group's shared repertoire can be defined as a form of truncated bilingualism – “linguistic competencies which are organized topically, on the basis of domains or specific activities” [7, p. 199]. Some members may not be able to use English outside the community. The reverse is also true: high English proficiency level does not guarantee intelligibility within a specific community of practice due to specific content of the shared activity or creative appropriation of English as a semiotic resource. Anecdotal evidence from a general English classroom suggests that newly hired employees may enroll in English language classes to understand their co-workers, whose workplace communication abounds in English-Russian hybrids and English professional terms.

Another aspect of truncation is ideological orientation to simplified language rather than elaborate linguistic constructions. Our interviewees in a professional workplace study explained how they had to ‘unlearn’ to use complex syntactic constructions which they acquired during their linguistic training in an English-major university program and transition to using simpler and more concise forms, which they associate with a practical way of communication in a multilingual professional community.

4.3. *In-group exclusive use*

The shared English-Russian translanguaging within the three communities of practice is not omnipresent in all contexts. The interactional patterns may include smaller subgrouping, for instance, departmental subdivision or music genre preferences. When members of a professional community of practice participate in mixed-group communication with representatives of different departments or localities at a meeting, they adjust their shared repertoire to include only globally (company-wide) known Anglicisms. Participants rarely use their small group repertoire outside the close peer community. Commenting on the use of Anglicisms in conversation (example 1 above), a young computer programmer explained: “*If I talk to a manager, I may say ‘ispravil’ (the Russian for “has been fixed”), but with other IT staff – only ‘pofikshen’.*” [14, p. 447]. His colleague confirmed the normative character of mixed professional jargon: “*If you say ‘copied and pasted,’ they will think something is wrong. Only ‘zakopypashen’.*” [14, p. 448]. Professional auditors, when asked in the interview how often they translanguage within their office space, admitted: “*We don’t use words like this when we talk to a secretary or HR. Only with other auditors and interns.*” [14, p. 447]. Likewise, street riders would not use the word *gorshoks* (a jocular hybrid reference to the Rock Shox suspension fork) when talking to a bike-shop assistant or ordering spare parts online. Similarly, pop music reviewers would refer to the style of a well-known Russian musical group of the 1990s and its frontman using English syntactic and word-building calques only in the appropriate context (*gruppa-Bravo-Syutkin-vot-eto-vse-stail v “Mandrzh”/ ‘Bravo-band-Syutkin-this-is-the-style in “Mandrzh”*). Thus, translanguaging is reserved primarily for in-group communication.

The English-only interaction in professional communities of practice also follows this pattern: no translanguaging is used in professional conversation with colleagues who are not speaking Russian, and English in this case is maximally approximated to a standardized variety. Bilingual creativity and simplification are reserved for in-group conversation when interlocutors have the linguistic capacity to decode the shared repertoire.

These patterns of language use illustrate that members of each community of practice are not only fully aware of the sociolinguistic context but resort to translanguaging intentionally and mix-and-match meaning-making resources from English and Russian in order to index their group identity and belonging. Ideologically, they perceive their activity as part of the broader English-speaking world with a localized Russian practice. In interviews, participants acknowledge that the terms and phrases they use belong to English but are “*adapted for Russian mentality*.” [5, p. 50]. Yet, none of the respondents theorized or commented on the Russianness of their English language variety or associated their speech patterns with ‘Russlish’. While openly accepting and declaring their Russianness and willingness to embrace it within their practice, especially in the youth bike-riding subculture, they also openly declare that their verbal practice heavily hinges on English. Their interactional activity is, therefore, polycentric in nature with a dual orientation towards the global and the local centers of meaning-making [8], [14].

4.4. Russian Corpus studies

We have searched the National Russian Corpus [3] for the frequency of several commonly used Anglicisms and English-derived tokens recorded from each community of practice. We included search for lemmas of these words to broaden search results. The search, however, did not yield any results for such lexical items as *streetetz*, *goshoks*, *zaapruvit* (get approved), *incharge* (in-charge person), etc. Apparently, these creative terms are absolutely specific, that is, they have not crossed the in-group boundary and are used only in the given community of practice.

Words that are relatively specific and could be used by broader social groups engaged in the same or similar activities, such as IT terms and the names of bike-riding styles or pop music genres, have a limited number of occurrences in the corpus. For instance, the word *poфиксит* (“to fix”) has three distinct entries in three different documents in the corpus. The earliest date of entry is 2006; it belongs to the Internet forum for IT specialists. The other two entries represent fictional prose. In one instance, the term is enclosed in quotation marks and used metaphorically: it describes the psychoanalytic sessions that a new IT professional is attending to “fix the mind”. The third entry refers to the description of a book character, who also works in IT.

Translanguaging innovations from the pop music community of practice follow the same pattern. For instance, the term “*саунд*” (*[saund]*, “*sound*”) appears either in media interviews with musicians or is used to characterize the speech of musicians in books. The broader audience (writers and readers) may recognize these Anglicisms as belonging to a particular professional sphere (such as IT or music). The specific nature of the community-of-practice activity keeps these terms for in-group interaction only and they do not go into widespread use.

As for the language innovations of the local bikers’ subculture, they did not enter the National Corpus in any form. It is likely that the local nature and smaller membership of the observed community meant that corpus compilers never registered their interactions.

6. Conclusion

Our study affirms the sociolinguistic status of English as a language for in-group communication, i.e., a meaning-making resource used by Russian speakers to communicate with each other in certain communities of practice. Abundant use of Anglicisms is a specific feature of verbal interaction in such communities. This English-based language practice has distinct characteristics of being very creative, on the one hand, and clearly limited in the scope of application, on the other. At the same time, regardless of

the general level of fluency in English, participation in translanguaging within the community of practice signifies membership and belonging. This practice shapes the identity of local speakers and binds them together as members of a particular local group.

Our findings demonstrate that, according to Halliday's systemic functional approach, in the above communities of practice, English performs a dual function: ideation and interpersonal. It serves as a unique, i.e. community restricted, way to represent the world, thereby indexing group identity and belonging.

The study extends the discussion of the functions of English in Russia to include social and ideological domains. It highlights the growing role of English in global professional discourses and an increased sense of ownership of English as a local communicative resource. Sociolinguistic research on other local communities of practice may reveal further nuances of the use of English in the Russian regional contexts.

© Гриценко Е.С., Лалетина А.О., 2024

References

1. Gritsenko, E. "Global'noe i lokal'noe v rechevykh praktikakh molodezhnykh subkul'tur" [Global and local in the speech practices of youth subcultures]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, 2012, 2, pp. 87–93.
2. Kirilina, A. "Perevod i iazykovoe soznanie v dinamicheskoi sinkhronii: psikhicheskie granitsy iazyka (na materiale russkogo iazyka Moskvy)" [Translation/interpretation and the language consciousness in the dynamic synchrony: The mental boundaries of the languages (a case study of Russian in Moscow)] // *Voprosy psikholingvistiki*, 2011, 1(13), pp.31–39.
3. Russian National Corpus, www.ruscpora.ru. (Accessed 15 January 2024).
4. Shchurina, E. "Gendernye aspekty neiminga v tantseval'noi subkul'ture" [Gender aspects of naming in dance subculture]. *Voprosy psikholingvistiki*. 2021, 3(49), pp. 97–108. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-97-108>.
5. Aleshinskaya, E., Gritsenko, E. "Language practices and language ideologies in the popular music TV show *The Voice Russia*". *Language and Communication*, 2017, 52, pp. 45–59. <https://doi.org/10.1016/j.langcom>
6. Biasioli, M. "An Internal Migration: The Shifts in the Perceptions and Uses of English in Russian Rock Music (1963–2017)." In J. Blüml, Y. Kajanová, and R. Ritter (eds.) *Popular Music in Communist and Post-Communist Europe*. Berlin: Peter Lang, 2019, pp. 227–40.
7. Blommaert, J., Collins, J., Slembrouck, S. "Spaces of multilingualism". *Language and Communication*, 2005, 25(3), pp. 197–216. <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2005.05.002>
8. Blommaert, J. "Sociolinguistics and discourse analysis: Orders of indexicality and polycentricity". *Journal of Multicultural Discourses*, 2007, 2(2), pp. 115–130.
9. Blommaert, J. *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge University Press, 2010.
10. Eddy, A. "Popular culture and social groups". In: Z. Proshina and A. Eddy (eds.) *Russian English: History, functions, and features*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016, pp. 189–196.
11. Eckert, P., and McConnell-Ginet, S. *Language and Gender*. Cambridge University Press, 2003. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511791147>
12. Gritsenko, E., Aleshinskaya, E. "English in Russian musical reviews." *World Englishes*, 2023, 42(2), pp. 214–229. <https://doi.org/10.1111/weng.12528>
13. Gritsenko, E., Alikina, A. "English in the Russian-based recruitment discourse". *Russian Journal of Linguistics*, 2020, 24(3), pp. 669–686. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-3-669-686>
14. Gritsenko, E., Laletina, A. "English in the international workplace in Russia." *World Englishes*, 2016, 35(3), pp. 440–456. <https://doi.org/10.1111/weng.12211>
15. Gritsenko, E., Laletina, A. "Transgressive Russianness: Claiming authenticity in the Russian woman assemblage." *Russian Journal of Linguistics*, 2023, 27(1), pp. 173–193. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31179>
16. Halliday, M. *Explorations in the functions of language*. London: Edward Arnold, 1973.
17. Kirilina, A., Kuptsova, G. "Multilingualism in the linguistic landscape of Moscow (based on inscriptions on children's toys)". *Proceedings of the 2019 International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology (ICPCS 2019)*. Atlantic press. Advances in Social Science, and Humanities Research, 2019, vol 315. pp. 404–406. <https://doi.org/10.2991/icpcs-19.2019.89>
18. Lave, J., Wenger, E. *Situated learning: Legitimate peripheral participation*. Cambridge University Press, 1991.
19. Lebedeva, I. "What's in A Russian English Username? A Case Study of Social Media Accounts Names". *Polylingualism and Transcultural Practices*, 2023, 20 (1), pp. 146–156. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-1-146-156>
20. Miles, M., Huberman, M. *Qualitative Data Analysis: An Expanded Sourcebook*. SAGE Publications, 2009.
21. Proshina, Z. "Shift of functions of the English Language in the context of today's Russia". In: R. Giri, A. Sharma, and J. D'Angelo (eds.) *Functional Variations in English: Multilingual Education*, Springer, 2020, pp. 181–194. https://doi.org/10.1007/978-3-030-52225-4_12.
22. Rivlina, A. "Bilingual creativity in Russia: English-Russian language play." *World Englishes*, 2015, 34(3), pp. 436–455. <https://doi.org/10.1111/weng.12153>.
23. Rivlina, A. "Bilingual language play and World Englishes". In: C. Nelson, Z. Proshina, and D. Davis (eds.). *The Handbook of World Englishes*, 2nd ed., Wiley, 2019, pp. 407–429. <https://doi.org/10.1002/9781119147282.ch23>.

24. Ustinova, I. "English and emerging advertising in Russia". *World Englishes*, 2006, 25(2), pp. 267–277. <https://doi.org/10.1111/j.0083-2919.2006.00464.x>.
25. Wei, L. "Translanguaging as a practical theory of language". *Applied Linguistics*, 2018, 39(1), 9–30. <https://doi.org/10.1093/applin/amx039>.
26. Wenger, E. "Communities of practice and social learning systems". *Organization*, 2000, 7(2), pp. 225–246 <https://doi.org/10.1177/135050840072002>
27. Yin, R. *Case study research and applications: Design and methods*. SAGE Publications, 2018.

Список литературы

1. Гриценко Е.С. Глобальное и локальное в речевых практиках молодёжных субкультур // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 87–93.
2. Кирилина А.В. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) // Вопросы психолингвистики. 2011. № 1(13). С. 31–19.
3. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 15.01.2024)
4. Щурина Е.А. Гендерные аспекты нейминга в танцевальной субкультуре // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3(49). С. 97–108. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-97-108>
5. Aleshinskaya, E., Gritsenko, E. Language practices and language ideologies in the popular music TV show 'The Voice Russia' // *Language and Communication*. 2017. Vol. 52. P. 45-59. <https://doi.org/10.1016/j.langcom>
6. Biasioli, M. An Internal Migration: The Shifts in the Perceptions and Uses of English in Russian Rock Music (1963–2017). // J. Blüml, Y. Kajanová, and R. Ritter (eds.). *Popular Music in Communist and Post-Communist Europe*. Berlin: Peter Lang. 2019. P. 227–240.
7. Blommaert, J., Collins, J., and Slembrouck, S. Spaces of multilingualism. // *Language and Communication*, 2005. 25(3). P. 197–216. <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2005.05.002>
8. Blommaert, J. Sociolinguistics and discourse analysis: Orders of indexicality and polycentricity // *Journal of Multicultural Discourses*, 2007. 2(2). P. 115–130.
9. Blommaert, J. *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge University Press, 2010.
10. Eddy, A. Popular culture and social groups // Z. Proshina, and A. Eddy (eds.) *Russian English: History, functions, and features*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 189–196.
11. Eckert, P., McConnell-Ginet, S. *Language and Gender*. Cambridge University Press, 2003. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511791147>
12. Gritsenko, E., Aleshinskaya, E. English in Russian musical reviews // *World Englishes*. 2023. 42(2). P. 214–229. <https://doi.org/10.1111/weng.12528>
13. Gritsenko, E., Alikina, A. English in the Russian-based recruitment discourse // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. 24(3). P. 669–686. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-3-669-686>
14. Gritsenko, E., Laletina, A. English in the international workplace in Russia. // *World Englishes*. 2016. 35(3). P. 440–456. <https://doi.org/10.1111/weng.12211>
15. Gritsenko, E., Laletina, A. Transgressive Russianness: Claiming authenticity in the Russian woman assemblage // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. 27(1). P. 173-193. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31179>
16. Halliday, M.A.K. *Explorations in the functions of language*. London: Edward Arnold, 1973.
17. Kirilina, A., Kuptsova, G. Multilingualism in the linguistic landscape of Moscow (based on inscriptions on children's toys) // *Proceedings of the 2019 International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology (ICPCS 2019)*. Atlantic press. *Advances in Social Science, and Humanities Research*. 2019. Vol 315. P. 404–406. <https://doi.org/10.2991/icpcs-19.2019.89>
18. Lave, J., Wenger, E. *Situated learning: Legitimate peripheral participation*. Cambridge University Press, 1991.
19. Lebedeva, I. What's in A Russian English Username? A Case Study of Social Media Accounts Names' // *Polilinguality and Transcultural Practices*. 2023. 20(1). С. 146–156. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-1-146-156>
20. Miles, M., Huberman, M. *Qualitative Data Analysis: An Expanded Sourcebook*. SAGE Publications, 2009.
21. Proshina, Z. Shift of functions of the English Language in the context of today's Russia // R. Giri, A. Sharma, and J. D'Angelo (eds.) *Functional Variations in English: Multilingual Education*. Springer, 2020. P. 181–194. https://doi.org/10.1007/978-3-030-52225-4_12
22. Rivlina, A. Bilingual creativity in Russia: English-Russian language play // *World Englishes*. 2015. 34(3). P. 436–455. <https://doi.org/10.1111/weng.12153>.
23. Rivlina, A. Bilingual language play and World Englishes // C. Nelson, Z. Proshina, and D. Davis (eds.). *The Handbook of World Englishes*, 2nd ed., Wiley, 2019. P. 407–429. <https://doi.org/10.1002/9781119147282.ch23>.
24. Ustinova, I. English and emerging advertising in Russia // *World Englishes*. 2006. 25(2). P. 267–277. <https://doi.org/10.1111/j.0083-2919.2006.00464.x>.
25. Wei, L. Translanguaging as a practical theory of language // *Applied Linguistics*, 2018, 39(1), P. 9–30. <https://doi.org/10.1093/applin/amx039>.
26. Wenger, E. Communities of practice and social learning systems // *Organization*, 2000. 7(2). P. 225–246 <https://doi.org/10.1177/135050840072002>
27. Yin, R. *Case study research and applications: Design and methods*. SAGE Publications, 2018.

About the authors:

Elena. S. Gritsenko, Doctor Habil. in Philology, is Professor of English Department № 3, MGIMO University. Her research interests include sociolinguistics of globalization, discourse analysis, language and gender. She authored and co-authored monographs, book chapters, and articles in international peer-reviewed journals. E-mail: e.gritsenko@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8669-360X>

Alexandra A. Laletina – PhD in Linguistics, Doctor of Education (SUNY, Binghamton). Her research interests include sociolinguistics, language and globalization, language and gender, discourse analysis, and L2 motivation. At present she is Professor at the National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod) in the “Digital Professors” program. Her previous employments include Linguistics University of Nizhny Novgorod, Binghamton University, and Ithaca college (NY). e-mail: alexandra.laletina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3779-9680>

Сведения об авторах:

Гриценко Елена Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка № 3, МГИМО МИД России. Сфера научных интересов – социолингвистика глобализации, дискурс-анализ, язык и гендер. Является автором и соавтором многочисленных публикаций на русском и английском языках, включая монографии, главы в книгах и статьи в международных рецензируемых научных журналах. e-mail: elena.s.gritsenko@gmail.com <https://orcid.org/0000-0001-8669-360X>

Александра Олеговна Лалетина – кандидат филологических наук, имеет ученую степень Doctor of Education. Преподавала в Университете штата Нью-Йорк (Бингемптон) и гуманитарном колледже г. Итака (штат Нью-Йорк). В настоящее время – международный дистанционный профессор в Нижегородском кампусе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Сфера научных интересов – социолингвистика, дискурс-анализ, язык и глобализация, язык и гендер, вопросы мотивации в изучении иностранных языков. e-mail: alexandra.laletina@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-3779-9680>

* * *

EMOTIONAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION WITH THE JAPANESE

Natalya V. Razdorskaya

*MGIMO UNIVERSITY
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.*

Abstract. This article is devoted to the problem of developing communicative competencies to create an emotional atmosphere of communication with the Japanese based on the understanding of mentality and socio-psychological intelligence corresponding to specific goals and situations.

The purpose of the article is to systematize the intra-communicative features of communication in Japanese society, the consideration and study of which are important from the point of view of regulating inter-communication at the intercultural level. The novelty of the study lies in determining the influence of the emotional and psychological aspects of the extralinguistic component of communicative competence on the overall effectiveness of business communication with the Japanese. Changes in the socio-economic situation inside and outside Japan have a direct impact on the transformation of the system of relationships between the Japanese and representatives of other cultures, which is reflected in the linguistic sphere. The relevance of the material lies in the need to expand the knowledge base in the field of the Japanese language and culture (hard skill) through the ability to build adequate relationships in dialogue with a partner (soft skills), based on the understanding of the peculiarities of his mentality and allowing to increase the effectiveness of contacts with representatives of the Japanese side. When working on the article, general scientific methods were used – analysis and synthesis of scientific and educational literature, as well as media resources on this topic, synthesis and classification of the results obtained. The main objectives of the article were to highlight the emotional and psychological components of extralinguistic competence that influence positive communication with the Japanese; determine which factors may be regarded negatively and slow down the communication process; find out what the Japanese understand by communicative distancing and how important it is to observe it in Japanese society. As a result of working with the material, the main emotional and psychological fields of interaction during intra-communicative communication of the Japanese were identified and analyzed and conclusions were drawn about the spread of these fields in the conditions of a changing socio-economic situation to the inter-communicative sphere. The article concludes that for effective communication in Japanese, in addition to language skills, speech skills and knowledge of cultural traditions, it is necessary to take into account the features of emotional and psychological concepts that influence the creation of positive intentions for dialogue: 共感 stimulating communication, 違和感 making communication difficult, 距離感 amenable to regulation for communicative purposes. The results and conclusions of the article can be practically used in the educational process when developing situational exercises and conducting role-playing games based on textbooks and teaching aids on oral communication in Japanese.

Keywords: teaching the Japanese language, cross-cultural communication, emotional and psychological concept, extralinguistic competence, sense of community, distancing, incongruence

For citation: Razdorskaya N.V. (2024). Emotional and psychological aspect of cross-cultural communication with the Japanese. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(2), pp. 166–181. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-166-181>

Исследовательская статья

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ С ЯПОНЦАМИ

Н.В. Раздорская

*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме развития коммуникативных компетенций по созданию эмоциональной атмосферы общения с японцами на основе понимания менталитета и социально-психологического интеллекта, соответствующего конкретным целям и ситуациям. **Целью** статьи является систематизация интра-коммуникативных особенностей общения в японском обществе, учёт и изучение которых важны с точки зрения регулирования интер-коммуникации на межкультурном уровне. **Новизна** исследования заключается в определении влияния эмоционально-психологического поля экстралингвистической составляющей коммуникативной компетенции на общую результативность делового общения с японцами. Изменение социально-экономической ситуации внутри Японии и за её пределами оказывает непосредственное влияние на трансформацию системы взаимоотношений японцев с представителями других культур, что находит отражение в языковой сфере. **Актуальность** материала заключена в необходимости расширить базу знаний в области японского языка и культуры Японии (*hard skills*) за счёт умения выстроить в диалоге с партнёром адекватные отношения (*soft skills*), основанные на понимании особенностей его менталитета и позволяющие повысить результативность контактов с представителями японской стороны. При работе над статьёй использовались общенаучные **методы** – анализ и обобщение научной и учебной литературы, а также медиаресурсов по данной тематике, синтез и классификация полученных результатов. Основные **задачи** статьи заключались в том, чтобы выделить эмоционально-психологические составляющие экстралингвистической компетенции, влияющие на позитивное общение с японцами; определить, какие факторы могут расцениваться негативно и затормозить процесс коммуникации; выяснить, что понимают японцы под коммуникативным дистанцированием и насколько важно его соблюдение в японском социуме. В **результате** работы с материалом были выявлены и проанализированы основные эмоционально-психологические поля взаимодействия при интра-коммуникативном общении японцев и сделаны выводы о распространении этих полей в условиях меняющейся социально-экономической обстановки на интер-коммуникативную сферу. В статье делается **вывод** о том, что для результативной коммуникации на японском языке помимо языковых навыков, речевых умений и знаний культурных традиций необходимо учитывать особенности эмоционально-психологических концептов, влияющих на создание позитивной интенции к диалогу: **共感** стимулирующего коммуникацию, **違和感** затрудняющего коммуникацию, **距離感** поддающегося регулированию в коммуникативных целях.

Результаты и выводы статьи могут быть **практически** использованы в учебном процессе при разработке ситуативных упражнений и проведении ролевых игр на основе учебников и учебных пособий по устной коммуникации на японском языке.

Ключевые слова: обучение японскому языку, кросс-культурная коммуникация, эмоционально-психологический концепт, экстралингвистическая компетенция, ощущение общности, дистанцирование, инконгруэнтность

Для цитирования: Раздорская Н.В. (2024). Эмоционально-психологический аспект кросс-культурной коммуникации с японцами. *Филологические науки в МГИМО*. 10(2), С. 166–181. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-166-181>

Введение

На фоне политических трансформаций на мировой арене и изменений социально-экономической ситуации в Японии усиливается тенденция к дальнейшему развитию межнациональных связей, проявляющаяся в постепенном «проникновении» иностранцев «внутри» японского общества в связи с работой по контрактам и длительным проживанием в стране. В результате получает развитие процесс расширения рамок коммуникации до уровня кросс-культурной, при которой помимо базовых знаний: языка, истории и культурных традиций (*hard skills*) необходимо развивать умение выстроить отношения с партнёром (*soft skills*), основанные на понимании его менталитета и требующие наличия особого эмоционально-психологического интеллекта, адаптированного под конкретные цели и ситуации.

По данным опроса, проведённого консалтинговой компанией McKinsey в 2020 году, лишь 15% успеха сотрудника зависит от уровня жёстких навыков – знания иностранных языков, программ, умения работать с оборудованием, делать вычисления и пр., остальные 85% обуславливаются уровнем мягких навыков – универсальных компетенций, которые влияют на коммуникацию в работе, но не поддаются измерению¹.

Изменение социально-экономической ситуации внутри Японии и за её пределами оказывает непосредственное влияние на трансформацию системы взаимоотношений японцев с представителями других культур, что находит отражение в языковой сфере и требует дополнительного изучения.

Ухудшение ситуации на рынке труда в начале XXI века, вызванное снижением рождаемости и увеличением численности пожилого населения, создало необходимость в дополнительном масштабном привлечении специалистов и рабочей силы из-за рубежа на длительный срок. Иностранцы стали приглашаться в страну не только на основе краткосрочных контрактов в традиционных сферах нехватки персонала (для ухода за пожилыми людьми и строительстве), но и для участия в крупных проектах, связанных с ремонтом сооружений после стихийных бедствий, в сфере услуг, на административной работе. Это обусловило и существенную трансформацию взглядов японцев на возможность включения представителей иной культуры в социум, вызванную необходимостью более тесного и долговременного сотрудничества. Традиционное восприятие японским сообществом иностранца как человека «чужого» может быть минимизировано не только повышением уровня владения языком, но и за счёт овладения в процессе культурной коммуникации национальным сознанием, включающим в себя многообразные аспекты социальной деятельности, в том числе и эмоционально-психологическую составляющую.

¹ Журнал Forbes.ru, <https://www.forbes.ru/mneniya/481272-ne-vrema-dla-magkih-pocemu-ludam-s-hard-skills-sejcas-prose-najti-rabotu?utm> (дата обращения 02.06.2020)

Целью данной статьи является систематизация интра-коммуникативных особенностей общения в японском обществе, учёт и изучение которых важны с точки зрения регулирования интер-коммуникации на межкультурном уровне. Новизна исследования заключается в определении влияния эмоционально-психологического поля экстралингвистической составляющей коммуникативной компетенции на общую результативность делового общения с японцами. Актуальность темы обусловлена необходимостью расширить базу знаний в области японского языка и культуры Японии (*hard skills*) за счёт умения выстроить в диалоге с партнёром адекватные отношения (*soft skills*), основанные на понимании особенностей его менталитета и позволяющие повысить результативность контактов с представителями японской стороны.

Методы и материалы

При работе над статьёй использовались общенаучные **методы** – анализ и обобщение научной и учебной литературы на русском и японском языках, а также медиаресурсов по данной тематике, синтез и классификация полученных результатов. Отбор и анализ материалов осуществлялся на основе теоретических выводов трудов отечественных учёных по психологии (Зимняя И.А., Рубинштейн Л.С.), культурологии (Тер-Минасова С.Г., Гуревич Т.М., Изотова Н.Н.), лингвистике (Алпатов В.М.) и педагогике (Нечаева Л.Т., Семёнова Е.В., Богданова О.Е.), а также японских социолингвистов (Кавакита Д., Морита Р., Окимото Р., Сиина Н., Фудзита Н., Хорикава Н.). Для изучения и систематизации основных эмоционально-психологических полей использовались учебная литература и материалы медиаресурсов на японском и русском языках.

Основные **задачи** исследования заключались в том, чтобы выделить эмоционально-психологические составляющие экстралингвистической компетенции, влияющие на позитивное общение с японцами; определить, какие факторы могут расцениваться негативно и затормозить процесс коммуникации; выяснить, что понимают японцы под коммуникативным дистанцированием и насколько важно его соблюдение в японском социуме.

Необходимость более активного привлечения представителей других культур к решению ряда социально-экономических проблем способствовала активизации деятельности языковых школ и появлению дистанционных программ не только для обучения иностранцев внутри самой Японии, но и для их предварительной подготовки за рубежом. Для выработки коммуникативных умений только языковых знаний оказалось недостаточно, и основное внимание начинает уделяться углублённому коммуникативному методу обучения [1, с. 104].

Практически все японские учебники и видеокурсы базируются на диалогических текстах, призванных посредством описания обычаев и норм поведения адаптировать представителей иных культур в японском обществе. И в самой Японии укореняется тенденция к приобщению иностранцев к японскому менталитету [19], [20]. Была изменена структура заданий квалификационного экзамена по японскому языку для иностранцев Норёку сикэн, куда стали включаться задания не только на грамматику, лексику и иероглифику, но и на выбор наиболее соответствующих заданной ситуации вариантов ответов, для правильного выполнения которых необходимо знать, как поступают в тех или иных случаях японцы.

Результативность деловых контактов как на международном уровне интер-коммуникации, так и интра-коммуникации внутри определённых коллективов непосредственно зависит от компетенций общающихся, их умений и навыков работы с людьми, что делает компетентностный подход [3], [4], [5], [15] одним из основных направлений в обучении иностранному языку. В ходе учебного процесса формируется коммуникативная компетенция, включающая лингвистическую (усвоение языковых навыков и речевых умений), социолингвистическую (изучение категорий вежливости, гендерных форм речи, знание культурных традиций и обычаев), которые могут быть отнесены к категории базовых знаний, а также экстралингвистическую (знакомство с этикетом и нормами поведения в японском обществе, знание социальной психологии страны), недостаточное владение которой может привести к ошибочному восприятию реакции партнёра и помешать установлению эффективных деловых связей. Умение выстроить позитивные отношения

с партнёрами во многом зависит от учёта эмоционально-психологической составляющей общения. «Человеческие чувства выражают в форме переживания реальные взаимоотношения человека как общественного существа с миром, прежде всего с другими людьми» [14, с. 554].

В японском обществе к таким чувственным концептам, определяющим коммуникативный фон, можно отнести триаду 共感 КЁ:КАН *ощущение общности*、距離感、КЁРИКАН *ощущение дистанцирования* и 違和感 ИВАКАН *ощущение несоответствия или несовместимости*.

Ощущение общности

О роли КЁ:КАН как особого рода условия позитивного общения указывали японские учёные [19], [23], [24] и отечественные японоведы-исследователи невербальной коммуникации и культуры японского общества [7], [8], [9]. Объектами изучения становились взаимоотношения японцев разных социальных, возрастных и гендерных категорий, отражающиеся в словоупотреблении, категориях вежливости, интонационной составляющей [2], [13]. Для закрепления социолингвистической компетенции в учебники и пособия по японскому языку включались текстовые примеры и диалоги, иллюстрирующие наличие социально обусловленных языковых явлений [10], [11], [12]. Однако изучение роли национальной эмоционально - психологической атмосферы, непосредственно связанной с результативностью коммуникации, оставалась вне сферы активного изучения, являясь внутренней прерогативой японцев.

Если этикет и нормы поведения, основанные на традициях и культурных кодах, могут быть дефиницированы и стать объектами изучения [17], то выделить связанную с социальной психологией эмоционально-психологическую составляющую экстралингвистической компетенции возможно только на интуитивном уровне в зависимости от фоновой обусловленности конкретной ситуации. «Реальные взаимоотношения чрезвычайно многообразны и противоречивы. Сплошь и рядом выступающая противоречивость – то положительного, адаптивного и стимулирующего, то отрицательного, дезорганизующего – динамического эффекта эмоций связана, в частности, с многообразием эмоций и стереотипностью периферического физиологического механизма эмоциональности», – писал С.Л. Рубинштейн [14, с. 564]. В отличие от европейцев, в японском обществе придерживаются не только общепринятых норм поведения при минимуме эмоциональных движений, но и этики особых отношений с партнёром, проявляющихся в стремлении 「面顔を失わない」 МЭНГАО-О УСИНАВАНАЙ *не потерять своего лица* и не ставить в неудобное положение собеседника; скрывать демонстрацию чувств за любезной улыбкой, не договаривать всю мысль до конца, будучи уверенным в её адекватном восприятии собеседником посредством 暗黙了解 АММОКУ РЁ:КАЙ *молчаливого понимания* и т.д. В таких условиях даже иностранцу, знакомому с традициями и обычаями японцев, бывает сложно «считать» истинные намерения и коммуникативную интенцию говорящего, осознать эмоционально-психологическую атмосферу общения и адекватно ей соответствовать. Подробных описаний эмоциональных особенностей общения с японцами и возможных реакций со стороны партнёра нет ни в одном языковом учебнике.

Каждый японец знаком с эмоционально-психологическими концептами 共感 *ощущения общности* КЁ:КАН, 違和感 или 異和感 ИВАКАН *ощущения несовместимости*, 距離感 КЁРИКАН *ощущения дистанцирования*, считая их естественной частью своего существования в социуме. Подобные установки усваиваются на невербальном (чувственном) уровне с детских лет, а от иностранцев раньше и не требовалось им соответствовать. Более того, во многих ситуациях японцы старались «не замечать» каких-либо просчётов со стороны иностранцев, списывая это на невозможность представителю иной культуры постичь всю глубину взаимоотношений японского общества. Такие концепты, объединённые понятием «ощущение/чувство», направлены на создание и поддержание определённой духовной атмосферы между общающимися, а порой и создают некий «купол», отделяющий «своих» от «чужих» [23, С. 12-16].

С точки зрения установления дружеских партнёрских отношений прерогатива остаётся за концептом КЁ:КАН, находящим практическое применение и при общении с иностранцами, но среди японцев ощущение взаимопонимания и общности проявляется не только на вербальном, но и на невербальном уровне. Как отмечает в своей книге исследователь социально-политических проблем Японии Сакаия Таити, «японцы... чуть ли не генетически выработали привычку понимать человека путём длительного наблюдения за ним. Причём привыкли это делать не столько опираясь на слова и действия в данное время, при данных обстоятельствах, сколько доверяясь качествам человека, проявляющимся в его повседневном поведении» [16, с. 196]. А делать это приходится за короткий промежуток времени, например, при первом знакомстве. О человеке начинают судить уже по тому, насколько он пунктуален [18].

Как отмечает в своём исследовании социолингвист Хорикава Наоёси [24, с. 144-148], для формирования результативной коммуникации следует использовать вербальные и невербальные факторы, способствующие формированию ощущения 共感 КЁ:КАН. Первым шагом к созданию коммуникативной интенции является отказ от демонстрации своего явного превосходства в одежде и поведении, соблюдение общепринятого этикета, регламентирующего последовательность и форму действий. Часто такое чувство возникает благодаря соблюдению таких «мелочей» этикета, как умение представиться, способ передачи визитной карточки, глубина поклона, проявление вежливости при телефонном разговоре посредством повторения фразы, произнесённой собеседником [там же, с. 83-84]. Вступая в коммуникацию, пишет Хорикава, следует избегать категоричных высказываний, находить общую тему разговора, как правило, предшествующего обсуждению основного вопроса, для создания дружеской, ненапряжённой атмосферы. Такими общими темами могут быть обсуждение погоды, времени года, климатических изменений, спорта и т.д. С целью смягчения напряжённости, возникающей при первой встрече, и создания благоприятной атмосферы общения положительно расцениваются высказывания об интерьере офиса, ассортименте выпускаемой продукции и т.д. Поэтому в деловых кругах при первом посещении фирмы-партнёра после обмена визитными карточками обычно не переходят сразу к делу, а несколько минут уделяют так называемому «разговору на бытовые темы», избегая при этом касаться политической или религиозной тематик, которые могут вызвать неадекватную реакцию у собеседника [12, с. 84]. Таким образом намечаются те точки соприкосновения в интересах или позициях, которые могут помочь в установлении доверительных отношений и продвижении деловых проектов. Умение ощутить складывающуюся атмосферу при общении 空気を読む КУ:КИ-О ЁМУ *читать воздух* высоко ценится в японском обществе и в ряде научных работ позиционируется как важный социальный концепт [21].

Специалист в области культурной антропологии (этнологии) Кавакита Дзиро [25] отмечает, что формированию «ощущения общности» способствует не только факт принадлежности к одному коллективу (делегации, отдела, фирмы) 一体感 ИТТАЙКАН *чувство единства*, но и совместно пережитое или перенесённое событие, общие усилия, предпринятые людьми для достижения общей цели. В своё время выдающийся отечественный психолог С.Л. Рубинштейн, анализируя деятельность в коллективе, отмечал «зарождение на основе совместного труда общественных форм сотрудничества, специфически человеческих чувств человека к человеку и к другим людям, реальная основа которых заключена в сотрудничестве и вытекающих из него общности интересов» [14, с. 556]. Полученные в результате усилий нескольких человек результаты в любой ситуации сами по себе становятся важным объединяющим фактором. Кавакита Дзиро, анализируя межличностные отношения в японском обществе, писал, что «при коллективной работе (в группе) всего лишь за несколько дней возникают глубокие психологические связи, аналогичные формирующимся после многолетнего знакомства» [25]. И, наоборот, даже при явной демонстрации партнёром или собеседником понимания вопроса, без предыдущего опыта общения нельзя быть до конца уверенным в том, что вас понимают именно так, как должно.

Под чувством «общности», отмечает Сиина Норико, основатель Школы коммуникации и автор многочисленных работ и аудиокурсов по обучению коммуникативному общению, подразумеваются отношения доверия, позволяющие поделиться своими мыслями, быть услышанным

и правильно понятым собеседником. По сути формируется своеобразное душевное единение и взаимопонимание даже на невербальном уровне [26]. Иными словами, 共感 – более широкое понятие, чем просто выражение согласия 同感 или сочувствия 同情, это единство восприятия на уровне одних и тех же ощущений. Автор считает формирование отношений на основе совместного опыта необходимым условием выстраивания эффективной коммуникации с друзьями, коллегами по работе, подчинёнными и партнёрами. Именно с этими целями на японских предприятиях руководством инициируется совместное времяпрепровождение в свободное от работы время, например, коллективные туры, экскурсии и поездки.

Для понимания японцев на эмоционально-психологическом уровне представителю иной культуры, помимо языковых навыков и коммуникативных умений, необходимо учитывать то, как воспринимают друг друга при интра-коммуникации представители этой страны. По мнению исследователя коммуникации в трудовых коллективах японских предприятий и фирм Окимото Юрико, искусству создания чувства эмпатии и общности КЁ:КАН можно научиться, усвоив основные принципы и правила, суть которых сводится к соблюдению следующих рамок. Во-первых, избегать при общении вынесения какой-либо оценки действиям собеседника. Во-вторых, стараться выражать своё участие и проявлять уважение к собеседнику посредством повторения основной произнесённой им фразы. Эти принципы находят отражение в негласных правилах, предусматривающих в ответной реплике на слова собеседника приоритетный учёт его действий, мыслей и эмоций.

Правило 1. 相手の「行動」を汲み取る *Понимать «поведение/действия» другого человека.* Правило иллюстрируется примером с ситуацией, когда при разговоре один из собеседников жалуется на большую занятость на работе:

「昨日、先輩から頼まれた資料をつくっていたら、夕方に別の仕事が入ってしまい、夜遅くまで残業になったんですよ。」

«Вчера, после того, как я подготовил материалы, которые меня попросил сделать старший коллега, вечером пришлось выполнить другую работу, вот и работал сверхурочно до поздней ночи».

С точки зрения общности взглядов будет ошибкой прореагировать, интуитивно оценивая услышанную информацию с негативной стороны и выражая психологическую поддержку репликой: 「大変だった！」 *Это ужасно!* Поскольку реципиенту неизвестно, как говорящий расценивает свои действия и какой смысл вкладывает в это высказывание, такая реакция на его слова может быть ему неприятна. Возможно, он расценивает произошедшее и с положительной стороны как демонстрацию своей востребованности или приобретение нужного для карьеры дополнительного опыта работы. Для выражения психологической поддержки достаточно повторить его последние слова: 「夜遅くまで残業になったんだね。」 *Вот ведь, внеурочно работал допоздна...* Таким образом собеседнику дают почувствовать, что он услышан, ему сопереживают, и это в должной мере способствует возникновению и сохранению у собеседников чувства общности.

Правило 2. 相手の「思考」を汲み取る *Понимать «мышление» собеседника.* Уважение к собеседнику будет проявляться в отсутствии попыток «навязать» своё мнение о том, как лучше поступить в конкретной обстановке. Если из разговора неясно, как и с каких позиций партнёр оценивает ситуацию, прежде следует повторить высказанное им мнение, а затем уже озвучить своё.

Например, во время обсуждения рабочих вопросов коллега вносит предложение: 「今は忙しい時期だから、締め切りは来月末でいいと思う。」 *Сейчас много работы, поэтому думаю, можно перенести сроки сдачи на конец следующего месяца.*

В этом случае наиболее адекватной будет считаться реакция без непосредственной оценки данного предложения. Следует, проявляя уважение к произносившему, повторить услышанную фразу, а затем высказать свою точку зрения: 「来月末でいいという考えですね！僕の場合は、来月の10日がよいと思います。」 *Считаете возможным перенос на конец следующего месяца. Думаю, что можно на 10-е число.* Таким образом, не давая ни положительной, ни отрицательной оценки предложенному, можно высказать свою точку зрения и даже при несовпадении мнений сохранить «ощущение общности».

Следует отметить, что вне общения с иностранцами японцы избегают начинать высказывание своей точки зрения словами «по моему мнению» 私の考えでは, аналогичными английским эквивалентам *to my mind, in my opinion*, часто звучащим в речи партнёров, предпочитая оформлять произносимое глаголами 思う、考える «я думаю/считаю», располагая их в конце фразы или предложения, что воспринимается как выражение учтивости. Такой психологический приём наиболее эффективен в мужском коллективе, где уважение к приоритету точки зрения партнёра является важным условием дальнейшей коммуникации. Это во многом объясняет негативное отношение японцев к внезапным предложениям вне плана или их опережающим оценкам, поступающим со стороны, что часто вызывает у иностранных партнёров непонимание.

Правило 3. 相手の「感情」を汲み取る *Понимать чувства собеседника*. При эмоциональных или радостных событиях важно прежде всего разделить чувства партнера, а затем – выразить сочувствие или принести поздравления. Так, если собеседник делится радостью по поводу успешной сдачи экзамена, простого поздравления недостаточно для появления чувства КЁ:КАН. 「資格試験に合格して、すごくうれしい。」 Я так рад, что успешно сдал экзамен! Нужно сначала разделить его чувства, повторив последнюю сказанную фразу и тем самым выразив понимание его эмоционального состояния, а затем уже поздравить: 「うれしいね！おめでとう。」 О, как ты рад! Поздравляю! [27].

Вывод: Для создания чувства эмпатии и ощущения общности японцы обращают внимание на то, чтобы:

- не выделяться в одежде и поведении, следовать общепринятому в коллективе этикету;
- при вступлении в контакт придерживаться нейтральных тем, избегая обсуждения политических и религиозных вопросов;
- приобрести опыт участия в коллективных мероприятиях, имеющий для контактёров особое важное значение;
- отдавать приоритет учёту действий, мыслей и эмоций собеседника, соответствующе реагируя при общении.

Ощущение дистанцирования

Долгосрочное пребывание иностранцев в стране в качестве членов трудовых коллективов сделало необходимым не просто ликвидацию языкового барьера и обучение коммуникации на уровне выживания, но и более глубокое понимание особенностей психологии коммуникативного этикета японцев для создания гармоничных отношений в смешанных коллективах и предотвращения антипатии к иностранцам. Так, в учебном пособии по методике Shadowing в диалогах, демонстрирующих примеры прохождения иностранцем собеседования в японской фирме, в качестве положительного момента общения отмечается уважение в японском обществе «ощущения дистанцирования» – КЁРИКАН [29, с. 118]. Ощущение и сохранение дистанции в отношениях между отдельными членами коллектива являются важными особенностями эмоционально-психологической коммуникации японцев и залогом установления в коллективе здоровой атмосферы. В отличие от КЁ:КАН *ощущения общности*, изучаемого в Японии для результативных контактов, в том числе и с иностранцами, ощущение дистанцирования ещё не стало объектом научных исследований и может быть сформулировано на основе материалов, публикуемых сайтами интернет-журналов и блогов социальных сетей. Для создания «ощущения оптимальной дистанции» консультант по межличностным отношениям в японских фирмах Окимото Рурико выделяет важность соблюдения при общении следующих принципиальных подходов [27]:

1. 長時間、同じ人と過ごさないようにする Не проводить много времени с одним и тем же человеком, уважая его личное время. Даже близкий друг или позитивно настроенный человек будут чувствовать неудобно при одном и том же постоянном контакте.
2. 自分のことを全てさらけ出さない Воздерживаться от сообщения собеседнику подробностей личной жизни. Не делиться с собеседником всеми своими проблемами, иначе он почувствует себя причастным к ним, что может поставить его в неудобное положение.

3. **同調的な会話をしない** Соблюдать равновесие между «ощущением общности» КЁ:КАН, необходимого для дружеских отношений, и стремлением вызвать сочувствие партнера. Следует избегать разговоров, требующих от собеседника выражения солидарности, поскольку он может ощутить себя причастным и даже зависимым, что нарушает его личную свободу.
4. **活動拠点を3点以上に分散させる** Распределять базы активности в общении на 3 и более точек. Помимо семьи и школы, семьи и работы и т. д., добавив другие сферы деятельности (волонтерство, групповая деятельность в кружках и т.д.), можно расширить контакты, что позволит не беспокоиться о межличностных отношениях в конкретном коллективе.

Что касается сохранения «дистанции» вне рабочего коллектива, то на страницах интернет-публикаций были предложены следующие рекомендации²:

- Ощущение дистанции в отношениях с соседями определять подбором коммуникативных тем. По месту проживания лучше избегать рассказов о семье и каких-либо личных проблемах, поскольку такая информация быстро распространяется среди живущих неподалёку. Не следует с кем-либо сблизиться, поддерживая дистанцию вежливости, ограничиваясь только темами покупок, одежды, погоды.

- В отношении друзей детства, имеющих семью и детей, тесные связи не всегда оправданы. Оптимальной считается нейтральная дистанция на уровне вежливых поклонов и приветствий.

- С коллегами должна быть чётко проведена линия дистанцирования, основанная на принципе разграничения деловых отношений с личными, поскольку это может отразиться на работе.

- В отношениях с близкими и друзьями нужна черта, через которую не рекомендуется переступать. Следуя поговорке *親しい中にも礼儀あり* *С близкими тоже соблюдай правила поведения*, при общении нельзя отказываться от хороших манер. Особенно это касается финансовых вопросов, когда следует избегать ситуаций с взятием взаймы или ссудой денежных средств, что отдалит близкого человека или создаст дополнительные неприятности. Слишком близкая дистанция в отношениях может создавать дополнительные проблемы, поэтому наилучший показатель отношений – не быть никому в тягость. Если другом была оказана помощь, отплатить ему вдвойне, обязательно напомнив, что проблема решена только благодаря ему.

- Избегать причастности к чужим проблемам и чувства зависимости.

- С человеком, вызывающим негативные эмоции, лучше не сблизиться.

В блогах, где молодые японцы делятся своими мыслями по поводу оптимальной дистанции с окружающими, прослеживается тот же стереотип мышления³:

- Стремиться сохранять личное пространство и исключить зависимость от кого-либо.

- В отношениях не опираться на кого-то одного, лучше иметь широкий круг знакомств. Не ограничиваться в выборе контактов или увлечений, путешествий.

- Человек может регулировать расстояние с окружающими, используя нейтральные темы в разговоре. Отмечая при общении позитивные или негативные моменты, найти «точки соприкосновения», позволяющие установить соответствующую дистанцию.

- Имея несколько нейтральных тем для разговора, начинать общение фразами, содержащими вопрос или пожелание, например:

- 1) 「今日はいいお天気ですね、お洗濯干してきましたか？」

Сегодня хорошая погода. Вы уже высушили бельё?

- 2) 「○さんっていつもお肌がきれいですが、何か対策をされているんですか？」

У вас всегда прекрасная кожа. Вы чем-то пользуетесь?

- 3) 「熱中症になりそうなくらい暑いですね。どうぞお気をつけくださいね。」

Так жарко, можно схватить тепловой удар. Будьте осторожны, берегите себя!

² Сайт журнала [Электронный ресурс] – URL: <https://kinarino.jp/cat6-ライフスタイル/40163-人との距離感ってどのくらい?> (Дата доступа 11.03.2024)

³ Сайт молодёжного журнала [электронный ресурс] – URL: <https://kinarino.jp/cat6/40163#index-5fg975dx9ulf> (Дата доступа 11.03.2024)

Категории вежливости, являясь своеобразным маркером отношений между людьми, регулируют и дистанционное расстояние между ними. Так, обращение по никнэйму свидетельствует о самых близких отношениях, а соблюдение вежливых форм речи позволяет поддерживать расстояние. Вежливость, с одной стороны, является выражением уважения к собеседнику и личной скромности, но имеет и эффект демонстрации определённого нежелания сокращать дистанцию коммуникации. Кроме того, слова оказывают воздействие на психику и суждение человека, и при излишней немотивированной вежливости может возникнуть противоположный эффект недоверия. Чувство дистанцирования при общении (особенно среди молодых людей) может возникать из-за несоответствия в использовании стилей и категорий вежливости. Это вызывает сложности у японцев, общающихся в мононациональных коллективах, и в коллективах с иностранными сотрудниками. Например, некоторые молодые люди, привыкшие общаться со старшими на вежливые формы речи «кэйго» и использующие их в компании друзей, говорящих на простые и фамильярные формы, ощущают дискомфорт, чувствуя себя посторонними. Бывают случаи, когда их исключают из общей компании [28]. В качестве совета таким людям рекомендуется использовать «яваракаи кэйго»⁴ (*смягчённые вежливые формы*) с трансформацией стиля, сравнивая смену форм вежливости со сменой пиджака в разных обществах.

Профессор университета Хосэй Фудзита Наоми, изучающая вопросы влияния категорий вежливости на межличностные отношения, рекомендует вновь пришедшим на фирму сотрудникам укреплять связи, сближаясь постепенно. На первоначальном этапе (до 3 лет работы на фирме) придерживаться классической формы вежливости, а затем при сохранении чувства уважения понемногу «разрушать» устоявшуюся форму общения, что и приведёт к сокращению дистанции с коллегами. Важно сохранять баланс между чувством уважения и близкими отношениями. Есть правила отхода от устоявшихся традиционных форм вежливости в общении без негативного восприятия окружающими.

1. Использовать вежливые формы речи в нужное время, в нужном месте и по нужному поводу. Например, в официальных случаях или в присутствии большого числа людей даже в отношении человека, с которым обычно позволено более фамильярное общение. Отойти от форм вежливости можно только во время личного общения: за едой, в курительной комнате или по дороге домой. Если делать это постепенно, сближение произойдёт естественным образом.

2. Добавлять вежливые слова и выражения в части высказывания, не содержащего вежливых грамматических конструкций. По мнению Фудзита, это очень важно, поскольку употребление вежливых форм речи является с самого начала одним из способов проявления уважения, и непосредственный переход к простым (фамильярным) формам может быть воспринят негативно. Хорошие отношения можно построить, если при определённых условиях, подчеркнув позитивные стороны партнёра, ограничиться вежливыми префиксами и трансформационными заменами.

3. Начинать сокращение дистанции следует постепенно, начиная с айдзути – поддакиваний – во время разговора. Перед айдзути вставить нейтральную фразу на простые формы, после которой использовать скромные и вежливые выражения, тем самым не вызывая отторжения со стороны собеседника. Нельзя сразу переходить на простые формы речи только потому, что хочешь сблизиться с человеком и сократить «дистанцию» в отношениях с ним.

Таким образом, например, действует и консультант-менеджер фирмы, которому нужно донести информацию, расположив к себе собеседника. Он использует искусство миксирования кэйго и обычных слов. Хорошо владея вежливыми формами речи, он своеобразно балансирует между вежливыми формами и желанием сократить дистанцию в общении, что укрепляет силу убеждения за счёт создания атмосферы дружеских отношений с клиентом.

⁴ Сайт журнала для молодых сотрудников фирм [электронный ресурс] – URL: <https://diamond.jp/articles/-/251475> (Дата доступа 07.04.2019)

Ещё один способ сократить дистанцию – внести в обычную беседу немного личного, что стимулирует собеседника приоткрыть душу и сократить межличностную дистанцию. Этот способ можно использовать и без трансформации кэйго, выбрав удобное время, например, по дороге домой до станции или ожидая электричку.

Например: 「最近、雨が多いですね。週末は娘の運動会なので心配です。」 *Последнее время зачастили дожди. В конце недели у дочери спортивные соревнования, беспокоюсь за неё.*

「うちは来週、運動会なんです。お子様はおいくつなんですか？」 *У меня на следующей неделе спортивные соревнования. А сколько лет Вашему ребёнку?*

Вывод: С целью установления оптимальной дистанции и постепенного её сокращения представителям иных культур нужно обращать пристальное внимание на то, чтобы не нарушать личного пространства японца, не навязывая своего мнения и не вынося решений без приоритетного заслушивания мнения собеседника, не склоняясь к сочувствию, делаясь личными проблемами. Немотивированный подарок также может поставить японца в неудобное положение, поскольку ему придётся (даже при отсутствии желания) совершить ответный жест, причём не в меньшем объёме. С другой стороны, можно постепенно сокращать дистанцирование на основе активного использования как лингвистических, так и экстралингвистических компетенций. Показателем интенции сокращения дистанцирования может служить расширение рамок беседы на нейтральные темы за счёт включения личной информации и постепенного перехода на простые формы речи.

Ощущение несоответствия

Ещё одним эмоционально-психологическим концептом является «ощущение неприемлемости, несоответствия» 違和感 ИВАКАН или инконгруэнтности, используемым при описании негативных взаимоотношений. При одинаковом фонетическом звучании существуют два способа написания этого слова с использованием разных начальных иероглифов и за счёт этого имеющих разные смысловые нюансы. 異和感 *отличный от гармонии, не такой как всегда* и 違和感 *ошибочный, другой* (чаще связанный с дискомфортом, вызываемым цветом, запахом, ощущениями, болью, беспокойством). В ряде словарей («Дайдзитэн», «Котоба-но сакухо дзитэн») единственно правильным считается 違和感, а в словаре «Симмэйкай» употребляемыми считаются оба варианта⁵. В словаре «Кокуто канва дзитэн» лексема 「異和」 трактуется как «другой, чужой, подозрительный, необычный, выходящий за рамки, а 異人 (идзин) «иностранец»⁶. Наличие таких нюансов подтверждается и приводимыми примерами:

いつもと違う彼女の言葉に異和感を感じ、浮気を疑った。 *Я чувствовал что-то странное в её словах, которые отличались от обычных, и подозревал, что она изменяет.*

違和感に耐え切れず、私は部屋を飛び出した。 *Я не выдержал дискомфорта и выбежал из комнаты.*

膝に違和感を感じる私は、登山に行くことを断念した。 *Я отказался от альпинизма, потому что чувствовал дискомфорт в коленях⁷.*

При описании чувства отчуждённости чаще употребляется слово ИВАКАН, графически отображаемое 違和感. Термин отражает не только чувства, но и физическое несовпадение с ожидаемым или противоположность позиций, воспринимаемую с оттенком сожаления в следующих случаях.

1) При психологической или физической несовместимости, например:

- この状況に違和感を感じる。 *В этой ситуации чувствую себя не в своей тарелке.*
- オンライン会議に参加したが、自分ひとりだけカジュアルな服装だったため、参加者に違和感を与えてしまったようだ。 *Я участвовал в онлайн встрече, но был единственным в повседневной одежде, что, похоже, поставило участников в неудобное положение.*

⁵ Справочный сайт [электронный ресурс] – URL: <https://dic.nicovideo.jp/a/違和感> (Дата доступа 07.04.2019)

⁶ Иероглифический словарь 国語漢和辞典、東京、集英社、1977. p. 857.

⁷ Справочный сайт [электронный ресурс] – URL: <https://chigai-hikaku.com/?p=30914> (Дата доступа 07.04.2019)

- かなり目に違和感がある。 *Довольно неприятное ощущение в глазах.*
- 2) При несоответствии ожидаемому или созданию негативной атмосферы:
 - 私はそのような社会に違和感を感じる。 *Я чувствую себя некомфортно в таком обществе.*
 - この翻訳は、少し違和感があるが大きくは違わない。 *Этот перевод кажется немного странным, но это не существенно.*
- 3) При отличии от общепринятого:
 - 感覚的にそれに違和感を感じるが、一体それが何なのかわからなかった。 *Я чувствовал в этом что-то странное, но не знал, что именно.*
 - それはいつもの方法とは違うため違和感を感じた。 *Это было странно, поскольку отличалось от обычного метода.*
- 4) При неестественности ситуации или события:
 - 宇宙船から降りた後、野口さんは「首を振ると違和感がある。」と話した。 *Выйдя из космического корабля, Ногутти сказал: «Когда качаешь головой, возникает странное ощущение»*
 - 何だか違和感がありませんか？ *Чувствуете ли вы, что-то не так?*

Термин отражает не только чувства, но и физическое несовпадение с ожидаемым или противоположность позиций, воспринимаемую с оттенком сожаления⁸.

Под влиянием необходимости понимать людей другой культуры, попадающих в японский социум, концепт «ивакан» (инконгурентность) становится объектом исследований японских учёных. Так, эксперт-исследователь коммуникативного общения Баба Михоко провела ряд экспериментов с целью выяснить степень подверженности этому эмоциональному настрою японцев при общении с иностранцами [22]. В ходе эксперимента 3 пары участников, состоящих из ранее незнакомых носителей языка и иностранцев, проживающих в Японии и хорошо владеющими японским языком, должны были вести разговор в течение 30 минут, после чего по отдельности ответить на вопросы в форме интервью о том, что и почему вызвало у них чувство инконгурентности. Из заданных 20 пунктов в 18-ти коммуниканты отметили, что ощутили «ивакан», в остальных – возникающие несоответствия не вызвали негативного восприятия и не повлияли на ход общения. Эксперимент показал, что в ряде случаев при наличии несоответствия в восприятии негативного чувства инконгурентности не возникало, но множественные недопонимания отрицательно влияли на процесс коммуникации. Негативное чувство возникало от способа ведения беседы (интонационных нарушений, искажения долготы звуков), содержания высказывания, внешнего вида собеседника, его поведения, отклонений от стилистической нормы.

В результате анализа причин возникновения ментального дискомфорта было выделено пять коммуникативных отклонений (дзурэ), приводящих к возникновению чувства инконгурентности (ивакан): 1) вступление в коммуникацию, интонационная составляющая; 2) различия в выделении главной темы разговора; 3) несоответствия в использовании и восприятии личных (自分、自身) и указательных (これ、それ) местоимений и словосочетаний; 4) разные сложившиеся стереотипы и реалии; 5) несоответствие между выражением мысли говорящего и его восприятием реакции собеседника.

К объективным причинам этого автор относит традиционное стремление японцев не ставить иностранца в неудобное положение из-за незнания им японских реалий, а также разное восприятие сторонами объектов беседы. В то же время были выявлены возможные пути преодоления возникающего чувства инконгурентности посредством преодоления допущенных при коммуникации ошибок. Было отмечено, что во время общения:

- говорящий не обращал внимание на то, что именно в его речи оставалось непонятым реципиентом;
- непонимание никак не выражалось вербально, реципиент не делал попыток сказать об этом или уточнить услышанное;

⁸ Справочный сайт [электронный ресурс] – URL: <https://dic.nicovideo.jp/a/違和感> (Дата доступа 13.03.2024)

- при отсутствии реакции говорящий не предпринимал никаких действий выяснить, что из сказанного воспринято собеседником из-за стремления не ставить последнего в затруднительное положение.

Вывод: Чувство дискомфорта, возникающего из-за сложностей коммуникации, можно уменьшить и даже свести на нет, если при непонимании мысли собеседника сразу дать ему об этом знать. Это можно сделать, не прерывая разговора, в форме повтора вопроса или пересказа фразы другими словами, чтобы убедиться в правильности смыслового восприятия. Говорящему же следует обращать внимание на то, почему он остался непонятым. Положительный эффект может быть достигнут за счёт акцентирования внимания собеседника на основных используемых выражениях и их смысловой направленности.

Результаты

При работе с материалом были выявлены и проанализированы основные эмоционально-психологические поля взаимодействия при интра-коммуникативном общении японцев и сделаны выводы о распространении этих полей в условиях меняющейся социально-экономической обстановки на интер-коммуникативную сферу.

Подводя итоги вышесказанному, приходим к выводу о том, что для осуществления результативной кросс-культурной коммуникации в многонациональных коллективах необходимо принимать во внимание эмоционально-психологическую составляющую, оказывающую влияние на создание атмосферы общения. Это подтверждает положение о том, что «знание языковых средств ещё не определяет владения способом формирования и формулирования мысли, принятом в иноязычном коллективе, и что этот способ должен являться специальным объектом обучения» [6, с. 31]. Для результативной коммуникации на японском языке помимо языковых навыков, речевых умений и знаний культурных традиций необходимо учитывать особенности эмоционально-психологических концептов, влияющих на позитивную интенцию к диалогу за счёт создания чувства общности, сведения к минимуму затрудняющего общение чувства инконгруэнтности, возможности регулировать уровень общения за счёт сокращения межличностной дистанции. Рассмотрение эмоционально-психологических концептов открывают новые возможности для их детального изучения и совершенствования в выработке соответствующих компетенций с тем, чтобы не допускать ошибок при коммуникации.

Обсуждение

Многие из эмоциональных составляющих, характерных для японского социума и влияющих на отношения внутри его, без предварительного ознакомления могут быть неправильно истолкованы и даже привести к дисконмуникации. Так, россиянам бывает непонятно, почему коллеги, приветливо общавшиеся с ними по рабочим вопросам, в свободное время (если нет каких-либо мероприятий, инициированных начальством, в том числе посещение питейных заведений) ограничиваются вежливым поклоном и стараются избежать общения. Такое поведение воспринимается негативно россиянами, привыкшими к постоянному проявлению заботы о госте, а японцы рассматривают его как уважение чужой «личной свободы». Не принято у японцев делиться с коллегами своими частными проблемами, а представителями нашей страны такая беседа расценивается как проявление искренности и добрых чувств. Попытки «открыть душу» у японцев связаны со стремлением преодоления дистанции с собеседником, а не обратиться за сочувствием в поисках решения своих проблем, как это часто бывает у россиян. Желание российских партнёров внести, на их взгляд, интересные дополнительные предложения к утверждённым планам расцениваются японцами негативно, поскольку нарушается субординация действий. При непосредственном общении повторение фразы собеседника перед своей репликой расценивается японцами как демонстрация уважения их действий, мыслей и эмоций, а совместное участие в каких-либо проектах или событиях способствует установлению более тесных отношений.

Результаты и выводы статьи целесообразно использовать в учебном процессе при разработке ситуативных упражнений и проведении ролевых игр на основе учебников и учебных пособий по устной коммуникации на японском языке.

© Раздорская Н.В., 2024

Список литературы

1. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)/ Э. Г. Азимов, А. Н. Шукин. М.: Издательство ИКАР, 2009. 448с.
2. Алпатов В.М. Япония: язык и общество/ В.М. Алпатов. М.: Наука, 1988. 135с.
3. Богданова О.Е. Развитие кросс-культурной компетентности – инновационный ресурс современного образования [электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/razvitie-kross-kulturnoy-kompetentnostiinnovatsionnyuresurs-sovremennogo-obrazovaniya> (Дата обращения 22.02.2024)
4. Зимняя И.А. Коммуникативная компетентность речевая деятельность вербальное общение/ И.А. Зимняя, И.А. Мазаева, М.Д. Лаптева. М.: Аспект Пресс, 2020. 400 с.
5. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативная целевая основа компетентностного подхода в образовании /И.А. Зимняя. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004 г. 40 с.
6. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке/ И.А. Зимняя. М., Просвещение, 1985. 152с.
7. Гуревич Т.М. Японский язык: стратегия и тактика делового общения /Т.М. Гуревич. Москва: ВКН, 2023. 272с.
8. Гуревич Т.М. Россия и Япония: культура сближает. Лингвокультурологическое учебное пособие по японскому языку/ Т.М. Гуревич, Н.Н. Изотова. М.: МГИМО - Университет, 2018. 260 с.
9. Изотова Н.Н. Коды японской культуры/ Н.Н. Изотова. Москва: МГИМО-Университет, 2021. 301 с.
10. Нечаева Л.Т. Научно-методические основы структуры и содержания учебников японского языка для русскоговорящих (высшая школа): Диссертация доктора пед. наук / Л.Т. Нечаева. Москва. 2000. 80с.
11. Раздорская Н.В. Япония в современном мире/ Н.В. Раздорская. М.: МГИМО-Университет, 2017. 359 с.
12. Раздорская Н.В. Экстралингвистические особенности делового общения с японцами // Филологические науки в МГИМО. №4. / Раздорская Н.В. М. 2015. С. 82–94.
13. Раздорский А.И. Национально-культурные особенности коммуникации в японском устном диалоге: Автореф. канд. филол.наук/ А.И. Раздорский. Москва. 1981. 19 с.
14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии/ С.Л. Рубинштейн. СПб.: Изд. дом «Питер», 2007. 713с.
15. Семенова Е.В. Формирование кросскультурной компетенции: сущность, проблемы, опыт/ Е.В. Семенова, В.И. Семенов, М.Л. Ростова // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. [электронный ресурс]. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14176> (дата обращения: 22.02.2024).
16. Таити Сакаия. Что такое Япония?/ Сакаия Таити. М.: Партнер Ко.ЛТД, 1992. 334 с.
17. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. М.: Слово. 2000. 264 с.
18. Тэдзука Хироаки. Советы менеджера: Как эффективно вести переговоры с японскими партнерами // Ведомости № 4219. [электронный ресурс] – URL: <https://www.vedomosti.ru/archive/2016/12/07>. (Дата обращения 26.06.2018)
19. Doi, Mami., et al. Talking business in Japanese. The Japan Times, 1991. 121p.
20. Higurashi, Yoshiko. Advanced Japanese: social and economic issues in Japan and the U.S. Tokyo: Harcourt Brace Jovanovich Japan, 1990. 237p.
21. Ito, Youichi What causes the similarities and differences among the social sciences in different cultures? Focusing on Japan and the West Asian Journal of Communication. № 2. 2000-01. P. 93–123.
22. 馬場 美穂子。コミュニケーションにおける違和感とその背景 – 「前提」の違いから派生した「ずれ」の事例から。待遇コミュニケーション研究 第17号 2020。P. 68-84. Баба Михоко. Инконгруэнтность в общении и причины её возникновения (на примерах несоответствий, возникающих из-за различий в изначальных подходах)// Исследования поведенческой коммуникации. №17. 2020. С.68–84. [электронный ресурс] – URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/tcg/17/0/17_68/_pdf/-char/ja (Дата обращения 15.03.23).
23. 森田六郎. 日本人の心がわかる日本語. 東京、アスク出版社, 2011. 191 p. Морита Рокуро. Японский язык для понимания души японца. Токио: АО Асуку сьуппанся, 2011. 191 с.
24. 堀川直義. 話し方と聞き方の構. 東京、至文堂、1977. 530 p. Хорикава Наоёси. Структура говорения и слушания. Токио: Сибундо, 1977. 530 с.
25. 川吉田次郎 『パーテイ学』「パーテイ学 人の創造性を開発する法 社会思想社 (社会思想社・現代教養文庫 1964年) 317p. Кавакита Дзиро Наука общаться. Закон развития человеческого творчества. Токио. Сякай сисо:ся, Гэндай кё:ё: бунко. 1964. 317с.
26. 椎名 規夫 「人を動かす力」 東京、明日香出版社、2011. 223 p. Сиина Норико. Сила, приводящая человека в движение. Токио: Асука сьуппанся, 2011. 223 с.
27. 沖本 り子 「相手が気持ちよく動いてくれる、共感を得やすい話し方」。Окimoto Рурико. Манера разговора, которая позволит собеседнику чувствовать себя комфортно и легко создаёт чувство взаимопонимания. [Электронный ресурс] – URL: https://www.lifehacker.jp/article/empathy_communication/ (Дата обращения 11.03.2024).
28. 藤田 尚弓 敬語の距離感を縮める「砕けた敬語」とは？ Фудзита Наоми. Что такое «изменённая вежливость», сокращающая чувство дистанции, вызываемое вежливыми формами речи? [Электронный ресурс] – URL: <https://allabout.co.jp/gm/gc/375107/> (Дата обращения 14.08.2020).

29. Shadowing: Let's speak Japanese! / シャドーイング: 日本語を話そう! (就職、アルバイト、進学面接編) / 齊藤仁志、深澤道子、酒井理恵子、中村雅子。東京、くろしお出版、2023、176 p。Метод повтора. Давайте говорить по-японски! (для собеседований при устройстве на работу, подработку, для продолжения учебы) / Сайто Хитоси, Фукадзава Митико, Сакаи Риэко и др. Токио: Куроиси, 2023. 176 p.

References

1. Azimov, E.G., Shchukin A.N. *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i poniatii (teoriia i praktika obucheniia iazykam* [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)] / E. G. Azimov, A. N. Shchukin. Moscow: Izdatel'stvo IKAR, 2009. 448p.
2. Alpatov, V.M. *Iaponiia: iazyk i obshchestvo* [Japan: language and society] / V.M. Alpatov. Moscow: Nauka, 1988. 135p.
3. Bogdanova, O.E. *Razvitie kross-kul'turnoi kompetentnosti – innovatsionnyi resurs sovremennogo obrazovaniia* [The development of cross-cultural competence is an innovative resource of modern education], <https://cyberleninka.ru/article/v/razvitie-kross-kulturnoy-kompetentnosti-innovatsionny-resurs-sovremennogo-obrazovaniya> (Accessed 22 February 2024).
4. Zimniaia, I.A., et al. *Kommunikativnaia kompetentnost' rechevaia deiatel'nost' verbal'noe obshchenie* [Communicative competence speech activity verbal communication] / Moscow: Aspekt Press, 2020. 400p.
5. Zimniaia, I.A. *Kliuchevye kompetentnosti kak rezul'tativnaia tselevaia osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovani* [Key competencies as an effective target basis of the competency-based approach in education] / I.A. Zimniaia. Moscow: Issledovatel'skii tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2004. 40p.
6. Zimniaia, I.A. *Psikhologicheskie aspekty obucheniia govoreniu na inostrannom iazyke* / I.A. Zimniaia. [Psychological aspects of learning to speak a foreign language]. Moscow: Prosveshchenie, 1985. 152p.
7. Gurevich, T.M. *Iaponskii iazyk: strategii i taktika delovogo obshcheniia* / T.M. Gurevich. [Japanese language: strategy and tactics of business communication] Moscow: VKN, 2023. 272p.
8. Gurevich, T.M., Izotova, N.N. *Rossiia i Iaponiia: kul'tura sblizhaet. Lingvokul'turologicheskoe uchebnoe posobie po iaponskomu iazyku* [Russia and Japan: culture brings closer together] / T.M. Gurevich, N.N. Izotova Moscow: MGIMO - Universitet, 2018. 260 p.
9. Izotova, N.N. *Kody iaponskoi kul'tury* / N.N. Izotova. [Japanese culture codes]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2021. 301p.
10. Nechaeva, L.T. *Nauchno-metodicheskie osnovy struktury i soderzhaniia uchebnikov iaponskogo iazyka dlia russkogovoriashchikh (vysshaia shkola): Dis. dok.ped.nauk* [Scientific and methodological foundations of the structure and content of Japanese language textbooks for Russian speakers (higher school)]. Doc.ped.nauk. Diss. Moscow, 2000. 80 p.
11. Razdorskaia, N.V. *Iaponiia v sovremennom mire* / N.V. Razdorskaia. [Japan in the modern world]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2017. 359 p.
12. Razdorskaia, N.V. *Ekstralingvisticheskie osobennosti delovogo obshcheniia s iapontsami // Filologicheskie nauki v MGIMO. №4. / Razdorskaia N.V. Moscow, 2015. P. 82–94.*
13. Razdorskii, A.I. *Natsional'no-kul'turnye osobennosti kommunikatsii v iaponskom ustnom dialoge: Dis. kand.filol.nauk.* [National and cultural features of communication in Japanese oral dialogue]. Kand.filol.nauk. Avtoref.diss. A.I. Razdorskii. Moscow, 1981. 19 p.
14. Rubinshtein, S.L. *Osnovy obshchei psikhologii* / S.L. Rubinshtein. [Fundamentals of general psychology]. SPb.: Izd. dom «Piter», 2007. 713p.
15. Semenova, E.V. *Formirovanie krosskul'turnoi kompetentsii: sushchnost', problemy, opyt* [Formation of cross-cultural competence: essence, problems, experience] / E.V. Semenova, V.I. Semenov, M.L. Rostova // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, № 4. 2014, <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14176> (Accessed 22 February 2024).
16. Taiti, Sakaiia *Chto takoe Iaponiia?* / Sakaiia Taiti. [What is Japan]. Moscow: Partner Ko.LTD, 1992. 334p.
17. Ter-Minasova, S.G. *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Language and intercultural communication] / S.G. Ter-Minasova. Moscow: Slovo. 2000. 264p.
18. Tedzuka Khironaki. *Sovety menedzhera: Kak effektivno vesti peregovory s iaponskimi partnerami* [Manager tips: How to effectively negotiate with Japanese partners] // *Vedomosti* № 4219, <https://www.vedomosti.ru/archive/2016/12/07>. (Accessed 26 June 2018).
19. Doi, Mami., et al. *Talking business in Japanese*. The Japan Times, 1991. 121p.
20. Higurashi, Yoshiko. *Advanced Japanese: social and economic issues in Japan and the U.S.* Tokyo: Harcourt Brace Jovanovich Japan, 1990. 237p.
21. Ito, Youichi *What causes the similarities and differences among the social sciences in different cultures? Focusing on Japan and the West // Asian Journal of Communication. № 2. 2000–01. P. 93–123.*
22. 馬場 美穂子。 *コミュニケーションにおける違和感とその背景 – 「前提」の違いから派生した「ずれ」の事例から / What is Behind a Sense of Incongruity in Communication: A Study of “Perception Gaps” Caused by Differences in “Premises”.* 待遇コミュニケーション研究 第17号 2020. P. 68-84, https://www.jstage.jst.go.jp/article/tcg/17/0/17_68/_pdf/-char/ja (Accessed 15.03.23).
23. 森田六郎。 *日本人の心がわかる日本語 / Japanese Words to understand the Japanese mind.* 東京、アスク出版社, 2011.191p.
24. 堀川直義。 *話し方と聞き方の構。* 東京、至文堂、1977. 530 p。
25. 川吉田次郎 『「パーティー学」』 *パーティー学 人の創造性を開発する法* 社会思想社 (社会思想社・現代教養文庫 1964年) 317p.
26. 椎名 規夫 「人を動かす力」 東京、明日香出版社、2011. 223 p。
27. 沖本 りり子 「相手が気持ちよく動いてくれる、共感を得やすい話し方」。 URL: https://www.lifehacker.jp/article/empathy_communication/ (Accessed 11 March 2024).
28. 藤田 尚弓 敬語の距離感を縮める「砕けた敬語」とは? URL: <https://allabout.co.jp/gm/gc/375107/> (Accessed 14 August 2020).

-
29. Shadowing: Let`s speak japanese! / シャドーイング: 日本語を話そう! (就職、アルバイト、進学面接編) / 齊藤仁志、深澤道子、酒井理恵子、中村雅子。東京、くろしお出版、2023、176 p.

Сведения об авторе:

Раздорская Наталья Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: методика обучения японскому языку, лингвострановедение, общественно-политический перевод, лингвокультурология. E-mail: nrazdorskaya@mail.ru; ORCID: 0009-0001-7463-575X.

About the author:

Natalya V. Razdorskaya, Candidate of Pedagogical Sciences, is Associate Professor of the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages at MGIMO (Russia, Moscow). Sphere of scientific and professional interests: methods of teaching the Japanese language, linguistic and cultural studies, socio-political translation, linguistic and cultural studies. E-mail: nrazdorskaya@mail.ru; ORCID: 0009-0001-7463-575X.

* * *